БИБЛІОТЕКА
Бѣлевскаго Городского
Общественнаго Собранія

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIX-й. ОКТЯБРЬ. 1908 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Тимоѳей Акундиновъ въ Римѣ. 1648. Пирлинга . 4— 6
II. Изъ дипломатической переписки сэра Джемса Гарриса—графа Мальмсбюри 1777—1782 г.г. В. Т. . . . . 7— 26
III. Дневникъ академика В. П. Безобразова. 1885. Сообщ. М. В. Безобразова. . . 27— 32
IV. Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ и военно-учебныя заведенія. (Изъ воспоминаній). А. Е. К. . . 33— 54
V. Изъ минувшаго. (Воспоминанія и впечатлѣнія литератора. 1865—1897 г.). Г. К. Градовскаго. . . 57— 74
VI. Два портрета Императора Павла I съ масонскими эмблемами. Тиры Соколовской. . . . . 81— 95
VII. Дѣла давно минувшихъ лѣтъ. (Записки сенатора Николая Яковлевича Трегубова) . . . . . 97—108
VIII. Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина. Сообщ. Н. Лернеръ. . . . . 109—118
IX. Изъ прошлаго. Эпизодъ изъ жизни „Военнаго Сборника“. Сообщ. П. Паренсовъ. . . . . 119—128
X. Сандепу и Мукденъ. (Воспоминанія запаснаго). Н--а. 129—151
XI. Сношенія Россіи съ папскимъ престоломъ въ исходѣ 17 и первой половинѣ 18 вѣка. Сообщила В. Т. . . . . 155—180
XII. На службѣ въ лейбъ-уланахъ. 1859—1864 г. и Польское возстаніе 1863 года. Дмитрія Скалонъ. 181—196
XIII. Изъ автобіографіи маленькаго человѣка. С. Лаврентьевой. . . . . 197—214
XIV. Забытая писательница и ея заслуги. А. И. Фаресова. . . . . 215—226
XV. Австрія и Россія послѣ Крымской войны. С. Горянинова. . . . . 227—244
XVI. Учебныя воспоминанія. В. Лебедева . . . . . 245—264
XVII. Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей 1806—1812 гг. Сообщ. Е. Каменскій . . . . 267—288
XVIII. Изъ записной книжки «Русской Старины»:
а) Н. Н. Обручевъ. Сообщ. П. Паренсовъ. . . . . 55— 56
б) Два письма Цесаревича Константина Павловича къ П. И. Линдестрему (1812 г.). Сообщ. Мих. Соколовскій. . . . . 75— 77
в) Вруны. (Изъ записокъ стараго помѣщика). Сообщ. В. А. Шомпулевъ. . . 78— 80
г) Два секретаря Спб. Цензурнаго комитета въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петроп. крѣпости. Сообщ. К. Военскій. 96
д) Письма А. Г. Венеціанова. Сообщ. В. А. Алексѣевъ. . . . . 152—154
е) Прошеніе въ стихахъ на имя Екатерины II. Сообщ. Н. Л. . . . . 265—266
XIX. Библіографическій листокъ (на оберткѣ).

Приложенія: Два портрета **Императора Павла I съ масонскими атрибутами** (Изъ музея П. И. Щукина). 3) портретъ сенатора **Николая Яковлевича Трегубова**, и схема атаки д. Чжань-Хенань 20 янв. 1905 г.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1908 года.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ на Фонтанкѣ д. № 18. Телефонъ 37—66.

X-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября 1908 года.

Библіографическій листокъ.

А. И. Яцимирскій. Новѣйшая польская литература. Томы I и II. СПБ. 1908.

Г. Яцимирскому принадлежитъ единственная и капитальная работа по исторіи польской литературы отъ возстанія 1863 г. до нашихъ дней. По исторіи польской литературы до этого времени на русскомъ языкѣ существуетъ только извѣстный очеркъ В. Д. Спасовича въ изданной имъ вмѣстѣ съ А. Н. Пыпинымъ „Исторіи славянскихъ литературъ". Трудъ г. Яцимирскаго не только интересенъ, но прямо поучителенъ, потому что отчасти раскрываетъ и объясняетъ тѣ пути, по которымъ идетъ наша литература, значительно опереженная въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ своей старшей по возрасту сестрою. (Взять хотя бы модернистское теченіе, проходящее черезъ польскую литературу гораздо спокойнѣе, шире, глубже и плавнѣе, чѣмъ черезъ русскую; замѣтимъ, что благодаря высокой культурности польскаго общества, уважающаго и цѣнящаго слово, путь модернизма въ Польшѣ не испорченъ гноемъ порнографіи). Авторъ указываетъ на „интенсивность" новой польской литературы. Дѣйствительно, при первомъ знакомствѣ съ нынѣшней польской литературой сразу чувствуешь лихорадочное, напряженное біеніе ея пульса. Въ этомъ ея сила, но въ этомъ же и ея слабость. Она страдаетъ гипертрофіей національнаго сознанія, и вся ея идейная работа сведена къ вопросу о національномъ существованіи. Съ одной стороны это даетъ ей неслыханную остроту и силу, но зато съ другихъ сторонъ безпощадно ограничиваетъ. Общечеловѣческое, міровое ей чуждо, и всемірнаго благодарнаго признанія ей не получить; цѣнностей, дорогихъ всему человѣчеству, въ ней нѣтъ. Всякая великая литература, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко національна, но мало литературѣ быть только національной, чтобы стать великой. А судьба таитъ въ себѣ иронію, быть можетъ, вовсе не капризную, и даритъ величіе только той литературѣ и тому народу, которые меньше думаютъ о своемъ величіи, о своихъ горестяхъ, чѣмъ о вѣковѣчныхъ запросахъ человѣческаго духа. Вотъ что ставитъ роковую черту, ея же не прейдеши, какъ разъ, передъ самыми большими литературными талантами Польши. Книга г. Яцимирскаго чрезвычайно объективна. Полно и щедро показавъ всѣ литературныя теченія послѣдняго полувѣка польской литературы, талантливый историкъ самъ словно отошелъ въ сторону и предоставилъ польскимъ писателямъ самимъ разсказать о себѣ. И литература, и критика представлены не только въ самыхъ крупныхъ, но и въ менѣе значительныхъ своихъ представителяхъ. Разсказъ обильно пересыпанъ выдержками изъ польскихъ авторовъ, и исторія соединена съ хрестоматіей. Авторъ обнаружилъ много критическаго такта и вкуса и, что встрѣчается еще рѣже, совершенно исключительную справедливость и осторожность, ничего не обойдя, ничего не забывъ, ничего не замолчавъ. Такого полнаго, исчерпывающаго обзора данной литературной эпохи нѣтъ даже въ богатой польской критикѣ, сплошь партійной. Въ дѣлѣ сближенія русскаго общества съ польскимъ, повидимому, назрѣвающаго въ наши дни, капитальная книга г. Яцимирскаго должна сыграть благотворную роль.

Н. Л.

Л. Ф. Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго. Книга вторая. СПБ. 1908 г.

Авторъ продолжаетъ свои интересныя воспоминанія о шестидесятыхъ — восьмидесятыхъ годахъ, когда ему приходилось сталкиваться съ крупными людьми политики и литературы и отчасти самому быть участникомъ политическихъ событій. Въ книгѣ четыре статьи, изъ которыхъ три посвящены Салтыкову и Чернышевскому. Нѣкоторые изъ своихъ разговоровъ съ Салтыковымъ г. Пантелѣевъ въ свое время вносилъ въ памятную книжку, такъ что на нихъ лежитъ особенно четкая печать достовѣрности. Вотъ что разсказывалъ великій сатирикъ о первой порѣ своего писательства. „Рецензіями я зарабатывалъ до 50 руб. въ мѣсяцъ, въ то время это были деньги, да мать высылала мнѣ 1000 руб. въ годъ; жить можно было хорошо. Была у меня тогда страстишка пофрантить, но, впрочемъ, скоро про-

БИБЛІОТЕКА
Бѣлевскаго Городского
Общественнаго Собранія

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1909 годъ.

Вступая въ 1909 году на сороковой годъ своего существованія, „**Русская Старина**", благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція получила согласіе на помѣщеніе въ журналѣ трудовъ слѣдующихъ лицъ: Е. К. Андреевскаго, Е. А. Боброва, И. Н. Божерянова, Н. Д. Бутовскаго, Н. Н. Вельяминова, К. А. Военскаго, Г. П. Георгіевскаго, А. А. Голомбіевскаго, Г. К. Градовскаго, Н. М. Гутьяра, П. Я. Дашкова, Н. М. Затворницкаго, Е. С. Каменскаго, Н. Н. Каразина, Ю. С. Карцова, В. О. Ключевскаго, А. Ѳ. Кони, Н. О. Лернера, П. М. Майкова, Н. Р. Овсянаго, П. Д. Паренсова, П. О. Пирлинга, С. Ф. Платонова, М. А. Поліевктова, В. Ф. Руднева. В. И. Саитова, Д. А. Скалона, М. К. Соколовскаго, Т. О. Соколовской, А. И. Успенскаго, Д. И. Успенскаго. С. К. Шамбинаго, А. И. Шляпкина, Е. С. Шумигорскаго, Н. Д. Чечулина, А. И. Фаресова, В. А. Францова и др.

Въ 1909 году будутъ напечатаны:

А. Ф. Кони—«Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля»,—«Житейскія встрѣчи». Изъ архива А. Ф. Кони.—«Письма А. М. Чупрова съ предисловіемъ и др.». **П. О. Пирлинга**—«Папскій представитель при русскомъ дворѣ Lorenzo Litta 1797—1799». **Г. К. Градовскаго**—«Изъ минувшаго». Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова**—«Генералъ Моро въ русскихъ войскахъ». **М. В. Безобразовой**—«Дневникъ академика В. П. Безобразова». **Н. Р. Овсянаго**—«Устроители Болгаріи: Кн. Черкасскій, Кн. Дондуковъ, Корсаковъ, ген. Столыпинъ». Записки основателя «Русской Старины»—**М. И. Семевскаго. Д. А. Скалона**—«На службѣ при Е. И. В. Главнокомандующемъ В. К. Николаѣ Николаевичѣ 1864—1876 гг.». **П. Д. Зотова**—«Война за независимость славянъ 1877—1878 г.». **Бѣломора**—«Изъ Русско-Японской войны». **В. Ф. Руднева**—«На крейсерѣ Африка». **В. Д. Кирсаковой**—«Дипломатическія депеши датскаго посланника Вестфалена о воцареніи Императрицы Анны Іоанновны». **Л. Л. Драке**—«Въ Финляндіи». «Изъ манджурской арміи въ нѣдра читинской революціи». **А. Воронова**—«Воспоминаніе о гр. З. И. Тотлебенѣ. Записки артиста Петербургской оперной группы, Солиста Е. В., И. А. Мельникова». **И. И. Оноре**—«11 лѣтъ въ театрѣ». Письма П. И. Чайковскаго И. А. Мельникову. **Детлова**—«Въ походѣ и въ бою на Владимірѣ Мономахѣ». **Крылова**—«Какъ бѣднѣла деревня». **А. М. Лебедева**—«Митрополитъ Филаретъ». Воспоминанія **А. Ф. Петрушевскаго, Тургенева, Де-Санглена, Веселовскаго, Никитина, Тихнева, Юдина, Семенова** и др.; воспоминанія изъ русско-японской войны и изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ—ПЯТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ВОСЕМЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,

и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 5 руб.—4 руб., и вмѣсто 8 руб.—7 руб

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Сенаторъ
Николай Яковлевичъ
Трегубовъ.

Библіотека
Бѣлевскаго Городского
Общественнаго Собранія

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

---

49 г.

1908.

ОКТЯБРЬ,—НОЯБРЬ,—ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Надежда». Почтамтская, 13.
1908.

Московской обл. библиотеки

БИБЛІОТЕКА
Бѣлевскаго Городского
Общественнаго Собранія

Тимоѳей Акундиновъ въ Римѣ. 1648.

Адамъ Олеарій, дважды посѣтившій Москву въ XVII-мъ столѣтіи, впервые довольно подробно изложилъ похожденія Тимоѳея Акундинова, мнимаго сына царя Василія Шуйскаго. Главнымъ источникомъ послужили ему разсказы очевидцевъ [1]). Почти два столѣтія спустя, и не ссылаясь на него, Соловьевъ, пользуясь архивными данными, подтвердилъ все сказанное Олеаріемъ [2]). Такимъ образомъ становится достовѣрно, что Акундиновъ бѣжалъ изъ Россіи, скитался за границею, побывалъ въ Турціи, Италіи, Малороссіи, наконецъ въ Голштиніи, откуда и былъ выданъ въ Москву, гдѣ, въ 1653 году, послѣ жестокой пытки, его немилосердно четвертовали.

Появленіе его въ Римѣ подтверждается мѣстными документами [3]). Уже товарищъ несчастнаго самозванца, Костка Конюховскій, показывалъ въ московскомъ застѣнкѣ, что Тимошка—такъ его обыкновенно звали—„былъ у папы и сакраментъ принималъ“.

На самомъ дѣлѣ, вотъ что намъ извѣстно: 27 апрѣля 1648 года состоялся объ Акундиновѣ докладъ въ конгрегаціи Пропаганды. Онъ

---

[1]) Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно. Изданіе А. С. Суворина, стр. 242—254. У Олеарія употребляется форма Анкундиновъ.

[2]) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. II, столбц. 1497—1500, 1601—1608, 1644—1649.

[3]) Архивъ Пропаганды, *Acta congregationum particularium pro statu stemporali Sacrae Congregationis de propaganda fide habitarum*, 1638—1649, f. 222,223.

выдавалъ себя за Ивана Тимоѳея, сына Василія, великаго князя московскаго, разсказывалъ, что былъ въ плѣну у татаръ, томился въ константинопольской тюрьмѣ и, показывая склонность къ католичеству, держалъ себя таинственно. Провѣрить его показанія было очень трудно. Члены конгрегаціи рѣшили навести справку въ инквизиціи, гдѣ стекались иновѣрческія дѣла. Они обратились къ комиссару del Santo Uffizio, и, въ случаѣ перехода Тимоѳея въ католичество, предлагали аудіенцію у папы Иннокентія X.

Два дня спустя, 29 апрѣля, послѣдовало другое рѣшеніе. Неизвѣстно по какому поводу, конгрегація опредѣлила составить записку о Тимоѳеѣ и вручить ее кардиналу Спада съ тѣмъ, чтобы онъ переговорилъ обо всемъ съ папою.

Какой былъ исходъ этихъ порученій, опять-таки неизвѣстно. Только-что упомянутая записка, если она и была составлена, то до сихъ поръ не нашлась. Кромѣ двухъ краткихъ, выше приведенныхъ намековъ, въ архивѣ Пропаганды ничего другого на-лицо не имѣется.

Пирлингъ.

Изъ дипломатической переписки сэра Джемса Гарриса—графа Мальмсбюри.

1777—1782 гг. [1]).

(Окончаніе).

Въ исходѣ 1780 г. англійскій посланникъ получилъ изъ Лондона депешу, въ которой ему предлагалось подыскать предметъ, „достойный честолюбивыхъ помысловъ“ Екатерины и который былъ бы на столько „выгоденъ для ея торговли и морскихъ силъ“, что ради пріобрѣтенія его она согласилась бы ускорить заключеніе союза съ Англіей и пришла бы ей на помощь въ ея войнѣ съ Франціей, Испаніей и съ возставшими колоніями.

Въ разговорѣ, который посланникъ имѣлъ по этому поводу съ Потемкинымъ, послѣдній далъ ему понять, что пріобрѣтеніе отдаленной колоніи не могло представить для Россіи никакого интереса.

„Уступите намъ что-нибудь поближе“, сказалъ Потемкинъ; „если бы, напр., вы уступили намъ о. Минорку, то я увѣренъ, что императрица согласилась бы исполнить всѣ ваши желанія“.

Трудно было ожидать, что англійское правительство согласится на такую уступку, однако его желаніе заключить союзъ съ Россіей было такъ велико, что Гаррисъ былъ уполномоченъ заявить петербургскому двору, что англійскій король, „желая сдѣлать пріятное императрицѣ“, готовъ „уступить ей это цѣнное владѣніе на возможно льготныхъ условіяхъ“, если она обѣщаетъ, со своей стороны,

---

[1]) См. „Русскую Старину“, сентябрь 1908 г.

содѣйствовать Англіи въ заключеніи мира на основѣ Парижскаго договора 1762 г. и сама заключитъ съ нею „на вѣчныя времена оборонительный союзъ“. Единственное условіе, поставленное Англіей, было—чтобы переговоры велись въ глубокой тайнѣ и чтобы въ нихъ были посвящены только императрица, Потемкинъ и англійскій посланникъ. Послѣдній—согласно съ полученной имъ инструкціей, не только ни съ кѣмъ не говорилъ объ этомъ, кромѣ Потемкина, но даже не передалъ ему никакихъ письменныхъ документовъ по этому поводу; но такъ какъ онъ не могъ добиться аудіенціи у императрицы, то для большей точности, онъ далъ Потемкину замѣтку съ перечисленіемъ тѣхъ пунктовъ, которыхъ онъ просилъ его коснуться въ бесѣдѣ съ нею; Потемкинъ, исполнивъ это порученіе, возвратилъ посланнику эту замѣтку; такимъ образомъ въ его бумагахъ не осталось слѣда происходившихъ переговоровъ.

По словамъ Гарриса, Потемкинъ былъ весьма доволенъ готовностью, съ какою англійское правительство согласилось на уступку Минорки. Выгоды, которыя доставило бы императрицѣ пріобрѣтеніе этого острова, по его словамъ, не могли идти въ сравненіе съ услугой, какой требовала отъ нея за это Англія; „если бы удалось пріобрѣсти на этихъ условіяхъ о. Минорку“, говорилъ онъ, „то императрица могла бы считать это подаркомъ, который свалился ей съ неба“ [1]).

Нѣсколько дней спустя, послѣ того, какъ они впервые бесѣдовали объ этомъ вопросѣ, Потемкинъ передалъ Гаррису о томъ, какъ это предложеніе было принято императрицей.

Ея первымъ восклицаніемъ было: „La mariée est trop belle, on veut me tromper“. Быстро взвѣсивъ выгоды, какія могло доставить ей пріобрѣтеніе острова, и обсудивъ ихъ всесторонне, Екатерина задалась вопросомъ: чѣмъ руководилась Англія, дѣлая ей подобное предложеніе? и высказала догадку, что она дѣйствовала съ вѣдома и согласія императора, которому ею были сдѣланы вѣроятно еще болѣе соблазнительныя предложенія; и что, если, получивъ Минорку, ей придется защищать ее, то англичане навѣрно подстрекнутъ французовъ атаковать русскія суда въ Средиземномъ морѣ. Перебравъ самыя невозможныя предположенія, императрица рѣшила, что англичане хотятъ, во что бы то ни стало, *втянуть ее въ войну* и заявила, что она не приметъ никакихъ предложеній, которыя могли бы навлечь на ея подданныхъ подобное бѣдствіе.

---

[1]) Письмо Гарриса къ Стормонту отъ 13 (24) марта 1781 г.

Выслушавъ возраженія Потемкина, Екатерина видимо была поражена правдивостью его доводовъ, и пройдясь нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, погруженная въ думу, она поручила ему переговорить съ посланникомъ вторично.

Затѣмъ, императрица какъ-будто забыла о предложеніи, сдѣланномъ Англіей, и долго не возвращалась къ этому разговору. Потемкинъ со своей стороны молчалъ. Наконецъ, однажды, Екатерина заговорила объ этомъ планѣ, съ большой живостью перечислила выгоды, которыя могло принести ей обладаніе Миноркой, и выразила сожалѣніе по поводу того, что только война могла доставить ей обладаніе этимъ островомъ. Тщетно старался Потемкинъ разсѣять это предубѣжденіе, оно крѣпко укоренилось въ умѣ императрицы, и когда Потемкинъ предложилъ выслушать самого посланника, то она возразила: „я не поддамся искушенію“.

На вопросъ Потемкина, что она разрѣшитъ отвѣтить Гаррису, императрица сказала, что она дастъ ему письменный отвѣтъ, который онъ долженъ будетъ перевести посланнику устно.

„Прошлый понедѣльникъ“, писалъ Гаррисъ лорду Стормонту 13 (24) марта 1781 г., „князь Потемкинъ, прочелъ мнѣ отвѣтъ императрицы; онъ былъ написанъ ею собственноручно по-русски и испещренъ помарками. Смыслъ отвѣта былъ таковъ:

„Ея и. в. весьма тронута дружескимъ предложеніемъ Лондонскаго двора; она говорила раньше и повторяетъ еще разъ, что она рада содѣйствовать Великобританіи къ достиженію справедливаго и почетнаго мира и будетъ энергично дѣйствовать въ этомъ смыслѣ; если счастье поможетъ ей въ этомъ, то она съ величайшимъ удовольствіемъ вступитъ въ тѣсный союзъ съ Англіей и скрѣпитъ его всѣмъ тѣмъ, что можетъ придать этому сближенію характеръ искренности и упрочить его. Но Его к. в. пойметъ, что ей не идетъ вступать съ нимъ въ какое бы то ни было соглашеніе до тѣхъ поръ, пока она будетъ играть роль его посредницы при переговорахъ о мирѣ, ибо иначе, когда это соглашеніе, рано или поздно, перестало бы быть тайною, про нее могли бы подумать, что она находилась во время переговоровъ подъ вліяніемъ одной изъ воюющихъ сторонъ; и въ такомъ случаѣ могли бы заподозрѣть ея безпристрастіе и справедливость“. „Ничто не можетъ быть сильнѣе ея дружескихъ чувствъ къ Англіи“, говорилось въ заключеніе, „и ничто такъ не радуетъ государыню, какъ тѣ доказательства уваженія и расположенія, какія она получила со стороны короля“.

Чтеніе этой записки сопровождалось комментаріями Потемкина, имѣвшими тотъ смыслъ, что императрица страстно желала пріоб-

рѣсти о. Минорку, но что у нея не хватало смѣлости рѣшиться на то, что могло доставить ей это пріобрѣтеніе.

Не предвидя возможности скораго заключенія мира между Англіей, Франціей и Испаніей, Екатерина увлеклась мыслію добиться мира между Англіей и Даніей; вице-канцлеръ передалъ Гаррису желаніе императрицы. Потемкинъ признавалъ неудобство для Англіи заключить отдѣльный миръ и совѣтовалъ дать понять посланнику, что императрица такъ упорно настаивала на этомъ, что нельзя было предсказать, до чего она способна была дойти, если бы Англія отвѣтила на ея предложеніе отказомъ. „Elle s'est piquée au jeu", сказалъ онъ, „et croit son honneur intéressé à donner la paix aux Hollandais".

Когда англійское правительство не приняло ея совѣта, Екатерина, не входя въ обсужденіе политическихъ мотивовъ, руководившихъ при этомъ Англіей, сочла отказъ съ ея стороны знакомъ недовѣрія и непочтительности къ ней лично, и ясно дала это понять англійскому посланнику при свиданіи съ нимъ.

„Хотя мнѣ случалось видѣть императрицу не въ духѣ", писалъ Гаррисъ [1]), но я никогда не видалъ, чтобы она была такъ недовольна, какъ при полученіи нашего отвѣта, въ коемъ мы отклонили ея предложеніе о посредничествѣ между нами и Даніей. Это былъ ея собственный планъ, который она не сообщила даже графу Панину.

„Перемѣна, происшедшая въ императрицѣ, на которую вы вполнѣ основательно жалуетесь", говорилъ посланнику Потемкинъ, „не есть результатъ французскихъ или испанскихъ интригъ; причина ея лежитъ въ самомъ характерѣ императрицы; она ссылается на то, что вы не оказываете ей того довѣрія, о какомъ вы говорите, и котораго по ея мнѣнію она заслуживаетъ. Она полагаетъ, что вы противитесь ея планамъ, отвергаете ея предложенія, что вы требуете отъ нея доказательствъ дружескаго расположенія, не оказывая ей такового съ своей стороны".

Видя, что я собираюсь возразить, онъ не далъ мнѣ говорить, замѣтивъ:

„Я знаю все, что вы скажете; я знаю все это и признаю, насколько это справедливо; повѣрьте моей искренности, я истощилъ всѣ доводы, чтобы убѣдить императрицу въ томъ, что она не права по отношенію къ вамъ; въ сущности, мнѣ удалось убѣдить ее, но она не признается въ этомъ даже самой себѣ".

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для посланника былъ отъѣздъ изъ

---

[1]) Письмо Гарриса къ Стормонту отъ 23 апрѣля (4 мая) 1781 г.

Петербурга гр. Панина, всегдашняго недоброжелателя англійскаго кабинета, котораго Гаррисъ считалъ главнымъ препятствіемъ къ успѣху своей миссіи. Онъ уѣхалъ въ іюнѣ 1781 г. въ трехмѣсячный отпускъ. „Прусскій, французскій и датскій посланники почувствовали, что съ его отъѣздомъ они остались безъ защитника и руководителя", а императрица, давно тяготившаяся Панинымъ, была довольна его отъѣздомъ.

„Трудно допустить", писалъ Гаррисъ, „что гр. Панинъ станетъ когда-либо снова во главѣ управленія. Уѣзжая, онъ сказалъ, что вернется къ тому времени, когда маленькимъ князьямъ будутъ прививать оспу".

Это очень не нравится императрицѣ, которая сказала въ сердцахъ, что она не видитъ, какая можетъ быть надобность въ Панинѣ въ этомъ случаѣ, и что онъ держитъ себя всегда, какъ членъ семьи, какъ будто ея дѣти и внуки принадлежатъ ему наравнѣ съ нею". „Онъ жестоко ошибается", прибавила она, „полагая, что онъ будетъ когда-либо вновь исполнять обязанности перваго министра. *Il ne sera jamais à ma cour autre chose que garde malade*". (*Онъ никогда не будетъ при моемъ дворѣ ничѣмъ инымъ, какъ сидѣлкою*).

Вскорѣ по возвращеніи Панина, Гаррисъ съ удовольствіемъ сообщилъ лорду Стормонту, что престарѣлый канцлеръ уволенъ въ отставку.

„Прошлый вторникъ, 2-го сентября (ст. ст.) вице-канцлеру повелѣно вступить въ управленіе коллегіей иностранныхъ дѣлъ, подписывать акты и рескрипты и т. п.

„По повелѣнію государыни вся иностранная корреспонденція будетъ отнынѣ адресоваться на его имя.

„Столь странное и обидное устраненіе гр. Панина отъ дѣлъ было предрѣшено императрицею недѣлю тому назадъ, но она держала это въ тайнѣ до его возвращенія изъ деревни, чтобы этимъ причинить ему возможно большую непріятность. Такъ какъ это было для всѣхъ совершенной неожиданностью, и гр. Панина считали слишкомъ ловкимъ и хорошо посвященнымъ во всѣ придворныя тайны, чтобы онъ могъ вернуться, когда его ожидала такая опала и такой позоръ, то это произвело огромную сенсацію, а такъ какъ онъ увлекаетъ за собою въ своемъ паденіи множество лицъ, то всѣ ропщутъ, насколько это возможно при здѣшнемъ образѣ правленія. Панинъ глубоко потрясенъ; онъ горько сожалѣетъ о потерѣ власти и значенія и о несвоевременномъ отъѣздѣ своемъ

---

[1]) Письмо къ Стормонту отъ 7 (18) сентября 1781 г.

въ деревню, обвиняетъ своихъ родныхъ и друзей въ томъ, что ему сообщили невѣрныя свѣдѣнія, упрекаетъ ихъ въ нерадѣніи и неблагодарности; обычное спокойствіе, коимъ онъ отличался въ частной жизни совершенно покинуло его.

„Появляясь въ обществѣ, онъ старается, какъ я неоднократно замѣтилъ, принять равнодушный видъ, но это ему не удается; его отчаяніе и страхъ берутъ верхъ надъ его притворствомъ и хитростью. Ничто такъ не подтверждаетъ справедливости моего мнѣнія о немъ, какъ его рѣшеніе остаться при этихъ обстоятельствахъ въ Петербургѣ, занять мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ—единственная, при томъ исключительно почетная должность, оставшаяся за нимъ,—и быть подчиненнымъ тѣхъ лицъ, коихъ онъ считалъ до сихъ поръ своими подчиненными.

„Я говорилъ вчера объ этомъ съ кн. Потемкинымъ. Онъ осуждаетъ для вида эту слишкомъ суровую мѣру, хотя находитъ ее справедливой и увѣряетъ, что слова, сказанныя мною императрицѣ въ мартѣ мѣсяцѣ, были первымъ поводомъ къ опалѣ гр. Панина, такъ какъ она старалась послѣ этого найти и дѣйствительно нашла доказательства, подтверждавшія справедливость всего мною сказаннаго. Онъ совѣтовалъ мнѣ однако для вида сохранить хорошія отношенія съ гр. Панинымъ и воздержаться отъ всякаго проявленія торжества по поводу постигшаго его несчастія.

„Извѣстно, какъ все измѣнчиво при этомъ дворѣ, присовокупилъ Потемкинъ; Панинъ можетъ занять свои прежнія должности, и ежели вы будете съ нимъ вѣжливы во время его опалы, то ему будетъ совѣстно дѣйствовать противъ васъ такъ явно, какъ это было до сихъ поръ“. Я замѣтилъ на это, что, разумѣется, я такъ и поступлю; но я не вижу, какимъ образомъ Панинъ можетъ оправиться отъ полученнаго имъ удара, если только онъ самъ не поможетъ ему подняться. Мысль, что Панинъ могъ найти въ немъ поддержку, очень насмѣшила Потемкина; чтобы доказать противное, онъ увѣрилъ меня, что онъ передалъ императрицѣ слово въ слово нашъ послѣдній разговоръ о графѣ Панинѣ, и что это и заставило ее наконецъ принять рѣшеніе, тогда какъ до этого она колебалась. Я увѣренъ, что кн. Потемкинъ не любитъ гр. Панина, и что онъ болѣе всѣхъ способствовалъ его паденію; но онъ еще менѣе благоволитъ къ Безбородко и его партіи и видитъ съ завистью и тревогою, какъ они все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ довѣріе императрицы.

Когда прошелъ первый моментъ огорченія по поводу его отставки, въ душѣ гр. Панина снова затеплилась надежда.

„Гр. Панинъ, кажется, немного пришелъ себя, писалъ Гаррисъ

нѣсколько дней спустя, я провелъ съ нимъ вчерашній вечеръ, и онъ показался мнѣ гораздо спокойнѣе, нежели послѣдній разъ, когда мы съ нимъ видѣлись. Онъ рѣшилъ теперь дѣйствовать на великаго князя и на великую княгиню и всѣми силами старается убѣдить ихъ, что, отправляясь въ Вѣну, они ѣдутъ къ злѣйшему своему врагу".

Какъ извѣстно, великій князь Павелъ Петровичъ и его супруга собирались въ это время въ заграничное путешествіе.

„Есть полное основаніе думать, писалъ Гаррисъ [1]), что мысль о путешествіи великаго князя была подана государынѣ императоромъ австрійскимъ въ его бытность здѣсь въ прошломъ году, и что все тогда же было условлено между ними; я полагаю, что цѣлью этого путешествія было положить прочное основаніе союзу между Вѣнскимъ и Петербургскими дворами, обезпечить успѣхъ дѣла, затѣяннаго императрицей, ослабить узы, связывающія молодой дворъ съ королемъ прусскимъ, и поколебать расположеніе великаго князя и великой княгини къ этому монарху, замѣнивъ его иными чувствами. Этотъ планъ держали въ величайшей тайнѣ; объ немъ узнали только въ началѣ лѣта. Ея и. в., зная подозрительный характеръ своего преемника и враждебное къ ней настроеніе окружающихъ его лицъ, отлично понимала, что если бы это предложеніе было сдѣлано ею или кѣмъ нибудь изъ ея приближенныхъ, то оно вызвало бы массу возраженій и было бы принято съ подозрительностью, которую люди, имѣющіе вліяніе на взгляды и поступки великаго князя, всячески постарались бы поддержать. Вслѣдствіе этого, по совѣту и указанію кн. Потемкина, императрица открыла свой планъ князю Репнину, племяннику гр. Панина, котораго великій князь очень уважалъ, и не объясняя ему своихъ истинныхъ цѣлей и намѣреній, сказала ему, что ей хотѣлось бы, чтобы ея сынъ совершилъ путешествіе, съ цѣлью пріобрѣсти знанія и опытность и отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ; но что она не рѣшается предложить ему это, такъ какъ это могло быть истолковано ея желаніемъ удалить его отъ двора; поэтому, зная ловкость и умѣнье кн. Репнина и будучи увѣрена въ его преданности, она просила его, чтобы этотъ планъ былъ предложенъ имъ какъ бы невзначай, чтобы онъ добился согласія великаго князя и убѣдилъ его и великую княгиню въ томъ, что для особъ столь высокопоставленныхъ не только прилично, но даже необходимо видѣть новыя страны и познакомиться съ иными фор-

[1]) Письмо къ Стормонту отъ 21 окт. (1 ноября) 1781 г.

мами правленія. Въ случаѣ успѣха, императрица обѣщала кн. Репнину отмѣнное доказательство своего благоволенія.

„Кн. Репнинъ исполнилъ ея приказаніе съ большою ловкостью. Наводя какъ можно чаще разговоръ на иностранныя государства и на пользу, какую приноситъ путешествіе, онъ возбудилъ въ великомъ князѣ и еще болѣе въ великой княгинѣ страстное желаніе ѣхать за границу. Осуществленіе этой мысли казалось имъ верхомъ блаженства, и они постоянно горевали о томъ, что едва-ли имъ удастся когда-либо привести этотъ планъ въ исполненіе. Когда они были такимъ образомъ подготовлены, ими было получено письмо отъ императора, который настоятельно приглашалъ ихъ посѣтить Вѣну, обѣщая пригласить на свиданіе съ ними мать великой княгини и прочихъ ея родныхъ, и выражалъ увѣренность, что императрица не будетъ ничего имѣть противъ этого, ежели они попросятъ ея согласія. Они посовѣтовались съ гр. Панинымъ и такъ какъ кн. Репнинъ строго хранилъ тайну, то они не встрѣтили съ его стороны того противодѣйствія, какого они ожидали. Панинъ представилъ себѣ, что это путешествіе могло принести пользу королю прусскому, и что главною цѣлью ихъ поѣздки будетъ Берлинъ, а не Вѣна. И такъ, ихъ императорскія высочества отправились 15 іюня къ императрицѣ и взволнованные изложили ей свою просьбу, ожидая отказа. Императрица сдѣлала видъ, что она удивлена и встревожена, и замѣтила, что ихъ просьба ставитъ ее въ очень затруднительное положеніе, такъ какъ въ случаѣ ихъ отъѣзда она на долго будетъ лишена ихъ общества, въ противномъ же случаѣ она будетъ виною того, что вполнѣ естественное съ ихъ стороны желаніе пріобрѣсти новыя свѣдѣнія и познанія не будетъ удовлетворено. Наконецъ, послѣ продолжительной бесѣды, въ теченіе которой ихъ высочества настаивали на своей просьбѣ, Государыня мало-по-малу сдалась. Было рѣшено, что они отправятся путешествовать, но съ условіемъ, что императрица сама начертаетъ имъ маршрутъ и назначитъ лицъ ихъ свиты.

Императрица, у которой все было уже подготовлено, составила въ нѣсколько дней списокъ лицъ, которыя должны были ихъ сопровождать, назначила время ихъ отъѣзда и намѣтила страны, какія имъ надлежало посѣтить. Ихъ императорскія высочества изъявили на все свое согласіе, выразивъ лишь желаніе, чтобы ихъ сопровождалъ кн. Куракинъ, и чтобы имъ было дозволено посѣтить Версальскій дворъ. Первая просьба была немедленно исполнена; въ послѣднемъ же имъ было сначала отказано и государыня согласилась на это лишь послѣ неоднократныхъ просьбъ съ ихъ стороны и то весьма неохотно. Великая княгиня упомянула о Берлинѣ, но полу-

чила рѣшительный отказъ, высказанный въ гнѣвномъ тонѣ; точно также всѣ настоянія, которыя дѣлались по этому поводу подъ разными предлогами королемъ прусскимъ какъ чрезъ ихъ императорскихъ высочествъ, такъ и чрезъ его посланника и другихъ лицъ, ему преданныхъ, остались безуспѣшны.

Пока здѣсь находился гр. Панинъ, въ настроеніи и намѣреніяхъ ихъ императорскихъ высочествъ постоянно происходили колебанія. Всякій разъ когда пріѣзжалъ курьеръ изъ Вѣны и привозилъ имъ письма отъ императора, они казались преданными Австріи и видимо были въ восторгѣ отъ предстоявшаго путешествія, но поговоривъ съ гр. Панинымъ, который нашептывалъ имъ совѣты, получаемые изъ Потсдама, они мѣняли свои взгляды, едва говорили съ гр. Кобенцелемъ и видимо были недовольны перспективою уѣхать изъ Петербурга. Съ отъѣздомъ гр. Панина въ деревню все измѣнилось, они стали рѣшительно проявлять свои симпатіи къ Австріи, только и говорили съ гр. Кобенцелемъ и его супругою; всѣ ихъ помыслы были заняты императоромъ и Вѣною; они были въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ императрицею, не только были вѣжливы съ кн. Потемкинымъ, но даже высказывали ему свое благоволеніе. Всѣмъ этимъ они снискали искреннее расположеніе императрицы и прожили съ нею два мѣсяца въ полномъ мирѣ и согласіи, но съ возвращеніемъ гр. Панина все снова измѣнилось. Тотчасъ пошли раздоры, вызвавшіе при дворѣ цѣлую бурю, которую можно сравнить съ настоящей революціей въ миніатюрѣ. Онъ повелъ дѣло съ искусствомъ человѣка, состарѣвшагося въ придворныхъ интригахъ, и не давалъ бурѣ утихнуть до самаго ихъ отъѣзда.

„Чтобы пояснить сказанное, необходимо прослѣдить дѣйствія этого министра съ самаго начала нынѣшняго года. Видя, что его вліяніе падаетъ съ каждымъ днемъ, и что всѣ средства, которыя онъ такъ часто съ успѣхомъ пускалъ въ ходъ, чтобы упрочить свое значеніе, были недѣйствительны, онъ сталъ жаловаться въ февралѣ мѣсяцѣ на свое здоровье, дѣлалъ видъ, что оно ухудшается, пока у него не явился наконецъ уважительный предлогъ не выходить болѣе изъ дома; хотя онъ продолжалъ видѣться со своими друзьями и знакомыми и чрезъ нихъ доводилъ до свѣдѣнія императрицы и распространялъ въ обществѣ преувеличенные слухи о своемъ болѣзненномъ состояніи, изображалъ себя старымъ, преданнымъ слугою императрицы, который дѣлалъ ошибки отъ чрезмѣрнаго усердія и такъ преданъ Ея Величеству, что изнемогаетъ подъ бременемъ ея неудовольствія и, не будучи въ силахъ долѣе переносить его, рѣшилъ удалиться на нѣкоторое время въ деревню, для поправленія своего здоровья, и чтобы удалиться отъ дѣлъ, для которыхъ

болѣе не нуждаются въ его совѣтахъ и относительно которыхъ ему уже не позволено высказывать своего мнѣнія. Говоря все это для вида, онъ пускалъ въ то же время въ ходъ всевозможные происки, чтобы вернуть довѣріе государыни, но не хотѣлъ подчиниться ея желаніямъ, а думалъ привлечь ее на свою сторону самой ловкой и искусной клеветой, но императрица относилась уже къ нему подозрительно и не вѣрила ничему, исходившему отъ него; всѣ его хитрости не выдерживали ея критики".

„Если бы ему были извѣстны истинныя намѣренія императрицы, то онъ, конечно, не вернулся бы сюда, чтобы подвергнуться неминуемой опалѣ, и не рискнулъ бы, очертя голову, пойти на тѣ испытанія, какія онъ перенесъ, а послѣдовалъ бы единодушному совѣту своихъ друзей и провелъ бы остатокъ дней въ Москвѣ и въ своихъ подмосковныхъ помѣстьяхъ; я увѣренъ, что онъ никогда не вернулся бы ко двору, если бы его не вынудилъ къ этому король прусскій. Этотъ монархъ пріобрѣлъ на него такое вліяніе, что онъ не можетъ уже не подчиняться его волѣ; ему было тѣмъ труднѣе это въ данномъ случаѣ, что король умолялъ его возвратиться въ Петербургъ, говоря, что онъ единственный человѣкъ въ мірѣ, который въ состояніи дѣйствовать въ его интересахъ; король сумѣлъ при этомъ такъ ловко пустить въ ходъ все свое умѣнье и лесть, что даже человѣкъ менѣе стойкій и честолюбивый нежели гр. Панинъ, былъ бы поколебленъ. Письма съ самыми настоятельными просьбами посылались ему королемъ прусскимъ въ деревню съ курьерами, переодѣтыми то купцами, то странниками; они же сообщили ему планъ дѣйствій, коего ему слѣдовало держаться по возвращеніи въ Петербургъ. Однако гр. Панинъ видимо не слишкомъ разсчитывалъ на успѣхъ, какъ это можно заключить изъ слѣдующихъ словъ, сказанныхъ имъ гр. Герцу, нѣсколько дней спустя послѣ его пріѣзда: „Votre maitre veut que je me sacrifie; eh bien! je le ferai". (Вашъ монархъ хочетъ, чтобы я принесъ себя въ жертву, пусть будетъ такъ); событія показали, что его пророчество сбылось почти буквально".

„Тотчасъ по возвращеніи въ столицу, гр. Панинъ сталъ смущать великую княгиню, высказывая ей опасенія на счетъ дурныхъ послѣдствій, какія могла имѣть для ея дѣтей прививка оспы; и она, какъ нѣжно любящая мать, строго относящаяся къ исполненію своихъ материнскихъ обязанностей, была глубоко этимъ смущена; мысль объ угрожавшей ея дѣтямъ опасности вызвала въ ея сердцѣ страшную борьбу, которая отравила ей самую мысль о путешествіи; боязнь, чтобы они не заболѣли отъ этой операціи, вызвала въ ней желаніе отложить отъѣздъ. Врачъ ихъ вы-

сочествъ, Крейсъ, преданный гр. Панину, усилилъ ея опасенія своими неопредѣленными отвѣтами, и никакія увѣренія барона Димсдаля и доктора Роджерсона уже не могли успокоить великую княгиню. Великій князь вполнѣ раздѣлялъ ея чувства; на него гр. Панинъ постарался подѣйствовать другимъ, еще болѣе энергичнымъ способомъ.

„Ему удалось вывѣдать тайну кн. Репнина, и онъ открылъ великому князю, что путешествіе, которое послѣдній считалъ добровольнымъ, со своей стороны, поступкомъ, было дѣломъ глубокихъ и зрѣло обдуманныхъ разсчетовъ постороннихъ лицъ; Панинъ намекнулъ великому князю, что подъ этимъ путешествіемъ скрываются самыя пагубныя цѣли, что можетъ быть онъ *никогда* болѣе не вернется въ Россію, что у него могутъ отнять дѣтей; хотя онъ и не утверждалъ всего этого положительно, но онъ старался коварными инсинуаціями придать вѣсъ своимъ словамъ, намекалъ на честолюбіе Потемкина и на отсутствіе у него всякихъ принциповъ; подобными же красками изображались имъ и прочіе приближенные императрицы; въ своихъ рѣчахъ, полныхъ коварства и хитрости, онъ коснулся даже императора и, сославшись на полученныя имъ достовѣрныя, будто бы, свѣдѣнія, увѣрялъ, что послѣдній отнюдь не желаетъ брака своего племянника съ сестрою великой княгини; при этомъ онъ высказалъ такія вещи, которыхъ нельзя передать письменно даже въ шифрованной депешѣ, отправляемой съ кабинетскимъ курьеромъ“.

Подобныя вещи, сказанныя человѣку, столь робкому, какъ великій князь, тѣмъ, кого онъ привыкъ уважать и кому вполнѣ довѣрялъ, должны были, разумѣется, произвести на него сильнѣйшее впечатлѣніе; онъ былъ совершенно разстроенъ, и его волненіе было столь велико, что на слѣдующій день, утромъ, въ воскресенье, 13 сентября (ст. ст.), великій князь и великая княгиня, которой его высочество имѣлъ слабость передать все слышанное, объявили, что они не уѣдутъ до тѣхъ поръ, пока дѣти ихъ не поправятся окончательно, и что никакая сила не заставитъ ихъ измѣнить этого рѣшенія. Ихъ нельзя было даже уговорить назначить день отъѣзда; императрица не могла добиться отъ нихъ никакихъ объясненій. Весь этотъ день и слѣдующій понедѣльникъ и вторникъ всѣ были въ полной неизвѣстности; распоряженіе относительно почтовыхъ лошадей было отмѣнено; лица, коимъ было приказано выѣхать впередъ для приготовленія ночлеговъ и т. п., были задержаны, и великій князь и великая княгиня казались такъ непоколебимы въ своемъ рѣшеніи, что императрица не знала, что дѣлать. Всѣ ея слова не производили на нихъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, всѣ ея просьбы и даже строгія увѣщанія остались безъ

результата. Въ такомъ положеніи я засталъ дворъ въ среду утромъ.

„Князь Потемкинъ былъ въ нерѣшительности; онъ, также какъ и всѣ остальные, не зналъ, что предпринять, и приходилъ въ отчаяніе. Когда я спросилъ его о причинѣ его волненія, онъ видимо не хотѣлъ говорить объ этомъ, но замѣтивъ, что мнѣ извѣстно все происходящее, онъ сталъ менѣе сдержанъ, а когда я сказалъ ему, что я слышалъ, еще до возвращенія графа Панина въ Петербургъ, о его намѣреніяхъ и о томъ, какимъ образомъ король прусскій заставилъ его дѣйствовать, то Потемкинъ заговорилъ откровенно, и взявъ съ меня слово держать все въ величайшей тайнѣ, разсказалъ о происшедшей сценѣ, передалъ подробно разговоръ графа Панина съ великимъ княземъ, сказалъ, что императрица находится въ самомъ непріятномъ и затруднительномъ положеніи, присовокупивъ, что ей придется, можетъ быть, уступить и не только отложить путешествіе ихъ высочествъ на мѣсяцъ, но даже дозволить имъ заѣхать на обратномъ пути въ Берлинъ, такъ какъ великая княгиня съ горечью жаловалась на то, что ей не дозволяютъ повидаться съ родными, которыхъ она имѣетъ при этомъ дворѣ. Я сталъ порицать самымъ рѣшительнымъ образомъ подобную уступчивость, которая свидѣтельствовала бы о слабости и могла имѣть самыя печальныя послѣдствія“. „По моему мнѣнію, сказалъ я Потемкину, лучше совершенно отказаться отъ путешествія ихъ высочествъ, нежели допускать его при подобныхъ условіяхъ; это значило бы играть въ руку графа Панина и доставить ему величайшее торжество, и дало бы великому князю поводъ считать коварныя инсинуаціи этого министра имѣющими основаніе, что въ свою очередь могло бы усилить, а отнюдь не ослабить его подозрѣнія; ея величество заслужила бы такимъ образомъ упрекъ въ нерѣшительности и отсутствіи твердости, а это было бы обидно для ея славы“; „обстоятельства кажутся мнѣ столь критическими, сказалъ я, что малѣйшее отступленіе отъ первоначальнаго плана можетъ имѣть самыя прискорбныя послѣдствія; это борьба, отъ исхода которой будетъ зависѣть, на чьей сторонѣ окажется преобладающее вліяніе; наконецъ его собственному вліянію будетъ нанесенъ чувствительный ударъ, ежели онъ допуститъ, чтобы императрица выказала такую слабость“.

„Князь Потемкинъ видимо былъ взволнованъ моими словами; походивъ, по своему обыкновенію, нѣсколько минутъ взадъ и впередъ по комнатѣ, не отвѣчая ни слова, онъ отправился къ императрицѣ и, возвратившись черезъ часъ, объявилъ, что все улажено. Отъѣздъ ихъ императорскихъ высочествъ былъ назначенъ на слѣ-

дующее воскресенье; особамъ, находившимся въ Царскомъ Селѣ, было повелѣно откланяться имъ немедленно. Князь передалъ мнѣ, что хотя императрица и настояла на этомъ, но она говорила съ великимъ княземъ и его супругою такъ ласково и такъ дружески, что ей удалось до извѣстной степени успокоить ихъ. Впрочемъ, когда я явился вечеромъ, чтобы откланяться имъ, то мнѣ показалось, что они были очень разстроены и взволнованы: ихъ глаза были красны и полны слезъ; по оказанному мнѣ пріему я видѣлъ ясно, что они повѣрили всему, что имъ наговорилъ графъ Панинъ.

„Откланявшись ихъ высочествамъ, я прошелъ къ Потемкину и сталъ энергически доказывать ему необходимость пресѣчь Панину возможность дѣлать подобный переполохъ. Все происшедшее было столь вѣскимъ доводомъ въ пользу моихъ словъ, что мнѣ не стоило большого труда убѣдить его, и онъ сообщилъ мнѣ, что ея величество рѣшила удалить графа Панина; и что хотя она еще не знаетъ, какъ это сдѣлать, но ея рѣшеніе принято безповоротно; только изъ уваженія къ великому князю, она не хочетъ ничего предпринимать до отъѣзда его императорскаго высочества".

25291.

„Великій князь и великая княгиня уѣхали изъ Царскаго Села въ воскресенье, 19 сентября (ст. ст.) въ 5½ часовъ по полудни".

„Одному лицу было поручено мною, писалъ Гаррисъ [1]), наблюдать за всѣмъ происходившимъ въ моментъ ихъ отъѣзда. Невозможно передать, какъ велико было волненіе великой княгини. Прощаясь съ дѣтьми, она упала въ обморокъ и была отнесена въ карету безъ чувствъ. Она пыталась сказать что-то императрицѣ, но у нея не хватило голоса. Вообще, по тому, какъ она держала себя, она менѣе всего походила на человѣка, добровольно предпринимающаго пріятное путешествіе; она скорѣе напоминала человѣка, отправляющагося въ ссылку. Великій князь былъ почти въ такомъ же состояніи. Сѣвъ въ карету, онъ опустилъ шторы и приказалъ кучеру ѣхать какъ можно скорѣе".

Князь Орловъ, князь Потемкинъ, графъ Панинъ и большинство придворныхъ сановниковъ провожали его до кареты; графъ Панинъ стоялъ подлѣ великаго князя въ то время, когда онъ садился въ карету, и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ, на которыя не получилъ отвѣта. Императрица проводила великаго князя и великую княгиню до передней своихъ покоевъ и была чрезвычайно взволнована; простясь съ ними, она тотчасъ отправилась къ внукамъ.

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что силь-

[1]) Письмо къ Стормонту отъ 21 сентября (2 октября) 1781 г.

ное волненіе, выказанное ихъ высочествами было вызвано не одной разлукою съ дѣтьми. Графъ Панинъ напугалъ ихъ, и они уѣхали крайне встревоженные. Онъ играетъ рискованную игру, ибо императрицѣ конечно извѣстны всѣ его происки, и она не проститъ ему этого. Она выказала ему, въ день отъѣзда ихъ высочествъ, явное нренебреженіе, и это произвело на него столь сильное впечатлѣніе, что на его обыкновенно спокойномъ и безстрастномъ лицѣ отразилось величайшее смущеніе.

Въ тѣхъ же приблизительно выраженіяхъ описывалъ отъѣздъ великаго князя и французскій посланникъ де-Веракъ, незадолго передъ тѣмъ назначенный въ Петербургъ. „Это была такая трогательная сцена, писалъ онъ, какую трудно себѣ представить. Проливались слезы, слышались рыданія; ихъ высочества не могли сдержать и скрыть своего волненія и дали полную волю своимъ чувствамъ. Великая княгиня, замѣтивъ въ толпѣ придворныхъ графа Панина, направилась къ нему и бросилась въ его объятія. Она упала въ обморокъ и не успѣла придти въ себя, какъ ее снесли въ карету".

„Разумѣется, никто не былъ такъ сильно взволнованъ ихъ отъѣздомъ, какъ гр. Панинъ. Онъ опасно заболѣлъ".

„Утромъ на другой же день послѣ отъѣзда великаго князя, 20-го сентября (ст. ст.), гр. Панинъ получилъ приказаніе отпустить своего секретаря и возвратить всѣ бывшія у него бумаги; онъ оставленъ въ Совѣтѣ, но ему дано понять, что это назначеніе будетъ только почетнымъ.

„Этотъ ударъ, который не былъ для гр. Панина неожиданностью, все же чрезвычайно поразилъ его и, такъ какъ онъ получилъ это увѣдомленіе въ то время, когда онъ еще былъ взволнованъ прощаніемъ съ великимъ княземъ, то все это, вмѣстѣ взятое, такъ повліяло на его здоровье, что въ семь часовъ вечера съ нимъ сдѣлался сильный приступъ лихорадки, начался бредъ; онъ не сталъ узнавать окружающихъ и говорилъ безсвязно. Это состояніе продолжалось всю ночь; облегченіе наступило лишь послѣ того, какъ были испробованы всевозможныя средства: ему ставили мушки, пускали кровь и т. п.; тогда онъ впалъ какъ бы въ летаргическій сонъ, и ежели бы у него не сдѣлался нарывъ на ногѣ, то вѣроятно онъ скончался бы, не придя въ себя. Въ настоящее время серьезная опасность миновала, но умственныя способности еще не вполнѣ вернулись къ нему; вѣроятно, онъ не будетъ нѣсколько недѣль въ состояніи встать съ постели. Хотя императрица была огорчена его внезапной болѣзнью, но ея рѣшеніе осталось неизмѣннымъ. Теперь

только перемѣна правленія могла бы вернуть гр. Панину прежнюю власть".

Принявъ столь дѣятельное участіе въ низверженіи канцлера, увѣренный въ дружбѣ и довѣріи къ нему Потемкина, англійскій посланникъ полагалъ, что противодѣйствіе со стороны гр. Панина было единственнымъ препятствіемъ къ заключенію наступательнаго и оборонительнаго союза Россіи съ Великобританіей, и что для него насталъ теперь благопріятный моментъ пріобрѣсти преобладающее вліяніе на политику петербургскаго кабинета и благополучно завершить затянувшіеся переговоры. Но ему вскорѣ пришлось разубѣдиться въ этомъ.

Какъ только Потемкинъ отдѣлался отъ канцлера, и какъ только сближеніе съ Англіей не было для него болѣе средствомъ борьбы съ Панинымъ,—онъ совершенно измѣнилъ свое отношеніе къ англійскому посланнику. Въ одной изъ своихъ депешъ Гаррисъ признаетъ свое заблужденіе [1]).

„Кн. Потемкинъ не оказываетъ мнѣ болѣе ни малѣйшей поддержки, пишетъ онъ, онъ не передаетъ того, что я ему говорю императрицѣ, не высказываетъ мнѣ своихъ взглядовъ, не сообщаетъ болѣе никакихъ свѣдѣній, и я не могу даже добиться отъ него, чтобы онъ опровергнулъ гнусную клевету и нелѣпые слухи, которымъ императрица вѣритъ.

„Когда я говорю съ нимъ о дѣлахъ, онъ принимаетъ разсѣянный и нетерпѣливый видъ, и тогда какъ онъ интересовался прежде всѣмъ, что я ему говорилъ, въ настоящее время онъ видимо относится къ нашимъ дѣламъ совершенно равнодушно".

Одновременно посланникъ отмѣчаетъ перемѣну, происшедшую въ обращеніи съ нимъ императрицы.

„Императрица оказываетъ теперь особое благоволеніе французскому и прусскому посланникамъ [2]); въ воскресенье она искала случая говорить съ послѣднимъ наединѣ. До сихъ поръ она относилась къ де-Вераку очень холодно и съ явной антипатіей, но на послѣднихъ пріемахъ она приглашала его (а не меня, какъ прежде) составить ей партію, и теперь отзывается объ немъ весьма одобрительно.

„Несомнѣнно, они обязаны этимъ Потемкину; оказывается также—хотя это весьма невѣроятно,—что онъ находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ графомъ Панинымъ и что, добившись его опалы, онъ видимо намѣренъ теперь сдѣлать все возможное, чтобы вер-

---

[1]) Письмо къ Стормонту отъ 21 октября (1 ноября) 1781 г.

[2]) Письмо къ Стормонту отъ 9 (20) ноября 1781 г.

нуть ему благоволеніе императрицы". „Сношенія между ними происходятъ при посредствѣ Талызина, креатуры гр. Панина и Фонвизина. Все происходящее хранится въ глубочайшей тайнѣ".

Англійскій посланникъ терялся въ этомъ лабиринтѣ интригъ и убаюкивалъ себя самыми странными иллюзіями на счетъ дружбы къ нему Потемкина, объясняя перемѣну, происшедшую въ его настроеніи и взглядахъ, то непостоянствомъ его характера, то происками Панина, то завистью къ возраставшему вліянію Безбородко.

Потемкинъ, со своей стороны, старался держать посланника какъ можно дольше въ заблужденіи, увѣряя его, что онъ рѣшилъ болѣе не вмѣшиваться въ дѣла внѣшней политики, такъ какъ это вызвало будто бы недовольство императрицы.

Зная, что его частыя свиданія съ французскимъ и съ прусскимъ посланниками не могли остаться тайною для Гарриса, Потемкинъ однажды самъ завелъ объ этомъ рѣчь и объяснилъ между прочимъ, что Герцъ ведетъ съ нимъ переговоры о закупкѣ на Украйнѣ лошадей для ремонта прусской кавалеріи, что онъ былъ у него нѣсколько разъ сперва для того, чтобы добиться этого разрѣшенія, а затѣмъ чтобы поблагодарить его, когда разрѣшеніе было получено. Что же касается де-Верака, то это былъ человѣкъ, по словамъ Потемкина, самъ по себѣ столь ничтожный, что едва-ли его посѣщенія могли возбудить какое-либо подозрѣніе. Тѣмъ не менѣе онъ счелъ долгомъ увѣрить Гарриса, что его посѣщенія не доставляли ему ни малѣйшаго удовольствія, и что онъ не говорилъ съ нимъ о политикѣ; де-Веракъ заходилъ къ нему будто бы только для того, чтобы замолвить слово за одного француза, присужденнаго къ смертной казни, и поговорить о частномъ дѣлѣ нѣкоего г. Антуана, который собирался основать торговый домъ въ Херсонѣ. „Желая отвлечь меня отъ серьезнаго разговора на эту тему, пишетъ Гаррисъ, князь пустилъ въ ходъ свой несравненный талантъ къ подражанію и съ такимъ искусствомъ передалъ разговоръ, происходившій между нимъ, французскимъ посланникомъ и французскимъ купцомъ, что нельзя было не отвлечься отъ тѣхъ интересныхъ вопросовъ, о которыхъ мы говорили. Впрочемъ, князь вскорѣ самъ вернулся къ прерванному разговору и привелъ разные факты въ доказательство того, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго значенія въ политикѣ, что все, что онъ дѣлалъ, хотя это и было весьма ничтожно, клонилось всегда ко благу Англіи, и что не его вина, если онъ не могъ сдѣлать большаго. Онъ осуждалъ образъ дѣйствія императрицы и говорилъ, что ему прискорбно видѣть, что ея непослѣдовательные и безвольные поступки могутъ быть приписаны его вліянію и совѣтамъ".

Вслѣдствіе перемѣны, происшедшей въ отношеніи императрицы и Потемкина къ Англіи, положеніе посланника становилось затруднительнѣе съ каждымъ днемъ; недоброжелательство Екатерины особенно бросилось ему въ глаза по тому, какъ ею было принято извѣстіе о побѣдѣ, одержанной американцами надъ англійскими войсками (въ октябрѣ 1781 г.). Екатерина не только не выразила посланнику своего сожалѣнія по поводу пораженія англійскихъ войскъ, но даже обвиняла въ неудачѣ самихъ англичанъ и осуждала ихъ дѣйствія. Какъ только при дворѣ замѣтили происшедшую перемѣну, къ англійскому посланнику охладѣли всѣ тѣ, кои думали, любезничая съ нимъ, угодить Потемкину.

Гаррисъ жалуется въ своихъ письмахъ на одиночество, на то, что онъ не можетъ никому довѣрять; такъ какъ подобное положеніе могло нанести ущербъ его правительству, то онъ рѣшительно заявилъ о своемъ желаніи быть отозваннымъ изъ Петербурга, гдѣ, къ тому же, дурно вліялъ на его здоровье суровый климатъ.

Между тѣмъ, въ исходѣ марта 1782 г., въ составѣ англійскаго кабинета произошла перемѣна, благопріятно отразившаяся на отношеніи къ Англіи петербургскаго двора. Во главѣ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ сталъ Фоксъ, котораго императрица ставила очень высоко и въ выдающіяся способности котораго вѣрила; это сразу измѣнило ея отношеніе къ Англіи, и она стала снова живо интересоваться ея дѣлами. Въ то же время произошла замѣтная перемѣна и въ тонѣ прусскаго представителя при русскомъ дворѣ, гр. Герца. Державшій себя до тѣхъ поръ всегда враждебно по отношенію къ англійскому посланнику, Герцъ сталъ заискивать въ немъ и неоднократно давалъ понять Гаррису, что его монархъ также весьма доволенъ перемѣною министерства въ Англіи и готовъ возобновить съ нею прежнія дружескія отношенія.

Въ одной изъ своихъ депешъ къ Фоксу [1]), англійскій посланникъ передаетъ ему любопытный разговоръ, который онъ имѣлъ съ гр. Герцомъ.

Прусскій посланникъ прочелъ ему шифрованное письмо, полученное имъ изъ Берлина, въ которомъ король расточалъ похвалы новому англійскому министерству и высказывалъ готовность возобновить союзъ съ лондонскимъ дворомъ; распространяясь о пользѣ, которую этотъ союзъ могъ бы принести обѣимъ державамъ, онъ спрашивалъ посланника, былъ ли бы этотъ союзъ пріятенъ императрицѣ, и не согласилась ли бы она присоединиться къ нему?

[1]) Письмо къ Фоксу отъ 31 мая (11 іюня) 1782 г.

Прочитавъ это письмо, графъ Герцъ замѣтилъ, что у него есть второе письмо, въ которомъ король высказывается еще яснѣе и содержаніе котораго онъ готовъ сообщить Гаррису: „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, продолжалъ онъ, король тщетно старался положить основаніе національной системѣ европейскихъ державъ; интриги Вѣнскаго двора съ одной стороны и нежеланіе, выказанное Англіей къ сближенію съ нимъ, съ другой стороны, были причиною того, что всѣ его старанія остались безуспѣшны; необходимость такой раціональной системы становилась очевиднѣе съ каждымъ днемъ. Таковой могъ быть единственно тройственный союзъ между Великобританіей, Пруссіей и Петербургскимъ дворомъ".

Въ послѣдующіе дни прусскій посланникъ неоднократно возвращался къ разговору на эту тему, высказавъ предложеніе, что союзъ между Англіей и Пруссіей могъ бы быть заключенъ немедленно, и вообще оказывалъ англійскому посланнику величайшіе знаки вниманія. Очевидно, въ инструкціяхъ, полученныхъ имъ изъ Потсдама, ему повелѣно было увѣрить англичанина въ томъ, что намѣренія и симпатіи короля прусскаго измѣнились.

6 іюля король прусскій снова писалъ Герцу:

„Я совершенно искренно желаю союза съ Англіей и вполнѣ одобряю все то, что вы говорили по этому поводу съ сэромъ Джемсомъ Гаррисомъ. Я не желаю одного—чтобы эти переговоры велись безъ предварительнаго ознакомленія съ ними русскаго правительства, во-первыхъ, потому, что это противорѣчило бы моимъ отношеніямъ къ императрицѣ, а во-вторыхъ, потому, что если бы она не присоединилась къ этому союзу, то онъ былъ бы безполезенъ. Союзъ, котораго я желалъ бы, это союзъ Россіи, Даніи, Англіи и Пруссіи. Если бы это удалось, то Великобританія могла бы разсчитывать на помощь датскаго флота и нѣкоторой части русскаго флота; я же, при ихъ содѣйствіи, могъ бы не опасаться соединенныхъ силъ Франціи и Австріи. Я полагаю, что если бы сэру Джемсу Гаррису было разрѣшено предложить императрицѣ присоединиться къ этому четвертному союзу, то это дѣло можно было бы уладить мѣсяца въ два, ибо я ручаюсь, что со стороны Даніи къ этому не встрѣтилось бы препятствія; хотя эта комбинація не вполнѣ вяжется съ ролью посредницы, какую взяла на себя ея величество, но я полагаю, что если бы она поняла всю его важность и поняла бы, насколько значительнѣе была бы роль, которую ей пришлось бы при этомъ играть, то она навѣрно согласилась бы заключить этотъ союзъ".

Англійское правительство отнеслось къ предложенію Пруссіи недовѣрчиво; конечно, трудно было вѣрить искренности короля

прусскаго, который до тѣхъ поръ пользовался своимъ вліяніемъ при русскомъ дворѣ для того, чтобы дѣйствовать противъ Англіи, держалъ себя по отношенію къ ней враждебно, побуждалъ императрицу отвергать всѣ предложенія о союзѣ, которыя дѣлались ей Гаррисомъ въ теченіе 1778 г., убѣдилъ ее въ слѣдующемъ году не посылать на помощь Англіи ея судовъ и внушалъ ей, что англичане высокомѣрны, холодны, надменны и эгоистичны, что они оказываютъ ей менѣе вниманія и уваженія, нежели Бурбонамъ, что они стараются вредить ея торговлѣ.

Насколько увѣренія короля прусскаго заслуживали вѣры, видно изъ того, что, мечтая, яко бы, о союзѣ съ Англіей, онъ поручилъ въ то же время своему посланнику въ Парижѣ, барону Гольцу, увѣрить французскаго короля въ „непоколебимой привязанности его (короля прусскаго) къ Франціи и въ томъ, что союзъ съ ней онъ предпочиталъ союзу со всякой иной націей“. Одно изъ своихъ писемъ къ Гольцу онъ заканчивалъ слѣдующими знаменательными словами: „постарайтесь получить аудіенцію у короля и скажите ему „qu'il me permette de faire l'impartial afin que je lui devienne plus utile par la suite“.

Эти письма были перехвачены австрійскимъ посланникомъ въ Парижѣ (который подкупилъ низшихъ служащихъ въ домѣ барона Гольца) и доставлены съ австрійскимъ курьеромъ въ Петербургъ, гдѣ ихъ читалъ Гаррисъ. Если можно довѣрять источнику, откуда были получены письма, и если это были дѣйствительно подлинныя письма короля прусскаго, то это доказываетъ, что король льстилъ одновременно Англіи и Франціи и вводилъ обѣихъ въ обманъ; въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ такъ это совершенно согласуется съ его обычными политическими пріемами.

Зимой 1782 г. жизнь при Петербургскомъ дворѣ ознаменовалась печальнымъ случаемъ съ кн. Орловымъ, который возвратился въ Петербургъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсутствія, въ состояніи полнаго психическаго разстройства. „Это чрезвычайно опечалило императрицу. Никогда еще ея чувствамъ не было нанесено столь сильнаго и тяжкаго удара“ [1]). „Она выказала по этому случаю Орлову расположеніе, доходившее до слабости, не позволила лечить его сильнодѣйствующими средствами, не допускала и мысли, чтобы его можно было лишить свободы и подчинить извѣстному режиму; она думала, что его удастся вылечить ласковымъ обхожденіемъ, и не только позволяла ему посѣщать знакомыхъ, но допускала его къ себѣ во всякое время безразлично, была ли она одна или въ об-

[1]) Письма Гарриса къ Стормонту отъ 4 (15) и 8 (19) ноября 1782 г.

ществѣ другихъ лицъ, и хотя бы она была занята самыми важными дѣлами. Состояніе кн. Орлова, его безумныя, безсвязныя рѣчи трогали ее до слезъ и приводили въ такое волненіе, что она весь остальной день бывала не въ состояніи дѣлать что-либо. Ей приходилось подчасъ выслушивать отъ него весьма непріятныя рѣчи; однажды онъ вдругъ закричалъ, что раскаяніе лишило его разсудка и что участіе, которое онъ принималъ въ одномъ, давно минувшемъ событіи, навлекло на него гнѣвъ Божій. Понятно, какія ужасныя воспоминанія были вызваны этими словами".

Возвращеніе Орлова и его умственное разстройство взволновали дворъ.

Кн. Потемкинъ [1]), обѣщавшій въ это время быть у Гарриса, извинился подъ предлогомъ нездоровья. Ланской слегъ въ постель, ибо въ Россіи, говорилъ Гаррисъ, царедворцы и фавориты обыкновенно заболѣваютъ, какъ только они чѣмъ-нибудь недовольны. Несомнѣнно, что въ этомъ именно кроется причина болѣзни этихъ двухъ лицъ. Я имѣю основаніе думать, что они убѣждали императрицу не допускать къ себѣ Орлова и совѣтовали ей удалить его, отправивъ его въ Москву или въ какой-нибудь загородный дворецъ. Расположеніе, которое оказываетъ ему императрица, вызываетъ ихъ зависть, и они боятся, чтобы онъ не высказалъ ей какихъ-нибудь истинъ въ тѣ моменты, когда къ нему возвращается разсудокъ, и не сдѣлалъ бы замѣчаній, которыя могутъ быть невыгодны для нихъ.

Надобно замѣтить, что за послѣднее время характеръ и поведеніе кн. Потемкина совершенно измѣнились. Онъ встаетъ рано, усердно занимается дѣлами, сдѣлался чрезвычайно любезенъ со всѣми и доступенъ и, что всего удивительнѣе, онъ старается поладить съ самыми непримиримыми своими врагами, съ Безбородко и Воронцовыми, которыхъ ему не удалось погубить за эти три года.

Мимолетная его дружба съ Панинымъ быстро прошла; онъ скоро понялъ, что ему нечего разсчитывать на искреннее сближеніе съ этимъ министромъ, котораго онъ такъ жестоко оскорбилъ, и что если бы Панину удалось вернуть свое вліяніе, то онъ воспользовался бы имъ немедленно въ видахъ совершенно противоположныхъ цѣлямъ Потемкина. Поэтому Потемкинъ предоставилъ Панина своей судьбѣ, а послѣдній, ободрившись при мысли о скоромъ возвращеніи великаго князя и обрадованный пожалованной ему императрицей Владимірской лентой, мечтаетъ, не смотря на свое болѣзненное состояніе, занять прежнее положеніе; для достиженія этой цѣли,

---

[1]) Письмо къ лорду Грантгаму отъ 4 (15) ноября 1782.

онъ пуститъ конечно въ ходъ всѣ средства, какія могутъ доставить ему интриги и происки.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ прибыли въ Петербургъ изъ своего продолжительнаго заграничнаго путешествія великій князь и великая княгиня.

Ихъ встрѣча съ императрицей происходила безъ постороннихъ свидѣтелей [1]). „Ихъ свиданіе продолжалось всего нѣсколько минутъ и едва-ли было пріятно той и другой сторонѣ".

„Вчера (21 ноября) ихъ высочества принимали иностранныхъ пословъ; особое вниманіе было оказано ими французскому и австрійскому посланникамъ. Послѣ пріема у нихъ былъ обѣдъ для особъ первыхъ трехъ классовъ. Вечеромъ они посѣтили гр. Панина и принцессу Виртембергскую и провели минутъ около двадцати съ императрицей.

„Судя по всему, что мнѣ удалось узнать, они недовольны ея пріемомъ, и она недовольна ихъ возвращеніемъ" и „ихъ поведеніемъ во время путешествія, въ особенности ихъ пребываніемъ въ Вѣнѣ, гдѣ они держали себя съ императоромъ такъ холодно, что это разрушило всѣ тайные замыслы государыни; очевидно, нѣтъ никакой возможности отвлечь ихъ отъ Пруссіи. Гр. Панинъ продолжалъ руководить великимъ княземъ, и ихъ переписка происходила при посредствѣ прусскаго посланника въ Петербургѣ, графа Герца. Это обстоятельство, извѣстное Екатеринѣ, не могло вызвать особаго благоволенія къ гр. Панину, котораго она обвиняла въ недружелюбіи къ Австріи, и не могло возбудить расположенія къ великому князю и его супругѣ, которые шли такъ настойчиво противъ ея политическихъ видовъ". Огромные долги, сдѣланные ими во время ихъ продолжительнаго пребыванія внѣ предѣловъ Россіи, также увеличили ея недовольство, и такъ какъ Екатерина при всемъ своемъ выдающемся умѣ не была свободна отъ нѣкоторой мелочности, свойственной ея полу, то она выказала невѣсткѣ свое неудовольствіе довольно своеобразнымъ образомъ.

„Въ дамскомъ туалетѣ произошла рѣзкая перемѣна, писалъ Гаррисъ [2]). Вышивки, фальборы, блонды и т. п. совершенно изгнаны изъ употребленія; вышина прически не должна превышать $2^1/_2$ дюймовъ и т. д. Эта перемѣна вызвана яко бы возрастающимъ ввозомъ принадлежностей женскаго туалета изъ Франціи, но въ сущности это направлено противъ великой княгини, которая вернулась изъ своей поѣздки влюбленной во Францію, въ ея моды и обычаи и не

[1]) Письмо къ лорду Грантгаму 22 ноября (3 декабря) 1782 г.
[2]) Письмо къ Грантгаму отъ 6 (17) декабря 1782 г.

только завела правильную переписку съ г-жею Бертенъ и другими французскими торговцами, но выписала изъ Парижа 200 ящиковъ, наполненныхъ газомъ, помпонами и другими принадлежностями туалета, и собиралась ввести въ моду новую прическу. Императрица не могла нанести ея и. в. болѣе чувствительнаго удара".

„Екатеринѣ, пришлось ограничиться этой ничтожной местью. Великій князь и великая княгиня не дали ей повода прибѣгнуть къ болѣе серьезнымъ мѣрамъ; они ведутъ себя со времени своего пріѣзда очень благоразумно, почти никого не видятъ, исключили изъ своего общества прежнихъ фаворитовъ, и повидимому намѣрены сообразоваться во всемъ съ желаніями императрицы".

„Трудно сказать, чему слѣдуетъ приписать подобную перемѣну. Можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что они застали гр. Панина въ весьма угнетенномъ состояніи духа и видѣли, что его умственныя способности настолько ослабѣли, что онъ уже не въ состояніи руководить ими и давать имъ совѣты [1]). А можетъ быть имъ стало извѣстно, что многія лица ихъ свиты обманывали ихъ, или же до ихъ слуха дошло, будто императрица намѣрена лишить великаго князя престола и оставить его своему внуку. Какъ бы то ни было, они держатъ себя совершенно иначе, чѣмъ прежде, но императрица, къ сожалѣнію, такъ предубѣждена противъ нихъ, что не ставитъ имъ этого въ заслугу. Она называетъ ихъ теперь скрытными, надутыми и отшельниками, говоритъ, что путешествіе испортило ихъ, и что они не могутъ приспособиться къ нравамъ своей страны".

Съ наступленіемъ новаго, 1783 г., письма Гарриса утрачиваютъ общій интересъ, такъ какъ они касаются, за весьма немногими исключеніями, вопроса объ его отозваніи, о передачѣ имъ полномочій его преемнику, Фицгерберту и чисто личныхъ его отношеній.

Осенью того же года Гаррисъ оставилъ Петербургъ.

[1]) Письмо къ лорду Грантгаму отъ 6 (17) дек. 1782 г.

Дневникъ академика В. П. Безобразова [1]).

1885.

Ильинское, 3 октября. Долго не писалъ. Сперва въ Райволѣ было нечего писать, потомъ въ Петербургѣ некогда. 26 сентября поѣхалъ изъ Петербурга въ Торжокъ, изъ Торжка пріѣхалъ въ Москву 1 октября и сегодня 3 октября утромъ въ Ильинскомъ. Много приходится записать, если не фактовъ, то размышленій. Вездѣ, во всѣхъ кружкахъ, и въ Петербургѣ, и въ Торжкѣ, и въ Москвѣ, вездѣ только и слышалъ страшное недовольство противъ правительства. Я давно привыкъ къ этимъ русскимъ жалобамъ во всѣ времена, однако теперь онѣ что-то очень сильны.

Замѣчаю однако въ серьезныя минуты, какова нынѣшняя, (здѣсь начинаютъ понимать, что Европа насъ дурачитъ и Австрія насъ выталкиваетъ изъ Балкан. пол.), разговоръ дѣлается серьезнѣе и можно говорить откровеннѣе (такъ вчера съ Вел. Кн. Сергѣемъ Александровичемъ). Такъ было при катастрофахъ крамолы.

Характеристично замѣтилъ мнѣ вчера гр. Стенбокъ (гофъ-маршалъ), что я неосторожно говорю въ мрачномъ видѣ о Россіи передъ Великой Княгиней (о духовенствѣ).

„Il faut glisser sur les choses tristes, il faut presenter tout sous un jour agréable“ (sic) и всегда такъ.

Москва, 5 октября. Ночью пріѣхалъ изъ Ильинскаго въ Москву.

6 октября, 4 ч.—къ Троицѣ.

7 октября угощалъ на жел. д. станціи новый попечитель Сер-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1908 г.

гіевской прогимназіи Александръ Петровичъ Бирюковъ. Выѣхалъ черезъ Хотьково въ Носково (по адской дорогѣ).

9 октября утромъ въ Дмитровѣ на земскомъ собраніи.

Оно рѣдѣетъ, наше поколѣніе вымираетъ, а молодежи нѣтъ.

Мертвѣе и малочисленнѣе собранія я не припомню. Это не случайность. Всего безучастнѣе дворяне. Много причинъ—главная: мы съ жаромъ принимаемся только за все новое. Затѣмъ и правительство разогнало недовѣріемъ къ земству и стѣсненіями. А говорятъ о дворянскомъ самоуправленіи, когда дворяне не умѣютъ пользоваться своими правами въ земствѣ.

Носково, 21 октября. Хочу записать одно воспоминаніе по поводу теперешнихъ обстоятельствъ.

Политика наша на Балканскомъ полуостровѣ — послѣ болгарскаго переворота, — производитъ вездѣ изумительное впечатлѣніе. Государь отвернулся отъ болгаръ и славянства. Какъ я помню передъ послѣдней войной, я лично слышалъ отъ Государя; въ какомъ онъ былъ негодованіи, что Александръ Николаевичъ медлилъ идти на помощь славянамъ противъ турокъ, а онъ посылалъ добровольцевъ на помощь Сербіи. Жаль мнѣ Государя, котораго я люблю и не могу не любить, и вслѣдствіе доброты и благородства его души, и того, чѣмъ я ему лично обязанъ.

Москва, 23 октября. 21 октября пріѣхалъ изъ Носкова въ Дмитровъ, гдѣ поселился у Савелова. Вчера 22 октября проѣхалъ по почтовой дорогѣ въ Москву (Славянскій Базаръ).

28 октября. Возвратился въ Петербургъ.

2 нояб я. Вчера много слышалъ о наслѣдникѣ отъ Кюндингера, его учителя музыки.

Я теперь интересуюсь только наслѣдникомъ; къ его царствованію соберутся всѣ трудности, и оно будетъ однимъ изъ рѣшительныхъ въ нашей исторіи. Нынѣшнее пройдетъ *какъ-нибудь*, хотя и можетъ (это невѣроятно однако) разрѣшиться потрясеніями.

4 ноября. Вчера былъ у обѣдни и завтракалъ у В. Кн. Александры Іосифовны. Тамъ встрѣтился съ сенат. Селифонтовымъ, временно исправляющимъ обязанности Тов. Мин. Пут. Сообщ. Онъ долго настаивалъ въ разговорѣ со мной, чтобы я согласился быть Товар. Мин. Путей Сообщ. съ тѣмъ, чтобы съ близкимъ выходомъ Посьета сдѣлаться министромъ. Что будто бы таково желаніе Посьета (къ чему отъ Государя не можетъ быть препятствій). Что я стою кандидатомъ съ прошлаго года (этимъ объясняются прошлогодніе толки въ городѣ объ этомъ). Будто Посьетъ не хочетъ пред-

лагать мнѣ прежде, чѣмъ знать мое согласіе. Я самымъ рѣшительнымъ образомъ отказался, ибо 1) вообще чувствую себя слишкомъ старымъ, чтобы снова начинать государственную карьеру; 2) тѣмъ болѣе, что финансовая сторона путей сообщенія (особенно желѣзныхъ дорогъ) наименѣе мнѣ знакома, а теперь врабатываться я не въ силахъ. Да, поздно. Я доволенъ, что поступилъ по совѣсти. Это мнѣ и не стоило никакой жертвы. Тутъ я испыталъ себя: у меня дѣйствительно нѣтъ ни честолюбія, ни властолюбія. Я способенъ взяться за власть только, чтобы принести пользу (это было бы для меня самоотверженіе), но въ этомъ случаѣ я не могу имѣть этого убѣжденія. Затѣмъ 3) можно ли съ моими убѣжденіями идти по совѣсти въ ряды *нынѣшнихъ* министровъ.

14 ноября. Вчера представлялся Государю и Императрицѣ въ Гатчинѣ и поднесъ имъ II т. „Народнаго Хозяйства“.

Императрица была очень любезна, даже дружественна... Мнѣ показалось, что Государь холоднѣе, чѣмъ прежде, но, можетъ быть, это мое воображеніе. Я все думаю, что гадости, напечатанныя въ прошломъ году обо мнѣ въ „Гражданинѣ“ (о моей краснотѣ), произвели свое дѣйствіе.

15 ноября. Сегодня завтракалъ у В. Кн. Сергія Александровича, Онъ трогаетъ меня глубоко своей любовью.

13 ноября былъ экономическій обѣдъ. Я сообщилъ мои впечатлѣнія въ Финляндіи. Главная моя тема была говорить противъ нынѣшней у насъ травли инородцевъ. Всѣ были удивлены свободой моей рѣчи, многіе недовольны. Потому я очень успокоенъ тѣмъ, что слышалъ отъ С. А.....

18 ноября 12 ч. ночи. Очень досадно, что суматоха (больше, чѣмъ работа) не позволяетъ мнѣ (не достаетъ времени) записывать все интересное, что вижу и слышу. Сегодня обѣдалъ у Великой Княгини Александры Іосифовны. Былъ интереснѣйшій разговоръ о современныхъ дѣлахъ, и Александра Іосифовна была со мной особенно откровенна, сообщая и о настоящемъ и прошедшемъ разныя вещи, которыя она знаетъ. Она знаетъ многое интересное для исторіи, проведя свою жизнь между историческими лицами. Но я не могу успѣть записать всего разговора. Обѣдала только она, В. К. Дмитрій Константиновичъ и я. Бесѣда была самая откровенная и вызывающая на откровенность. Великая Княгиня ужасно возбуждена по поводу дѣйствій относительно кн. Болгарскаго — исключенія изъ списковъ (возбуждено все общество, я никогда не замѣчалъ такого единодушія). Она говоритъ, что уже раньше ей жаловался кн. Болгарскій не ненависть къ нему и униженія. Я сказалъ, что этотъ политически ошибочный поступокъ объясняется только одной особенной чертой: онъ

ненавидитъ людей безчестныхъ, преимущественно въ денежныхъ отношеніяхъ (а таковъ Александръ Батенбергскій), ему такіе люди *претятъ*. И вотъ онъ увлекся эти чувствомъ относительно кн. Болгарскаго и забылъ при этомъ всякую политику. Но В. К. права, что наше политическое положеніе ужасное. Всѣ это говорятъ.

12 декабря. Вотъ какъ долго я ничего не записывалъ, хотя именно въ послѣдніе дни было такъ много интереснаго. Я зналъ, что посреди условій моей жизни не могу вести интересныхъ записокъ, отъ того ихъ и не велъ.

Теперь запишу кратко все, что было *наиболѣе* интереснаго въ моей жизни за послѣдніе дни.

7 декабря былъ у насъ вечеръ для опытовъ Бишопа (мага?) подъ наблюденіемъ врачей (Боткина, Здекауэра, Мержеевскаго и Квицинскаго); было 7 Великихъ Князей (Сергѣй Александровичъ, Павелъ Александровичъ и прочіе). Пѣли двѣ примадонны русской оперы въ антрактахъ опытовъ. Нѣтъ времени описывать вечеръ. Говорятъ, что онъ очень удался. Но этотъ вечеръ, который мнѣ стоилъ страшныхъ трудовъ, внушилъ мнѣ серьезное размышленіе. Великіе Князья въ восторгѣ. Но отчего они не могутъ устроить у себя ничего подобнаго, хотя имъ это неизмѣримо легче. А сколько бы было отъ этого пользы для общества и для нихъ. Могла устраивать это только Великая Княгиня Елена Павловна, но она была *замѣчательная* (талантливая) личность въ нашей Императорской Фамиліи, насколько я ее знаю (за исключеніемъ покойнаго Наслѣдника Николая Александровича, смерть котораго была величайшимъ несчастьемъ въ исторіи въ XIX в.) [1]).

13 декабря. Послѣ вечера былъ обѣдъ у В. К. Александры Іосифовны. Она всегда приглашаетъ меня разспросить, какъ все происходило у меня въ подобныхъ случаяхъ. Кромѣ меня и семьи никого не было. Неожиданно явился къ обѣду Константинъ Николаевичъ прямо изъ бани. Былъ со мной очень любезенъ.

Какъ только я пріѣхалъ, В. К. спросилъ меня, почему я не бываю въ географическомъ обществѣ. Мой отвѣтъ: я далъ слово никогда не бывать въ географическомъ обществѣ и оффиціально заявилъ это П. П. Семенову (вице-предсѣдателю) давно прося исключить меня изъ членовъ. Я оскорбленъ обществомъ. *Никто больше меня*

---

[1]) Правда, люди, его ближе знающіе, чѣмъ я (Здекауэръ), говорили мнѣ, что это былъ бы мученикъ на престолѣ, потому что онъ былъ крайній идеалистъ (но это было бы можетъ быть счастье для Россіи). Судьбы Провидѣнія неисповѣдимы!

на него не работалъ и въ теченіе столькихъ лѣтъ. Я оставлю въ сторонѣ выборъ Семенова на должность вице-предсѣдателя, хотя я имѣлъ равное и большее, чѣмъ онъ, право (К. Н. Но онъ путешественникъ,—а я развѣ мало путешествовалъ), я подчинился вашему желанію и даже помогалъ выбору. Но я былъ оскорбленъ невыборомъ меня 2 раза въ члены совѣта. Я къ этому равнодушенъ и никогда ничѣмъ не обижаюсь. Да и тутъ обычныя русскія недоразумѣнія безъ всякихъ намѣреній противъ меня. *Но надо же себя соблюдать* (какъ мнѣ сказала въ моей молодости одна дѣвушка, за которой я ухаживалъ въ путешествіи).

Потомъ онъ сталъ разсказывать мнѣ о спиритизмѣ и началъ даже дѣлать для меня опыты столоверченія. Въ это время Александра Іосифовна просила его прекратить эти опыты, которые она считаетъ за *грѣхъ*.

20 декабря. Прошелъ неспокойнѣйшимъ образомъ юбилей Училища Правовѣдѣнія, на которомъ я былъ представителемъ академіи. Не люблю я эти юбилеи и казенныя торжества.

Сколько ни было интереснаго все это время, но нѣтъ времени все записать. Прилагаю при этомъ письмо А. Н. Куломзина, написанное вслѣдствіе ничтожнаго столкновенія, бывшаго между имъ и мною на экономическомъ обѣдѣ 11 декабря.

21 декабря. Вчера вечеромъ былъ у П. Е. Андреевскаго (проф. и ректоръ унив.). Собралось (какъ всегда у него по пятницамъ) много профессоровъ, съ которыми хотѣлось бы поговорить. Въ ту же минуту, какъ пріѣхали, всѣ засѣли за карты. Я уѣхалъ. Даже такіе люди не находятъ въ себѣ матеріала для другого препровожденія времени. Вотъ наша пустота. Съ нѣкоторыхъ поръ карты опять вездѣ свирѣпствуютъ: имъ предаются самые интеллигентные люди. Вотъ дѣйствіе государственныхъ условій нашей жизни натуральной апатіи русскихъ людей. Сверхъ того, всѣ эти ученые, хотя между нами и нѣтъ ни одной знаменитости, до того важны и преисполнены своего величія, что между ними непріятно быть. Я и не живу давно въ ученомъ и литературномъ мірѣ. Ничего рѣшительно между ними не пріобрѣтешь. Гораздо интереснѣе кругъ военныхъ—ученыхъ (генеральнаго штаба—около Леера). Сверхъ того, наши ученые и литераторы относятся ко мнѣ несочувственно — съ презрѣніемъ, или завистью, или враждой (не разберу)—особенно съ тѣхъ поръ, какъ я сенаторъ. Не могу судить, почему ко мнѣ относится такъ ученый и литературный міръ, особенно въ области моихъ наукъ (это видно ярко изъ господствующаго всегда замалчиванья моихъ сочиненій въ печати). Отчасти этотъ міръ не любитъ меня вслѣдствіе господствующихъ въ немъ демократическихъ и плебейскихъ чувствъ (ко-

торыя,—особенно послѣднія мнѣ противны), вслѣдствіе моихъ отношеній ко двору, моего консерватизма, моей непринадлежности ни къ какой партіи—Богъ съ ними!

26 декабря. Въ прошедшую субботу на вечеринкѣ въ Мраморномъ дворцѣ, Великій Князь Павелъ Александровичъ сказалъ мнѣ, что Государь очень ко мнѣ расположенъ. Не знаю, вѣрить ли. Впрочемъ, для меня въ этомъ только отрицательная польза (нѣкоторая охрана отъ гадостей людей), я же отъ правительства ничего больше не желаю и не ожидаю.

Впрочемъ, мнѣ пріятно доброе расположеніе Государя, котораго я люблю и которому преданъ. Чѣмъ больше я его люблю, тѣмъ мнѣ болѣе тяжко видѣть, какъ идетъ его царствованіе.

27 декабря. Пишу только потому, что хотѣлъ сдѣлать привычку записывать каждый день.

Вчера былъ на музыкальномъ вечерѣ у банкира Зака. Устроилъ себѣ цѣлый дворецъ: необыкновенная роскошь, но со вкусомъ, изяществомъ и комфортомъ. Это цари нашего времени. Къ нимъ перешло и умѣнье жить, которое покинуло баръ. При этомъ я размышлялъ, какъ быстро составляются у насъ состоянія, и преимущественно иностранцами. А потомъ жалуются русскіе на неблагопріятныя условія промышленной дѣятельности въ Россіи. Не умѣютъ и жалуются.

Я замѣтилъ вчера, какъ и случается часто, выраженіе особаго уваженія ко мнѣ публики. Оно мнѣ непріятно и меня стѣсняетъ. Я приписываю его не моимъ заслугамъ, а главнѣйше сенаторскому званію. Съ нимъ стали со мной обращаться иначе. Большинство лучше, иные хуже (изъ зависти).

31 декабря. Третьяго дня у меня была очень интересная бесѣда доктора Здекауэра съ Бутлеровымъ о спиритизмѣ. Здекауэръ, не вѣря въ спиритизмъ, констатировалъ, однако, факты чудесъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ лично.

Сообщ. М. В. Безобразова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ и военно-учебныя заведенія.

(Изъ воспоминаній).

Перечитывая свои записки, начатыя на школьной скамьѣ, еще нетвердымъ, юнымъ почеркомъ, я намѣтилъ себѣ извлечь изъ нихъ то, что онѣ содержатъ объ Михаилѣ Ивановичѣ Драгомировѣ.

Неполная его біографія здѣсь предлагается и не характеристика его многосторонней учености, а лишь воспоминанія объ нѣкоторыхъ случаяхъ его, болѣе или менѣе, частной жизни и личной служебной дѣятельности, пока главнымъ образомъ въ связи съ военно-учебными заведеніями.

По поводу дѣла веденія записокъ вообще, Михаилъ Ивановичъ не разъ высказывался такъ: „полезное обыкновеніе,—если въ немъ не ставится задачей подлаживаніе себя и своей жизни подъ событія, или,—еще того хуже,—подведеніе событій подъ себя; удерживать въ запискахъ для памяти все имѣющее значеніе, имѣть полную возможность связать все, а затѣмъ передать любознательному потомству,—вотъ задача безхитростнаго записыванья воспоминаній. Отъ того, что возможно-большее число людей, самостоятельно, безъ уговора, возьмется заносить въ свои тетрадки тѣ или другія событія,—потомство будетъ въ выигрышѣ, всякое происшествіе будетъ для него разнообразнѣе и разносторонѣе освѣщено;—точно также каждое лицо, о которомъ заносится въ частныя „любительскія“ записки, будетъ полнѣе выяснено со всѣми его дѣяніями и во всей его ха-

рактеристикѣ. Хорошій обычай, не бросайте этого „прекраснаго препровожденія времени“; не брезгайте случаемъ и имѣйте терпѣніе записывать все, что бросается вамъ въ глаза и что возбуждаетъ ваше вниманіе“.

Одинъ разъ, какъ бы продолжая или возобновляя бесѣду объ этомъ предметѣ, Михаилъ Ивановичъ, по частному случаю, сказалъ: „вотъ это чудесно, что вы занесли въ свою тетрадь разговоры, которыми васъ въ разное время дарили государи. Вѣдь цари вообще обречены на то, чтобы держать себя во всемъ, всегда и вездѣ оффиціально; и разумѣется, они рады сбросить всю чопорность; рады поговорить просто, свободно, снявши оффиціальное положеніе, нерѣдко нудящее ихъ; въ частномъ, простомъ разговорѣ, да еще съ глазу на глазъ, перекинетъ царь съ небольшимъ человѣкомъ нѣсколько фразъ, совершенно искренно, сердечно; маленькій человѣкъ, старательно, точно,—непремѣнно до пунктуальности точно и правдиво,—занесетъ слова царскія въ свою тетрадь. Изъ массы такого, записаннаго у разныхъ лицъ о царѣ, составится драгоцѣннѣйшій томъ матеріала для дополненія его характеристики.—Если массу этого частнаго матеріала, занесеннаго,—повторяю, въ полной точности,—приклеить со смысломъ къ тому, что собирается о царѣ историками, что передается записками ближайшихъ его сотрудниковъ по царственной дѣятельности, а также оффиціальными источниками и документами, да хоть бы, въ придачу, и гофъ-фурьерскими журналами—изъ всего этого составится такое изображеніе его личности, что навѣрное выйдетъ яснѣе всякой фотографіи, точнѣе самаго вѣрнаго чертежа. Нѣтъ, не пренебрегайте этимъ, не пренебрегайте; ведите свою линію въ записяхъ; интересно было бы когда-нибудь прочесть“, пошутилъ при этомъ Михаилъ Ивановичъ. Въ запискахъ, которыя здѣсь предлагаются вниманію читателей, вообще нерѣдко будутъ встрѣчаться приводимыя въ большихъ подробностяхъ слова Михаила Ивановича. Это необходимо объяснить.

Михаилъ Ивановичъ, знавшій меня около сорока лѣтъ, всегда относился ко мнѣ неизмѣнно внимательно, а главное совершенно просто; нисколько онъ этого не подчеркивалъ и этимъ не занимался; такъ сложилось обстоятельствами. Особенно близкихъ отношеній у меня съ нимъ не было и быть не могло,—слишкомъ „огромнаго размѣра дистанція“ была между нами; но сношенія вообще между нами были по временамъ,—въ особенности въ ту пору, когда я долженъ былъ имѣть съ нимъ соприкосновеніе по своей службѣ въ Черниговской губерніи, въ которой онъ родился, женился, имѣлъ недвижимость; кстати она отнесена къ Кіевскому военному

округу, войсками котораго онъ такъ долго командовалъ, унаслѣдовавъ его отъ Ѳедора Ѳедоровича Радецкаго [1]).

За нѣсколько лѣтъ до кончины Михаила Ивановича (въ 1901 г.) мнѣ случилось, для лѣченія болѣзни жены, попасть въ Наугеймъ (Гессенъ), гдѣ въ то время для лѣченія проживалъ Михаилъ Ивановичъ и пребывалъ со своей супругой Софіей Абрамовной (рожденная Григоровичъ).

Между мною и Михаиломъ Ивановичемъ не было никакого соглашенія,—совершенно случайно мы оба выходили каждое утро отъ 6—8 часовъ гулять по окрестностямъ и, не обращая вниманія на состояніе погоды, гуляли вдвоемъ часа полтора—два; такъ всѣ двадцать три дня нашего совмѣстнаго тамъ пребыванія мнѣ довелось провести утра съ нимъ: бесѣды наши были до крайности интересны, для меня поучительны; во мнѣ онѣ ясно запечатлѣлись. Но объ этомъ впереди.

Съ своей стороны Михаилъ Ивановичъ былъ радъ разнообразить обязательные часы питья водъ и проводить ихъ не въ томъ, не въ общемъ, какъ онъ говорилъ, казенномъ мѣстѣ прогулокъ—при кургаузѣ, а на свѣжемъ воздухѣ.

Въ этихъ бесѣдахъ Михаилъ Ивановичъ, между прочимъ, высказывался не разъ о веденіи записокъ.

У меня никогда не было съ нимъ разговора о томъ, что среди матеріала, заносимаго въ тетради моихъ воспоминаній, я не пропускалъ случая записать и о немъ и что уже о немъ накопилось не мало. Не открывалъ я ему этого не потому, что хотѣлъ бы скрыть отъ него, а лишь потому, что, во-первыхъ, не представилось къ тому случая, а во-вторыхъ, изъ разговоровъ онъ могъ вывести, что о немъ, въ сущности, кое-что заносится; но ему это не-

[1]) Генер.-адъют. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій,—подъ начальствомъ котораго въ VIII арм. корпусѣ Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ находился во все время мобилизаціи дѣйствующей арміи и войны,—командовалъ послѣ войны Харьковскимъ военнымъ округомъ. Въ 1888 году 15 іюля—въ день праздника Св. Владиміра и всероссійскаго памятованія Крещенія Руси, командовавшій войсками Кіевскаго военнаго округа генералъ-адъютантъ, безконечно уважавшійся всѣми Александръ Романовичъ Дрентельнъ, объѣзжая войска, участвовавшія въ парадѣ, внезапно скончался на горѣ Св. Владиміра. Вскорѣ послѣ того Харьковскій военный округъ былъ слитъ съ Кіевскимъ; штабъ округа остался въ Кіевѣ, а генералъ Радецкій былъ назначенъ командующимъ войсками Кіевскаго военнаго округа, образовавшагося такимъ образомъ изъ двухъ округовъ. Не далѣе, какъ черезъ годъ скончался Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій, и тогда начальникъ академіи генеральнаго штаба генералъ-адъют. Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ,—приблизительно въ октябрѣ 1889 года, былъ назначенъ командующимъ войсками Кіевскаго военнаго округа.

*

сомнѣнно было безразлично, онъ объ этомъ не думалъ и никакого значенія этому не давалъ.

Что касается вообще веденія записокъ о Михаилѣ Ивановичѣ,—я до разговора съ нимъ объ этомъ,—и полагалъ, что если одинъ, другой, третій дастъ „подшить“ свое частное, совершенно неоффиціальное воспоминаніе о немъ, къ военно-историческому, оффиціальному, то явится „точный чертежъ“ этой несомнѣнно крупной въ военномъ мірѣ фигуры,—и только такимъ путемъ чертежъ этотъ можетъ получиться.

Для созданія полной характеристики человѣка недюжиннаго, должны быть тщательно подбираемы о немъ всякія мелочи. Полностью это относится къ памяти о такомъ человѣкѣ, какимъ былъ талантливый и своеобразный Михаилъ Ивановичъ; очертаніе его личности требуетъ самыхъ мелкихъ штриховъ.

Оканчивая это предисловіе или вступленіе, считаю нелишнимъ добавить, что, когда, не разъ при мнѣ, кому-либо случалось, въ какихъ-нибудь засѣданіяхъ или при иныхъ обстоятельствахъ, остановиться на томъ, какъ слѣдуетъ писать фамилію—Драгомировъ или Драгоміровъ, Михаилъ Ивановичъ отвѣчалъ: все равно, пишите какъ хотите; мнѣ безъ сомнѣнія дорогъ міръ, но еще дороже миръ —покой,—всеобщій, разумѣется,—не свой собственный, личный; „безъ мира міръ не міръ“, міру всегда нужно желать мира, а 1884 года тому назадъ [1]) 25-го декабря самъ Господь послалъ міру миръ въ лицѣ Своего Единороднаго Сына. Я самъ, закончилъ Михаилъ Ивановичъ, принялъ за правило писать Драгомировъ—черезъ и восьмиричное; кажется, такъ правильнѣе и по документамъ, а затѣмъ каждому вольно писать, какъ кому заблагоразсудится; мнѣ лично это рѣшительно все равно [1]).

I.

Привезенный въ августѣ 1854-го года въ семилѣтнемъ возрастѣ въ малолѣтнее отдѣленіе 1-го московскаго кадетскаго корпуса, (нынѣ 1-й московскій кадетскій Императрицы Екатерины II корпусъ), я былъ черезъ три года (1857) переведенъ въ главный (или какъ

[1]) Разговоръ этотъ произошелъ въ 1884 году въ засѣданіи правленія военно-санитарнаго общества, въ которомъ Мих. Ив.—тогда нач. акад. генер. шт.,—состоялъ въ должности предсѣдателя; правленіе общества составляли: Инж. ген.-м. Карловичъ, полк. М. А. Газенкампфъ Д. С. С. доктора: Марсикани, Шенкъ, Архангельскій и Шмулевичъ.— Одинъ изъ военныхъ и одинъ изъ гражданскихъ, кажется, Карловичъ и Марсикани состояли вице-предсѣдателями; д-ръ Смоленскій и капитанъ гв. конной арт. Е. К. Андреевскій состояли секретарями правленія.

тогда называли, въ большой) корпусъ этого военно-учебнаго заведенія. Окончивъ шестилѣтній курсъ общихъ классовъ (приготовительный и пять общихъ), мы должны были бы перейти въ 1-й спеціальный классъ того же корпуса, но на этомъ насъ застало преобразованіе военно-учебныхъ заведеній.

Съ самаго начала царствованія Императора Александра II-го большіе журналы того времени „Современникъ", „Отечеств. записки", „Русскій вѣстникъ" и „Библіотека для чтенія", какъ бы перебивая одинъ другого, помѣщали на своихъ страницахъ разнообразныя статьи, раскрывавшія жизнь кадетскихъ корпусовъ и живо изображавшія характеръ и значеніе этихъ учебныхъ заведеній. Молодой военный министръ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ уже имѣлъ предубѣжденіе противъ кадетскихъ корпусовъ; изъ ряда статей многія были написаны талантливо, читались съ интересомъ и, конечно, укрѣпили Милютина въ этомъ предубѣжденіи, явившемся слѣдствіемъ того, что, долго служа на Кавказѣ, онъ привыкъ считать лучшими тѣхъ офицеровъ, которые прошли въ офицеры черезъ другія учебныя заведенія, а не черезъ кадетскіе корпуса;—къ тому же какъ нарочно, за предшествовавшіе тѣмъ временамъ, три-четыре года почти всѣ кадетскіе корпуса „перебунтовали";—жизнь въ нихъ бродила. Все это натолкнуло Дмитрія Александровича Милютина на крайнюю необходимость „коренного измѣненія корпусныхъ порядковъ и общаго преобразованія ихъ" въ возможной скорости.

Извѣстно, что въ 1849 году, послѣ кончины Великаго Князя Михаила Павловича, Императоръ Николай I назначилъ главнымъ начальникомъ ихъ Наслѣдника престола Великаго Князя Александра Николаевича. Цесаревичъ, пробывъ въ этой должности около семи лѣтъ, какъ самъ впослѣдствіи при всякомъ удобномъ случаѣ говаривалъ, успѣлъ сродниться съ корпусами и отъ всего сердца полюбилъ своихъ питомцевъ—кадетъ.

По вступленіи на престолъ въ 1855 году, Государь немедленно передалъ начальствованіе надъ корпусами своему начальнику штаба, непосредственному помощнику и сотруднику—генералъ-адъютанту Якову Ивановичу Ростовцеву; при чемъ, дабы не терялась ближайшая связь Государя съ любимыми заведеніями, должность, которую занялъ Яковъ Ивановичъ, получила наименованіе: „Начальникъ Штаба Его Императорскаго Величества по военно-учебнымъ заведеніемъ".

Послѣ кончины Ростовцева въ 1860 году военно-учебныя заведенія были переданы подъ начальство младшаго Царева брата: великій князь Михаилъ Николаевичъ былъ назначенъ „главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній".

Недолго пробылъ Вел. Кн. въ этой должности: вскорѣ Государь избралъ его своимъ намѣстникомъ на Кавказѣ. Когда Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ захотѣлъ сдѣлать первые шаги въ дѣлѣ проведенія преобразованія кадетскихъ корпусовъ, Государь и слышать объ этомъ не хотѣлъ.

Въ представителяхъ штаба военно-учебныхъ заведеній духъ Я. И. Ростовцева не умиралъ; по штату того времени при штабѣ состояло семь генераловъ—инспекторовъ военно-учебныхъ заведеній (каждый назывался инспектирующій генералъ); они назначались въ эту должность изъ директоровъ кадетскихъ корпусовъ и ежегодно командировались въ разные корпуса; между прочимъ I-й моск. кадетскій корпусъ, за время съ 1855-го года по 1861-й, видѣлъ въ своихъ стѣнахъ грозныхъ инспекторовъ: барона Розена, барона Шлиппенбаха [1]), Сутгофа [2]), Клюпфеля [3]), Анненкова, Мейпандера и, сравнительно молодого,—бывшаго до 1855 года директоромъ этого же корпуса — генерала Желтухина. Въ этихъ старыхъ представителяхъ николаевскихъ военно-учебныхъ заведеній глубоко коренилось нежеланіе пожертвовать корпусами.

Конечно, никакая сила Сутгофовъ, Клюпфелей и др. не могла бы ничего подѣлать, т. е. ни на минуту не задержала бы ходъ работы по преобразованію, которое затѣялъ Дм. Ал. Милютинъ, — если бы эти старики не находили нѣкоторое время отклика въ сердцѣ самого Государя и поддержки въ Его волѣ. Обо всемъ, что касалось идеи преобразованія, мы—кадеты, узнавали изъ разговоровъ, которые вели между собой наиболѣе развитые офицеры-воспитатели.

Между прочимъ изъ этихъ же разговоровъ мы узнали, что стариковъ инспекторовъ сильно поддерживалъ нач. шт. Д. В. Путята; едва-ли не это вызвало скорую замѣну его Никитой Вас. Корсаковымъ, который, кажется, до того состоялъ въ должности адъютанта при Ростовцевѣ и отъ него остался въ наслѣдство великому князю Михаилу Николаевичу.

О томъ, какъ относился къ намѣреніямъ Дм. Ал. Милютина великій князь, извѣстій до насъ доходило мало. Вообще же, всѣ знали тогда, что вел. князь, всегда во все входившій и близко принимавшій къ сердцу все касавшееся подвѣдомственныхъ ему учре-

---

[1]) Въ 1860 году въ первый день Свѣтло-Христова воскресенья застрѣлился въ Петербургѣ.

[2]) Бывшій директоръ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

[3]) Послѣ командованія кирасир. Его Величества полкомъ былъ долгое время директоромъ Павловскаго кадет. корпуса, должность эту передалъ ген. Мейнандеру.

жденій,—относительно корпусовъ уже мало могъ взять на себя съ той поры, когда былъ назначенъ намѣстникомъ или даже съ той минуты, когда узналъ отъ Государя, что назначеніе его на Кавказъ дѣло вполнѣ рѣшенное. За два съ лишнимъ, почти за три года управленія военно-учебными заведеніями, великому князю удалось посѣтить 1-й и 2-й Московскіе корпуса только одинъ разъ,—чуть ли не проѣздомъ на Кавказъ, т. е. уже не въ качествѣ нашего начальника.

Выслушивая доводы Дм. Ал. Милютина, который приводилъ и собственные взгляды и наиболѣе рельефныя извлеченія изъ журналовъ,—Государь, какъ гласила молва, доходившая до насъ, отвѣчалъ: „съ кадетами обожди, повремени, оставь ихъ, я ихъ любилъ и люблю; не уничтожай и не ломай хоть кадетскіе корпуса“ [1]).

II.

Однако съ теченіемъ времени, нѣкоторыя обстоятельства, а главнымъ образомъ происшедшіе, сравнительно въ короткій промежутокъ времени, повсемѣстно кадетскіе бунты заставили Государя если не сразу уступить, то съ большимъ терпѣніемъ прислушиваться къ докладамъ и доводамъ Дмитрія Алексѣевича. Замѣчательно, что одинъ изъ первыхъ кадетскихъ бунтовъ,—бунтъ происшедшій на глазахъ Государя, произведя на его мягкую натуру громадное впечатлѣніе, не измѣнилъ въ немъ прежнихъ чувствъ къ корпусамъ.

Въ тѣ времена въ Москвѣ, кромѣ 1-го и 2-го Моск. корпусовъ (въ Лефортовѣ) и Александринскаго Сиротскаго (на Знаменкѣ), помѣщался еще, въ сосѣдствѣ съ первыми двумя въ Лефортовѣ же, въ такъ называемыхъ красныхъ казармахъ, Александровскій Брестскій кад. корпусъ. Уже былъ преднамѣченъ переводъ его въ Вильну, когда, въ одинъ изъ пріѣздовъ Государя въ Москву, въ августѣ 1860 г. во время Высочайшаго смотра, передъ началомъ церемоніальнаго марша, на полѣ между зданіями трехъ корпусовъ

[1]) Произнесъ ли эти слова Государь,—неизвѣстно, но ихъ передавали тогда изъ устъ въ уста и связывали съ тѣмъ, что Государь легко согласился уже на уничтоженіе корпусовъ, какъ тактическихъ единицъ въ россійской арміи; въ то время уже рѣшено было введеніе военныхъ округовъ; отъ Франціи была заимствована территоріальная система въ раздѣленіи управленія войсками.

и Анненгофской рощей [1]), брестскіе кадеты изъ фронта „зашумѣли Царю жалобу“ на различныя притѣсненія и на несправедливость начальства. Какъ самымъ фактомъ, такъ и формой, въ которой жалоба была высказана,—Государь поразился до крайности. Его Величество, отставивъ этотъ корпусъ отъ смотра, велѣлъ немедленно произвести разслѣдованіе и подробно донести ему обо всемъ. Въ результатѣ многіе изъ кадетъ были вскорѣ переведены юнкерами въ армейскіе пѣхотные полки; директоръ ген. Редигеръ былъ немедленно смѣненъ; а затѣмъ, въ теченіе послѣдовавшихъ двухъ лѣтъ, корпусъ,—уже въ Вильнѣ,—былъ расформированъ: лѣтомъ 1862 года брестскихъ кадетъ разсѣяли по другимъ корпусамъ. Государь крайне сурово отнесся къ Брестскому корпусу, даже, какъ видно, уничтожилъ его,—какъ тогда говорили, стеръ съ лица земли, но расположенія своего вообще къ другимъ кадетамъ и къ кадетскимъ корпусамъ не измѣнилъ; да и самое распредѣленіе брест. кадетъ по другимъ корпусамъ показало, что онъ считалъ ихъ виновными, но не преступниками и всю вину ихъ объяснялъ лишь молодою, незрѣлою, неопытною манерою вести себя—проще сказать, безтактностью.

Очевидцы этого событія разсказываютъ, что Государь, услышавъ изъ фронта брестскихъ кадетъ какой-то говоръ, прислушался съ недоумѣніемъ, которое ясно выразилось на его лицѣ.

— Что? что такое? спросилъ Государь спокойно, но серьезно. Нѣсколько голосовъ громче другихъ сказали: начальство постоянно притѣсняетъ...

— Они не научены порядкамъ, будто бы сказалъ Государь, обратившись къ лицамъ, его окружавшимъ, среди которыхъ нахо-

---

[1]) Императрица Анна Іоанновна, сидя однажды на балконѣ находившагося въ Лефортовѣ, Головинскаго дворца, высказала сожалѣніе о томъ, что передъ дворцомъ нѣтъ никакой растительности—чистое поле, точно безконечная степь. На другой день, проснувшись рано и выйдя на тотъ же балконъ, Государыня увидѣла, что уже небольшое сравнительно поле отдѣляетъ дворецъ отъ великолѣпной рощи; эта роща была насажена энергіей владѣльца дворца Головина. Она существовала и роскошно произрастала въ теченіе полутораста лѣтъ: въ 1904 году лѣтомъ, ураганъ, прошедшій надъ окраинами Москвы, снесъ ее; въ тотъ же часъ былъ снесенъ находившійся по другую сторону зданія корпуса, громадный кадетскій садъ, именовавшійся Лефортовскимъ, какъ принадлежавшій Лефорту. Въ томъ саду находилась каменная бесѣдка, въ которой на стѣнѣ была вдѣлана мраморная плита съ надписью: «мѣсто отдохновенія Великаго Государя Петра I Алексѣевича». Бесѣдка та тоже сдѣлалась жертвой урагана. Садъ очевидно прежде принадлежалъ зданію, находившемуся по другую сторону рѣки Яузы; зданіе то сохранило названіе дворца Лефортовскаго, въ немъ проживали офицеры-воспитатели 1-го и 2-го Моск. кад. корпусовъ.

дился и директоръ генер.-лейт. Редигеръ; ведите ихъ прочь съ поля!

Одинъ изъ состоявшихъ тогда въ бунтовскихъ рядахъ и, по собственному сознанію, подававшій голосъ, Б., окончивъ впослѣдствіи курсъ академіи генер. штаба, занималъ высокіе и видные посты, карьера его была изъ выдающихся; только недавно его уволили за болѣзнью отъ должности, и кажется, зачислили въ Военный Совѣтъ; онъ хорошо сохранилъ въ своей памяти воспоминанія объ этомъ эпизодѣ.

Въ августѣ 1862 г. Государь посѣтилъ 1-й Моск. корпусъ; смотры сошли превосходно; начальство и кадеты не могли достаточно нарадоваться; въ послѣдній день своего пребыванія въ Москвѣ, Государь пожелалъ побывать въ помѣщеніяхъ кадетъ. Въ подобныхъ случаяхъ кадетъ ставили въ дортуарахъ по койкамъ, и Государь обходилъ ихъ. Въ 4-й ротѣ Государь увидѣлъ одного кадета, который стоялъ, придерживаясь за спинку кровати и нѣсколько согнувъ правую ногу въ колѣнѣ. Молча Государь подошелъ къ нему, вытянулъ ему обѣ руки, а своей ногой слегка поправилъ его колѣно. Что долженъ былъ подумать и испытать Государь, когда, отойдя лишь нѣсколько шаговъ и оглянувшись, онъ увидѣлъ, того же кадета принявшимъ прежнюю позу.

— Не умѣешь стоять, неучъ; какъ тебя звать?

— Кн. Д. С.

— Посадить его въ темную комнату...

Дальнѣйшій обходъ во всѣхъ ротахъ прошелъ благополучно, но Государь смотрѣлъ мрачно. Къ концу обхода всего корпуса Государь однако сказалъ директору генералъ-маіору Лермонтову:

— Я и думать не хочу, чтобы въ этомъ могъ быть умыселъ; я слишкомъ привыкъ знать 1-й Моск. корпусъ отмѣнно исправнымъ и примѣрно обученнымъ. Неуча передѣлай, научи, но въ карцеръ не отправляй; корпусъ я отпускаю на недѣлю; отпусти и его вмѣстѣ со всѣми въ отпускъ.

Долго мы переживали и самую исторію, и то милостивое снисходительное отношеніе, которое Государь, со свойственнымъ ему, никогда его не покидавшимъ великодушіемъ, показалъ огорчившему его кн. Д. С.

Въ послѣдніе дни того же 1862-го года 1-й Московскій корпусъ проявилъ себя совершенно не тѣмъ, какимъ Государь его считалъ: въ рождественскіе дни въ корпусѣ произошелъ большой бунтъ противъ директора генералъ-маіора Всеволода Николаевича Лермонтова.

Долго было бы разсказывать подробности этого въ высшей степени поучительнаго изъ жизни кадетскихъ корпусовъ эпизода.

Достаточно сказать, что старшія роты бунтовали открыто лично противъ директора, при чемъ одинъ изъ кадетъ, придя на квартиру директора, нанесъ ему оскорбленіе; первая рота цѣлыхъ двое сутокъ не давала его арестовать, вытолкала гевальдигернаго офицера, явившагося для этого съ командой нижнихъ чиновъ, забаррикадировала табуретами и шкапчиками ротную спальню; ротнаго командира, пришедшаго усовѣщивать кадетъ, они освистали и угрозами заставили удалиться; неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы виновный А-ръ не ушелъ на другой день изъ роты подъ арестъ добровольно. Вся исторія, а въ особенности причина ея взбудоражила Москву, надѣлала шума во всей Россіи и заставила вмѣшаться въ это дѣло митрополита московскаго Филарета; шумные дни бунта продолжались съ рождественскаго сочельника непрерывно двѣ недѣли.

Все стихло лишь тогда, когда въ крещенскій сочельникъ пронеслась по ротамъ вѣсть о прибытіи изъ Петербурга бывшаго директора генерала Желтухина, котораго Государь послалъ произвести строжайшее разслѣдованіе.

Сурово и строго принялся генералъ за дознаніе; оно было именно „строжайшее“; въ теченіе двухъ недѣль водили насъ съ утра до вечера къ допросу, дѣлали намъ серьезныя внушенія. Въ концѣ концовъ послѣдовало рѣшеніе: двухъ кадетъ разжаловать въ солдаты линейныхъ батальоновъ, четверыхъ перевести въ армію юнкерами, фельдфебеля 1-й роты и унтеръ-офицеровъ разжаловать въ кадеты, большей части кадетъ той роты и старшей полуроты 4-й роты рѣшено было снять погоны; многихъ кадетъ выдержали въ карцерѣ.

Когда все это было исполнено, генералъ Желтухинъ собралъ насъ въ громадный залъ, такъ называемый, Тронный и, прослезившись, сказалъ рѣчь. Въ первый разъ мы увидѣли, что онъ не утратилъ способности говорить мягко и отечески,—до такой степени онъ, во все время этого у насъ пребыванія, былъ съ нами суровъ. Вотъ что онъ сказалъ:

„Государь Императоръ, получивъ извѣстіе объ этой печальной исторіи, потребовалъ меня къ себѣ и встрѣтилъ словами, повергшими меня въ большое горе: „вотъ и твои москвичи возмутились; этого я никакъ не ожидалъ; Мнѣ очень больно было узнать, что Я такъ ошибался въ твоихъ питомцахъ“.

„Вы видите, какъ Государь относился къ славному нашему корпусу, и какого довѣрія вы теперь лишились“.

„Поѣзжай, разбери, подробно разузнай все; виновныхъ, а главное зачинщиковъ придется строго, въ примѣръ другимъ, наказать“, добавилъ Государь.

„Потребовавъ меня вторично, въ день моего отъѣзда, Государь, при прощаньи, сказалъ: „повторяю, отъ 1-го Московскаго корпуса я ничего подобнаго не ожидалъ; тѣмъ, которые окажутся непричастными, передай, что я кадетъ любилъ и люблю, какъ дѣтей своихъ; я ихъ берегъ, но вижу, что теперь мнѣ не удастся сберечь корпуса; чувствую, что придется склониться къ производству коренныхъ перемѣнъ; мнѣ жаль кадетъ, но надо отнять у нихъ возможность такъ неосторожно и неблагоразумно-распущенно вести себя".

Передавая все это, ген. Желтухинъ поминутно останавливался, слезы перебивали его рѣчь.

Долго мы оставались подъ впечатлѣніемъ этихъ словъ. Впослѣдствіи много разъ намъ доводилось слышать отъ своихъ офицеровъ, что эта, случившаяся послѣ цѣлой вереницы бунтовъ, происшедшихъ въ другихъ корпусахъ, бунтовская исторія 1-го Моск. корпуса едвали не была той каплей, которая склонила Государя къ допущенію намѣченныхъ Д. А. Милютинымъ реформъ. Съ корпусною жизнью видно придется разстаться, говорили офицеры-воспитатели.

III.

Все описанное случилось на рубежѣ 1862 и 63-го годовъ, а лѣтомъ 63 года стало положительно извѣстно, что новый курсъ ученья 1863/4 г.г. военно-учебныя заведенія начнутъ въ обновленномъ, преобразованномъ видѣ.

Недавно на страницахъ „Русской Старины" [1]) было вскользь упомянуто о томъ, какъ въ августѣ 1863 года составились изъ корпусовъ военныя училища, и какія послѣдовали перемѣны въ бытѣ кадетъ, ставшихъ юнкерами.

Перемѣны эти совершенно перевернули нашу жизнь; переходъ этотъ изъ 1-го Моск. корпуса въ Александровское военное училище сохранился въ нашей памяти на всегда, какъ нѣчто особое, какъ „переломъ". Долго не могли мы привыкнуть къ новымъ порядкамъ. Почти десять лѣтъ, проведенные въ корпусѣ, пріучили насъ къ извѣстному строю жизни; жизнь въ четырехъ стѣнахъ вмѣстѣ съ ея нежелательною стороною, каковою является „застой,— лѣнивыхъ покой", наложила на насъ свою печать; переходъ къ кореннымъ перемѣнамъ показался намъ очень непріятной и тяжелой ломкой.

---

[1]) См. журн. «Русская Старина», 1908 г., кн. V, май, ст. «Ошибки короля Лира».

Мы прямо тосковали; собираясь по вечерамъ, толковали, утѣшали другъ друга, перебирали на разные лады прошлое, казавшееся лучшимъ, сопоставляли съ нимъ настоящее, являвшееся для насъ крайне неприглядным.

Какъ нарочно, носились толки о предстоявшихъ строгостяхъ; онѣ неминуемо должны были выплыть изъ новыхъ условій, въ которыя насъ поставили;—зачетъ годовъ, проводимыхъ на школьной скамьѣ, въ дѣйствительную военную службу, долженъ былъ вызывать во всемъ болѣе серьезную отвѣтственность.

Туго переживался весь этотъ переломъ, въ особенности людьми экспансивными; медленно входили нѣкоторые изъ насъ въ сознаніе того, что, въ сущности, жизнь наша стала лучше, что условія новой жизни показались суровыми лишь потому, что, какъ новыя,—они заставляли насъ расшевелиться, пораздумать, побезпокоиться, выйти изъ апатіи.

Прошло немало времени, пока на вечернихъ сборищахъ „первомосковцевъ“ стали раздаваться голоса, доказывавшіе, что если съ нами здѣсь и будутъ обходиться строже, то, во всякомъ случаѣ, будутъ къ намъ относиться человѣчнѣе, справедливѣе. Дошло до того, что только очень упорные не соглашались съ выводами большинства, начинавшаго признавать жизнь корпусную кадетскую гораздо болѣе „безпроглядною“.

Съ теченіемъ времени въ этихъ сборищахъ начали принимать участіе бывшіе кадеты 2-го Московскаго корпуса; затѣмъ, мало-помалу, начали заходить и другіе, нашедшіе себѣ пріятелей между первомосковцами.

Однажды въ очень пасмурный, осенній вечеръ передъ всенощной сошлись мы на сборищѣ въ особенно большомъ числѣ; погода задержала, мало кто рѣшился оставить стѣны училища, нѣкоторые стали было толковать на старые лады, перебирая одно и то же, жалуясь на судьбу. Вдругъ одинъ изъ нашей среды, бывшій кадетъ 1-го московскаго корпуса—Ивановъ 9-й Никаноръ,—юноша тихій, смирный, скромный, но малый развитой и серьезный,—заговорилъ предобродушно, однако съ большимъ оттѣнкомъ укора: „сѣтованія, которыя тутъ раздаются, однообразны, докучливы и, въ сущности, несправедливы; на что намъ жаловаться? только себя раздражаемъ; въ корпусѣ жилось намъ хорошо—словъ нѣтъ; но чѣмъ хорошо? только тѣмъ, что товарищество было между нами хорошее. Развѣ не отъ насъ зависитъ установить его здѣсь и сохранять впредь; наше житье тогда здѣсь несомнѣнно будетъ гораздо лучше. Вотъ двухъ мѣсяцевъ еще не прошло, какъ мы здѣсь, а развѣ не видно

уже, на сколько мы здѣсь удалены отъ того давленія, которымъ насъ щемили тамъ и ротные командиры, и офицеры-воспитатели? Посмотрите, какія здѣсь къ намъ отношенія всѣхъ офицеровъ, тамъ такія прорывались быть можетъ у одного-двухъ изъ сорока, а здѣсь давящихъ отношеній не прорывается положительно ни у одного изъ офицеровъ; всѣ они, при своемъ строгомъ, или, вѣрнѣе, серьезномъ отношеніи къ намъ, держатъ себя съ нами все-таки почти, какъ старшіе товарищи наши; вотъ поживемъ — увидимъ. А вѣдь если имѣть, во что бы то ни стало, неудовольствіе на все и только неудовольствіе, если предвзято находить все дурнымъ, — что изъ этого можетъ выйти? Невольно припомнишь, что именно во всѣ времена, во всѣхъ странахъ, такъ и нарождались ретрограды—приверженцы стараго порядка; они вездѣ, всегда и во всемъ мѣшали двигать жизнь впередъ, тормозили всякое движеніе. Намъ очевидно даютъ здѣсь что-то новое; стараго ужъ намъ не вернуть, будемъ лучше терпѣливо ожидать; увидимъ, что и какъ здѣсь для насъ сложится, что и какъ для насъ намѣчено. Возблагодаримъ нашъ славный 1-й Моск. кад. корпусъ, будемъ всегда вспоминать его привѣтливыя стѣны съ благодарностью, а сами, право, сдѣлаемъ во сто кратъ лучше, если обратимся всецѣло къ новой жизни. Присмотритесь, какъ старается поднять каждаго изъ насъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ, какъ ему въ этомъ содѣйствуютъ всѣ: и инспекторъ классовъ Сергѣй Александровичъ Слуцкій и его помощникъ Пав. Ник. Юшеповъ и всѣ, всѣ; при всемъ томъ, что они всѣ имѣютъ видъ суровый,—какъ они умѣютъ подчеркнуть свое къ намъ доброжелательство; могли ли бы въ корпусѣ увидѣть во снѣ такое обращеніе, какимъ насъ даритъ, напримѣръ, нашъ ротный командиръ А. Г. Бринкманъ“ [1]).

Эти слова Иванова произвели немалое впечатлѣніе на собравшихся юнцовъ; они многихъ и отрезвили и ободрили и успокоили. Ивановъ сумѣлъ соединить все то, что каждому изъ насъ отрывками уже приходило въ голову.

Прошло немного времени, и мы всѣ пришли къ убѣжденію, что

---

[1]) Александръ Германовичъ фонъ Бринкманъ былъ въ 1858 году изъ школы гв. подпрапорщиковъ (нынѣ Никол. кавалер. училище) произведенъ въ прапорщики въ конно-гренад. полкъ, оттуда въ чинѣ шт.-капитана переведенъ былъ репетиторомъ въ Воронежскій кад. корпусъ, а затѣмъ въ Алекс. военное училище и назначенъ командиромъ 3-ей роты. Впослѣдствіи состоялъ въ должности вице-губернатора въ Самарской губ., потомъ въ Астраханской,—тамъ, кажется, скончался, оставивъ по себѣ прекрасную память во всѣхъ, знавшихъ его.

начальникъ училища Б. А. Шванебахъ задалъ себѣ главную задачу,—въ каждомъ изъ насъ разбудить человѣка и высоко поднять человѣческое достоинство. Онъ этого не подчеркивалъ, объ этомъ не говорилъ, но мы ясно видѣли это во всякомъ его шагѣ, во всякомъ его дѣйствіи. Совершенно точно и опредѣленно онъ направилъ, въ этомъ отношеніи, по своимъ стопамъ дѣятельность всѣхъ сотрудниковъ своихъ, начиная съ инспектора классовъ, батальоннаго и ротныхъ командировъ, кончая младшими отдѣленными офицерами. Въ этомъ отношеніи ему облегчило путь то обстоятельство, что, одновременно съ принятіемъ должности начальника училища, онъ выговорилъ себѣ право — самому выбрать себѣ весь составъ должностныхъ лицъ.

Мы чувствовали и знали, что если каждому изъ насъ, за всякій проступокъ, за всякое нарушеніе обязанностей, строго достанется по закону, то, въ случаѣ нужды, при нашей правотѣ и при попираніи кѣмъ бы то ни было нашихъ правъ, — Б. А. станетъ за каждаго изъ насъ горой, хотя никогда этого не выкажетъ, не выскажетъ и не обнаружитъ [1]). Бывали случаи вмѣшательства военно-окружнаго начальства въ поведеніе и въ жизнь юнкеровъ, но Б. А., принимая отъ этого начальства заявленія справедливыя и правильныя, скоро отучилъ его отъ стремленія вмѣшиваться въ мелочи и придирокъ.

Такимъ образомъ за два года пребыванія въ этомъ заведеніи на Знаменкѣ въ Москвѣ, мы твердо узнали, что значитъ постоянная и бдительная защита нашихъ правъ, нашего достоинства; мы чувствовали себя подъ покровительствомъ и знали, что въ покровительствѣ этомъ Шванебаху всегда дружно и охотно оказывали поддержку всѣ стоявшіе надъ нами, т. е. всѣ его подчиненные,— наши прямые начальники.

Обходя роты, Шванебахъ завелъ обычай разговаривать съ юнкерами; онъ обыкновенно что-нибудь разсказывалъ, что-нибудь объяснялъ; сначала мы дичились, такъ какъ въ корпусѣ директоръ никогда просто съ кадетами не говорилъ; разговоръ директора вы-

---

[1]) Многое вообще было заботами генерала Шванебаха насаждено въ нашу пользу. Здѣсь же все это приведено вскользь по связи съ главнымъ предметомъ предлагаемыхъ извлеченій изъ воспоминаній. Б. А. Шванебахъ состоялъ начальникомъ Алекс. в. учплища 11 лѣтъ—съ 1863 до 1874 года, когда былъ назначенъ членомъ конференціи Никол. инж. академіи, а также членомъ инжен. комитета гл. инжен. управл.; въ этихъ должостяхъ состоялъ до кончины, послѣдовавшей 4 февраля 1905 г.

ходилъ чѣмъ-то необыкновеннымъ, для этого насъ выстраивали и директоръ или даже ротные командиры иначе съ кадетами не говорили, какъ передъ фронтомъ. Скоро мы освоились на столько, что и со Шванебахомъ и съ другими начальниками нашими вступали въ разговоръ совершенно просто, безъ стѣсненія. Больше другихъ насъ привлекалъ своей бесѣдой помощникъ инспектора классовъ гв. артиллеріи поручикъ Пав. Ник. Юшеновъ (онъ же преподавалъ намъ артиллерію). Нѣсколько разъ мы бесѣдовали съ нимъ на излюбленную тему—сравненіе кадетской и юнкерской жизни; мы высказывали большое удовлетвореніе училищными порядками; самъ онъ, въ свое время, выйдя въ офицеры изъ фельдфебелей 1-го Моск. кад. корпуса, поступилъ въ офицерскіе классы Мих. арт. училища (нынѣ Мих. арт. академія), а затѣмъ опредѣлился въ 1-й же Моск. корпусъ учителемъ артиллеріи. Онъ высказывалъ нѣсколько разъ, что отдѣленіемъ спеціальныхъ классовъ изъ корпусовъ и доставленіемъ намъ такихъ условій жизни насъ просто облагодѣтельствовали; всѣмъ этимъ, говорилъ онъ, вы обязаны очень молодому офицеру генеральнаго штаба—Драгомирову,—профессору академіи генеральнаго штаба, онъ собственно представилъ проектъ отдѣленія спеціальныхъ классовъ отъ общихъ.

IV.

27 августа 1865 года въ Москвѣ на Николаевскомъ вокзалѣ Б. А. Шванебахъ заботливо и нервно усадилъ насъ—человѣкъ сорокъ юнкеровъ своего училища, въ два вагона третьяго класса Ник. жел. дор. для отправленія въ Петербургъ; большинство направлялось въ Михайловское артиллерійское училище, а часть въ Никол. инженерное.

Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ прощанья съ товарищами, оставшимися въ Алекс. в. училищѣ, и разставанья со своимъ начальникомъ двинулись мы въ путь.

По сравненію съ моментомъ пріѣзда въ Алекс. в. училище каждый изъ насъ сталъ старше на два года; для каждаго эти два года прошли далеко не безслѣдно; о той безотчетной тоскѣ, какую мы испытали, покинувъ стѣны 1-го Моск. корпуса и съ какою вошли въ Александр. в. училище,—не могло быть рѣчи. Однако тутъ, въ артил. училищѣ, присмотрѣвшись въ теченіе нѣсколькихъ дней къ положенію своему, а главное къ новому начальству, каждый изъ насъ почувствовалъ, что такой заботы о насъ, объ охраненіи

самаго дорогого для насъ, самаго высокаго чувства—человѣческаго достоинства, мы не встрѣтимъ. Мы увидѣли, что новое начальство, при всей добротѣ своей, было совершенно безразлично по отношенію ко всему, что насъ касалось; оно, правда, не попирало умышленно нашихъ самолюбій, но оно и не стало бы горой за насъ, если бы кому-нибудь изъ насъ пришлось перенести что-либо непріятное; это было равнодушное начальство. Такъ разсуждали александровцы; безъ сомнѣнія, въ этомъ было видно не мало избалованности и, пожалуй, сантиментальности. Но все это вылилось у каждаго изъ насъ. Послѣ кадетскаго корпуса мы быть можетъ оцѣнили бы это начальство иначе; быть можетъ, встрѣтившіеся съ нами здѣсь собранные на годъ для совмѣстнаго ученья товарищи, прибывшіе въ артил. училище изъ Павловскаго военнаго училища и изъ Константиновскаго, смотрѣли иначе на это начальство; мы же, александровцы, считали себя перешедшими къ худшему;—вкусивши сладкаго,—мы тяготились горькимъ.

Ко всему этому новое наше начальство, не обращая вниманія на многое важное, придавало значеніе нѣкоторымъ мелочамъ, чего въ Александр. училищѣ и въ поминѣ не было.

Изъ начальствовавшихъ лицъ, что называется, не на комъ было оживиться, не на комъ было дать отдыхъ чувствамъ. Нач. арт. училища и академіи генер.-лейт. А. С. Платовъ, горделиво несшій свою голову, поглядывавшій на все свысока, казалось, ни о чемъ больше и не думалъ кромѣ того, чтобы не уронить себя; злымъ онъ не былъ, но былъ вполнѣ типомъ человѣка равнодушнаго ко всему кромѣ себя.—Объ инспекторѣ классовъ полк. А. В. Гадолинѣ нечего и говорить: эта серьезная, угрюмая, по сути, пунктуальная шведская фигура вся была сосредоточена исключительно на своей персонѣ, къ тому же, казалось, у него была даже рѣшительно отнята способность улыбаться.—Батар. командиръ подполк. конной артил. А. Я. Фриде,—мягкій, ласковый, съ виду предобрый—нашему юному чутью представлялся хитрымъ и довѣрія къ себѣ не возбуждалъ.—Офицеры, за исключеніемъ быть можетъ двухъ младшихъ, казались сонными старцами, очень напоминавшими тотъ типъ, который, въ лицѣ корпусныхъ офицеровъ, набилъ намъ оскомину своею безжизненною формалистикой.—Дурного объ нихъ никто изъ насъ сказать ничего не могъ: нельзя же осуждать человѣка за то, что въ немъ не было видно положительныхъ качествъ; слава Богу, что приходилось отмѣтить отсутствіе отрицательныхъ.—Но вѣдь это не все то, чего могли требовать или чего ожидали наши юныя сердца и юные умы.—Къ тому же видѣлся какой-то разладъ въ отношеніяхъ между разнороднымъ начальствомъ—не было того единства, которое царило

во всей обстановкѣ взаимныхъ отношеній начальства Александр. училища.

Чувствовалось, что, прибывъ сюда мы, въ своемъ обиходѣ, какъ бы сдѣлали шагъ назадъ, и что въ этой училищной жизненной обстановкѣ все для насъ отодвинулось почти на ту линію, на которой наша жизнь держалась въ кад. корпусѣ.

Конечно, это все больше мелочи первыхъ впечатлѣній.

Некогда однако было долго грустить; пришлось скоро отдаться серьезнымъ занятіямъ, забыть все и погрузиться въ науку, тѣмъ болѣе, что, судя по программамъ, курсъ предстоялъ пространный, сложный и долженъ былъ потребовать отъ каждаго кропотливой работы.

V.

Однажды, приблизительно во второй половинѣ сентября 1865 года, я, въ толпѣ юнкеровъ, шелъ задумавшись по классному корридору училища и вдругъ увидѣлъ предъ собой незнакомаго полковника генеральнаго штаба; на немъ былъ довольно поношенный сюртукъ, помнится, съ мягкими, помятыми погонами; онъ тихо пробирался по стѣнкѣ, какъ будто сторонясь всего, что могло ему попасться навстрѣчу.—По принятому порядку, мы,—юнкера, шедшіе тутъ же ему навстрѣчу, останавливались въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него и кланялись; ни слова не говоря, онъ отвѣчалъ наклономъ головы, но при этомъ такъ пристально на насъ смотрѣлъ, такъ каждаго изъ насъ оглядывалъ, что глазами своими просто пронизывалъ насъ.

— Кто это? спросили въ одинъ голосъ нѣкоторые изъ насъ, чуть ли не раньше, чѣмъ полковникъ успѣлъ достаточно удалиться.

— Какъ! Вы не знаете кто это! Вы не знаете профессора Драгомирова; эхъ, Москва, Москва матушка; какъ же не знать Драгомирова, вѣдь это всѣмъ профессорамъ профессоръ, а Сухарева башня спрашиваетъ, кто это, забарабанилъ въ шутовскомъ тонѣ, очень веселый, претендовавшій очевидно на обладаніе большой дозой остоумія, юнкеръ Х—въ, поступившій въ старшій классъ изъ Константиновскаго училища.

Не обращая вниманія на его изощренія, я спросилъ:—а какой предметъ онъ будетъ у насъ читать?

— Будетъ читать, отвѣтилъ Х—въ, только не вамъ, то бишь не намъ, а младшему классу, ботанику, то бишь тактику.—Дешевенькая острота, разсмѣшила нѣсколькихъ человѣкъ, засмѣялся и обгонявшій насъ, спѣшно бѣжавшій по корридору, нашъ батарейный командиръ подполк. Фриде.

— Что, батенька Х—въ, вы все беззаботно веселы и веселите другихъ, отмѣнное дѣло! Сказавъ это, А. Я. Фриде скрылся въ концѣ корридора въ библіотечной комнатѣ, видимо, направляясь въ инспекторскую.

У многихъ изъ насъ, встрѣтившійся намъ полковникъ, что называется, врѣзался въ памяти.

Каждый разъ, встрѣчая его, мы присматривались къ нему такъ сильно, что казалось онъ замѣчалъ это.

На тотъ учебный 1865—6 годъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, въ которомъ въ предыдущемъ году состоялъ лишь одинъ старшій классъ, соотвѣтствовавшій 3-му спеціальному классу кадетскихъ корпусовъ, былъ собранъ изъ военныхъ училищъ опять такой же старшій классъ и, кромѣ того, въ видѣ младшаго класса былъ открытъ курсъ, соотвѣтствовавшій кадетскому 1-му спеціальному [1]); такимъ образомъ, средняго класса не существовало и лишь въ 1866—7 учебномъ году, когда новый младшій классъ составился тѣмъ же порядкомъ, въ средній классъ былъ переведенъ младшій классъ артил. учил. курса 1865—6 года, а старшій опять былъ набранъ исключительно изъ пожелавшихъ учениковъ старшихъ классовъ военныхъ училищъ.

Младшему классу 1865—6 учебнаго года предстояло слушать лекціи полковника Драгомирова по тактикѣ и стратегіи.—Мы таки позавидовали тому, что не доведется намъ послушать этого всѣмъ профессорамъ профессора! Намъ при этомъ вспоминалось то баловство, которое намъ доставилъ въ Александровскомъ училищѣ Б. А. Шванебахъ: въ теченіе двухъ лѣтъ мы слушали тамъ профессоровъ Московскаго университета С. М. Соловьева (исторія), М. Н. Капустина (законовѣдѣніе), И. К. Бабста (статистика), Лосковскаго (химія), Юркевича (логика и психологія), не говоря уже о томъ, что Законъ Божій, съ частью Богословія, преподавалъ намъ молодой училищный священникъ, впослѣдствіи замѣчательный профессоръ богословія Московскаго университета Александръ Васильевичъ Иванцовъ-Платоновъ [2]).

---

[1]) Приняты были лучшіе изъ числа окончившихъ курсъ въ общихъ классахъ кадетскихъ корпусовъ, и кромѣ того, по конкурсному экзамену, лица, пожелавшія опредѣлиться изъ гражданскихъ учебныхъ заведеній.

[2]) Намъ стало тогда извѣстно, что фамилія Платоновъ прибавляется на всегда съ потомствомъ тому ученику, который оканчиваетъ первымъ курсъ Московской Духовной академіи на премію митрополита Платона (кажется, черезъ каждые четыре года разъ). Такимъ образомъ извѣстны до сихъ поръ фамиліи: Гиляровъ-Платоновъ, Смирновъ-Платоновъ, Иванцовъ-Платоновъ и др.

Въ Михайл. артиллерійскомъ училищѣ со своими однокурсниками пришлось познакомиться очень скоро, т. к. всѣ мы помѣщались въ одномъ общемъ дортуарѣ и въ теченіе сутокъ находились все время вмѣстѣ. Мало-по-малу довелось познакомиться и съ нѣкоторыми юнкерами младшаго класса. Среди нихъ Савичъ (тяжело раненый подъ Ловчей 22 авг. 1877 г.), Никитинъ Сухинскій (извѣстный работами по пороховому дѣлу), но особое вниманіе обращалъ на себя веселый, симпатичный, разбитной, остроумный мальчикъ Боголюбовъ (Алексѣй); онъ поступилъ въ младшій классъ училища изъ дому, учился въ русской гимназіи въ Варшавѣ, гдѣ отецъ его состоялъ въ должности военно-медицинскаго инспектора Варшавскаго военнаго округа. Мальчикъ онъ былъ чрезвычайно общительный, живой, говорилъ всегда громко, какъ бы ведя общій разговоръ; колокольчикомъ раздавался его голосъ, говору его придавало особую прелесть произношеніе буквы *р*, которую онъ отъ природы картавилъ, какъ французъ. Не разъ онъ разсказывалъ съ большимъ восторгомъ о лекціяхъ Драгомирова, нерѣдко передавалъ вкратцѣ содержаніе ихъ и такъ заинтересовалъ нѣкоторыхъ изъ насъ, что мы, подумавши нѣмного, начали ходить на эти лекціи въ аудиторію младшаго класса. Это рискованное предпріятіе вызывало съ нашей стороны манкированіе своими лекціями: доводилось попадать на лекціи полковника Драгомирова украдкой, — контрабандно.

Въ нашемъ строевомъ отдѣленіи старшаго класса на одну изъ дававшихся въ младшемъ классѣ лекцій полковника Драгомирова, приходилась лекція фортификаціи высокообразованнаго, но намъ казавшагося скучнѣйшимъ изъ скучныхъ, — профессора инженеръ-полковника Квиста; на другую лекцію приходились практическія занятія въ богатѣйшей химической лабораторіи училища и академіи. Замѣняя съ легкимъ сердцемъ обязательную лекцію полковника Квиста лекціей полковника Драгомирова, мы скорбѣли о томъ, что не можемъ сдѣлать того же съ часомъ практическихъ по химіи занятій. Но скоро это дѣло уладилось: по самой постановкѣ дѣла можно было всегда занятія по химіи наверстать, такъ какъ каждому юнкеру ящикъ для занятій въ лабораторіи предоставлялся въ полное распоряженіе во всякое время.

Мы были крайне довольны тѣмъ, что дѣло „приватнаго“ слушанія лекцій полковника Драгомирова у насъ наладилось и какъ бы вошло въ колею; свои лекціи тактики и стратегіи онъ до крайности разнообразилъ, пересыпая ихъ яркими примѣрами изъ военной исторіи; говорилъ онъ совершенно просто, понятно, образно и увлекательно; выходило очень краснорѣчиво и интересно; не только

мы,—знакомые съ предметомъ, прослушавшіе двухгодичный курсъ спеціальныхъ военныхъ классовъ, увлекались его лекціями, но и ученики, только что начавшіе военныя науки, молодые люди, впервые соприкасавшіеся съ этими, въ сущности, сухими предметами, были такъ увлечены, заинтересованы безхитростнымъ, но умѣлымъ словомъ Михаила Ивановича, что рѣшительно съ нетерпѣніемъ ожидали его лекцій. Дѣйствительно это всѣмъ профессорамъ профессоръ, говорили мы между собой, оставаясь всякій разъ долго подъ впечатлѣніемъ всего слышаннаго отъ него, перебирая все, чего онъ касался и что передавалъ нашему увлеченному, очарованному вниманію.

Въ этихъ лекціяхъ не было ничего претенціознаго, бьющаго, съ какой бы то ни было стороны, на эффектъ, а главное не было ничего такого, чѣмъ уже въ тѣ времена начали грѣшить и щеголять нѣкоторые изъ профессоровъ и преподавателей, бившихъ на популярность. Полковникъ Драгомировъ и не думалъ давать себѣ трудъ проявлять въ своихъ лекціяхъ либерализмъ, который такъ нравился молодежи, и до котораго она вообще вездѣ и всегда бываетъ и бывала падка.

Онъ совершенно искренно дѣлился съ молодежью своими знаніями; а съ какой простотой онъ давалъ объясненія на чьи-либо вопросы! Случилось разъ, что тотъ же Боголюбовъ, желая получить разъясненіе слышаннаго на лекціи, подошелъ къ полковнику, безъ всякой церемоніи, при встрѣчѣ съ нимъ въ корридорѣ училища и заговорилъ объ интересовавшемъ его вопросѣ.

Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ остановился, выслушалъ, оглядѣлъ юнкера съ ногъ до головы своимъ испытующимъ взоромъ, спросилъ фамилію и сказалъ: и я теперь очень тороплюсь, но при слѣдующей встрѣчѣ потрудитесь мнѣ напомнить, и мы объ этомъ интересномъ вопросѣ потолкуемъ".

Тогда же было узнано стороной, что полковникъ торопился, не болѣе не менѣе, какъ въ Зимній дворецъ на лекцію,—къ одному изъ великихъ князей—сыновей Государя.

Каково же было удивленіе юнкера Боголюбова, когда, дня черезъ четыре послѣ того, придя на лекцію въ аудиторію, полковникъ Драгомировъ вызвалъ его, самъ подробно повторилъ содержаніе его запроса и изъ этого вопроса, заданнаго, въ сущности юнымъ, любознательнымъ ученикомъ, сдѣлалъ въ высшей степени интересную, любопытную импровизированную лекцію, которая, конечно, была больше всего похожа на бесѣду.

Съ тѣхъ поръ сдѣлалось обычнымъ явленіемъ, что интересовавшійся какимъ-либо вопросомъ юнкеръ подходилъ къ Михаилу Ива-

новичу при окончаніи имъ лекцій, задавалъ ему вопросъ, и Драгомировъ при первомъ же удобномъ случаѣ съ большимъ терпѣніемъ давалъ свои поясненія. И никто этимъ не злоупотреблялъ. Мы видѣли, что Михаилъ Ивановичъ нисколько не тяготился появленіемъ въ нѣкоторыхъ запросахъ массы незрѣлаго, наивнаго; онъ при этомъ нисколько не гнушался давать объясненія серьезно, участливо и старательно. Далекъ онъ былъ отъ того, чтобы подчеркивать чью бы то ни было неразвитость или осмѣивать ее; вообще во всемъ, какъ и во всѣхъ оттѣнкахъ его обращенія съ нами, видно было его стремленіе поставить каждаго изъ насъ въ такое положеніе, чтобы кажущееся недосягаемымъ являлось для насъ въ концѣ концовъ яснымъ и понятнымъ; дѣлалъ онъ все это совершенно незамѣтно и безъ подчеркиванья.

Мы, юнцы, просто переживали то сочувствіе, съ которымъ онъ къ намъ относился и которымъ отъ него вѣяло.

Все это мы, перебирая между собой на разные лады, скоро оцѣнили и этимъ, въ часы досуга, старательно дѣлились между собой. Иногда мы высказывали всплывавшее въ насъ чувство похожее на то, какое представлялось намъ при воспоминаніи о Б. А. Шванебахѣ. Однажды Боголюбовъ, прислушавшись къ нашимъ словамъ на этотъ счетъ, сказалъ: „Тутъ кроется что-то фатальное; не даромъ Драгомировъ славится, какъ человѣкъ, который главнымъ образомъ содѣйствовалъ выдѣленію въ военныя училища изъ кадетскихъ корпусовъ спеціальныхъ классовъ. Если бы не Драгомировъ, никогда реформа военно-учебныхъ заведеній не вылилась бы въ такое удачное отдѣленіе спеціальныхъ классовъ, и вы не попали бы въ руки вашего Шванебаха все было сдѣлано по его проекту“. Мы вспомнили слова П. Н. Юшенова.

Мало намъ доводилось разговаривать съ Драгомировымъ, а расположеніе наше къ нему все болѣе и болѣе росло.

Приглядываясь къ нему и слушая все, что онъ говорилъ, мы больше и больше видѣли въ немъ общаго между нимъ и Б. А. Шванебахомъ, именно въ ихъ отношеніяхъ къ намъ; мы убѣждались въ томъ, что этотъ державшій себя далеко отъ насъ, профессоръ, былъ крайне близокъ къ намъ: вселяя въ насъ воинскій духъ, онъ стремился поднять въ насъ понятія о человѣческомъ достоинствѣ, мы видѣли, что, по врожденному чувству, онъ въ каждомъ изъ малыхъ уважалъ человѣка. Выражалъ онъ это иначе, чѣмъ Б. А. Шванебахъ,—это были двѣ совершенно различныя натуры, и общаго между ними было то, что Драгомировъ, такъ же, какъ и Шванебахъ, дѣлалъ это безъ всякаго желанія показать намъ это

или вѣрнѣе съ полнѣйшимъ желаніемъ не обнаружить, не выставить и не дать почувствовать.

Мы находили тогда же, что Михаилъ Ивановичъ не проявлялъ ничего дѣланнаго, все у него являлось вполнѣ цѣльнымъ и натуральнымъ.

А. Е. К.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Н. Обручевъ.

Большіе начальники рѣдко любятъ „возраженія“, а „противорѣчія“ тѣмъ болѣе. Непріятно такому начальнику слышать отъ подчиненнаго, при полученіи приказанія, что-нибудь вродѣ, напримѣръ, слѣдующаго: „я съ этимъ вопросомъ не знакомъ“; „не могу взять на себя“, „увольте...“ и т. п., несмотря на то, что подобный отказъ основанъ часто на добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу. Еще хуже заявленіе, хотя и въ надлежащей формѣ выраженное: „я другого мнѣнія“.

Генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Обручевъ, начальникъ главнаго штаба, былъ большимъ начальникомъ, человѣкомъ большого ума. Нѣкоторые прибавляли: „деспотическаго“ ума. Утверждали даже, что Обручевъ „возраженій“ не терпитъ, а быть „другого мнѣнія“—нечего и думать.

Такъ ли это однако было? Я склоненъ думать, что Обручевъ былъ, можетъ быть, „деспотиченъ“—но только къ „не уму“, или къ „незнанію“. Изъ множества моихъ воспоминаній, „изъ прошлаго“, привожу нижеслѣдующее.

Въ былое время, по зимамъ, въ Петербургъ сзывались начальники окружныхъ штабовъ, преимущественно пограничныхъ и въ главномъ штабѣ, подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Обручева, происходили засѣданія, посвященныя весьма важнымъ вопросамъ, по „мобилизаціи“, „оборонѣ“, „крѣпостямъ“ и т. п. Обручевъ обыкновенно начиналъ съ того, что, сообщивъ засѣданію очередной вопросъ, разсматривалъ его, „освѣщалъ“ со всѣхъ сторонъ, дѣлалъ „сводку“, а въ концѣ своей рѣчи, всегда талантливой, представлялъ на обсужденіе собранія „выводъ“, въ которомъ, какъ хорошо знали члены собранія, всегда заключался взглядъ самого Н. Н. Обручевъ кончалъ даже, иногда, слѣдующими словами: „Казалось бы, что на этотъ вопросъ можно взглянуть такъ“... Такая постановка дѣла, при всей своей естественности, имѣла очень дурную сторону, такъ какъ всѣмъ былъ извѣстенъ личный характеръ „вывода“, и члены,

„слабые“ въ своихъ воззрѣніяхъ, считали долгомъ, безъ возраженій, безапелляціонно соглашаться съ „выводомъ“. На одномъ изъ такихъ засѣданій, Обручевъ, кончивъ свое вступленіе и сдѣлавъ „выводъ“, обратился къ ближайшему сосѣду, М. Ѳ. М., со словами: „М. Ѳ., вы, что скажете?“—„Я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ В. Пр.“,—послѣдовалъ отвѣтъ. „А вы Ѳ. А.?“—обратился Обручевъ къ слѣдующему. „И я тоже“, лаконически отвѣтилъ Ѳ. А. Ф. По мѣрѣ опроса остальныхъ членовъ, очередь дошла до одного пріѣзжаго изъ провинціи Х. и, о ужасъ, этотъ Х. началъ возражать Обручеву, разбивать его „выводъ“. Многіе изъ присутствующихъ, одни съ изумленіемъ, другіе—не то съ негодованіемъ, не то со страхомъ, смотрѣли на этого смѣльчака. На лицахъ нѣкоторыхъ читалось: „дерзновенный!“... Обручевъ очень внимательно и терпѣливо выслушалъ до конца, опросилъ остальныхъ и затѣмъ, обращаясь ко всѣмъ сказалъ: „Теперь мы выслушали всѣхъ, и можно собирать голоса. М. Ѳ. что вы скажете?“—„Я, по-прежнему, согласенъ съ мнѣніемъ В. Пр.“—„А вы, Ѳ. А.?“—„Я тоже“...

Вдругъ, точно молнія зимой упала. Обручевъ, очень серьезно, весьма твердо и рѣшительно проговорилъ: „И напрасно-съ. Я отъ своего мнѣнія отступилъ и согласенъ вотъ—съ г. Х.!“...

Картина.

Сообщ. П. Паренсовъ.

Изъ минувшаго.

(Воспоминанія и впечатлѣнія литератора. 1865—1897 г.) [1]).

XII.

Славянское движеніе.

Начало славянскаго движенія въ 1875 году.—Оживленіе и новое направленіе славянскаго комитета.

Освободительное движеніе 60-хъ годовъ весьма часто приравниваютъ къ анархіи. Преобразованія Александра II обзываютъ противонародными и яко-бы враждебными истинно-русскому духу.

Люди, родившіеся послѣ 19-го февраля 1861 года, чуть не съ презрѣніемъ говорятъ о великой реформѣ, какъ о какой-то ничтожности. Другіе съ негодованіемъ отрицаютъ самую мысль о возможности возобновленія выкупной операціи съ цѣлью земельнаго обезпеченія крестьянъ. Всѣмъ этимъ хулителямъ можно отвѣтить стихомъ Некрасова:

Знаю: на мѣсто цѣпей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ;
Такъ... но распутать ихъ легче народу,
Муза!... Съ надеждой привѣтствуй свободу.

Въ свѣтлые дни освобожденія совершилось одно важное пріобрѣтеніе, которое теперь забыто. Освободился, развился нашъ род-

[1]) См. „Русская Старина“ 1908 г. май.

ной литературный языкъ. Хорошо ли или дурно, умно или глупо но на русскомъ языкѣ говорятъ и въ новыхъ законодательныхъ палатахъ. Онъ служилъ орудіемъ объединенія и общенія. Русскимъ „глаголомъ“ всѣ національности, входящія въ составъ Россіи, возстаютъ противъ произвола и варварства; на нашемъ литературномъ, чудномъ, образномъ, богатомъ языкѣ заявляютъ о своемъ горѣ всѣ угнетенные и оскорбленные; русскими звуками и музыкой русскаго слова взываютъ къ свободѣ, законности, человѣчности и справедливости. Правда, иные портятъ русскій языкъ, уродуютъ его безъ всякой надобности иностранными словами и чуждыми оборотами, но отъ этого нароста легко освободиться, по мѣрѣ развитія общенія и развитія образованности. Богатства нашего языка будутъ расти и множиться.

Въ юности моей въ обществѣ нельзя было обойтись безъ французскаго языка. По-русски говорили только съ прислугой, съ торговцами и ремесленниками, да съ будочниками или мелкими чинушками. Для большинства дворянства все образованіе сводилось къ болтовнѣ на французско-нижегородскомъ жаргонѣ. Дамское общество, институты и пансіоны съ ихъ „chère maman“ нельзя было представить безъ французскаго говора. Даже русскія модистки, кондитерскія, парикмахерскія прикрывались иностранными вывѣсками и старались принять „парижскій“ обликъ. Въ Малороссіи разсказывали по этому поводу смѣшной анекдотъ. Помѣщичья семья пріѣхала въ Полтаву на Ильинскую ярмарку. Барыня торопится получить заказанное платье и шлетъ къ портнихѣ крѣпостного слугу. Тотъ возвращается и докладываетъ:

— *Мадамы* не було дома, а *самъ Мадамъ* вышовъ (вышелъ) и казавъ, шо прышлетъ.

Даже выдрессированная „галантерейная“ прислуга знала, что портнихъ неприлично называть по-русски. Соотвѣтственно этому, относились и къ литературѣ. Многіе не имѣли понятія о Пушкинѣ, Лермонтовѣ и Гоголѣ. Французскіе романы считалось приличнымъ держать на столѣ и въ рукахъ дѣвушекъ. Высшее петербургское общество бывало въ Михайловскомъ театрѣ или въ итальянской оперѣ; а въ русскую оперу или Александринскій театръ заглядывали только по торжественнымъ днямъ и въ исключительные „бенефисные“ спектакли. Переписывались по-французски между родственниками и знакомыми. Императоръ Николай Павловичъ прибѣгалъ къ французскому языку даже въ оффиціальныхъ дѣлахъ, въ сношеніяхъ съ министрами, съ главнокомандующими и начальниками главнаго штаба. Чужой языкъ господствовалъ въ сношеніяхъ Царской Семьи. Шефъ жандармовъ, генералъ Бенкендорфъ велъ

свой дневникъ на языкѣ Вольтера, и императоръ Николай Павловичъ дѣлалъ на этомъ дневникѣ свои отмѣтки изреченіями „гнилого“ и „революціоннаго“ Запада. Изъ этого можно видѣть, въ какой мѣрѣ уважалась „народность“, входившая въ составъ извѣстной трехъ-членной формулы въ закрѣпощенномъ народѣ.

Въ эпоху застоя и реакціи мы весьма удачно обособлялись отъ общечеловѣческаго прогресса, отъ науки и „либеральныхъ идей“, но русскій языкъ, литература и русскій народъ находились въ полномъ пренебреженіи, какъ нѣчто грубое и низшее, обреченное лишь на служебную роль для господъ и чиновниковъ. На смотрахъ придирчивые генералы гнѣвно замѣчали: „Дышать!“...

Вздымавшіяся отъ дыханія груди нарушали равненіе, стройность марширующей линіи. Русскую душу, дыханіе жизни искореняли во всемъ народѣ, въ духовенствѣ, купечествѣ. Но прежде всего и тщательнѣе всего реакція давила, мертвила знаніе, мысль, литературу, устное слово. По-русски мы умѣли *молчать*, да развѣ браниться, сквернословить.

Въ 60-хъ годахъ русскій языкъ получилъ права гражданственности въ семьѣ, въ обществѣ, въ перепискѣ, въ новомъ судѣ, во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Мнѣ случалось видѣть собственноручныя письма Царя-Освободителя. Они были написаны прекраснымъ, разборчивымъ почеркомъ, отличнымъ русскимъ языкомъ.

У императрицы Маріи Александровны бывали вечера, на которыхъ читались новѣйшія русскія произведенія, романы и стихи. Извѣстно, что графъ А. К. Толстой, чуждый всякой лести, въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ, посвятилъ свои произведенія покойной Государынѣ, при которой преобразовалось и двинулось просвѣщеніе русской женщины. Въ 60-хъ годахъ ожилъ русскій театръ и окрѣпла русская опера.

Послѣ дореформеннаго мрака, особенно выигралъ публицистическій языкъ. На описаніи молебновъ и табельныхъ дней нельзя было развернуться даже раболѣпному перу Булгарина и Греча. Перепуганные крѣпостники и бюрократы въ 60-хъ годахъ восклицали:

Прежде лишь мелкій чиновникъ
Былъ твоей жертвой, печать;
Если-жъ военный полковникъ—
Стой! ни полслова! молчать!
Но отъ чиновниковъ быстро
Дѣло дошло до тузовъ,
Даже коснулся министра
Неустрашимый Катковъ.

Тронуто тамъ у него же
Много забористыхъ темъ...
Чѣмъ это кончится, Божѣ!
Чѣмъ это кончится, чѣмъ?

Во времена неволи и застоя, немногое уцѣлѣло изъ „благихъ начинаній Екатерины II и Александра I“. Сохранилось въ окаменѣломъ состояніи Вольно-Экономическое общество въ Петербургѣ и не погибло общество „любителей Россійской словесности“ (въ Москвѣ), да и то потому лишь, что оно никогда не собиралось и о немъ всѣ забыли подъ господствомъ „трехъ китовъ“.

Съ освобожденіемъ народа, зародилось много новыхъ общественныхъ учрежденій. Всѣ они дѣйствовали съ оглядкой, подъ страхомъ закрытія и подъ надзоромъ „недреманнаго ока“, всегда глядѣвшаго не туда, куда надо; но все же кое-что шевелилось и прокладывало новые пути. Къ числу такихъ общественныхъ учрежденій принадлежали Славянскіе Комитеты въ Петербургѣ и Москвѣ.

Въ 1871 г., подъ вліяніемъ франко-прусской войны, я поступилъ въ число членовъ Славянскаго Комитета. Названіе „общество“ не прилагалось тогда къ этому учрежденію. Было нѣчто странное: существовало правленіе, величавшее себя Комитетомъ, а общества не было. Да и все славянофильство представляло много непонятнаго, противорѣчиваго. Сравнительно съ узкимъ національномъ и обособленіемъ народнымъ и государственнымъ, славянофильство являло гораздо болѣе шири и простора. Оно распространялось на всѣ народности одного племени, признавало иныя національности, различіе языковъ и религій, чужіе нравы и обычаи. Вмѣсто патріотизма національнаго подставлялся патріотизмъ племенной. Вмѣсто національной вражды воскрешалась вражда племенная. Это былъ шагъ впередъ сравнительно съ стремленіями къ насильственному объединенію; славянофильство отвергло религіозную нетерпимость и звѣрскую ненависть къ чужому языку и мнѣнію. Но съ обличительной точки зрѣнія и по отношенію къ христіанской идеѣ славянофильство являлось отсталостью. Оно противорѣчило общечеловѣческому сближенію, международному союзу, сознанію, что всѣ люди—братья. Получалась какая-то путаница, что-то половинчатое, недодуманное. Во имя славянофильства русскій долженъ былъ забывать о своихъ отечественныхъ и національныхъ интересахъ и спасать чеховъ, словаковъ, хорватовъ отъ австрійскихъ нѣмцевъ и венгровъ. Подъ вліяніемъ славянофильства, мы обязаны были воевать съ турками и со всѣми, кто предпочиталъ удерживать въ Босфорѣ и Константинополѣ ослабѣвшихъ турокъ, нежели встрѣчаться тамъ съ болѣе сильной, воинствующей держа-

вой. Отъ разлагавшейся Оттоманской имперіи можно было многое урвать безнаказанно и достигнуть подъ выгоднѣйшимъ наслѣдствомъ фактической опеки мирныхъ завоеваній. Понятно поэтому, что всякое движеніе Россіи къ проливамъ или Дунаю подымало противъ насъ цѣлыя коалиціи. Но на всѣ эти условія, подъ давленіемъ славянофильства, мы не должны были обращать ни малѣйшаго вниманія. Россія обязана была проливать кровь своихъ народовъ, чтобъ освобождать румынъ, сербовъ, болгаръ, македонцевъ, чтобъ устраивать благополучіе Черногоріи, Герцоговины и Босніи, чтобъ создать троны для Обреновичей, принцевъ Батенбергскихъ или Кобурговъ, наживая милліоны государственнаго долга, обрекая на нищету и голодъ сотни тысячъ семействъ своей родины. Но самое трагическое положеніе наступало послѣ тяжелыхъ жертвъ, по совершеніи всѣхъ этихъ самоотверженныхъ подвиговъ. За нашими арміями слѣдовали тыловые дѣльцы, чиновники и правители, которымъ тѣсно было въ отечественныхъ департаментахъ и канцеляріяхъ. Мы слали туда то, что намъ было негоже... Эти отбросы одаряли освобожденныхъ всѣми недостатками отжившаго бюрократическаго и полицейскаго произвола, „безсудія и взяточничества, а спасенные единовѣрцы или соплеменники всѣми способами оказывали „противленіе“ этимъ дѣятелямъ. Они благодарили, но молили лишь объ одномъ: уйдите, оставьте насъ въ покоѣ. Всѣ взоры и помыслы ихъ обращались не къ Востоку, а къ Западу. Въ большинствѣ случаевъ братья-славяне охотно пользовались русской помощью для борьбы со своими угнетателями, но вовсе не желали мѣнять прежняго гнета на новый.

Многое изъ этихъ разочарованій выяснилось только впослѣдствіи; но для „западниковъ“, къ которымъ я принадлежалъ, славянофильство всегда казалось сомнительнымъ, чѣмъ-то недоразвитымъ или притворнымъ. Мы не вѣримъ въ племенныя чувства любви къ людямъ, которыхъ у насъ никто не зналъ. Мы съ своей стороны стали знакомиться только со времени реформъ... Для насъ несравненно ближе были французы, англичане, итальянцы, нѣмцы. Мы уважали ихъ науку и литературу, восхищались ихъ искусствомъ, завидовали ихъ обновленнымъ учрежденіямъ и ихъ общественности. Издавна мы поддерживали съ ними торговыя и промышленныя отношенія. Французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ и англичанъ мы видѣли не только за границей, но и у себя дома. Многіе изъ нихъ не только обрусѣли, а нѣмцы имѣлись въ числѣ нашихъ соотечественниковъ. Иные изъ нихъ были даже болѣе русскими, нежели сами русскіе. Славяне же, кромѣ поляковъ, были для насъ чужими и представляли лишь матеріалъ для воинственной шумихи и политиканства.

Тѣмъ не менѣе, въ 1871 году меня потянуло въ Славянскій Комитетъ, въ предчувствіи, что ему суждено сыграть видную роль въ ближайшемъ будущемъ нашей общественности. Какъ нарочно, въ это время я познакомился съ Тертіемъ Ивановичемъ Филипповымъ. Онъ занималъ уже вліятельное мѣсто въ Государственномъ Контролѣ, но нельзя было и предвидѣть тогда послѣдующаго его возвышенія. Онъ бывалъ у меня въ качествѣ сотрудника М. Н. Каткова. Мы обмѣнивались мыслями по поводу такого выдающагося, „чреватаго послѣдствіями“ событія, какъ появленіе объединенной Германской имперіи, сулившей „политику крови и желѣза“ всей Европѣ. Т. И. Филипповъ писалъ статьи противъ отдѣленія болгарской церкви, въ защиту греко-восточнаго церковнаго единства. Я оспаривалъ это мнѣніе, высказываясь въ пользу болгарской самостоятельности, какъ основы дальнѣйшаго освобожденія. Прежде мы поддерживали возрожденіе грековъ, а теперь надо подкрѣпить славянъ,—въ противовѣсъ пангерманизму.

— Такъ вамъ слѣдуетъ записаться въ члены Славянскаго Комитета,—сказалъ намъ Филипповъ.

Оказалось, что онъ состоитъ членомъ Славянскаго Комитета; но это не мѣшало ему въ церковномъ вопросѣ быть на сторонѣ грековъ. Путаница была и тутъ, объясняемая невѣдѣніемъ дѣйствительныхъ отношеній грековъ къ болгарамъ.

Т. И. Филипповъ мнѣ очень нравился. Это былъ человѣкъ основательно образованный и серьезный. Онъ любилъ народную пѣсню и обладалъ хорошимъ голосомъ. Будучи москвичемъ по образованію, онъ всегда участвовалъ въ „Татьянинъ день“, въ обѣдахъ бывшихъ студентовъ Московскаго университета, и многіе съ большимъ удовольствіемъ слушали его пѣніе, когда заваривалась жжонка. Народные разсказчики былинъ и сказокъ были любимыми гостями Филиппова. Помню, какъ одну зиму онъ возился съ какой-то громадной, сухой „сказательницей“, добытой, кажется, изъ Архангельской губерніи. По почину Тертія Ивановича, эта старуха сдѣлалась предметомъ моды столичнаго общества. Ее приглашали на вечера и слушали, какъ Мазини или Патти, хотя менѣе искренно и безъ просьбъ о повтореніи. Въ контролѣ, при Т. И. Филипповѣ, всегда находили мѣсто болѣе умѣренные литераторы, которыхъ можно было терпѣть на службѣ и въ реакціонное время; оказывалъ онъ покровительство и женскому труду. Ему же случалось обличать и крупныя злоупотребленія.

Преимущество Т. И. Филиппова состояло уже въ томъ, что онъ не былъ пропитанъ „приказной“ затхлостью и вышелъ изъ числа

способныхъ учителей-словесниковъ, когда въ Московскомъ университетѣ были живы традиціи Т. Н. Грановскаго и С. М. Соловьева.

По предложенію Т. И. Филиппова, я былъ избранъ въ члены Славянскаго Комитета. Предсѣдательствовалъ тамъ въ это время Гильфердингъ, видимо уже больной и недолговѣчный. Засѣданія Комитета и господствовавшіе въ немъ порядки могли охладить самое пылкое влеченіе къ славянскому дѣлу. Средства были убогія, дѣятельность кукольная. Въ засѣданіяхъ что-то сообщалось о тѣхъ или другихъ тощихъ пособіяхъ, заранѣе предрѣшенныхъ или даже выданныхъ; читались кое-какія выдержки изъ писемъ или просьбъ, полученныхъ случайно изъ порабощенныхъ славянскихъ земель.

Никого это не занимало и не задѣвало, не возбуждая даже любопытства. Принципіальныхъ разговоровъ и обсужденій не получалось. Къ попыткамъ этого рода относились какъ къ посягательству на авторитетъ и распорядительность Комитета или какъ къ риску навлечь непріятности и подозрительность администраціи.

Славянскій Комитетъ терпѣлся, но подъ условіемъ, чтобъ все было шито-крыто и не выходило изъ предѣловъ умѣренности и установленнаго благоповеденія. Съ каждымъ годомъ и довольно быстро, однако, значеніе Славянскаго Комитета разросталось. Къ нему предъявлялись болѣе широкія требованія со стороны общества, которое какъ-бы стихійно, безъ достаточнаго углубленія въ славянофильскія утопіи, чувствовало, что надо создать новыя опоры противъ германскаго національнаго, родившагося огнемъ и мечомъ!

Обновленное послѣ крымской войны русское общество сочувствовало всѣмъ освобожденіямъ, принимало къ сердцу все страдавшее и угнетенное. Мы зачитывались „Хижиной дяди Тома“ и радовались паденію рабства въ С.-Америкѣ. Общественное мнѣніе было на сторонѣ сѣверянъ въ ихъ борьбѣ съ южными плантаторами. Освобожденіе Италіи, изгнаніе австрійцевъ и неаполитанскихъ Бурбоновъ, обузданіе папства привѣтствовались въ нашей журналистикѣ, какъ побѣды свѣта и правды.

Дамы и дѣти носили шляпы имени Гарибальди, и во всѣхъ альбомахъ имѣлись портреты этого романическаго героя революціи и свободы.

Наполеоновскій деспотизмъ во Франціи оскорблялъ наши убѣжденія... Всѣ были довольны, когда Пруссія разбила отсталую Австрію, бывшую очагомъ всякой неправды и деспотизма. Можно сказать, что все, сколько-нибудь либеральное и человѣколюбивое въ нашемъ обществѣ, всегда было на сторонѣ свободы, свѣта и добра.

Не замѣчалось у насъ и враговъ германскаго объединенія. Но мы привыкли думать, что это единство совершится лучшими путями и предстанетъ въ такихъ формахъ, которыя будутъ благопріятны обществу, миру, наукѣ, прогрессу. Мы представляли себѣ германское единство сквозь призму германской прогрессивной литературы. Мы помнили Шиллера, Гейне и читали Шпильгагена. Въ 1871 году, казалось, что Германія исчезла, что она сама разбита и покорена гораздо болѣе Франціи. Вмѣсто мирной, ученой и музыкальной Германіи, явилась прусская казарма. Гроза вооруженнаго мира сулила много бѣдъ, и можно было опасаться, какъ бы она не обернулась и противъ насъ, хотя Пруссія сто лѣтъ пользовалась русской поддержкой и дружбой. Простое чувство самосохраненія побуждало поддерживать славянъ и оградить ихъ отъ порабощенія и истребленія. Если мы сочувствовали освобожденію негровъ, то тѣмъ болѣе умѣстно было радоваться освободительному движенію среди славянскихъ народностей, нисколько не задаваясь племенной враждой или новымъ отчужденіемъ отъ всего просвѣщеннаго запада.

Таковы были поводы къ оживленію и распространенію славянофильства со временъ франко-прусской войны. Славянофильскіе вожди понимали это въ смыслѣ торжества старо-московскихъ, дореформенныхъ идей и поворота „назадъ и домой“, къ мнимой „самобытности“, далеко отъ „гнилого запада“. Это заблужденіе привело насъ къ большимъ несчастіямъ, явно сказавшимися въ правленіи графа Н. П. Игнатьева.

Славянскій Комитетъ устраивалъ иногда торжественныя собранія, въ день памяти Кирилла и Меѳодія, и по другимъ случаямъ. Когда умеръ Ю. Ѳ. Самаринъ, состоялось торжественное засѣданіе для чествованія этого славянофила, горячаго сторонника всѣхъ преобразованій 60-хъ годовъ. Собраніе отличалось большимъ многолюдствомъ. Было произнесено нѣсколько рѣчей въ честь этого публициста и искренняго, умнаго дѣятеля освободительной эпохи, автора „Окраинъ Россіи“. Самаринъ и въ дореформенное время умѣлъ служить добру и правдѣ. Онъ былъ нѣкоторое время въ Кіевѣ, въ видѣ подневольнаго чиновника, какъ это случалось въ царствованіе Николая I. Въ то время, въ Ю.-З. краѣ вводились инвентари, для ограниченія и смягченія крѣпостного права. Объ этой дѣятельности Юрія Ѳедоровича Самарина читалъ я въ поминальномъ собраніи Славянскаго Комитета. Вице-президентъ академіи наукъ Я. К. Гротъ взялъ всѣ эти рѣчи и издалъ ихъ въ видѣ особой брошюры. Публика очень сочувственно отнеслась къ этому чествованію, явно обнаруживая, что въ ней все еще господствовали

тогда либеральныя идеи и сознаніе, не имѣющее ничего общаго съ реакціей. Легальная часть общества, какъ утопающій за соломенку, хваталась за малѣйшій случай, чтобъ выразить свое стремленіе къ дальнѣйшему развитію освободительныхъ преобразованій, по почину правительства, законнымъ путемъ.

ГЛАВА XIII.

Славянское движеніе.

Сборы въ пользу Босніи и Герцеговины.—Возвратъ къ воинственности и забвенію внутреннихъ неустройствъ.—И. П. Корниловъ и князь Васильчиковъ. — Снаряженіе добровольцевъ въ Сербію. — Обсужденіе наступавшей войны. — На литературномъ обѣдѣ. — Мнѣніе Ѳ. М. Достоевскаго. — Шовинизмъ.—Появленіе архистратига славянской рати.

Былъ конецъ августа 1875 года. Въ Петербургѣ чувствовалась еще лѣтняя пустота. Сильные міра сего отдыхали или подкрѣпляли свои силы въ деревнѣ, купались въ морѣ или пили воды, наслаждались природой и дышали чистымъ горнымъ воздухомъ. Второстепенные чиновники пріѣзжали на три-четыре часа въ департаменты или банки и торопились на дачи. Приказчики зѣвали отъ бездѣлья и безлюдья даже въ перинномъ ряду; дамы закупили давно все лѣтнее и не начинали еще осеннихъ затратъ. У подъѣздовъ, на скамеечкахъ, дворники и швейцары играли въ шашки. Шумная, суетливая столица превратилась въ сонное царство.

Но Россіи было не до сна. Подъ наружнымъ благополучіемъ, томила тоска, неопредѣленная тревога, неудовлетворенность. Либеральное направленіе внутренней политики утратило свою наступательную силу въ правительствѣ. Реакція сказывалась уже въ такой степени явственно, что въ новогоднемъ фельетонѣ („Голосъ“, 1 января 1875 г.) я изобразилъ тайное засѣданіе заговорщиковъ, гдѣ очерчены были главнѣйшіе враги преобразованій и измѣнники имъ. Они совершали таинственное „радѣніе“, напѣвая:

Охранителенъ нашъ взглядъ!—
Восклицаемъ паки:
Мы попятимъ всѣ назадъ,
Намъ эмблема—раки!

Въ 37 губерніяхъ ловили „пропаганду“. То и дѣло, доносились слухи объ обыскахъ, арестахъ. Тюрьмы наполнялись общественными

и государственными врагами, въ которыхъ общество видѣло самоотверженныхъ мечтателей, утопистовъ, провозвѣстниковъ свободы и новой жизни, новаго общаго счастья.

Въ международной жизни тоже было душно, туманно. Едва не повторилась страшная истребительная война между двумя великими государствами. Желѣзный канцлеръ и молчаливый Мольтке находили, что они обсчитались, недостаточно обобрали Францію; передовой, свободолюбивый народъ слѣдовало-де добить, чтобы ему и впредь было неповадно тревожить имперію Гогенцолерновъ, которые, забывъ наполеоновскій разгромъ, „никого не боятся, кромѣ Бога“. Вмѣшательство Государя Александра II-го остановило грозу; но мрачныя тучи носились еще надъ Европой. Рѣзкія потрясенія и крупные перевороты совершенно измѣнили прежніе устои стараго свѣта, а новые порядки еще не окрѣпли. Застарѣлыя язвы Балканскаго полуострова снова раскрылись, и ими, попрежнему, готовы были воспользоваться „великія державы“, чтобъ посчитаться между собою.

У дипломатическихъ хирурговъ восточный „больной человѣкъ“ всегда былъ въ запасѣ, чтобъ создать необходимость какой-нибудь сложной, опасной операціи.

Такъ и случилось къ концу лѣта. Въ парижскихъ газетахъ появилось письмо сербскаго митрополита Михаила. Онъ взывалъ къ человѣколюбію и справедливости просвѣщенныхъ народовъ. Въ Босніи и Герцеговинѣ свирѣпствовалъ голодъ, а съ голодомъ соперничали варварскія расправы турокъ. Митрополитъ Михаилъ молилъ о помощи. Дайте хотя кусокъ хлѣба голоднымъ, если не хотите освободить ихъ отъ азіатскаго ига въ Европѣ!..

Было что-то странное, недоговоренное въ воззваніи митрополита Михаила. Онъ былъ воспитанникъ Кіевской духовной академіи, считался сторонникомъ Россіи, искреннимъ приверженцемъ славянскаго единенія. Но заступясь за угнетенныя, родственныя сербамъ народности, митрополитъ Михаилъ обращался не къ Россіи, а къ французскому народу. Мнѣ казалось, что достоинство Россіи, всѣ традиціи русской политики требуютъ особаго вниманія къ этому дѣлу. Съ другой стороны, наше внутреннее положеніе страдало такими недугами, что естественно было схватиться за малѣйшій поводъ къ освѣженію застоявшейся заразной атмосферы. Помочь бѣдствующимъ, заступиться за угнетаемыхъ... Мы сами оздоровѣемъ, станемъ лучше, добрѣе, если насъ тронетъ чужая бѣда.

Эти соображенія и мысли я изложилъ В. А. Бильбасову, который въ то время руководилъ „Голосомъ“, породнившись съ А. А. Краевскимъ. Затронутая мною тема была прекрасно извѣстна

Бильбасову. Его не надо было долго уговаривать. Первыя ученыя работы его были посвящены славянской исторіи. И Бильбасовъ, и престарѣлый издатель „Голоса“ были членами славянскаго комитета.

— Отлично,—отвѣтилъ мнѣ Бильбасовъ,—расшевелите славянскій комитетъ... Позорно ему спать, когда даже въ Парижѣ дѣлаются пожертвованія въ пользу герцеговинцевъ,

Я и „пошевелилъ“ славянскій комитетъ, въ ближайшемъ воскресномъ фельетонѣ. Пошевелилъ, должно быть убѣдительно; да и призывъ этотъ упалъ на подготовленную уже событіями почву. Освобожденный, возродившійся, послѣ долгаго застоя, русскій народъ давно уже хотѣлъ поразмять свои члены, испробовать молодыя силы.

Стремленія къ самодѣятельности встрѣчали неодолимыя преграды и препоны внутри, въ возобновлявшейся реакціи. Естественно было имъ найти исходъ въ сторонѣ „наименьшаго сопротивленія“. Десятки лѣтъ образованная часть русскаго общества говорила о европейскихъ дѣлахъ, вслѣдствіе вынужденнаго молчанія о своихъ. Мы знали, что дѣлается въ иностранныхъ парламентахъ, и переживали чужіе порывы къ свободѣ.

Въ 1875 году ловили и преслѣдовали, безъ разбора, за какую-нибудь соціалистическую книжку, за намекъ на конституцію; понятно, что молодое общество, чуткое къ всему самоотверженному, возвышенному,—съ пыломъ и безъ оглядки бросилось на помощь угнетеннымъ славянамъ. „Освобождая другихъ, мы сами освободимся, добьемся политическаго полноправія“.

Такъ говорило и чувствовало большинство молодежи.

Болѣе зрѣлые находили не безполезнымъ противопоставить германскому единству славянскую сплоченность.

Въ воинственной части общества и въ обновленной арміи росло понятное желаніе наверстать утраченное въ Крымскую войну.

Когда совершаются важныя историческія событія, хорошія или дурныя,—всѣ условія, съ многоразличныхъ сторонъ, подталкиваютъ къ нимъ, какъ къ чему-то неизбѣжному. Такъ было и въ условіяхъ, вовлекшихъ Россію въ новую „восточную войну“, какъ называли у насъ, слѣдуя европейской терминологіи, наши распри съ Турціей.

Общее собраніе славянскаго комитета состоялось ранѣе обыкновеннаго и было многолюднѣе всѣхъ прежнихъ. Всѣ „текущія“ и „очередныя дѣла“ были отброшены. Никто ими не интересовался. Вниманіе всѣхъ и каждаго сосредоточилось на воззваніи митрополита Михаила, на событіяхъ Балканскаго полуострова.

Профессоръ Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ, съ свойственной ему

горячностью, произнесъ рѣчь объ обязанности не только славянскаго комитета, но и всей Россіи оказать помощь славянамъ. Онъ благодарилъ меня и печать, прервавшую нашу обычную лѣтнюю спячку, и выразилъ увѣренность, что пожертвованія польются широкой рѣкой.

Я настаивалъ, чтобъ славянскій комитетъ показалъ примѣръ и отдалъ немедленно всѣ свои наличныя средства, въ счетъ будущихъ пожертвованій.

Оказалось, что всѣ богатства злосчастнаго комитета не превышали 15.000 рублей, изъ которыхъ надо было производить кое-какія обязательныя пособія. Рѣшено было отослать къ митрополиту Михаилу 3.000 рублей, испросить разрѣшеніе правительства на сборъ пожертвованій и просить газеты печатать воззванія и поддержать этотъ сборъ. Настроеніе было „приподнятое“, какъ говорятъ о подобныхъ собраніяхъ.

Какъ водится, возникли колебанія, сомнѣнія, нерѣшительность. Въ правительственныхъ сферахъ и въ рядахъ нашей дипломатіи смотрѣли довольно косо на возгоравшееся движеніе, уже потому, что оно было общественное. Искусственность, наносность его сказывалась и въ томъ, что мы ровно ничего не знали о славянахъ и о дѣйствительномъ положеніе дѣла на Балканскомъ полуостровѣ. Славянофильскіе вожди и „слависты“ были освѣдомлены не лучше другихъ. Почти всѣ свѣдѣнія ограничивались данными, содержавшимися въ письмѣ сербскаго митрополита. Иныя газеты называли Герцеговину—„Жерзеговиной“, какъ писали и выговаривали французы. Болгаръ мы называли нищими, довѣряя воззваніямъ славянофиловъ, а сербы казались непобѣдимыми героями, ждущими только одобренія, чтобы въ пухъ и прахъ разбить Турцію. Были, конечно, и болѣе трезвые голоса, указывавшіе, что у насъ имѣются свои герцеговинцы, страдающіе отъ голода и безправія; но господствовавшее настроеніе, при непривычкѣ къ терпимости чужаго мнѣнія, заглушало всѣ доводы и возраженія, направленные „противъ теченія“. О войнѣ не было еще и рѣчи осенью 1875 года; тѣмъ обязательнѣе казалась общественная помощь страдальцамъ, надъ которыми издѣвалось турецкое звѣрство.

Увлекаясь этимъ общественнымъ настроеніемъ, считая его оздоровительнымъ для нашей внутренней обломовщины и возрождавшихся язвъ крѣпостного быта, я горячо поддерживалъ сборъ пожертвованій въ пользу герцеговинцевъ. Я убѣждалъ, что, тронувшись чужой бѣдой, мы тѣмъ охотнѣе придемъ на помощь своимъ несчастнымъ. У добрыхъ людей средствъ хватитъ на всѣхъ. Европѣ постыдно сносить азіатское иго на своей территоріи, а Россія из-

давна считала своей прямой задачей защиту единовѣрныхъ народовъ.

Пожертвованія пошли успѣшно. Принимали ихъ всѣ редакціи, банки, даже казначейства. Производились сборы въ храмахъ, во время богослуженія. Вездѣ появились кружки. На улицахъ, въ ресторанахъ, даже въ частныхъ домахъ появлялись совершенно незнакомыя дамы, съ кружками на груди. Все это служило признакомъ, что обычныя препятствія преодолѣны, что общественное настроеніе проникаетъ и въ „сферы“. Какъ и во время франко-прусской войны, утверждали, что въ Аничковомъ дворцѣ сочувствіе на сторонѣ Франціи, такъ и теперь молва приписывала молодому двору поддержку славянскаго движенія.

Зимой, когда это общественное настроеніе разгорѣлось, состоялся одинъ изъ обычныхъ въ то время „литературныхъ обѣдовъ“. Онъ былъ очень многолюденъ, съ участіемъ ученыхъ, нѣкоторыхъ артистовъ и дамъ, болѣе или менѣе причастныхъ къ литературѣ. Если не ошибаюсь, я въ первый разъ увидѣлъ тогда молодую, начинавшую писательницу С. И. Смирнову, вышедшую замужъ за артиста Н. Ф. Сазонова. Эти обѣды назывались „большими“, и въ основѣ ихъ лежала безпартійность, сближеніе между различными лагерями. Конечно, главной задачей ихъ была „пища духовная“. Объ этихъ первообразахъ нашихъ „митинговъ“ будетъ рѣчь впереди. Въ данномъ же случаѣ ограничусь лишь указаніемъ, что обѣдъ былъ устроенъ въ существовавшемъ еще тогда клубѣ художниковъ, въ Троицкой улицѣ, въ домѣ Руадзе, впослѣдствіи Павловой.

На обѣдѣ-митингѣ 1875 года предметомъ обсужденія было славянское освободительное движеніе. Живое участіе въ преніяхъ принималъ Ѳ. М. Достоевскій. Поэтому мнѣ и хочется припомнить этотъ обѣдъ.

Былъ поставленъ вопросъ: насколько расположенъ русскій народъ къ дѣлу освобожденія славянъ, и въ какой мѣрѣ Россія заинтересована въ этомъ движеніи? Если не ошибаюсь, я началъ съ изложенія своего мнѣнія. Чувствую до сихъ поръ, не смотря на знакомство съ Достоевскимъ, какъ тяготѣлъ на мнѣ пристальный, вдумчивый взоръ Ѳедора Михайловича, и какъ я боялся вызвать его неудовольствіе, задѣть какъ-нибудь его мнѣніе. Я съ нимъ часто расходился, какъ съ публицистомъ, но относился съ глубочайшимъ уваженіемъ къ его таланту и особенно къ прошлымъ, тяжкимъ страданіямъ, такъ тяжко отразившимся на его здоровьѣ и психикѣ. Онъ въ упоръ смотритъ на меня и стоитъ близко, не

далѣе двухъ шаговъ, среди образовавшагося кружка, а я стараюсь какъ можно мягче выразить, что по истинѣ говоря, основные счеты наши съ Турціей давно покончены, еще со временъ „очаковскихъ и покоренія Крыма“, но остаются историческія традиціи, Босфоръ и не столько славяне, сколько христіане подъ властью разбитой нами Турціи. „Усмирять“ турокъ мы привыкли, и по старой памяти это всегда было популярно у насъ, заступаться за христіанскія народности, за славянъ, грековъ, армянъ, грузинъ тоже благочестивое дѣло въ глазахъ русскаго народа. Если бы можно было завладѣть Царьградомъ и проливами безъ особыхъ жертвъ, было бы не дурно; но это задача рискованная и ее можно отлагать до болѣе благопріятныхъ условій. Славяне намъ мало знакомы, и мы заинтересовались ими, какъ и всѣми другими угнетенными народностями; но болѣе всего подъ давленіемъ германскаго объединенія.

Ѳ. М. Достоевскій терпѣливо слушалъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одобрительно кивалъ головой и, едва я умолкъ, сказалъ:

— Да, это почти, что такъ, много справедливаго... Но великій народъ не можетъ жить мелочной жизнью, только для своихъ домашнихъ дѣлъ... У Россіи двѣ великія задачи: христіанская православная и славянская...

И Достоевскій сталъ доказывать, что Россія никакъ не можетъ допустить международнаго, чужого заступничества за православіе и за славянъ. Европа загубитъ и ихъ, и это высокое дѣло, а Россія умалится, измѣнитъ самой себѣ, если усумнится въ своей миссіи, умоетъ руки, подобно Пилату. Существуютъ такія задачи, которыя не слѣдуетъ и невозможно цѣнить на рубли, на рыночныхъ счетахъ...

Въ дальнѣйшихъ преніяхъ я не принималъ участія, но убѣдился, что общее настроеніе зашло уже далеко, не только въ ширь, но и въ глубь. Въ воздухѣ слышалось мистическая струя, раздавались уже призывные звуки военной трубы. Запахло кровью.

Весной 1876 года воинственное настроеніе было въ полномъ разгарѣ. Появилось „Новое Время“ (въ обновленномъ видѣ, послѣ неудачныхъ нахожденій въ другихъ рукахъ) и разомъ взяло самый рѣзкій, воинственный тонъ.

Всѣ несогласные обвинялись въ туркофильствѣ и измѣнѣ отечеству. Появленіе неославянофиловъ и новыхъ „патріотовъ своего отечества“ было тѣмъ неожиданнѣе, что воинственность эта барабанила и трезвонила перьями вчерашнихъ либераловъ, главнѣйшихъ сотрудниковъ и ближайшихъ друзей В. Ф. Корша, загубившихъ его газету.

Теперь, съ подкожнымъ жаромъ и рвеніемъ неофитовъ, проповѣдывали они то, что осмѣивали и отрицали нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ чужой газетѣ. Общественное мнѣніе сбивалось съ толку и путалось, какъ въ извѣстномъ пушкинскомъ анекдотѣ. Съ запада являлось то, что прежде исходило съ востока. „Удивленные народы не знали, что начать: ложиться спать или вставать?“..

По старой привычкѣ, большинство держалось еще „Голоса“, какъ солидной и освѣдомленной газеты, богатой публицистическими силами, извѣстіями, объявленіями и „покойниками“... Они, „покойники“, всегда имѣли большое значеніе въ успѣхѣ и распространеніи газеты... Перевѣсъ былъ еще въ „Голосѣ“. Но скоро значительная часть читателей другихъ изданій хлынула въ новую, бойкую, веселую и воинственную газету, „попавшую въ тонъ“ въ господствующее настроеніе. „Голосъ“ сталъ именовать ее „неудобоназываемой“, но газета А. А. Краевскаго, вмѣстѣ съ другими прогрессивными изданіями, погибла, подъ давленіемъ административнаго произвола, лѣтъ черезъ шесть, а читатели, объявленія съ „покойниками“ перешли въ „Новое Время“, благополучно здравствующее и теперь.

Къ веснѣ 1876 года и въ славянскомъ комитетѣ произошли крупныя перемѣны. Гильфердинга давно не было уже въ живыхъ. Полумертвыя засѣданія о пустякахъ, съ крохотными, разбросанными пособіями, болѣе раздражавшими австрійское правительство, нежели „возрадовавшими“ славянъ,—смѣнились оживленными собраніями, главное вниманіе которыхъ приковано были балканскими событіями. Предсѣдателемъ былъ Иванъ Петровичъ Корниловъ, братъ извѣстнаго севастопольскаго адмирала и Ѳедора Петровича Корнилова, управлявшаго дѣлами комитета министровъ; сколько извѣстно, никто изъ этихъ трехъ братьевъ не оставилъ потомства; а между тѣмъ всѣ они были замѣчательными людьми и дѣятелями, каждый въ своей сферѣ. Иванъ Петровичъ Корниловъ былъ добрѣйшій человѣкъ, миролюбивый, прямой, чуждый всякихъ интригъ. Болѣе всего онъ былъ преданъ народному просвѣщенію и считалъ, что дѣло это превыше всѣхъ другихъ, что помимо хорошей народной школы нельзя обойтись ни во внутреннихъ, ни во внѣшнихъ политическихъ и общественныхъ задачахъ.

Нѣкоторое время Корниловъ былъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Онъ много сдѣлалъ для изученія этого края, для правильной постановки школъ, для образованія и поддержки хорошихъ учителей. Реакція и торжество тогдашней политики выжили И. П. Корнилова изъ Вильны. Вернувшись въ Петербургъ,

онъ былъ членомъ Совѣта министерства народнаго просвѣщенія и почетнымъ опекуномъ, завѣдывавшимъ Гатчинскимъ институтомъ. По субботамъ у И. П. Корнилова собирался кружокъ людей, преданныхъ славянской идеѣ, русскому дѣлу, просвѣщенію народа и мирному, безостановочному внутреннему развитію, при дружномъ единеніи правительственныхъ и общественныхъ силъ.

И. П. Корниловъ отличался необычайной разсѣянностью. Безчисленные анекдоты разсказывались о самыхъ уморительныхъ случаяхъ, возникавшихъ вслѣдствіе разсѣянности Корнилова и съ нимъ самимъ, и съ его знакомыми. Ему случалось приглашать къ себѣ на обѣдъ и уѣзжать обѣдать къ другимъ, перепутывать дни и т. п. Разъ пріѣзжаетъ онъ ко мнѣ и жалуется на В. И. Ламанскаго, извѣстнаго профессора-слависта. Это не возможный-де человѣкъ, горячности его нѣтъ предѣловъ, прійдется оставить славянскій комитетъ.

Ламанскій даже ругается „дуракомъ“, въ глаза, при всѣхъ, называетъ,—разсказывалъ Корниловъ, добродушно улыбаясь, безъ малѣйшаго озлобленія. Я переспрашиваю, какъ это случилось, и Иванъ Петровичъ поясняетъ, что В. И. Ламанскій, оспаривая мнѣніе или распоряженіе Корнилова, заявилъ, что у насъ всѣ глупѣютъ, становятся дураками, какъ только получатъ генеральскій чинъ.

— Чѣмъ же я виноватъ, что меня произвели въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Ну и Ламанскаго произведутъ когда-нибудь, значитъ, и онъ въ дураки попадетъ?

— Иванъ Петровичъ, вы уже тайный совѣтникъ.

— Ну, вотъ, видите... Можетъ быть я поумнѣлъ съ тѣхъ поръ... А Ламанскому надо еще пройти чрезъ первое производство въ дураки,—шутливо говорилъ Корниловъ, болѣе огорченный, нежели обиженный.

Онъ забывалъ свой чинъ, но не забылъ добродушно отомстить Ламанскому, когда онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Корниловъ, въ присутствіи многихъ, знавшихъ этотъ случай, припомнилъ мнѣніе Ламанскаго о генералахъ и выразилъ сожалѣніе, что „ихъ полку прибыло“.

— Поздравляю, поздравляю съ отличіемъ, но очень сожалѣю, если ваше мнѣніе о генералахъ подтвердится и въ данномъ случаѣ,—если однимъ умнымъ человѣкомъ станетъ меньше...

Въ другой разъ, Корниловъ пріѣхалъ ко мнѣ „на минутку“ и просидѣлъ часа два, вспоминая, о чемъ ему надо было переговорить со мной. Наконецъ, прощаясь и надѣвая шубу, онъ случайно

нащупалъ въ карманѣ свою брошюру по школьному вопросу и просіялъ. Это и было то „дѣло“, по поводу котораго онъ заѣхалъ ко мнѣ.

— Прочтите и поддержите, если будете согласны,—сказалъ Корниловъ, и съ полчаса еще объяснялся въ передней.

При немъ Славянскій комитетъ оживился; но Корниловъ былъ чуждъ всякой воинственности и не желалъ выходить изъ предѣловъ мирной общественной дѣятельности. Онъ отказался отъ предсѣдательства, и на его мѣсто былъ избранъ князь А. И. Васильчиковъ.

Авторъ извѣстнаго сочиненія о самоуправленіи, князь А. И. Васильчиковъ пользовался большимъ уваженіемъ, и избраніе его являлось признакомъ укрѣпленія прогрессивнаго движенія. Никто не подозрѣвалъ славянофильства въ новомъ предсѣдателѣ Славянскаго комитета, но многіе хотѣли думать, что въ данномъ случаѣ торжествуетъ сознаніе, что, „освобождая другихъ, мы и сами добьемся свободы“.

Пожертвованія росли; былъ изданъ литературный сборникъ „Братская помощь“, разошедшійся быстро и принесшій нѣсколько тысячъ. Славянскій комитетъ превратился въ вербовщика, въ маленькое общественное министерство военныхъ и интендантскихъ дѣлъ. Снаряжали и отправляли въ Сербію добровольцевъ. Градоначальникъ Ѳ. Ѳ. Треповъ, какъ передавали, выражалъ удовольствіе, что благодаря Славянскому комитету Вяземская лавра и другіе ночлежные дома очищаются отъ „золоторотцевъ“ и „босоногой команды“. Но за Дунай направлялись не только люди, не знавшіе, куда дѣваться, и отвыкшіе отъ труда, но и добровольцы высшаго разряда, дѣйствительно воодушевленные освободительной идеей. Иные приходили ко мнѣ прощаться, передъ отъѣздомъ въ Бѣлградъ. Молодой, красивый, рослый Кирѣевъ тоже захотѣлъ доказать, что у русскихъ слово не расходится съ дѣломъ. Онъ первый и палъ отъ турецкой пули въ какой-то ничтожной, пограничной схваткѣ. Другіе не такъ были щепетильны; сами не шли, ограничиваясь посылкой „пушечнаго мяса“.

Воинственное увлеченіе все болѣе и долѣе разгоралось. Подкрѣпляли сербовъ не только рядовыми, но и офицерами. Многіе выходили въ отставку и ѣхали погибать въ Сербію.

Скоро сочли нужнымъ осчастливить нашихъ добровольцевъ и сербскую армію и высшихъ военнымъ начальствомъ. Составился добровольческій штабъ, и надъ всѣмъ этимъ случайнымъ воинст-

вомъ появился „вождь славянской рати“, заранѣ прославленный герой, генералъ не у дѣлъ М. Г. Черняевъ.

Онъ издавалъ газету „Русскій Міръ“, въ которой воевалъ съ Д. А. Милютинымъ и со всѣми преобразованіями. Теперь его возвели въ „архистратига“ и освободителя славянъ. Турокъ, въ кредитъ, закидывали шапками. Старые грѣхи возрождались.

Г. Градовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Два письма Цесаревича Константина Павловича къ П. И. Линдестрему (1812 г.).

Одна изъ сердечныхъ привязанностей Цесаревича Константина Павловича, Жозефина Фридрихсъ, была по происхожденію француженка. Въ 1807 г. она развелась съ мужемъ, простымъ фельдъегеремъ, выдававшимъ себя за границею, гдѣ произошла свадьба, за знатнаго русскаго офицера и богатаго прибалтійскаго нѣмца. Въ Цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ она нашла себѣ покровителя, искренно къ ней привязавшагося. Въ 1808 г. у нея родился сынъ, названный Павломъ Константиновичемъ Александровымъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, въ супружествѣ съ кн. А. А. Щербатовой). Въ 1812 г. Фридрихсъ пріѣзжала къ Цесаревичу въ армію, въ 1815 г. послѣдовала за нимъ въ Варшаву, а въ 1820 г. вышла замужъ за адъютанта Цесаревича, полковника А. С. Вейсса. Сжатая, но тщательно составленная біографія Фридрихсъ помѣщена въ 4-мъ выпускѣ II-го тома историко-художественнаго труда Великаго Князя Николая Михайловича (подъ № 41); тамъ же помѣщенъ и великолѣпный портретъ ея вмѣстѣ съ сыномъ.

Въ семейныхъ бумагахъ контръ-адмирала В. В. Линдестрема хранятся въ настоящее время подлинныя письма Цесаревича Константина Павловича къ извѣстному врачу, лейбъ-медику, Петру Ивановичу Линдестрему, впослѣдствіи тайному совѣтнику. За 1812 г. такихъ писемъ сохранилось двадцать. Всѣ они писаны собственноручно Цесаревичемъ, носятъ искренній, сердечный характеръ и доказываютъ тѣ теплыя чувства, которыя питалъ Константинъ Павловичъ къ Жозефинѣ Фридрихсъ и ея сыну, и ту степень довѣрія и расположенія, которою пользовался у Цесаревича П. И. Линдестремъ. Въ каждомъ письмѣ Цесаревичъ просилъ передать Павлу Константиновичу, что онъ его очень любитъ и постоянно о немъ думаетъ. Часть писемъ писана во время нахожденія въ арміи, при

Цесаревичѣ, Жозефины Фридрихсъ; сынъ ея оставался въ Петербургѣ; за это время Цесаревичъ въ своихъ письмахъ уполномочивалъ Линдестрема завѣрить маленькаго Павла Константиновича въ любви къ нему его родителей.

Для обрисовки личности Константина Павловича письма его къ Линдестрему имѣютъ несомнѣнный интересъ. Къ сожалѣнію, они въ общемъ довольно однообразны. Ниже приводятся, съ любезнаго разрѣшенія контръ-адмирала В. В. Линдестрема, два письма Цесаревича къ его дѣду.

Мих. Соколовскій.

I.

Faîtes bien mes compliments, mon cher Lindeström, à notre cher et bien petit Paul. Dites lui que Maman et Papa se portent très bien et qu'ils pensent beaucoup à lui et qu'ils l'embrassent de tout leur coeur. Mes amitiés à Opochinin et à Kleinmichel, ainsi qu'à l'Anglaise et aux enfants. Pour Vous, mon cher ami, j'éspère que Vous vous portez bien ainsi que tous les vôtres et que pour ce moment Vous êtes déjà à Strelna. Au revoir, mon cher. M-me Friederichs Vous dit mille choses aimables.

Tout à Vous.

Constantin.

Widzy.
Le 14 mai 1812.

(Переводъ). Передайте мой привѣтъ, дорогой Линдестремъ, нашему дорогому маленькому Павлу. Скажите ему, что мать и отецъ чувствуютъ себя очень хорошо и что они отъ всего сердца его обнимаютъ. Мой привѣтъ Опочинину и Клейнмихелю, равно какъ англичанкѣ и дѣтямъ. Относительно Васъ, дорогой другъ, надѣюсь, что Вы, также какъ всѣ Ваши, здоровы и что въ эту минуту Вы уже въ Стрѣльнѣ. До свиданія, мой дорогой. Г-жа Фридрихсъ Вамъ передаетъ тысячу любезностей.

Весь Вашъ

Константинъ.

Видзи.
14 мая 1812 г.

II.

Je me porte grâce à Dieu bien, cher Lindeström, et éspère que Vous en faites de même. M-me Friderichs doit déjà être arrivée à Strelna. Je Vous la recommande; prenez soin d'elle,—ce sera une nouvelle

marque de Votre amitié pour moi. Embrassez le cher Paul de ma part; qu'il me tarde de le revoir. Dites lui que je pense toujours à lui. Mes amitiés à l'Anglaise et aux enfants ainsi qu'à Opochinin et à Kleinmichel. Ne m'oubliez pas et soyez sûr de mon amitié. Tout à Vous de tout mon coeur.

Constantin.

Ce 5 juillet 1812.

(Переводъ). Благодарю Бога, я здоровъ, дорогой Линдестремъ, и надѣюсь, что и Вы здоровы. Г-жа Фридрихсъ должна была уже прибыть въ Стрѣльну. Я вамъ ее поручаю; позаботьтесь о ней,—это будетъ новымъ знакомъ Вашей любезности ко мнѣ. Обнимите отъ меня дорогого Павла; какъ мнѣ хочется его снова увидѣть. Скажите ему, что я постоянно думаю о немъ. Мой привѣтъ англичанкѣ и дѣтямъ, а также Опочинину и Клейнмихелю. Не забывайте меня и будьте увѣрены въ моей преданности. Всегда вашъ всѣмъ сердцемъ

Константинъ.

5 іюля 1812 г.

Сообщ. Мих. Соколовскій.

Врунъ.

(Изъ записокъ стараго помѣщика).

Въ Саратовской губерніи, лѣтъ 30-ть назадъ, умеръ одинъ изъ крупныхъ помѣщиковъ, Николай Ивановичъ Е., извѣстный въ губерніи коннозаводчикъ, рысистыя лошади котораго нерѣдко брали первые призы въ столицахъ. Человѣкъ красивой наружности, онъ во время царствованія Николая I служилъ ротмистромъ въ одномъ изъ конныхъ полковъ гвардіи и, выйдя въ концѣ 40-хъ годовъ въ отставку съ чиномъ полковника, командовалъ во время севастопольской войны дружиной мѣстнаго ополченія, а затѣмъ былъ камышинскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

Николай Ивановичъ, несмотря на свои преклонные годы, всегда молодился и былъ ужасный, хотя и безуспѣшный, ухаживатель за женщинами и не пропускалъ случая участвовать въ любительскихъ концертахъ, щеголяя своимъ, далеко не блестящимъ, баритономъ. Въ обществѣ любилъ разсказывать смѣшные анекдоты, и когда онъ съ особенной серьезностью разсказывалъ что-либо о себѣ, то всѣ знали, что онъ вретъ, а такъ какъ это происходило большею частью, то его и называли государственнымъ вруномъ.

Я былъ хорошо съ нимъ знакомъ и очень уважалъ его бездѣтную прекрасную супругу, которая всегда внушала сожалѣніе, когда безмолвно присутствовала при его враньѣ въ обществѣ, но былъ случай, что и ей пришлось невольно изобличить его во лжи. Это случилось при мнѣ, въ домѣ одной мѣстной вдовой помѣщицы Т., маленькихъ дѣтей которой Николай Ивановичъ на этотъ разъ ласкалъ съ особой нѣжностью, почему хозяйка дома спросила его:

— „Вы любите дѣтей?“

— Еще бы, отвѣтилъ онъ,—и очень.

— „А у Васъ были когда-нибудь дѣти?“

— Да, какъ же, какъ же.

— „Значитъ, Вы теряли ихъ?“

— Да, да,—отвѣтилъ онъ со вздохомъ, и слезы навернулись на его глазахъ.

Но въ эту минуту лакей доложилъ о пріѣздѣ его супруги, которую хозяйка, обнимая, съ упрекомъ встрѣтила:

— „А я только сейчасъ, впервые, узнала, что у Васъ, моя милая, были дѣти и Вы ихъ теряли".

Удивленная этой новостью, его жена спросила:

— „Какъ, у меня были дѣти?"

Но Николай Ивановичъ, нисколько не смущаясь, махнувъ на нее рукой, сказалъ: „Ты, матушка, забыла".

Другой интересный случай разсказа Николая Ивановича былъ о томъ, что, однажды, во время облавы на звѣря, выводокъ молодыхъ волковъ какъ разъ вышелъ на него, и они, выглянувъ на половину изъ опушки, стояли въ шеренгу, какъ гвардейскіе солдаты, онъ сталъ на колѣно, и ему однимъ выстрѣломъ изъ винтовки удалось сразу убить всѣхъ шестерыхъ волковъ.

Въ домѣ же у меня на вечерѣ Е. разсказывалъ, что во время службы его въ Петербургѣ, бывъ дежурнымъ по полку, ему пришлось явиться по требованію Императора Николая Павловича въ Зимній Дворецъ и получить лично отъ Государя конвертъ для передачи бывшему коменданту Петропавловской крѣпости, Скобелеву. „Ну, сказалъ Николай Ивановичъ, я не могу никогда забыть этого, для меня рискованнаго, случая. Едва я верхомъ подъѣхалъ къ разводному мосту, какъ увидѣлъ передъ собой лишь его остатки, такъ какъ онъ былъ разобранъ. Минута была критическая. И мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ дать шпоры своему коню и съ Божіей помощью пуститься вплавь черезъ Неву. Конечно, обстоятельство это обошлось мнѣ не дешево, такъ какъ послѣ этого я сталъ прихварывать и долженъ былъ выйдти въ отставку, лишаясь блестящей карьеры".

Слушатели съ ироніей спросили: „Ну, а какъ Государь посмотрѣлъ на Вашъ подвигъ?"

— „Конечно, конечно", отвѣтилъ Николай Ивановичъ, „Государь, узнавъ объ этомъ, потребовалъ меня къ себѣ и, похлопавъ по плечу, сказалъ:—„молодецъ ты, большое тебѣ спасибо".

Изъ числа бывшихъ въ это время у меня гостей, пріѣзжій изъ Пензы мой родственникъ, старый отставной гусаръ, Сергѣй Ивановичъ С. сталъ разсказывать одинъ замѣчательный съ нимъ случай на глазахъ того же Государя, который часто пріѣзжалъ на пожары. Вотъ, однажды, близъ Казанскаго моста загорѣлся большой трехэтажный домъ. Полкъ, въ которому былъ прикомандированъ С., въ это время былъ на дежурствѣ и явился на мѣсто пожара почти

въ одно время съ Государемъ Николаемъ Павловичемъ. Нижній этажъ уже былъ объятъ пламенемъ, а въ одномъ изъ оконъ верхняго этажа полураздѣтая молодая женщина съ ребенкомъ на рукахъ молила о помощи, и когда Государь, обратившись къ толпѣ, сказалъ: „Неужели нельзя спасти эту несчастную“, то онъ, С., находясь около Государя, велѣлъ пожарной командѣ обдать себя водой и черезъ пламя, по лѣстницамъ внутреннихъ покоевъ, добрался до верхняго этажа, гдѣ, привязавъ захваченную имъ веревочную лѣстницу, заставилъ погибавшую мать по ней спуститься внизъ, а самъ, какъ хорошій гимнастъ, держа въ рукахъ ребенка, спустился по водосточной трубѣ.

Когда С. кончилъ этотъ разсказъ, Николай Ивановичъ недовѣрчиво сказалъ ему:

— „Странно, какъ это вы, Сергѣй Ивановичъ, по водосточной-то трубѣ спустились изъ третьяго этажа съ ребенкомъ“.

Но С., не смущаясь, ему отвѣтилъ:

— Вѣдь я не мѣшалъ Вамъ, Николай Ивановичъ, въ Петропавловскую крѣпость переплывать верхомъ Неву, позвольте же мнѣ хотя спуститься по водосточной трубѣ“.

Такой остроумный отвѣтъ С. вызвалъ всеобщій громкій хохотъ.

Сообщ. В. А. Шомпулевъ.

Императоръ Павелъ I съ масонскими атрибутами.

Изъ музея П. И. Щукина.

Императоръ Павелъ I съ масонскими атрибутами.

Изъ музея П. И. Щукина.

Два портрета Императора Павла I съ масонскими эмблемами.

Въ Москвѣ, въ музеѣ Петра Ивановича Щукина, находятся два портрета Императора Павла I съ масонскими эмблемами. Чьей они работы, неизвѣстно. Неизвѣстна также и дата ихъ написанія.

Первый портретъ (съ стоячимъ изображеніемъ Императора) писанъ на бумагѣ водяными красками; вышина портрета $6^1/_2$ вершковъ, ширина – 4 вершка. Внизу портрета имѣется надпись: „Імператоръ Всероссійскій Павелъ I Петровичь. 1754-го сентября 20 д. 5 апрѣля 1797 г. 1801-го марта 12 д. въ Михайловск. замкѣ".

Второй портретъ (съ сидячимъ изображеніемъ Императора) писанъ на пергаментѣ клеевыми красками: вышина портрета $5^1/_2$ вершковъ, ширина—$3^5/_8$ вершковъ. Внизу портрета имѣется надпись: „Императоръ всероссійскій Павелъ Петровичь великій магистръ державнаго ордена Святаго Іоанна Іерусалимскаго".

Съ художественной точки зрѣнія оба портрета не представляютъ большого интереса. Но они въ высшей степени интересны въ иконографическомъ отношеніи и по своему сюжету, по своимъ масонскимъ деталямъ вполнѣ достойны самаго тщательнаго обслѣдованія. На моемъ докладѣ о масонствѣ, 2 мая 1908 г., въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ, я демонстрировала посредствомъ волшебнаго фонаря снимки съ этихъ рѣдкихъ портретовъ, и они вызвали живѣйшій интересъ аудиторіи. Пользуясь просвѣщенною любезностью П. И. Щукина, воспроизвожу эти портреты и въ настоящемъ изданіи, полагая, что иконографическая ихъ рѣдкость заинтересуетъ читателей „Русской Старины".

На первомъ портретѣ Императоръ Павелъ представленъ въ стоячемъ положеніи, въ коронѣ, съ накинутою мантіею. На шеѣ одѣты: орденъ Іоанна Іерусалимскаго и масонскій золотой треугольникъ на голубой лентѣ. Особенный интересъ представляетъ правая сторона картины. Здѣсь изображены масонскія эмблемы: всевидящее око въ шестиугольной звѣздѣ, молотокъ и кирка, а также надпись memento mori и изображеніе богини Астреи. Надпись memento mori, вѣроятно, ошибочна: нужно было написать memento mori, т. е. помни смерть. Это былъ возгласъ масоновъ при посвященіи въ масоны профановъ-новичковъ; такія же слова были обыкновенно начертаны въ такъ называемой темной храминѣ, въ которую вводился посвящаемый до принятія въ ложу и которая служила для предоставленія профану углубиться мыслью въ себя; обставлялась она очень мрачно; большею частью ей придавался видъ сводчатаго подвала или погреба; сводъ виденъ и на картинѣ; по стѣнамъ темной храмины развѣшивались эмблемы смерти—черепа на сложенныхъ костяхъ, на полу ставился иногда раверстый гробъ съ вложеннымъ въ него цѣлымъ костякомъ; на столъ полагался черепъ, изъ глазныхъ впадинъ котораго едва мерцалъ свѣтъ отъ зажженной внутри свѣчи; этотъ свѣтъ едва позволялъ различать всю мрачную обстановку храмины и открытую на столѣ библію; убранство храмины знаменовало смерть, мракъ порока; слабый свѣтъ, исходившій изъ глазныхъ впадинъ, символизировалъ искру Божества, совѣсть, заложенную въ душѣ каждаго человѣка и при свѣтѣ которой онъ можетъ различить добро отъ зла; символизировала храмина также желаніе въ ищущемъ нравственнаго усовершенствованія. Надпись memento mori, т. е. помни смерть, напоминала посвящаемому о тлѣнности всѣхъ мірскихъ радостей и о томъ, что только одни добрыя дѣла—или, по-масонски, премудрость,—должны быть стремленіемъ человѣка. Однако подпись memento mori можетъ быть толкуема и иначе. Можетъ быть, въ правописаніи слова memento и нѣтъ ошибки. Вѣдь существуетъ въ литературѣ воззрѣніе, что смерть Императора Павла I тѣсно связана съ его масонствомъ. Какъ нарушившій клятву ордену каменщиковъ, не покровительствовавшій масонамъ и не раздѣлявшій ихъ собраній, Павелъ I—какъ говорятъ послѣдователи этого воззрѣнія—не дѣйствовалъ по-масонски и былъ присужденъ масонами къ смерти. Согласно такому воззрѣнію, надпись memento mori, т. е. смертный часъ, могла бы почитаться вѣрною; къ тому же подъ портретомъ имѣется дата кончины Императора. Однако это объясненіе едва-ли пріемлемо, потому что Императоръ Павелъ изображенъ въ позѣ, вполнѣ соотвѣтствующей императорскому достоинству, да и весь

характеръ картины ничуть не носитъ слѣда какого-либо отрицательнаго отношенія художника къ изображенной на портретѣ особѣ Государя. Статуя богини правосудія и справедливости, богини Астреи, также принадлежитъ къ масонскимъ атрибутамъ. Это изображеніе обыкновенно имѣло въ лѣвой рукѣ наугольникъ, а въ правой—циркуль, что знаменовало на масонскомъ символическомъ языкѣ законность и совѣсть. Масоны любили повторять преданіе, что богиня Астрея ушла съ земли, возмущенная людскою неправдою. Особенно благоволила Астрея будто бы масонамъ. Съ наименованіемъ Астреи въ Россіи, въ XVIII вѣкѣ, существовали двѣ ложи: одна въ Петербургѣ (съ 1775 г.), а другая въ Ригѣ (съ 1785 г. или 1787 г.). Особенно же извѣстна въ XIX вѣкѣ съ этимъ же наименованіемъ Великая, управляющая ложа, основанная въ 1814 г. Съ двухъ сторонъ статуи Астреи, на портретѣ, нарисованы столбы, которые обыкновенно изображались и на масонскихъ коврахъ, и на масонскихъ знакахъ, и на масонскихъ виньеткахъ; столбы символизировали жизнь и смерть, свѣтъ и тьму, добро и зло, а также вѣчность и безсмертіе души. Полъ на картинѣ съ перваго взгляда кажется обычнымъ паркетнымъ, шахматнымъ. Но, принимая во вниманіе наличность на портретѣ остальныхъ масонскихъ символовъ, рисунку пола можетъ быть приписано масонское значеніе. Это—мозаическій полъ, символъ различнаго положенія въ этомъ мірѣ людей, которые однако по рожденію и смерти всѣ равны.

Второй портретъ еще болѣе любопытенъ въ иконографическомъ отношеніи.

На этомъ портретѣ Императоръ Павелъ изображенъ возсѣдающимъ. На немъ—мантія. Рядомъ на столѣ корона. Императоръ украшенъ мальтійскимъ орденомъ. На Императорѣ повязанъ масонскій передникъ—запонъ, обшитый голубымъ, съ голубыми розетами. Запонъ относится къ третьей степени шведской масонской системы, т. е. къ степени мастера. Въ правой рукѣ Императоръ держитъ золотой треугольникъ съ изображеніемъ Астреи. Подобный треугольникъ служилъ почетнымъ знакомъ для великихъ офиціаловъ въ Великой ложѣ Астреи въ Александровское время. Къ сожалѣнію, знаки ложъ Астреи XVIII вѣка не обнаружены, и потому нельзя провѣрить, таковъ ли былъ знакъ у Великой ложи Астреи XIX вѣка, какимъ онъ былъ у простыхъ ложъ Астреи XVIII столѣтія; это обстоятельство, однако, представляется существенно важнымъ, ибо, если тождества между указанными знаками не установится, то разбираемый портретъ долженъ быть съ несомнѣнностью отнесенъ къ апокрифическимъ, писаннымъ послѣ 1814 г., когда образовалась Великая ложа Астреи. Другимъ масонскимъ украше-

ніемъ Императора Павла является надѣтый на шею, поверхъ ордена Іоанна Іерусалимскаго, золотой крестъ съ обвивающейся змѣею. На крестѣ имѣются литеры: P. Z. W, т. е. Peter zur Warheit, или Петра къ Истинѣ. Ложа съ такимъ наименованіемъ была основана въ Петербургѣ въ 1810 г. Она первою отдѣлилась отъ союза Директоріальной ложи Владиміра къ порядку и вмѣстѣ съ тремя прочими ложами основала отдѣльную Великую ложу Астреи. По имѣющимся документамъ, другой ложи съ подобнымъ же наименованіемъ, т. е. другой ложи Петра къ Истинѣ, въ Россіи не существовало. Но вообще масонская археологія, а въ частности археологія знаковъ масонскихъ ложъ, разработаны слабо. Многое здѣсь зависитъ отъ трудной доступности для изслѣдователей къ масонскимъ архивамъ и коллекціямъ; большая часть масонскихъ матеріаловъ хранится въ частныхъ рукахъ и не всегда охотно предоставляется для изслѣдованія. Если предположить, что другой ложи съ наименованіемъ Петра къ Истинѣ не существовало, то станетъ очевиднымъ, что разбираемый портретъ писанъ не ранѣе 1810 г., т. е. года основанія петербургской ложи Петра къ Истинѣ. Чрезвычайно любопытно, съ другой стороны, что Императоръ Павелъ украшенъ именно знакомъ первой ложи изъ союза Астреи, а въ рукахъ держитъ треугольникъ съ изображеніемъ Астреи. Однако заимствуя изъ-за границы украшенія для знаковъ ложъ, русскіе масоны могли позаимствовать оттуда же и этотъ знакъ. Въ такомъ случаѣ знакъ, надѣтый на Императора, могъ принадлежать къ какой-либо иностранной ложѣ. Можетъ быть, этотъ знакъ послужитъ путеводною нитью для дальнѣйшихъ розысковъ къ точному опредѣленію мѣста посвященія Императора Павла въ масонство, если таковое вообще состоялось. На столѣ, близъ Императора, виденъ дипломъ съ вислою печатью. Дипломъ имѣетъ видъ масонскаго; по борту онъ украшенъ масонскими шестиконечными звѣздами, состоящими изъ двухъ взаимно пересѣкающихся треугольниковъ. Текстъ и подписи диплома, къ сожалѣнію, не разборчивы и чтенію не поддаются. На безымянномъ пальцѣ лѣвой руки Императора одѣто масонское кольцо съ мертвою головою. Изображена на портретѣ также и богиня Астрея. Внизу портрета, какъ бы въ видѣ масонскаго герба, изображены подъ короною обычные масонскіе символы—треугольникъ, циркуль, молотокъ, лопатка, кирка. Съ боковъ, съ обѣихъ сторонъ щита, помѣщены литеры Б и В. Можетъ быть, это одна и та же букву Б, написанная разъ по-русски, а другой разъ по-латыни; въ такомъ случаѣ эта буква означаетъ начальную букву масонскаго слова боацъ, т. е. сила моя въ Богѣ. Масонскій гербъ давался въ шведской системѣ седьмой

степени; этой же степени присвоенъ былъ такой же іоанитскій крестъ, какъ орденъ Іоанна Іерусалимскаго, которымъ украшенъ на портретѣ Императоръ Павелъ. Шестая степень шведской системы носила наименованіе рыцарей востока и Іерусалима, а седьмая—рыцарей запада.

Произведенныя мною поясненія двухъ портретовъ Императора Павла I показываютъ, какой громадный историческій интересъ они представляютъ собою. По академику Пекарскому (Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи въ XVIII столѣтіи, 181), въ Стокгольмѣ имѣется портретная галлерея масоновъ, среди которыхъ имѣется и портретъ Павла Петровича. Но послѣдній не воспроизведенъ въ нашей литературѣ, а потому и нельзя судить объ его тождествѣ съ двумя портретами, приводимыми въ настоящемъ очеркѣ.

По поводу описанныхъ портретовъ не безъинтересно привести нѣкоторыя данныя касательно причастности къ масонству Императора Павла I и его отношенія къ масонамъ.

О посвященіи въ масонство Императора Павла I существуетъ нѣсколько версій.

По одной версіи, посвященіе это состоялось въ самой Россіи при посѣщеніи русскаго двора въ іюнѣ 1777 г., шведскимъ королемъ Густавомъ III, когда въ петербургской ложѣ Аполлона давались соединенными ложами блестящія празднества въ честь короля (Финдель, Истор. фр. мас., т. II, стр. IV; Пекарскій, op. cit., 181; Handbuch d. Fr., III, 109; „Вѣстн. Евр.“, 1868 г., кн. 6, 576; Ешевскій въ „Рус. Вѣст.“, 1864 г., № 8, 375). По другой версіи, посвященіе состоялось за границей въ 1776 г.; къ этому году относится брошюра берлинскаго француза Le Bauld de Nans подъ заглавіемъ: Prologue pour la reception de Son Altesse Impériale M-r le Grand Duc de Russie à Friedrichsfelde le 1 août 1776, Berlin, in 8° (Пекарскій, op. cit. 180, со ссылкою на Клосса № 9356). Наконецъ, по третьей версіи, посвященіе состоялось въ 1781—82 г.г. за границей, во время путешествія, въ которомъ сопровождали Цесаревича кн. Куракинъ и Плещеевъ. (Кобеко, Цес. Пав. Петр., 381; Лонгиновъ, Новиковъ и московскіе мартинисты, 159).

Называютъ нѣсколько лицъ, приведшихъ Павла Петровича къ масонству. Это—король шведскій Густавъ III, принцъ Генрихъ Прусскій, гр. Никита Ивановичъ Панинъ, кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ, Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ, Иванъ Перфильевичъ Елагинъ. Кромѣ иноземныхъ особъ, всѣ эти лица были близки

къ Павлу Петровичу и въ то же время являлись выдающимися русскими масонами.

Н. И. Панинъ былъ братъ П. И. Панина, великаго намѣстнаго мастера въ Россіи въ царствованіе Екатерины II и замѣстителя И. П. Елагина. Въ масонскомъ стихотвореніи Н. И. Панинъ называется почтеннымъ старцемъ, которому удалось ввести въ масонство царское сердце. Вотъ это любопытное стихотвореніе.

Не чудно возложить оковы
На слабы смертныхъ тѣлеса,
Но взять подъ власть сердца свободны
Прямыя зрятся чудеса.

* * *

А если обладать душою
Того, кто участью своею
На свѣтѣ превосходитъ всѣхъ,
Съ какимъ примѣромъ не умѣю
Сравнить великій сей успѣхъ!

* * *

О старецъ, братьямъ всѣмъ почтенный,
Коль славно, Панинъ, ты успѣлъ:
Своимъ премудрымъ ты совѣтомъ
Въ храмъ дружбы сердце Царско ввелъ.

* * *

Вѣнчанна, мира красотою
Плѣнилъ невинной простотою
И что есть смертный вразумилъ,
Власть пышну съ службою святою
И съ человѣчествомъ смирилъ.

* * *

Не мни, что рабствомъ утѣсненный
Тебя ласкаетъ слабый льстецъ—
Масоновъ ревность то вѣщаетъ
И оныхъ искренность сердецъ.

* * *

Въ порфирѣ дружбы удаленный,
Союзовъ братскихъ отчужденный,
Послѣдуя стезѣ твоей
И въ нашъ вступивши храмъ священный,
Колико пріобрѣлъ друзей!

* * *

Погибъ отвергнувши совѣты,
Что въ жизнь его давалъ Солонъ.
Грядущій за твоимъ примѣромъ
Блаженъ стократно! онъ масонъ!

* * *

Твоя доброта успѣваетъ,
Къ отрадѣ бѣдныхъ честь сіяетъ
И съ той восходитъ вверхъ звѣздой,
Что въ утренней странѣ блистаетъ,
Предвозвѣщая вѣкъ златой.

Это стихотвореніе помѣщено въ сборникѣ XVIII вѣка подъ заглавіемъ „Хоры и пѣсни“ и въ двухъ позднѣйшихъ сборникахъ 54 и 56 масонскихъ пѣсенъ. Напечатано у Ешевскаго (ч. III, стр. 462—463), откуда вторая строфа перепечатана въ Арх. кн. Куракина (т. VIII, стр. VI).

Сродни Панинымъ приходился князь А. Б. Куракинъ (Арх. кн. Куракина т. VIII, стр. VI), съ юности окруженный масонами, близкими людьми къ трону. Тутъ были: Т. И. Остервальдъ, информаторъ Цесаревича Павла и его преподаватель исторіи, географіи, русскаго и нѣмецкаго языковъ; фельдмаршалъ кн. Н. В. Репнинъ, женатый на родной теткѣ князя; пріятель его гр. А. С. Мусинъ-Пушкинъ, посланникъ въ Лондонѣ. Кн. Куракинъ вступилъ въ масонство 21 года, въ 1773 г.; въ 1776 г., еще до пріѣзда Густава III въ Россію, онъ былъ посвященъ въ Стокгольмѣ герцогомъ Зюдерманландскимъ въ высшія масонскія степени. Въ двухъ очень интересныхъ письмахъ Адама Левенгаупта къ кн. Куракину, писанныхъ въ 1776 году, есть свѣдѣнія, касающіяся этого посвященія, и высказывается надежда на процвѣтаніе въ Россіи масонства въ ближайшемъ будущемъ и установленіе дружбы между масонами обѣихъ странъ, чему особенно долженъ былъ споспѣшествовать предстоявшій пріѣздъ въ Россію шведскаго короля (Арх. кн. Куракина, VIII, 300—302). Куракинъ привезъ въ Россію акты шведской системы, которой подчинились нѣкоторыя ложи. Въ 1779 г. была, по шведской системѣ, основана великая управляющая ложа, такъ называемая Національная, подъ начальствомъ кн. Гавріила Петровича Гагарина.

Относительно С. И. Плещеева имѣется указаніе въ запискѣ Ѳ. В. Ростопчина о мартинистахъ (Рус. Арх., 1875, III, 76), гдѣ говорится, что Цесаревичъ Павелъ былъ расположенъ къ масон-

ству, „довѣрившись нѣкоему Плещееву, состоявшему при немъ въ качествѣ секретаря по морскому вѣдомству".

Наконецъ, въ запискѣ особенной канцеляріи министерства полиціи есть извѣстіе, будто бы Цесаревичъ Павелъ былъ келейно принятъ въ масоны сенаторомъ И. П. Елагинымъ въ собственномъ его домѣ, въ присутствіи гр. Панина (Минув. годъ, 1908, февр. 11). По масонству Елагинъ вообще имѣлъ вліяніе на Панина; онъ былъ великимъ провинціальнымъ мастеромъ въ Россіи съ 1772 г.

Посредствующимъ звеномъ между Павломъ I и масонами, также нѣкоторымъ орудіемъ „уловленія" Великаго Князя въ масонство, служилъ архитекторъ Василій Баженовъ, строитель каменноостровскаго дворца. Масонскій кружокъ Новикова дважды посылалъ Павлу Петровичу свои книги черезъ посредство Баженова; это были книги религіозно-мистическаго содержанія. Оба раза, по завѣренію Баженова, книги были приняты благосклонно; это было въ серединѣ и въ концѣ 1780 годовъ. Въ послѣдній разъ Баженовъ вынесъ впечатлѣніе, будто Цесаревичъ сомнѣвается, что въ масонствѣ все хорошо, и былъ какъ бы недоволенъ его клятвенными завѣреніями въ противномъ. Разговоръ все-таки окончился милостиво: „Богъ съ вами, только живите смирно!" сказалъ будто бы Цесаревичъ. При разговорѣ же съ Баженовымъ въ 1791 г. Цесаревичъ Павелъ обошелся „гнѣвно" и сказалъ: „я тебя люблю и принимаю, какъ художника, а не какъ мартиниста; о нихъ же и слышать не хочу; ты и рта не разѣвай о нихъ говорить".

Это „уловленіе" Павла Петровича Новиковскимъ кружкомъ было однимъ изъ главныхъ пунктовъ, которые послѣ ареста Новикова, при допросѣ дѣятелей его кружка, старались освѣтить и выяснить правительственныя власти. Князь Трубецкой, одинъ изъ членовъ Новиковскаго кружка, не отрицаетъ желанія видѣть въ орденѣ Павла Петровича, и показываетъ: „покойный Шварцъ предлагалъ намъ, чтобы извѣстную особу сдѣлать великимъ мастеромъ въ масонствѣ въ Россіи, а я передъ Богомъ скажу, что, предполагая, что сія особа въ чужихъ краяхъ принята въ масоны, согласовался на оное изъ единаго того, чтобы имѣть покровителя въ ономъ". Самъ Павелъ Петровичъ, когда къ нему былъ присланъ Императрицею Екатериною II обнаруженный при обыскѣ у членовъ Новиковскаго кружка записанный разговоръ между нимъ и Баженовымъ, отрицалъ свою причастность къ масонству и писалъ: „Votre Majesté peut d'avance se dire ce que j'ai pu me dire en moi même en lisant le papier qu'Elle a eu la bonté de me confier, d'un ramas de paroles de moitié vuide de sens, et l'autre de paroles dont on a fait apparement un abus, car je crois qu'il s'agit de quelqu'un

qui aura voulu s'appuyer de son très humble serviteur, serviteur qui aura pu avoir demande le prix du comestible, ou bien des nouvelles monitoires même sur une secte dont certainement il n'a pas été. Il auroit fallu ou être fou, ou imbécile pour avoir été, pour quelque chose dans tout ceci autrement qu' avec des propos d'antichambre. D'ailleurs toute explication ulterieure me sembleroit inutile". (Пекарскій, 134). Къ этой запискѣ Императрица Екатерина приложила собственноручную записку: „приложенный пасквилъ у Новикова найденный показано мною Великому Князю и онъ оный прочтя ко мнѣ возвратилъ съ приложенной цѣдулою изъ которой оказывается что на него всѣ вышеписанный пасквилъ всклѣпалъ и солгалъ чему охотно вѣрѣ и нахожю вяще виннымъ сочинителя онаго".

Любопытна пѣснь, съ которою масоны обращаются къ Павлу Петровичу. Вотъ ея текстъ, который заимствую изъ масонскаго журнала „Магазинъ свободнокаменщическій" 1784 г. (т. I, ч. 1, стр. 132).

Залогъ любви небесной
Въ тебѣ мы, Павелъ, зримъ;
Въ четѣ твоей прелестной
Зракъ ангела мы чтимъ.
Украшенный вѣнцомъ,
Ты будешь намъ отцомъ!

Судьба благоволила
Петровъ возвысить домъ
И насъ всѣхъ одарила
Даря тебя плодомъ.
Украшенный вѣнцомъ,
Ты будешь намъ отцомъ!

Съ тобой да воцарятся
Блаженство, правда, миръ!
Безъ страха да явятся
Предъ трономъ нищъ и сиръ.
Украшенный вѣнцомъ
Ты будешь намъ отцомъ.

Уже ты видишь ясно
Врата безмертныхъ въ храмъ,
Къ которому опасно
Ступаютъ по трудамъ.
Тебѣ Минерва мать,
Ты можешь путь скончать!

Петрова кровь безцѣнна
Богини Русской сынъ,
О отрасль вожделѣнна,
Теки, какъ исполинъ,
Блаженства вѣчный свѣтъ
Куда тебя ведетъ!

Съ воцареніемъ Павла Петровича масоны ожидали наступленія свѣтлыхъ дней для масонства. И первые дни его царствованія не только не могли поколебать эту надежду, но наоборотъ ее укрѣпляли. Такъ, рескриптомъ 7 ноября 1796 г. на имя гр. А. П. Самойлова былъ освобожденъ изъ крѣпости Новиковъ съ Багрянскимъ. 12 того же ноября освобожденъ отъ надзора Лопухинъ, а Трубецкой и Тургеневъ получили разрѣшеніе на выѣздъ изъ своихъ деревень и на свободное повсюду проживаніе. 13 ноября масонъ Херасковъ произведенъ въ тайные совѣтники. Упомянутый вышемасонъ Баженовъ, привозившій отъ Новиковскаго кружка книги Великому Князю, былъ произведенъ прямо изъ коллежскихъ ассесоровъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, затѣмъ награжденъ имѣніями и въ 1799 г. назначенъ вице-президентомъ академіи художествъ. Другой „уловитель“, князь А. Б. Куракинъ, также осыпанъ милостями и на протяженіи шестнадцати дней получилъ чины тайнаго и дѣйствительнаго тайнаго совѣтниковъ, пожалованъ домомъ и назначенъ вице-канцлеромъ. Явилась даже мысль о возобновленіи масонскихъ ложъ; по Рейнбеку при съѣздѣ вліятельнѣйшихъ масоновъ въ Москвѣ, Императоръ Павелъ обошелся съ ними весьма любезно, подалъ каждому руку и сказалъ: „въ случаѣ надобности, пишите ко мнѣ просто, по-братски и безъ всякихъ комплиментовъ“; братья просили съ открытіемъ ложъ повременить (моя монографія „Русское масонство“, 12). По другой версіи, приведенной въ запискѣ особенной канцеляріи министерства полиціи, этотъ эпизодъ передается съ нѣсколько другими подробностями. По пріѣздѣ Императора Павла I въ Москву на коронацію, онъ велѣлъ профессору Маттеи, управлявшему ложею Трехъ мечей, созвать всѣхъ главныхъ масоновъ; Государь пріѣхалъ на собраніе и предложилъ присутствующимъ высказаться, не признаютъ ли они за лучшее прекратить масонскія собранія въ виду распространившихся со времени французской революціи правилъ и продолжающихся покушеній на мнѣніе общее. Всѣ отвѣтили отрицательно, только провинціальный великій мастеръ рижскихъ ложъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ высказалъ, что мѣра, предложенная Государемъ, необходима, особенно для пограничныхъ губерній, куда могутъ про-

никать всякаго рода люди. Государь остался доволенъ заявленіемъ Штернберга и сказалъ: „не собирайтесь болѣе до моего повелѣнія“. (Минув. годы, 1908, февр., 12).

Однако послѣдующее царствованіе Павла I не оправдало масонскихъ надеждъ. Ложи не были возстановлены. Появился мальтійскій орденъ, который по своей обрядности близко подходилъ къ высшимъ рыцарскимъ степенямъ шведскаго масонства. Государь охладѣлъ къ масонству. Ростопчинъ эту остуду приписываетъ себѣ. Другіе видятъ здѣсь происки іезуитовъ. Наконецъ, третьи находятъ объясненіе этому въ измѣнчивомъ нравѣ Императора.

Тира Соколовская.

Два секретаря Спб. цензурнаго комитета въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петроп. крѣпости.

Д. объ арестантахъ Гуммель и Лерхе, содержавшихся въ Алексѣевскомъ равелинѣ С.-Петербургской крѣпости.

Его Императорскому Величеству
коменданта Спб. крѣпости
генерала-отъ-инфантеріи
Сукина

РАПОРТЪ.

При отношеніи дѣйств. тайн. сов. 1-го класса князя Лопухина отъ 7-го сего августа изъ комитета, учрежденнаго указомъ 13 генв. 1807 года, присланные ко мнѣ: секретарь здѣшняго цензурнаго комитета Гуммель, по полудни въ половинѣ 12-го часа, и другой—бывшій секретарь того же комитета Лерхъ, въ 12 часовъ, для содержанія ихъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, каждаго порознь, такъ чтобы они ни сами между собою видѣться и никакихъ сношеній одинъ съ другимъ имѣть не могли, приняты и посажены въ домѣ, состоящемъ въ равелинѣ: Гуммель въ № 17, а Лерхъ въ № 8, о чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу.

Комендантъ (подпись)
ген.-отъ-инф. Сукинъ.

№ 137.
Спб. крѣпость
8 авг. 1825 г.

Сообщилъ К. Военскій.

Дѣла давно минувшихъ лѣтъ.

(Записки сенатора Николая Яковлевича Трегубова).

Описаніе жизни моей, дѣтямъ моимъ, бывъ подъ арестомъ (1799 года, декабря 25 дня).

Я предпріялъ, любезныя мои дѣти, описать вамъ жизнь мою для того, что оное чтеніе всегда должно быть пріятно дѣтямъ, любящимъ своего родителя, тѣмъ паче, что изъ онаго вы можете почерпнуть многое къ пользѣ вашей, бывъ въ общежитіи (иногда противъ своего желанія) между людей такихъ, коихъ должно остерегаться по ихъ коварности, и каковыхъ есть большая часть къ всеобщему людей несчастію въ свѣтѣ. При томъ увидите, какія, смотря по временамъ, надо брать предосторожности, дабы не впасть въ подобныя моимъ несчастія безвинно. Хотя я и имѣлъ отъ природы склонность къ справедливости, къ исправленію всѣхъ моихъ обязанностей со стороны службы и приватнаго въ общежитіи человѣка, хотя имѣлъ правила не дѣлать никому зла, а дѣлать сколько возможно добра, которое и дѣлалъ, сколько имѣлъ силъ, даже злодѣямъ моимъ, но со всѣмъ тѣмъ имѣлъ непріятелей, которые за мое добро платили мнѣ зломъ и неоднократно ввергали меня въ несчастіе въ такое время, когда легко находили оное возможнымъ. Однако же если бы и теперь былъ случай воздать имъ добромъ, я бы не отказался, безъ всякаго самолюбія, не искавъ себѣ въ томъ похвалы, но единственно отъ склонности къ добру, за что ежечасно и благодарю Всевышняго Творца, что вліялъ въ меня таковыя склонности, чему,

[1]) Изъ бумагъ скончавшагося въ 1905 г. тайнаго совѣтника Алексѣя Владиміровича Телесницкаго.

любезныя дѣти, и васъ прошу слѣдовать, ибо оно пріятно тѣмъ, кто въ томъ находитъ собственное удовольствіе, а похвально тѣмъ, кто его не чувствуетъ, но дѣлаетъ, тѣмъ паче ежели оное употребляетъ вмѣсто мщенія, отъ котораго себя удерживаетъ. Се есть долгъ честнаго человѣка, кромѣ того, что всякій благовоспитанный долженъ такъ мыслить, поелику благовоспитаніе полагается въ добродѣтеляхъ человѣка и въ образованіи его сердца, а не въ томъ, чтобы умѣть быть свѣтскимъ и пріятнымъ въ компаніяхъ, что не иное есть, какъ хорошій переплетъ на хорошей книгѣ, которая и безъ переплета также похваляема знающими читателями; переплетъ же служитъ только для тѣхъ, кои не читаютъ, а только любуются имъ, какъ игрушкой. Такъ и внѣшнія дарованія человѣка похваляемы только тѣми, кои никогда не вникаютъ въ сердце человѣческое; но благовоспитанный человѣкъ требуетъ образованія сердца, дабы могъ назвать кого-либо именемъ благовоспитанности. Не мѣшаетъ, однако же, какъ хорошій переплетъ книгѣ, такъ и знаніе быть свѣтскимъ и обходительнымъ человѣкомъ, но это не есть вещь самая нужная, а только украшеніе добродѣтелямъ человѣческимъ. Почему я самъ и не тщился о семъ украшеніи, а старался себя болѣе укрѣпить въ добродѣтеляхъ; сіе требуетъ размышленія и твердости, а то только практики свѣтской жизни; ибо есть много глупыхъ, коварныхъ и вредныхъ людей, но знающихъ свѣтъ, коихъ люди несмысленные называютъ благовоспитанными; но они нечто иное есть (какъ я выше сказалъ) хорошій переплетъ на дурной или глупой книгѣ.

Въ описаніи жизни моей за нужное почитаю коснуться умоначертанія того вѣка, въ коемъ я жилъ, и тогда бывшаго правленія, ибо все сіе для васъ полезно знать, яко сыновъ того отечества, а при томъ и откуда родъ нашъ происходитъ и колико древность и знатность его требуютъ отъ васъ вящшихъ силъ быть ему полезными.

Родъ Трегубовыхъ происходитъ отъ Султана Кабардинскаго, имѣвшаго прозвище Трегубъ, бывшаго самовладѣтельнымъ бывшей Золотой орды, за Волгой, около Царицына. Оный выѣхалъ служить во время княженія Великаго Князя Ивана Васильевича, въ XV вѣкѣ, въ Россію, съ двумя сыновьями и многимъ числомъ его подданныхъ татаръ, и данъ былъ ему въ удѣлъ городъ Курмышъ и Закудемскія волости. Отъ одного его сына царевича Даньяра (о коемъ въ исторіи россійской князя Щербатова упоминается, что въ 1471 году ходилъ съ войсками на Новгородъ) пошелъ родъ Трегубовыхъ, а отъ другого, который имѣлъ пять сыновъ, произошли пять разныхъ фамилій, по прозванію каждаго изъ нихъ (какъ

тогда обычай былъ), какъ-то: отъ Молвы — Моловениновы, отъ Хитра—Хитровы, отъ Сабура—Сабуровы и проч.

Дѣдъ мой, отецъ отца моего, Алексѣй Максимовичъ Трегубовъ жилъ во время царствованія прославившаго Россію и просвѣтившаго ее Петра Перваго, вѣкъ котораго достоинъ чтенія, по его дѣяніямъ и проницанію, по привязанности къ своему народу и желанію его просвѣтить. Хотя строгость Государя выходила иногда изъ границъ, но сіе приписать надобно умоначертанію того непросвѣщеннаго вѣка, ибо каковъ ни былъ его умъ, но воспитаніе и привычки иногда брали поверхность надъ разсудкомъ.

Алексѣй Максимовичъ отъ ранъ, въ шведскую войну полученныхъ, принужденъ былъ взять свою отставку въ маломъ чинѣ, т. е. капитаномъ; женатъ былъ на Арсеньевой; имѣлъ за собою, со взятыми въ приданое, болѣе 1.000 душъ, что въ тогдашнемъ вѣкѣ считалось большимъ богатствомъ или имѣніемъ. Онъ былъ человѣкъ суровый, но справедливый; для доказательства же его твердаго и похвальнаго образа мыслей, не безполезно вамъ разсказать одинъ случай въ его жизни. Продавалось тогда село Овторово, смежное съ селомъ Лаптевымъ (Владимірской губерніи), которое теперь за мною съ братьями моими, гдѣ Алексѣй Максимовичъ, женившись, и пребываніе всегда имѣлъ, ибо оное изъ рода Арсеньевыхъ въ приданое получилъ. Просили за оное Овторово, имѣвшее въ себѣ тогда до 200 душъ, 1.500 руб. Онъ его не купилъ, не смотря на смежность и дешевую цѣну. Для чего же? Для того, что имѣлъ своихъ денегъ наличныхъ только 500 рублей, а 1.000 рублей надобно было занять; но онъ не хотѣлъ, говоря, что стыдно въ его лѣта быть должну. Похвальная стыдливость, предохранявшая тогда многихъ отъ неоплатныхъ долговъ, въ нашъ вѣкъ видимыхъ, въ который не только не стыдятся занять, но даже и не платить долга. Когда онъ ѣзжалъ въ поле и находилъ крестьянъ на работѣ, то равно наказывалъ лѣниваго и дурно обрабатывающаго землю мужика, какъ своего, такъ и чужого. Жаль, что такой человѣкъ не употребленъ былъ къ государственнымъ должностямъ.

Это было золото, сокрытое въ навозѣ, какъ сказалъ Томасъ въ своемъ сочиненіи.

Имѣлъ онъ двоихъ дѣтей: сына Якова Алексѣевича, а моего отца, и дочь Татьяну Алексѣевну, бывшую въ замужествѣ за Николаемъ Васильевичемъ Зубовымъ, котораго внукъ, князь Платонъ Александровичъ Зубовъ, игралъ столь значительную роль во время царствованія блаженныя памяти любимой народомъ государыни Екатерины Второй.

Отецъ мой, Яковъ Алексѣевичъ, рожденный въ 1723 году, слу-

жилъ въ арміи въ конномъ полку, былъ въ шведскомъ походѣ и, бывъ еще молодъ, женился на княжнѣ Юсуповой Екатеринѣ Алексѣевнѣ, а меньшая княжна Анна Алексѣевна была за Абрамомъ Степановичемъ Лопухинымъ, генералъ-поручикомъ, который умеръ въ отставкѣ сего 1799 года, а Анна Алексѣевна умерла въ 1794 году.

У нихъ остался сынъ Степанъ Абрамовичъ, который служитъ теперь при дворѣ камергеромъ.

Оный прижитъ ими черезъ 13 лѣтъ послѣ женитьбы; мать его, Анна Алексѣевна, желая имѣть дѣтей, лечилась долгое время и доказала тѣмъ, что натурѣ чрезъ искусство во многихъ случаяхъ можно помогать.

И такъ отецъ мой, женившись, вышелъ въ отставку и по нѣкоторомъ времени опредѣлился директоромъ надъ таможней Шелеговской въ Смоленскѣ, бывшей противъ польскаго тогда мѣстечка, называемаго Ляды, гдѣ я и родился въ 1756 году; но я былъ не первый. Старше меня, кромѣ трехъ сестеръ, умершихъ въ младыхъ лѣтахъ, была сестра Авдотья, которая съ 1775 года въ замужествѣ за Александромъ Васильевичемъ Салтыковымъ, тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ Св. Анны и Мальтійскаго Ордена. У нихъ въ живыхъ одна дочь Екатерина Александровна, родившаяся въ 1776 году, въ замужествѣ за генералъ-маіоромъ Николаемъ Ѳедоровичемъ Тишинскимъ. Послѣ Авдотьи Яковлевны родился Алексѣй Яковлевичъ, который, служа полковникомъ въ Крыму въ 3-мъ гренадерскомъ Екатеринославскомъ полку, умеръ въ 1785 г. сентября 5-го. Онъ былъ любимъ всѣми, а паче своими солдатами, которые его оплакивали, какъ дѣти любимаго отца, а одного гренадера съ великимъ трудомъ могли оттащить отъ гроба, когда по обыкновенію церковному, послѣ отпѣванія, всѣ прощались съ усопшимъ. Примѣръ привязанности рѣдкій въ простомъ солдатѣ, завидный случай, достойный подражанія, и рѣдко кто того удостоивается отъ людей, не бывшихъ ни въ дружбѣ, ни въ родствѣ. Одинъ Петръ Великій такъ былъ оплакиваемъ своимъ народомъ, какъ онъ своими солдатами. Онъ былъ также счастливъ со стороны репутаціи. Князь Потемкинъ, человѣкъ проницательный и отмѣнно искусный въ познаніи людей, самъ его избралъ въ сей любимый полкъ единственно потому, что почиталъ его добродѣтельнымъ человѣкомъ, въ чемъ ни мало и не ошибся, хотя съ нимъ не былъ коротокъ, и князя просили о помѣщеніи въ оный другого. Императрица Екатерина II также разумѣла о немъ съ хорошей стороны. Когда онъ былъ еще гвардіи Семеновскаго полка поручикъ и посланъ былъ съ командой для содержанія караула въ Царское Село,

то вышеупомянутая государыня, яко имѣвшая проницательный разумъ, видно замѣтила въ немъ умнаго человѣка, что никогда не пропускала случая, чтобы не сдѣлать ему какого привѣтствія и даже заставила его одинъ вечеръ въ собраніи разсказывать себѣ похожденія его, когда онъ былъ плѣнникомъ у турокъ, вмѣстѣ съ россійскими посланниками Обрѣзковымъ Алексѣемъ Михайловичемъ и Левашевымъ Павломъ Артемьевичемъ. Въ Турцію онъ былъ посланъ въ 1768 г. курьеромъ, бывъ еще гвардіи сержантомъ, и не доѣхавъ далѣе, какъ до Яссъ, по причинѣ войны, объявленной Россіи, и по обыкновенію въ такихъ случаяхъ Порты Оттоманской, взятъ былъ подъ арестъ. Чему у меня есть и журналъ, его рукой писанный. Въ семъ плѣну онъ пробылъ три года и возвратился въ 1771 году въ Петербургъ, за что въ томъ же году въ декабрѣ былъ прямо изъ сержантовъ пожалованъ въ подпоручики, а въ началѣ 1772 года (годъ, въ который я пріѣхалъ служить въ Петербургъ), онъ отправился (въ апрѣлѣ) на конгрессъ съ княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ, тогда бывшимъ графомъ. Онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ того же полка поручикомъ Александромъ Николаевичемъ Самойловымъ [1]), нынѣ графомъ и тайнымъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ, въ отставкѣ со времени царствованія императора Павла Перваго. Самойловъ есть племянникъ того славнаго умомъ князя Потемкина, который толикія услуги оказалъ своему отечеству покореніемъ Крыма безъ войны и одинъ только могъ быть исполнителемъ дальновидныхъ намѣреній Великой Екатерины. Потемкинъ есть виновникъ спокойствія Россіи отъ набѣговъ крымскихъ татаръ взятіемъ Крыма, сего плодоноснаго и владычествующаго надъ Чернымъ моремъ края, слѣдственно онъ же виновникъ сильнаго нашего въ томъ краѣ военнаго флота, держащаго въ уздѣ Оттоманскую Порту, и тѣмъ болѣе виновникъ сего, что одинъ въ Совѣтѣ утвердительно взялъ на себя пріобщить Крымъ къ Россіи, не подвергая ее на тотъ разъ войнѣ. Онъ виновникъ завоеванія земель, гдѣ процвѣтаетъ теперь торговля, какъ, напримѣръ, новосозданный городъ Одесса, въ короткое время чрезвычайно населившійся; онъ создатель Николаева и Херсона, гдѣ строятся военные корабли, и основатель столь твердой границы, какъ Днѣстръ. Онъ же виновникъ спокойствія отъ набѣговъ кавказскихъ народовъ завоеваніемъ земель отъ турокъ и поселеніемъ тутъ черноморцевъ, прежде называвшихся запорожцами, народа военнаго и для своей безопасности пекущагося возбранять набѣги и быть бдительною стражею. Онъ былъ не менѣе человѣкъ, ненавидящій всякое педантство или дон-

[1]) Умеръ въ 1815 году.

кишотство и обряды, продолжавшіеся въ націяхъ или отъ заблужденія, или отъ привычки, или упрямства, и потому уничтожилъ все то, что отнимало время у солдата и его попусту озабочивало безо всякой пользы; запретилъ солдатамъ пудриться, остригъ ихъ въ кружокъ, такъ что солдатъ могъ за часъ до развода идти въ баню и поспѣть къ должности, и не мучиться, не спавъ цѣлую ночь, причесавши съ вечера, яко болванъ, свою голову; сдѣлалъ имъ куртки, яко одѣяніе, которое нигдѣ не мотается и не мѣшаетъ легкости, свойственной и нужной солдату, и шаровары, кои избавляютъ солдата отъ чулокъ, кои для него дороги, и позволяютъ носить онучи холщевыя, кои здоровѣе для ноги и которыхъ подъ шаровары не видать, при томъ просторны и солдата не безпокоятъ, если только висятъ на помочахъ, которыя не накрестъ лежатъ на плечахъ, ибо таковыя рѣжутъ плечо. Онъ уничтожилъ гусарскіе полки, разсуждая, что не платьемъ бьютъ непріятеля, что прилично утѣшаться и заниматься щегольствомъ людямъ несмысленнымъ, поелику гусарское одѣяніе убыточно для офицера, получающаго только четвертую часть того жалованья, что стоитъ мундиръ, а для гусара оно тягостно. Повелѣнія его доказываютъ, что онъ старался и учить солдата только тому, что необходимо нужно противъ непріятеля, запрещая строго всѣ ребяцкія игрушки и паче парадные разводы, яко утѣха, а не польза. Таковъ былъ сей полезный человѣкъ своего отечества, достойный памятника отъ потомства. Онъ хотя былъ расточителенъ и дорого стоилъ государству, но если бы онъ и этой слабости не имѣлъ, то превзошелъ бы всѣхъ славныхъ въ свѣтѣ людей.

Заслуги его отечеству и польза, чрезъ то ощущаемая всѣми, не могутъ быть куплены за тѣ деньги, что онъ расточилъ. Замѣчательно было въ немъ и воображеніе его; онъ ничего не любилъ не чрезвычайнаго: если строилъ что, то такъ огромно, что нельзя назвать партикулярнымъ строеніемъ, но публичнымъ зданіемъ; конперты, для него сочиняемые, составлялись отъ 300 до 500 человѣкъ и вмѣщали въ себѣ всѣ роды инструментовъ.

Когда онъ былъ еще офицеръ гвардіи и бѣдный человѣкъ, то и тогда не любилъ быть въ кругу сотоварищей, а былъ уединенъ и занимался прожектами. Словомъ, это былъ человѣкъ, рожденный для игранія первой роли въ государствѣ, чего и достигъ, подобно Бонапарту, безъ всякой подпоры, единственно своимъ умомъ, и держался до смерти, имѣя большихъ людей себѣ злодѣями. Умеръ Потемкинъ въ 1791 году въ октябрѣ мѣсяцѣ, ѣхавъ лечиться изъ Яссъ въ Николаевъ, гдѣ какъ здоровое мѣстоположеніе сего города,

имъ созданнаго, такъ и вода могли дать ему облегченіе [1]). Замѣчательно, что оный городъ былъ построенъ не болѣе, какъ въ три года, бригадиромъ Фалеевымъ. Выборъ сего достойнаго человѣка дѣлаетъ честь проницанію князя Потемкина, который его зналъ, когда въ первую турецкую войну, начавшуюся въ 1768 году, тотъ былъ сидѣльцемъ въ суконной лавкѣ, и видно тогда еще замѣтилъ, что оный человѣкъ достоинъ по уму своему быть употребленнымъ въ государственныя должности и полезнѣе будетъ своему отечеству, нежели мѣрить сукно. И подлинно онъ не ошибся въ его на все способностяхъ. Честь и ту надо воздать г-ну Фалееву, что онъ былъ наиблагодарнѣйшій человѣкъ, каковыхъ въ свѣтѣ немного, и надо искать со свѣчкой, такъ какъ Діогенъ искалъ человѣка. Фалеевъ, послѣ смерти князя Потемкина, жилъ недолго и умеръ точно съ печали, потерявъ своего благодѣтеля, доставлявшаго ему средства къ услугамъ отечеству. Мнѣ на это скажутъ, можетъ быть, что Фалеевъ пополамъ съ княземъ подрядами грабили казну. Правда, я не буду защищать ихъ съ этой стороны, но польза государственная, отъ ихъ заслугъ проистекшая, всегда для меня затмитъ ущербъ въ казнѣ денежной. Надобно себѣ только вообразить, что будто бы народъ, въ благодарность имъ, обложилъ себя податью и намъ оную подарилъ за ихъ великія услуги. То худо, когда безъ заслугъ казну обкрадываютъ. Я говорю вообще для того, что и Фалеевъ былъ во многомъ князю Потемкину помощникъ.

Теперь возвратимся къ Алексѣю Яковлевичу. Я его оставилъ поѣхавшаго на конгрессъ съ Самойловымъ, что также дѣлаетъ ему честь со стороны его репутаціи, ибо былъ самъ еще съ небольшимъ 22 лѣтъ, но отецъ Самойлова, Николай Борисовичъ, поручилъ ему сына и просилъ не оставлять. Конгрессъ скоро рушился, и Алексѣй Яковлевичъ остался до окончанія войны волонтеромъ. Алексѣй Яковлевичъ имѣлъ слабость къ картамъ, игралъ безъ всякаго разсчета и потому никогда не имѣлъ денегъ; страсть предосудительная, ввергающая людей въ несносныя несчастія, ибо когда свои всѣ проиграютъ, то принимаются за казенныя и подвергаютъ себя тѣмъ всѣмъ безчестіямъ, по закону опредѣленнымъ. Онъ имѣлъ побочнаго сына отъ одной итальянки, жены морского бригадира Алексіано. Сынъ оной названъ Иваномъ Алексѣевичемъ Раславскимъ и воспитывался у сестеръ моихъ Варвары, которая дала ему

[1]) Князь Потемкинъ умеръ точно оттого, что, пріѣхавъ въ армію, нашелъ рескриптъ, данный кн. Репнину, заключить миръ. Изъ сего видно, что Екатерина замѣтила въ Потемкинѣ желаніе продолжать войну для какихъ-нибудь видовъ, ею неапробованныхъ.

50 душъ въ Каширѣ, и Надежды, родившихся послѣ брата Алексѣя, и умершихъ въ дѣвкахъ.

Потомъ по старшинству слѣдуетъ сестра Екатерина Яковлевна; замужемъ за графомъ Василіемъ Андреевичемъ Толстымъ, человѣкомъ отмѣнно честнымъ и любящимъ родныхъ своихъ, что есть немалое дарованіе въ вѣкѣ семъ, когда родство уже ни во что не считается отъ испорченности нравовъ и фальшивыхъ правилъ воспитэнія, ибо толкуютъ молодому воспитаннику, что онъ долженъ снискивать любовь въ знатныхъ и въ свѣтѣ живущихъ, но и не поминаютъ о томъ, что прежде всего должно снискать любовь родныхъ, въ какомъ бы положеніи они ни были, и тѣмъ самымъ поддержать связь между ближними [1]).

Послѣ Екатерины Яковлевны родился я въ 1756 году октября 12-го, а послѣ меня Александръ Яковлевичъ. Онъ въ отставкѣ полковникомъ и кавалеръ Георгія 4-го класса, который получилъ въ Шведскую войну въ 1790 году; по сіе время холостъ, нрава суроваго и необходительнаго, и какъ, при дурномъ воспитаніи, природнаго ничего хорошаго не имѣлъ, то и остался съ большими пороками; (захватчивъ и безстыденъ, не имѣя ни на что правилъ), отъ непросвѣщенія самолюбивъ до крайности, словомъ несчастливый человѣкъ, у коего похвалить совсѣмъ нечего и потому останется навѣкъ таковъ, каковъ родился. Впослѣдствіи сдѣлался ханжа и не перемѣнилъ свойствъ своихъ. Послѣ Александра родился Ѳедоръ Яковлевичъ,—бригадиръ въ отставкѣ, по упрямому и своеобычливому характеру потерялъ мѣсто въ Комиссаріатѣ; имѣетъ много побочныхъ дѣтей, а достатку не болѣе 175 душъ, и словомъ впалъ въ нищету оттого, что не имѣетъ дальновидности ни въ чемъ, не просвѣщенъ, захватчивъ, но добрый человѣкъ. Послѣ Ѳедора рождена Анна Яковлевна, воспитанная въ Петербургѣ, въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, заведеніи Великой Екатерины. Это заведеніе есть памятникъ, служащій къ славѣ Екатерины, ибо она старалась тѣмъ и бѣднымъ подать способы быть просвѣщенными.

Анна Яковлевна вышла изъ сего монастыря въ 1779 году, а умерла въ 1792 отъ лекаря, который даваніемъ сильныхъ лекарствъ въ мѣсяцы сдѣлалъ у ней чахотку, и не болѣе какъ чрезъ три мѣсяца она скончалась. Сіе подаетъ намъ правило остерегаться незнающаго лекаря, яко и самой чумы. Она укрѣпила свою часть,—60 душъ, сестрѣ Марьѣ Яковлевнѣ, какъ вмѣстѣ воспитанной, съ коей была болѣе дружна, чѣмъ съ другими; была простодушна и ла-

[1]) У графа Василія Андреевича было четыре сына: Сергѣй, Андрей, Яковъ и Александръ и дочь Екатерина.

скова. Сестра Анна похоронена въ селѣ Лаптевѣ, гдѣ похороненъ и дѣдъ нашъ Алексѣй Максимовичъ Трегубовъ. Поэтому долгъ нашъ есть стараться никогда не выпустить изъ рода нашего оное село, какъ родовую деревню, могущую сдѣлаться командорствомъ для потомковъ рода Трегубовыхъ, ибо она вообще приноситъ до 3.000 дохода, число, которое полагается для командорства, а по древности рода нашего старшій въ родѣ всегда уже онымъ будетъ пользоваться, ибо ни продать оное, ни заложить нельзя будетъ. Имѣніе это не должно выпустить изъ рукъ и потому еще, что тутъ лежатъ дѣдъ нашъ и сестра; къ чему, любезныя дѣти, надо имѣть уваженіе и безъ крайнихъ обстоятельствъ не продавать въ чужія руки. Уваженіе къ праотцамъ своимъ есть долгъ священный и при томъ взаимственный, ибо потомки ваши также въ васъ будутъ почитать своихъ праотцевъ, почтенія достойныхъ, если не пренебрежете, при воспитаніи, внушить имъ оное. Рожденная потомъ Марія Яковлевна воспитывалась также въ монастырѣ Смольномъ, вмѣстѣ съ Анной Яковлевной вышла въ 1794 году замужъ за итальянскаго музыканта Джоліо. Со стороны философической разсуждая, она сдѣлала похвально, ибо выбирала человѣка, а не знатность породы и богатство, и нашла въ немъ хорошаго друга и добраго человѣка. Какъ воспитанная въ публичномъ воспиталищѣ, гдѣ обыкновенно, кромѣ наукъ, никакихъ правилъ къ жизни, свойственныхъ тому вѣку, въ коемъ живетъ, не преподавалось, и оттого всякая изъ нихъ, вышедъ въ свѣтъ, дѣлаетъ уже сама себѣ оныя или не имѣетъ никакихъ во всю жизнь, изъ чего и произошло, что она сдѣлала себѣ свои правила, несходственныя съ обычаями и предразсудками того вѣка, въ коемъ жила, и вышла замужъ, презря, что оный союзъ дѣлаетъ къ ней отъ публики презрѣніе, а роднымъ всѣмъ поношеніе. По крайней мѣрѣ, если не могла превозмочь своей страсти или разсудила презрѣть предразсужденіе, должна была продать имѣніе и удалиться въ чужіе края, гдѣ ее не знаютъ, ибо непростительно есть презирать принятые въ общежитіи обычаи, поелику оные всѣ почти основаны на пользѣ общественной, и тотъ, кто оные нарушаетъ, есть преступникъ, который не заслуживаетъ сожалѣнія, но наказанія. Марья Яковлевна, презря молву, или обычай, тоже какъ бы презрѣла какой установленный законъ, ибо всѣ законы взяли свое начало отъ обычаевъ; удаленіемъ же изъ отечества призналась бы тѣмъ въ своемъ проступкѣ и заслужила бы какъ отъ родныхъ, такъ и отъ публики снисходительное сожалѣніе, ибо всякій съ удовольствіемъ самъ спѣшитъ извинить проступокъ того, кто въ немъ признается.

Послѣ Марьи Яковлевны нѣсколько было рожденныхъ дѣвочекъ;

въ младенчествѣ умершихъ, ибо насъ было всѣхъ 19-ть, а послѣдній былъ братъ Дмитрій Яковлевичъ, родившійся въ 1769 году. Онъ отставку взялъ конной гвардіи поручикомъ, при восшествіи на престолъ Императора Павла I-го, поелику служба уже стала строже, а онъ ея ничего не зналъ, не имѣя склонности, то и принужденъ былъ ее оставить. Онъ человѣкъ тихій и скромный, но фальшивый, что происходитъ отъ дурного воспитанія, т. е. при воспитаніи не получилъ никакихъ правилъ. Живя въ деревнѣ, спился. Воспитаніе наше состояло въ томъ, что нанимали намъ учителей для французскаго языка, и стоимъ мы нашимъ родителямъ довольно дорого.

Хотя оный языкъ способствовалъ много къ просвѣщенію изъ насъ того, кто хотѣлъ воспользоваться, и мы должны благодарить родителей, что не жалѣли денегъ; но, со стороны образованія сердца и правилъ, всякій изъ насъ, если ихъ имѣетъ, то уже самъ ихъ себѣ сдѣлалъ на свой манеръ, а при воспитаніи оное было позабыто. Въ Россіи много такихъ, которые и не знаютъ, въ чемъ состоитъ настоящее воспитаніе, а особливо по незнанію языковъ чужеземныхъ имъ и прочесть о томъ не случалось. Слѣдственно, по наслышкѣ, что въ общежитіи называютъ хорошо воспитаннымъ того, кто говоритъ чужимъ языкомъ и знаетъ обращеніе, тому всѣ и слѣдовали, упуская самое важное, чтобы примѣромъ своимъ образовать сердце своихъ дѣтей, т. е. кротостію, скромностію, чистосердечіемъ, разными добродѣтелями, исполняя христіанскій законъ не моленіемъ и постомъ, но на дѣлѣ, ибо примѣръ все производитъ, а не слова, и никакое доказательство безъ примѣра сего не подѣйствуетъ. Однако же дѣти иногда являются съ такими пороками, какихъ родители ихъ не имѣли, но родители не старались въ началѣ искоренить ихъ, внушая къ нимъ омерзеніе и стыдъ, оттого проистекающій, чему натурально воспитанники легко должны бы повѣрить, не находя таковыхъ пороковъ въ своихъ родителяхъ.

Я оставилъ повѣствованіе о родителѣ моемъ, для окончанія родословной всѣхъ дѣтей его. Теперь же возвратимся къ нему. Строгія правила его, внѣ корыстолюбія, доказываютъ то, что, служа въ такомъ мѣстѣ [1]), гдѣ другіе обогащаются, онъ ничего не нажилъ, да и не хотѣлъ тамъ оставаться и перемѣщенъ былъ въ судный приказъ ассессоромъ, а потомъ въ Нижній прокуроромъ и къ монетному двору директоромъ. Въ бытность его тамъ, въ 1762 г. скончалась Императрица Елисавета, Государыня набожная, но слабая, которою владѣли фавориты, и, къ несчастію ея, такіе, кото-

[1]) Въ таможнѣ.

рые не о благѣ отечества пеклись, а о себѣ и своей силѣ. По ней вступилъ въ правленіе Петръ 3-й, который умеръ въ іюнѣ 1762 года, а по немъ та Великая Екатерина, мать своихъ подданныхъ, которая дала имъ почувствовать, что вольность народа состоитъ не въ необузданности, но въ мудромъ, кроткомъ и на милосердіи основанномъ правленіи. Во время ея правленія всякій чтилъ себя столько же вольнымъ, какъ и республиканецъ, имѣя ту выгоду монархическаго правленія, что не опасался междоусобій, каковымъ подвержена бываетъ всякая республика. Она первая дала право своему народу самому для себя избирать судей и быть ими судиму, и не она уже въ томъ виновна, что мы сами противъ себя дѣлали изъ того злоупотребленіе, выбирая судей не по достоинству, а по пристрастіямъ или по какимъ-либо собственнымъ видамъ. Таковъ есть порочный человѣкъ, что находитъ и въ томъ свои выгоды, чтобы быть судиму криводушнымъ судьею.

Отецъ мой, взявъ опять отставку, былъ опредѣленъ въ 1763 году въ Москвѣ вице-директоромъ Павловской больницы, а чрезъ нѣкоторое время въ бергъ-контору главнымъ,—мѣсто, гдѣ другой могъ бы нажить имѣніе отъ заводчиковъ, но не онъ, ибо онъ не принималъ даже и такихъ подарковъ, каковые не за дѣло какое, но единственно отъ любви къ нему заводчики присылали со своихъ заводовъ.

Отецъ мой былъ рѣдкій чадолюбивый отецъ, рѣдкій сосѣдъ по деревнѣ, ибо никогда не касался не только чего чужого, но и свое нерѣдко уступалъ, избѣгая тяжебъ; привязанность имѣлъ ко всѣмъ своимъ роднымъ и самъ искалъ первый помириться съ обидѣвшимъ его, какъ онъ поступилъ съ роднымъ племянникомъ своимъ, покойнымъ графомъ Александромъ Николаевичемъ Зубовымъ, отцомъ князя Зубова.

Выйдя въ отставку изъ бергъ-конторы и получивъ при отставкѣ чинъ статскаго совѣтника, онъ оставался при одной больницѣ великаго князя и наслѣдника, а нынѣ Императора Павла I-го; но и ту оставилъ, бывъ обиженъ тѣмъ, что въ главные директоры, мимо его, пожалованъ былъ оберъ-камергеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ. Потерявъ въ 1787 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ мать мою, а свою супругу, кою очень любилъ и всегда былъ ей вѣренъ, жилъ вдовцомъ до 1791 года, въ коемъ въ маѣ мѣсяцѣ и скончался въ подмосковной, „Николаевское“ именуемой. Онъ былъ трудолюбивъ и великій садовникъ, не любилъ большого свѣта, а любилъ деревню, охотникъ былъ строить, но при всемъ томъ любилъ покойную жизнь и оттого имѣніе прожилъ и ничего не пріобрѣлъ и оставилъ лишь половину того, что имѣлъ прежде.

Теперь приступаю къ описанію жизни матери моей, урожденной княжны Юсуповой. Съ тѣхъ поръ, какъ я ее зачалъ помнить, она всегда любила людей, въ чемъ главная страсть ея была и отчего и прожилась. Она не только любила быть сама въ компаніяхъ, но любила болѣе ихъ у себя имѣть и быть съ лучшими людьми знакомой. Не было, можетъ быть, недѣли, чтобы не имѣла собранія. Хотя была богомольна, но не совсѣмъ наблюдала христіанскія должности, ибо была насмѣшлива и горяча къ окружавшимъ ее; имѣла пристрастіе къ нѣкоторымъ изъ дѣтей, изъ чего происходило два зла: тѣхъ, которыхъ любила, баловала и чрезъ то дѣлала ихъ порочными или невѣждами, а тѣхъ, коихъ не такъ любила, оставляла безъ призрѣнія и въ нуждѣ и также порочными. При всемъ этомъ она имѣла природный разумъ, была добродѣтельна къ бѣднымъ, что и вознаграждало съ избыткомъ другія слабости, ибо поможеніе бѣдному есть наипервѣйшая добродѣтель въ свѣтѣ, которая равняется справедливости.

Мать моя скончалась въ Москвѣ въ 1787 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ страстную субботу, и похоронена въ Хотьковомъ монастырѣ, въ 7 верстахъ отъ Троицкой Лавры, ближе къ Москвѣ, гдѣ и родитель мой похороненъ и сестра Варвара. Быть можетъ, она могла бы продлить свою жизнь, если бы не столько употребляла въ жизни своей лекарствъ, которыя все въ ней ослабили, а особливо желудокъ, изъ чего и слѣдуетъ, что не надо употреблять лекарства безъ крайней нужды.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина.

„Дѣло о высланномъ изъ столицы коллежск. секретарѣ Пушкинѣ, 1824“.

Дѣло архива рижскаго военнаго генералъ-губернаторскаго управленія „о высланномъ изъ столицы коллежскомъ секретарѣ Пушкинѣ“ хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ; краткое описаніе его помѣщено въ отчетѣ библіотеки за 1900 и 1901 гг. (СПБ., 1905 г., стр. 232—233). Какъ все относящееся до Пушкина, оно не можетъ не быть весьма интереснымъ. Мы воспроизводимъ его почти цѣликомъ, за исключеніемъ лишь немногихъ мѣстъ, извѣстныхъ уже ранѣе. Оно даетъ нѣсколько новыхъ данныхъ и кое-что вноситъ въ біографію великаго поэта.

1-й листъ дѣла занимаетъ бѣловое французское отношеніе министра иностранныхъ дѣлъ графа К. В. Нессельроде къ маркизу Ф. О. Паулуччи, въ рукахъ котораго находилось главное управленіе Прибалтійскимъ краемъ и Псковской губерніей. Даемъ этотъ документъ, нигдѣ еще не напечатанный, въ подлинникѣ и въ переводѣ.

St. Pétersbourg. Ce 12 Juillet 1824.

Monsieur le Marquis,

L' Empereur m'ordonne de transmettre à Votre Excellence la copie ci-jointe d'une dépêche que je viens d'adresser à M-r le Gouverneur Général de la Nouvelle Russie au sujet du Secrétaire de Collège Pouschkine, qui depuis plusieures années avoit été relégué dans les contrées méridionales de l'Empire pour quelques écarts dont il s'étoit

rendu coupable à Pétersbourg. On avoit espéré dans le tems que l'éloignement de la Capitale, joint à l'activité que pouvoit offrir à ce jeune homme le service auprés du Général Inzoff d'abord, et plus tard auprès du Comte Woronzoff, suffiroient pour le ramener sur la bonne voie et calmeroient l'excès d'une imagination qui malheureusement ne se consacroit pas tout entière à la culture des lettres Russes, vocation naturelle de M-r Pouschkine et qu' il avoit déjà suivie avec le plus grand succès. Votre Excellence apprendra par la lecture des pièces que j'ai l'honneur de Lui communiquer, que cette attente ne s'est pas vérifiée. L'Empereur s'est donc vu obligé de prendre à l'égard de M-r Pouschkine quelques nouvelles mesures de sévérité, et sachant que ses parents possèdent des propriétés dans le Gouvernement de Pskoff, Sa Majesté a résolu de l'y reléguer, en le confiant à vos soins vigilants, Monsieur le Marquis, et à la garde des autorités locales. C'est de Votre Excellence qu' il' dépendra, à l'arrivée du jeune Pouschkine à Pskoff, de donner à cette décision de Sa Majesté l'exécution la plus convenable.

Recevez, Monsieur le Marquis, l'assurance de ma haute considération.

Nesselrode.

à S. E. M-r le Général-Marquis de Paulucci.

Переводъ:

Господинъ Маркизъ,

Императоръ повелѣваетъ мнѣ препроводить Вашему Превосходительству прилагаемую копію депеши, отправленной мною господину Новороссійскому генералъ-губернатору касательно коллежскаго секретаря Пушкина, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ сосланъ въ полуденные края Имперіи за нѣкоторыя заблужденія, въ которыхъ онъ провинился въ Петербургѣ. Надѣялись, что съ теченіемъ времени удаленіе отъ столицы и въ связи съ нею дѣятельность, которую могла предоставить этому молодому человѣку служба, сначала при генералѣ Инзовѣ и потомъ при графѣ Воронцовѣ, будутъ въ состояніи привести его на стезю добра и успокоятъ избытокъ воображенія, къ несчастью не всецѣло посвященнаго развитію русской литературы, природному призванію г-на Пушкина, которому онъ уже слѣдовалъ съ величайшимъ успѣхомъ. Прочитавъ бумаги, которыя я имѣю честь вамъ сообщить, Ваше Превосходительство усмотрите, что это ожиданіе не оправдалось. Императоръ убѣдился, что ему необходимо принять по отношенію къ Г-ну Пушкину нѣкоторыя новыя мѣры строгости, и, зная, что его родные владѣютъ недвижимостью въ Псковской губерніи, Его Величество положилъ сослать его туда, ввѣряя его Вашимъ, Го-

сподинъ Маркизъ, неусыпнымъ заботамъ, и надзору мѣстныхъ властей. Отъ Вашего Превосходительства будетъ зависѣть, по прибытіи молодого Пушкина въ Псковъ, дать этому рѣшенію Его Величества наиболѣе соотвѣтствующее исполненіе.

Примите, Господинъ Маркизъ, увѣреніе въ моемъ высокомъ уваженіи.

Нессельроде.

Его Пр-ву генералу маркизу Паулуччи.

Вверху помѣты: „№ 4837“ и „15 іюля 1824“, означающія день полученія Паулуччи этого отношенія; ниже—„15 іюля, № 3013“, номеръ и дата предписанія Паулуччи псковскому губернатору.

На 2-мъ листѣ находится „Copie d'une dépêche au Général C—te Woronzoff, en date de St. Pétersbourg, 11 Juillet 1824“. Это копія извѣстнаго отношенія министра къ графу М. С. Воронцову, о высылкѣ Пушкина изъ Одессы въ Псковскую губернію (см. „Русск. Стар.“ 1879 г., т. XXVI, стр. 293—294; 1887 г., январь, 246; „Вѣдом. Одесск. Градоначальства“ 1899 г., № 102).

На 3-мъ листѣ находится копія того письма Пушкина изъ Одессы, которое послужило однимъ изъ поводовъ къ его ссылкѣ въ Михайловское: „Читая Шекспира и Библію“... и т. д. Объ этомъ письмѣ см. „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“ П. В. Анненкова, стр. 261—262).

Прочитавъ отношеніе Нессельроде и приложенныя къ нему копіи, маркизъ Паулуччи въ тотъ же день послалъ псковскому губернатору Б. А. Адеркасу слѣдующее предписаніе, которое сообщаемъ по черновому отпуску (листъ 4-й).

Г. Псковскому Гражд. Губ. Г. Д. С. С.
и Кав. Борису Антоновичу Адеркасу.

Управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ Г. Д. Тайный Сов. Графъ Нессельроде, препроводивъ ко мнѣ списокъ съ прилагаемаго у сего въ копіи отношенія его къ Г. Генералъ-Губернатору Графу Воронцову, изъ коего В. Пр. усмотрите обстоятельства отправленія въ Псковъ Коллежскаго Секретаря Пушкина, сообщилъ мнѣ Высочайшую Е. И. В. волю, дабы я учредилъ надъ означеннымъ Пушкинымъ, сосланнымъ на жительство къ родственникамъ своимъ въ губерніи Вамъ ввѣренной, надлежащій надзоръ.

Во исполненіе сего я поручаю В. Пр. снестись съ Г. Предво-

дителемъ Дворянства о избраніи имъ одного изъ благонадежныхъ Дворянъ для наблюденія за поступками и поведеніемъ Пушкина, дабы сей по прибытіи въ Псковскую губернію и по взятіи В-мъ Пр. отъ него подписки въ томъ, что онъ будетъ вести себя благонравно, не занимаясь никакими неприличными сочиненіями и сужденіями, находился подъ бдительнымъ надзоромъ, при чемъ нужно поручить избранному для надзора Дворянину, чтобы онъ въ такихъ случаяхъ, когда замѣчены будутъ предосудительные его, Пушкина, поступки, тотчасъ доносилъ о томъ мнѣ черезъ В. Пр. О всѣхъ же распоряженіяхъ Вашихъ по сему предмету я буду ожидать Вашего увѣдомленія.

Вверху бумаги помѣты: „3013“ и „15 іюля 1824“ — номеръ и дата предписанія, бѣловой подлинникъ котораго долженъ находиться въ соотвѣтствующемъ дѣлѣ псковскаго губернскаго правленія. Не знаемъ, сохранилось ли оно.

Въ 1868 г. въ „Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 10, стр. 68) было напечатано изложеніе этого дѣла, небрежно пересказанное И. И. Василевымъ („Слѣды пребыванія А. С. Пушкина въ Псковской губерніи“, Спб., 1899 г., стр. 4—6, 7—8). Анненковъ пользовался имъ („Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 321).

Отвѣтъ на это предписаніе находимъ на 5-мъ листѣ дѣла. Вотъ что писалъ псковскій губернаторъ въ своемъ рапортѣ, который приводимъ полностью.

Его Сіятельству

Его Императорскаго Величества Генералъ-Адъютанту Господину Генералъ-отъ-Инфантеріи, Рижскому Военному и Псковскому, Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому Генералъ-Губернатору и Кавалеру Маркизу Филиппу Осиповичу Паулуччи.

Псковскаго Гражданскаго Губернатора Фонъ Адеркаса

РАПОРТЪ.

Имѣвъ честь получить предписаніе Вашего Сіятельства отъ 15 іюля за № 3013-мъ о высланномъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію на жительство въ ввѣренную мнѣ Губернію, Коллежскомъ Секретарѣ Пушкинѣ и о учрежденіи надъ нимъ присмотра, я относился къ Г. Губернскому Предводителю Дворянства, дабы избралъ одного изъ благонадежныхъ дворянъ для наблюденія за поступками и поведеніемъ его, Пушкина, и получилъ отъ него, Г. Губернскаго Предводителя Дворянства, увѣдомленіе, что попе-

чителемъ надъ Пушкинымъ назначилъ онъ Коллежскаго Совѣтника Рокотова, который, узнавъ о семъ назначеніи, отозвался болѣзнію, а равно и отъ порученія, на него возложеннаго. Г. Губернскій Предводитель Дворянства, увѣдомивъ меня о семъ, присовокупилъ, что помимо Рокотова, которому бы можно поручить смотрѣніе за Пушкинымъ, онъ другихъ дворянъ не имѣетъ.

Итакъ, по прибытіи означеннаго Коллежскаго Секретаря Александра Пушкина и по отобраніи у него подписки и по сношеніи о семъ съ родителемъ его Г. Статскимъ Совѣтникомъ Сергѣемъ Пушкинымъ, извѣстнымъ въ Губерніи какъ по его добронравію, такъ и честности, и который съ крайнимъ огорченіемъ о учиненномъ преступленіи сыномъ его отозвался неизвѣстностію, порученъ въ полное его смотрѣніе съ тѣмъ завѣреніемъ, что онъ будетъ имѣть бдительное смотрѣніе и попеченіе за сыномъ своимъ.

Губернаторъ Б. фонъ Адеркасъ.

№ 7797.
4 октября 1824.
Г. Псковъ.

Вверху бумаги помѣты: „№ 6817“ и „8 октября 1824“. Ниже помѣта: „10 октября № 4381“.

Какъ разсказывается въ „Псков. Губернс. Вѣдом.“, 1868 г., № 10, губернскій предводитель дворянства Львовъ, по соглашенію съ губернаторомъ, предложилъ Рокотову слѣдить за Пушкинымъ, но тотъ отказался. Въ августѣ 1824 г. Пушкинъ, въ присутствіи псковскаго губернатора, далъ подписку жить безотлучно въ помѣстьѣ отца, „вести себя благонравно“... и т. д., какъ говорится въ генералъ-губернаторскомъ предписаніи.

На рапортъ губернатора маркизъ Паулуччи отвѣтилъ (листъ 6-ой):

Псковскому Гражданскому Губернатору.

На рапортъ В. Пр-ва отъ 4-го сего октября за № 7797-мъ даю знать, что если Отецъ высланнаго на жительство во ввѣренную вамъ губернію къ родственникамъ, Коллежскаго Секретаря Пушкина, Г. Статскій Совѣтникъ Пушкинъ согласится дать подписку въ томъ, что онъ будетъ имѣть неослабный надзоръ за поступками и поведеніемъ своего сына, то въ семъ случаѣ можетъ сей послѣдній оставаться подъ присмотромъ отца своего и безъ избранія особаго къ таковому надзору дворянина, тѣмъ болѣе, что родительская власть неограниченнѣе посторонней, и что Отецъ Пушкина по

удостовѣренію В. Пр—ва есть изъ числа добронравнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей.

Генералъ-Адъютантъ...

Вверху помѣты: „4381“, „10 октября 1824“ и „къ № 6817“.

По распоряженію Паулуччи, опочецкому предводителю дворянства А. Н. Пещурову было сообщено, что „если статскій совѣтникъ Пушкинъ дастъ подписку, что будетъ имѣть неослабный надзоръ за поступками и поведеніемъ сына, то въ семъ случаѣ послѣдній можетъ оставаться подъ присмотромъ своего отца и безъ избранія особаго къ таковому надзору дворянина, тѣмъ болѣе, что отецъ Пушкина есть изъ числа добронравнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей“. (Псковск. Губерн. Вѣдом.“, l. c.).

Извѣстно, какая буря разыгралась между возмущеннымъ сыномъ и „добронравнѣйшимъ“ Сергѣемъ Львовичемъ, когда поэтъ узналъ, что отецъ не уклонился отъ этого предложенія. Отецъ и сынъ надолго разссорились. Сергѣй Львовичъ вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ. Въ ноябрѣ 1824 г. онъ прислалъ увѣдомленіе, что довѣріемъ, оказаннымъ ему генералъ-губернаторомъ, воспользоваться не можетъ, такъ какъ дѣла его требуютъ его пребыванія въ Москвѣ и Петербургѣ (Анненковъ, „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 274; „Псковск. Губерн. Вѣдом.“, l. c.).

Сидя въ Михайловскомъ, Пушкинъ, ссылаясь на болѣзнь, просилъ дозволенія ѣхать для поправленія здоровья въ столицы или за границу. Результатъ ходатайства былъ очень скроменъ и горько разочаровалъ поэта: ему было позволено лѣчиться въ Псковѣ. На 7-мъ листѣ дѣла находимъ слѣдующій документъ:

Милостивый Государь
Осипъ Осиповичъ.

Имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что Государь Императоръ Всемилостивѣйше позволилъ уволенному отъ службы Коллежскому Секретарю Александру Пушкину, переведенному по Высочайшему повелѣнію изъ Одессы на жительство въ Псковскую Губернію, пріѣхать въ Г. Псковъ и имѣть тамъ пребываніе до излѣченія отъ болѣзни, о чемъ сообщено уже мною Г. Псковскому Гражданскому Губернатору, равно и о томъ, чтобы имѣлъ наблюденіе за поведеніемъ и разговорами Г. Пушкина.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

№ 848. Вашего Превосходительства
Въ Царскомъ Селѣ покорнѣйшій слуга
Іюня 1825. Иванъ Дибичъ.

Его Пр—ву О. О. Дюгамелю.

Вверху помѣты: „№ 4446“ и „4 Іюля 1825“.

---

19 іюля 1825 г. псковская врачебная управа, освидѣтельствовавъ Пушкина по предложенію губернатора, выдала ему свидѣтельство о болѣзни („Псковск. Губерн. Вѣдом.“, l. c.; П. В. Анненковъ, цитир. сочин., стр. 316—317, у Анненкова свидѣтельство датировано 1826 годомъ). Ровно черезъ годъ свидѣтельство управы пригодилось Пушкину. 19 іюля 1826 г. псковскій губернаторъ отправилъ маркизу Паулуччи прошеніе Пушкина на высочайшее имя о дозволеніи ѣхать лѣчиться въ столицы или за границу (Анненковъ, цит. соч., 315—316)—при слѣдующемъ рапортѣ (листъ 9-й, на 8-мъ листѣ ничего не написано):

Его Сіятельству

Его Императорскаго Величества Генералъ-Адъютанту, Господину Генералъ-отъ-Инфантеріи, Рижскому Военному и Псковскому, Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому Генералъ-Губернатору и Кавалеру Маркизу Филиппу Осиповичу Паулуччи

Псковскаго Гражданскаго Губернатора фонъ-Адеркаса

РАПОРТЪ.

Извѣстный Вашему Сіятельству, находящійся по Высочайшему повелѣнію подъ надзоромъ Губернскаго Начальства и проживающій въ имѣніи отца своего Коллежскій Секретарь Александръ Пушкинъ, представивъ ко мнѣ на Высочайшее имя Его Императорскаго Величества прошеніе,—проситъ представить оное по Начальству.

Прошеніе сіе на Высочайшее имя, свидѣтельство о болѣзни и взятую отъ него Пушкина подписку о небытіи имъ ни въ какомъ тайномъ обществѣ, у сего почтительнѣйше Вашему Сіятельству представить честь имѣю.

Гражданскій Губернаторъ Б. фонъ-Адеркасъ.

№ 5498.
19 іюля 1826 г.
Псковъ.

Помѣты—вверху: „№ 5344“ и „24 іюля 1826“ и ниже: „30 іюля, № 922“. Первая дата обозначаетъ день полученія бумаги въ Ригѣ, а вторая—день отправленія подлежащаго отношенія къ Нессельроде.

Это отношеніе было извѣстно Анненкову, который привелъ выдержку изъ него (Анненковъ, цитир. сочин., стр. 319 — 320) Мы приводимъ его полностью съ находящагося въ дѣлѣ отпуска (листъ 10-й):

Милостивый Государь мой,
Графъ Карлъ Васильевичъ!

Выключенный изъ службы Коллежскій Секретарь Александръ Пушкинъ, высланный по распоряженію Г. Новороссійскаго Генералъ-Губернатора изъ Одессы въ Псковскую Губернію, и о подверженіи коего надзору Псковскаго Губернскаго Начальства В. С—во сообщить мнѣ изволили въ отношеніи отъ 12-го іюля прошлаго 1824 г. Высочайшую волю блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича, поданнымъ нынѣ къ Псковскому Гражданскому Губернатору на Высочайшее имя прошеніемъ, при коемъ представилъ свидѣтельство Псковской Врачебной Управы о болѣзненномъ состояніи и подписку о непринадлежности его къ тайнымъ обществамъ, проситъ дозволенія ѣхать въ Москву или С.-Петербургъ или же въ чужіе края для излеченія болѣзни.

Усматривая изъ представленныхъ ко мнѣ вѣдомостей о состоящихъ подъ надзоромъ Полиціи, проживающихъ во ввѣренныхъ Главному Управленію моему губерніяхъ, что упомянутый Пушкинъ ведетъ себя хорошо, я побуждаюсь въ уваженіе приносимаго имъ раскаянія и обязательства никогда не противорѣчить своими мнѣніями общепринятому порядку, препроводить при семъ означенное прошеніе съ приложеніями къ В. С—ву, полагая мнѣніемъ не позволять Пушкину выѣзда за границу и покорнѣйше Васъ, Милостивый Государь мой, прося повергнуть оное на Всемилостивѣйшее Его И. В—а воззрѣніе и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ Вашимъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть,
Милостивый Государь мой,
В. С—ва
Покорнѣйшій Слуга.

Вверху помѣты: „922“, „30 іюля 1826“, „къ № 5344“ и „Нессельроде“.

Остальныя бумаги относятся къ освобожденію Пушкина изъ ссылки.

На 11-мъ листѣ находится слѣдующій рапортъ Адеркаса Паулуччи:

Его Сіятельству

Его Императорскаго Величества Генералъ-Адъютанту Господину Генералъ-отъ-Инфантеріи, Рижскому Военному и Псковскому, Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому Генералъ-Губернатору и Кавалеру Маркизу Филиппу Осиповичу Паулуччи

Псковскаго Гражданскаго Губернатора фонъ-Адеркаса

РАПОРТЪ.

Вчерашняго числа получилъ я отъ Его Высокопревосходительства Господина Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, барона Дибича, съ нарочнымъ фельдъ-егеремъ предписаніе,— съ коего копію имѣю честь Вашему Сіятельству у сего представить.

Гражданскій Губернаторъ Б. фонъ-Адеркасъ.

№ 187.
4 Сентября 1826.
Псковъ.

Вверху помѣты: „№ 112“ и „12 Сент. 1826“.

Того же 4 сентября Адеркасъ послалъ Дибичу увѣдомленіе, за № 188, объ исполненіи его предписанія (Анненковъ, цитир. соч., 321).

На 12-мъ листѣ находится копія отношенія Дибича къ Адеркасу. Оно напечатано П. В. Анненковымъ (цитированное сочиненіе, 321).

На 13-мъ листѣ, которымъ заканчивается дѣло, находится слѣдующій рапортъ Адеркаса Паулуччи:

Секретно.

Его Сіятельству

Его Императорскаго Величества Генералъ-Адъютанту, Господину Генералъ-отъ-Инфантеріи, Рижскому Военному и Псковскому, Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому Генералъ-Губернатору и Кавалеру Маркизу Филиппу Осиповичу Паулуччи

Псковскаго Гражданскаго Губернатора фонъ-Адеркаса

РАПОРТЪ.

Дополнительно къ донесенію моему отъ 4-го числа сего мѣсяца за № 187, имѣю честь Вашему Сіятельству почтительнѣйше донести, что проживавшій въ Псковской Губерніи, извѣстный Вашему Сіятельству, 10-го класса Пушкинъ, по явкѣ ко мнѣ сего Сентября

5-го числа,—того жъ числа, во исполненіе Высочайшаго Государя Императора повелѣнія, съ нарочно-присланнымъ ко мнѣ отъ Г. Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества Барона Дибича, фельдъегеремъ отправленъ при донесеніи моемъ къ Его Высокопревосходительству въ Москву.

Гражданскій Губернаторъ Б. фонъ-Адеркасъ.

№ 189.
7 Сентября 1826.
Псковъ.

Вверху помѣты: „№ 114“ и „12 Сент. 1826“.

По словамъ П. В. Анненкова (цитир. соч., 321), изъ посланнаго Адеркасомъ Дибичу увѣдомленія видно, что Пушкинъ выѣхалъ изъ Пскова 4 сентября вечеромъ. Надо думать, что оно было написано еще до отъѣзда Пушкина, который, вѣроятно, послѣдовалъ утромъ 5 сентября.

Сообщ. Н. Лернеръ.

Изъ прошлаго [1]).

Эпизодъ изъ жизни „Военнаго Сборника“.

ОБЪЯСНЕНІЕ

на докладъ о вредномъ направленіи всей русской литературы вообще и „Военнаго Сборника“ въ особенности, составленный г. военнымъ цензоромъ полковникомъ Штюрмеромъ.

Въ Высочайше одобренномъ объявленіи о „Военномъ Сборникѣ“ сказано: „Всестороннее, добросовѣстное изученіе настоящаго матеріальнаго и нравственнаго состоянія нашихъ войскъ составляетъ первую обязанность этого журнала“.

Значеніе такого желанія Правительства не могло быть сомнительно, особенно по соображенію съ фактами, всѣмъ извѣстными и составлявшими одну изъ главныхъ заботъ Правительства.

Изслѣдованіе причинъ неуспѣха послѣдней войны [1]) открыло Правительству существованіе значительныхъ недостатковъ и злоупотребленій въ обученіи, вооруженіи и хозяйствѣ нашей арміи. Представлялась необходимость склонить всѣхъ благомыслящихъ офицеровъ къ искреннему исполненію мѣръ, принимаемыхъ Правительствомъ, для искорененія зла; вѣрнѣйшимъ путемъ къ тому было—дать самимъ офицерамъ средство узнать и высказать истину,—этимъ доказывалась бы для нихъ, собственными ихъ устами, неиз-

---

[1]) См. „Русскую Старину“, май 1908 г.

[2]) 1853—54 г.г.

бѣжность и полезность преобразованій, предпринимаемыхъ Правительствомъ. Объясняя сами для себя недостатки, принадлежавшіе нашему военному быту, офицеры излагали бы и средства къ ихъ отстраненію. Если кто изъ нихъ жаловался бы неосновательно, или предполагалъ бы для улучшеній способы непрактичные, изъ самой среды его товарищей поднимались бы голоса, показывающіе неосновательность его претензій, неудобопримѣнимость его проекта, — и собственнымъ убѣжденіемъ самихъ офицеровъ, сужденія ихъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ лишались бы всякаго преувеличеннаго характера; ихъ желанія относительно улучшеній въ ихъ бытѣ приводились бы къ размѣрамъ удобоисполнимымъ. А такъ какъ Правительство дѣйствительно искренно заботится объ улучшеніяхъ въ арміи и приняло уже, или готовится принять всѣ практически возможныя мѣры къ улучшенію ея быта, то и оказывалось бы, что мѣры Правительства соотвѣтствуютъ всѣмъ здравымъ желаніямъ самихъ офицеровъ, что Правительство дѣлаетъ все, что возможно, не дѣлаетъ только того, что признано за невозможное самими офицерами. Чрезъ это водворялось бы въ арміи полнѣйшее довѣріе къ заботливости о ней Правительства, уничтожались бы всякія неудовольствія, и Правительству обезпечивалось бы точное и дѣятельное исполненіе всѣмъ сословіемъ офицеровъ тѣхъ улучшеній по вооруженію, тактическому обученію и хозяйству арміи, какія уже предприняты волею Государя. Такое довѣріе арміи къ Правительству въ особенности необходимо тогда, когда Правительство предпринимаетъ великія преобразованія въ государственномъ устройствѣ.

Итакъ, вопросъ о направленіи „Военнаго Сборника“ зависѣлъ отъ вопроса: хочетъ ли правительство, чтобы его мѣры понимались арміею въ истинномъ ихъ смыслѣ и исполнялись съ добросовѣстнымъ усердіемъ?

Отвѣтъ не могъ быть сомнительнымъ: онъ заключался въ дѣйствіяхъ самаго правительства; на тотъ же самый отвѣтъ указывали и основанія, Высочайше утвержденныя для изданія „Военнаго Сборника“.

Направленіе „Военнаго Сборника“ было понято огромнымъ большинствомъ русскихъ офицеровъ точно такъ, какъ предполагала понимать его редакція „Сборника“. Армія увидѣла въ этомъ изданіи новый залогъ довѣрія къ ней и заботливости о ней правительства. Изъ нѣсколькихъ сотъ статей, доставленныхъ въ „Военный Сборникъ“, не было ни одной, которая имѣла бы иной смыслъ.

Назначеніе, опредѣленное для „Военнаго Сборника“ его Высо-

чайше утвержденнымъ объявленіемъ, могло достигаться только дѣятельностью самихъ офицеровъ русской арміи; потому объявленіе прямо и обращалось къ офицерамъ, говоря имъ, что они одни могутъ рѣшить задачу, исполненію которой долженъ, по указанію правительства, служить „Военный Сборникъ".

Офицеры русской арміи отвѣчали на это приглашеніе съ такимъ просвѣщеннымъ сочувствіемъ къ намѣренію, съ которымъ правительство основало „Военный Сборникъ", что съ самаго начала этотъ журналъ сталъ однимъ изъ пользующихся наибольшимъ уваженіемъ въ публикѣ. Мы можемъ это сказать, не нарушая скромности, потому что заслуга принадлежитъ не редакціи, а сотрудникамъ, дѣйствовавшимъ совершенно самостоятельно. Редакція должна сказать о себѣ въ этомъ отношеніи развѣ только то одно, что она не отвергала хорошихъ статей и не портила ихъ.

Такимъ образомъ, направленіе „Военнаго Сборника" не зависѣло отъ редакціи: оно было указано журналу Высочайше утвержденными основаніями и осуществлено дѣятельностью всего корпуса офицеровъ русской арміи, въ которомъ всѣ просвѣщенные люди явились проникнутыми однимъ и тѣмъ же духомъ.

Послѣднее обстоятельство особенно ясно выказывается слѣдующимъ фактомъ. Редакція объявляла, что съ готовностью будетъ печатать всякія возраженія на статьи, помѣщенныя въ „Сборникѣ". Дѣйствительно, возраженій явилось очень много, и всѣ они, если были хотя сколько-нибудь грамотны, печатались въ „Сборникѣ". Но и эти возраженія всѣ написаны въ томъ же самомъ духѣ, какъ и остальныя статьи „Сборника" [1]). Спорившіе разнились между собою въ оцѣнкѣ важности того или другого факта, въ сужденіяхъ о предпочтительности той или другой подробности какого нибудь предложеннаго способа къ улучшенію, а въ основныхъ понятіяхъ и желаніяхъ всѣ сходились единодушно.

Но извѣстно всѣмъ, что просвѣщенныя намѣренія Государя возбуждаютъ неудовольствіе въ горсти людей, незначительной по числу, но сильной именно тѣмъ, что она защищаетъ злоупотребленія, слѣдовательно, неразборчива въ средствахъ оппозиціи. Не отваживаясь на открытое сопротивленіе, эти люди прикрываютъ свои умыслы разными предлогами.

---

[1]) Кромѣ одного возраженія, помѣщеннаго въ № 7 „Военнаго Сборника"; редакція была обязана напечатать это возраженіе, потому что имъ думалъ защитить себя авторъ, захотѣвшій видѣть обвиненіе своимъ распоряженіямъ въ словахъ статьи «Военнаго Сборника», говорившей о состояніи здоровья Южной арміи въ минувшую войну.

Главное коварство тайныхъ противниковъ просвѣщенной воли Государя Императора заключается въ томъ, чтобы говорить о вредѣ, будто бы приносимомъ правительству раскрытіемъ злоупотребленій и довѣріемъ къ Россіи. Они проповѣдуютъ скрытность, мракъ. Цѣль ихъ при этомъ очевидна, обманъ слишкомъ грубъ. Пока злоупотребленіе не обличено вполнѣ, до той поры они имѣютъ надежду какъ-нибудь отстоять и сохранить его для своей личной выгоды. Но развѣ можетъ любить мракъ и скрытность тотъ, кто хочетъ чести правительству, пользы Государству, чьи намѣренія чисты? Дурное правительство разнится отъ хорошаго не тѣмъ, что при дурномъ существуютъ злоупотребленія, а при хорошемъ ихъ не существуетъ, — нѣтъ, они существуютъ всегда и повсюду, при всякомъ правительствѣ; нѣтъ, разница въ томъ, что дурное правительство покровительствуетъ злоупотребленіямъ и прикрываетъ ихъ, а хорошее старается искоренить ихъ, пользуется для того всѣми честными средствами, изъ которыхъ первое—преслѣдованіе злоупотребленій свѣтомъ истины, и призываетъ къ содѣйствію себѣ всѣхъ честныхъ людей, то есть любитъ правду.

По мѣрѣ своихъ силъ, въ кругу дѣйствія, ему предназначенномъ, „Военный Сборникъ“ усердно служилъ просвѣщеннымъ намѣреніямъ Государя Императора. Противники намѣреній Государя не могли не чувствовать вражды и къ нему, какъ враждуютъ они противъ всякой правды. Средствомъ въ этой враждѣ послужило имъ, какъ всегда, недобросовѣстное искаженіе фактовъ.

Мы подробно разсмотримъ докладъ полковника Штюрмера, обвиняющій всю русскую литературу въ стремленіи унизить честь русской арміи (какъ будто бы русская публика, вся масса которой состоитъ изъ людей, принадлежащихъ или принадлежавшихъ къ арміи, или имѣющихъ родственниками офицеровъ, могла потерпѣть въ литературѣ подобное стремленіе), особенно обвиняемый въ этомъ направленіи „Военный Сборникъ“, какъ будто бы онъ издается не подъ непосредственнымъ наблюденіемъ начальства одного изъ корпусовъ русской арміи, какъ будто бы изъ трехъ его редакторовъ два не принадлежатъ къ офицерамъ русской арміи, какъ будто бы всѣ статьи этого изданія [1]) написаны не офицерами русской арміи, какъ будто бы 5.800 человѣкъ [2]) офицеровъ русской арміи могли

---

[1]) За исключеніемъ только двухъ, имѣющихъ чисто историческое содержаніе и относящихся къ отдаленной старинѣ.

[2]) Изъ 6.000 экземпляровъ «Военнаго Сборника», расходившихся въ нынѣшнемъ году, менѣе двухъ сотъ получались лицами не военнаго сословія; остальные болѣе нежели 5.800 экземпляровъ выписывались офицерами.

сочувствовать изданію, когда бы оно не служило къ чести русской арміи.

Г. военный цензоръ говоритъ, что военно-цензурныя правила начинаются слѣдующими двумя параграфами: „1) не допускать къ напечатанію ничего оскорбительнаго для чести русскаго войска. 2) не допускать никакихъ нападковъ, ни насмѣшекъ на счетъ-какой либо части нашихъ войскъ или корпуса офицеровъ".

Чтобы умѣть охранять эти правила, надобно, прежде всего, умѣть понимать ихъ.

Честь каждаго сословія состоитъ въ томъ, чтобы не обнаруживать преступнаго потворства недостойнымъ своимъ сочленамъ и сочувствовать всему тому, что нужно для достиженія цѣли, предназначенной этому сословію государственнымъ устройствомъ и желаніями правительства. Русская армія хорошо понимаетъ это и ставитъ себѣ за честь радоваться всему, что ведетъ къ искорененію въ ея рядахъ невѣжества и недобросовѣстности. Она понимаетъ, что каждое многочисленное сословіе заключаетъ въ себѣ нѣсколькихъ людей, достойныхъ порицанія, что честь сословія требуетъ не прикрывать ихъ и не потворствовать имъ, а стараться исправить ихъ.

Необходимымъ средствомъ къ тому всѣ образованные люди считаютъ литературное изобличеніе недобросовѣстности и пороковъ, потому русская армія съ одобреніемъ принимаетъ статьи, способствующія совершенному очищенію ея отъ недостатковъ. Но г. военный цензоръ понимаетъ честь не такъ, какъ понимаетъ ее огромное большинство офицеровъ русской арміи. Онъ не доволенъ, онъ находитъ предосудительнымъ для чести русской арміи направленіе „Военнаго Сборника".

О направленіи „Военнаго Сборника" каждый можетъ судить сообразно своимъ понятіямъ. Но какъ бы ни судилъ кто, не долженъ упускать онъ изъ виду одного факта: направленіе „Военнаго Сборника" придано этому изданію не редакціей, не начальствомъ Гвардейскаго штаба, а самими офицерами русской арміи. Тотъ, кто осуждаетъ это направленіе, не долженъ забывать, что онъ идетъ противъ чувствъ огромнаго большинства русскихъ офицеровъ.

Редакція, изъ множества получаемыхъ ею статей, выбирала къ напечатанію тѣ или другія, не по различію въ ихъ направленіи, а единственно по степени ихъ занимательности, дѣльности и достоинству изложенія. Относительно направленія, выборъ былъ невозможенъ, потому что рѣшительно всѣ безъ исключенія статьи были проникнуты одинаковымъ направленіемъ. Даже полковникъ Штюр-

меръ не могъ не замѣтить этого: въ запискѣ о „Военномъ Сборникѣ“, приложенной къ докладу о направленіи литературы вообще, онъ говоритъ самъ, что четыре статьи, написанныя, одна пѣхотнымъ армейскимъ офицеромъ, другая артиллерійскимъ, третья стрѣлковымъ, четвертая казачьимъ, и помѣщенныя въ первой книжкѣ „Сборника“, „заслуживаютъ особаго вниманія (собственныя слова полковника Штюрмера), съ одной стороны, по важности разсматриваемыхъ предметовъ и видимому сходству, почти тожественности взгляда на оныя, а съ другой потому, что случайное совокупленіе сихъ четырехъ голосовъ можетъ быть принято неопытнымъ читателемъ за гласъ большинства всей арміи“.

Если бы полковникъ Штюрмеръ самъ былъ опытнымъ судьею въ литературныхъ дѣлахъ, то онъ понималъ бы, что, написавъ эти слова, онъ безвозвратно осуждаетъ самъ себя. Что говоритъ онъ этими словами? Онъ говоритъ, что четыре офицера, принадлежащіе къ совершенно различнымъ родамъ войскъ, думаютъ о положеніи нашей арміи, ея потребностяхъ, достоинствахъ и недостаткахъ, совершенно одинаково. Редакція можетъ прибавить, что эти офицеры живутъ въ различныхъ концахъ Россіи: одинъ въ Петербургѣ, другой въ деревнѣ на сѣверѣ Россіи, третій въ Оренбургскомъ краѣ, четвертый въ районѣ расположенія первой арміи. Взгляды этихъ людей, не видѣвшихъ другъ друга въ лицо, сходны, по словамъ полковника Штюрмера, до тожественности. Если бы ихъ мысли были ихъ личными частными мнѣніями, они разошлись бы между собою хотя въ чемъ-нибудь. Но они говорятъ совершенно одно и то же. Ясно, что каждый изъ нихъ выражаетъ общее мнѣніе, одинаковое во всѣхъ частяхъ войскъ. Сходство простирается до того, что полковникъ Штюрмеръ не можетъ раздѣлить этихъ четырехъ статей одну отъ другой и въ своей запискѣ разбираетъ ихъ всѣ вмѣстѣ, какъ будто одну статью. Да и какъ мнѣнію, выражаемому этими четырьмя статьями, не быть одинакову во всѣхъ частяхъ арміи, когда во всѣхъ частяхъ происходитъ одно и то же, когда въ одно и то же время правительство получаетъ извѣстія объ одинаковыхъ злоупотребленіяхъ въ Кронштадтѣ, въ Петровскѣ, въ Саратовѣ и Балашовѣ? Если бы полковникъ Штюрмеръ понималъ значеніе того, что самъ говоритъ, онъ, или не написалъ бы этихъ словъ, или зналъ бы, что, написавъ ихъ, онъ самъ себя опровергъ, или чувствовалъ бы, по крайней мѣрѣ, что, послѣ этихъ словъ, осуждая „Военный Сборникъ“, онъ осуждаетъ большинство офицеровъ русской арміи. Вѣдь онъ самъ прибавляетъ, что впечатлѣніе, производимое сходствомъ осуждаемыхъ имъ статей, представляетъ ихъ за „голосъ большинства всей арміи“; въ другомъ мѣстѣ своей

записки о „Военномъ Сборникѣ“ онъ положительно говоритъ, что направленіе осуждаемаго имъ журнала пользуется сочувствіемъ въ арміи.

Надобно ли объяснять послѣ этого, что такое дѣлаютъ люди, возбуждающіе Правительство противъ статей, служащихъ выраженіемъ мнѣній большинства офицеровъ русской арміи и на граждаемыхъ, по собственному признанію этихъ людей, сочувствіемъ арміи? Понимаетъ ли полковникъ Штюрмеръ, что онъ дѣлаетъ, желая возбудить неудовольствіе Правительства противъ чувствъ всего сословія офицеровъ русской арміи? И чѣмъ заслужило сословіе нашихъ офицеровъ этотъ гнѣвъ? Развѣ тѣмъ, что хочетъ быть еще лучшимъ, нежели каково оно теперь? Или тѣмъ, что, по собственнымъ словамъ полковника Штюрмера „офицеры нашей арміи принесли, въ недавнее время, престолу и отечеству столько благородныхъ жертвъ, которыхъ прахъ еще не остылъ и раны еще не закрылись“?

Первымъ параграфомъ военно-цензурныхъ правилъ охраняется честь всей арміи; второй параграфъ охраняетъ честь каждой отдѣльной части войска и корпуса офицеровъ въ особенности. Говоря о нападкахъ и насмѣшкахъ, второй параграфъ, конечно, разумѣетъ нападки и насмѣшки предосудительныя для чести того или другого рода войскъ и корпуса офицеровъ: это видно изъ соображенія его съ первымъ параграфомъ.

Но кромѣ насмѣшекъ, оскорбительныхъ для чести, есть невинная шутка, надъ которою въ образованномъ обществѣ весело хохочетъ первый тотъ самый, къ кому она относится. Извѣстно, что человѣкъ, умственно неразвитый, не понимаетъ разницы между этою шуткою и оскорбительною для чести насмѣшкою. Онъ становится смѣшонъ или отвратителенъ, оскорбляясь тѣмъ, что ни мало не оскорбительно.

Теперь посмотримъ, какъ понимаетъ полковникъ Штюрмеръ второй параграфъ военно-цензурныхъ правилъ и чего требуетъ онъ отъ нашихъ офицеровъ. Вотъ его собственныя слова: „Когда, въ недавнемъ времени, фельетонистъ Де-Пеннь позволилъ себѣ упомянуть о подпоручикахъ, которые къ ущербу дамскихъ нарядовъ являются на балы въ мундирѣ“ (дѣло шло вовсе не о мундирѣ), „то хотя статья его и не заключала повидимому ничего лично оскорбительнаго, однакожъ порицаніе носить мундиръ въ обществѣ показалось военнымъ людямъ обиднымъ. Не одни только подпоручики“ (нѣтъ, они одни) „все офицерское сословіе признало себя оскорбленнымъ, и офицеры разныхъ чиновъ“ (нѣтъ, только

одни подпоручики), „разныхъ командъ и изъ разныхъ городовъ потребовали удовлетворенія редакціи у журнала. Можетъ быть они обнаружили въ этомъ случаѣ излишнюю щекотливость, можно также упрекнуть дравшихся подпоручиковъ въ неблагородномъ окончаніи дуэли съ Пенномъ, но за всѣмъ тѣмъ, надобно согласится, что первоначальный порывъ негодованія офицеровъ произошелъ изъ понятія объ оскорбленіи ихъ званія и что это, сильно развитое чувство чести, составляетъ главнѣйшую долю нравственной силы французской арміи. Изъ этого наконецъ видно, въ какой степени необходимо цѣнить это чувство въ арміи и охранять отъ незаслуженныхъ нападковъ".

Полковникъ Штюрмеръ хвалитъ поведеніе французскихъ подпоручиковъ въ исторіи съ фельетонистомъ Пеномъ. Надобно изложить эту исторію, чтобы видѣть, какія понятія о чести офицера имѣетъ полковникъ Штюрмеръ. Разсказывая въ забавномъ видѣ о какомъ-то балѣ и подсмѣиваясь надъ всѣми лицами, тутъ бывшими, Пенъ сказалъ, между прочимъ, что былъ на балѣ одинъ подпоручикъ, который плохо умѣлъ танцовать и по неловкости разорвалъ шпорою платье дамы, съ которою танцовалъ. Само собою разумѣется, что всѣ дѣйствующія лица, и въ томъ числѣ подпоручикъ, были выдуманы. Кажется, тутъ не было обиды никому, но французскіе подпоручики обидѣлись. Можетъ ли благовоспитанный человѣкъ принимать въ обиду шутки надъ неловкостью его манеръ? Онъ чувствуетъ, что сдѣлался бы черезъ это смѣшнымъ и пошлымъ; онъ знаетъ, что ему слѣдуетъ первому отъ души смѣяться при этихъ шуткахъ, и дѣйствительно смѣется отъ души, понимая, что ловкость или неловкость манеръ не возвышаетъ и не унижаетъ его чести. Французскіе подпоручики, обидѣвшіеся шуткою Пена, только выказали себя людьми дѣйствительно неблаговоспитанными и смѣшными.

Но тѣмъ не кончилось дѣло: этихъ обиженныхъ собралась цѣлая ватага, и всѣ они послали вызовъ Пену драться поочередно съ каждымъ изъ нихъ. Если цѣлое общество считаетъ нужнымъ загладить посредствомъ дуэли оскорбленіе, нанесенное ему отдѣльнымъ лицомъ, то между порядочными людьми принято за правило, чтобы это общество выбирало отъ себя одного, такъ сказать, депутата, который бы дрался одинъ отъ имени всѣхъ. Нарушивъ это правило, подпоручики, составившіе ватагу, показали себя людьми не только неблаговоспитанными и смѣшными, но и неблагородными.

И этого мало. Они поставили драться противъ Пена такого офицера, который служилъ учителемъ фехтованія. Они выставили

человѣка, который навѣрняка долженъ былъ убить Пена, такъ чтобы до нихъ не дошла и очередь драться, а между тѣмъ каждый изъ нихъ хвастался своимъ вызовомъ. Это было уже поступкомъ не просто людей смѣшныхъ, неблаговоспитанныхъ и не совсѣмъ порядочныхъ, но прямо дѣломъ низкихъ, трусливыхъ хвастуновъ, дѣлающихъ подлость. Мы увѣрены, что въ цѣлой нашей арміи не найдется ни одного офицера, который бы согласился участвовать въ подобной подлой штукѣ.

И этого всего мало. Низкій бандитъ, избранный отъ цѣлой ватаги, чтобы навѣрняка зарѣзать человѣка, плохо владѣвшаго шпагой, не успѣлъ первымъ ударомъ зарѣзать его: рана была не смертельна; однако же, была такъ тяжела, что Пенъ выпустилъ изъ рукъ шпагу и зашатался, падая. Въ эту минуту господинъ учитель фехтованія, прицѣлившись хорошенько, воткнулъ шпагу въ грудь обезоруженнаго, падающаго противника и проткнулъ его насквозь. Въ нашей арміи, слава Богу, не бывало еще примѣра, чтобы офицеръ совершилъ подобную гнусность. Но если бы она совершилась, нѣтъ сомнѣнія, что всѣ до одного офицеры того полка, къ которому принадлежалъ бы негодяй, потребовали бы, чтобы онъ снялъ мундиръ, имъ обезчещенный, потребовали бы, чтобы этотъ человѣкъ былъ преданъ военному суду, подвергнутъ позорнѣйшему наказанію, чтобы надъ его головой была сломана шпага, которую онъ осквернилъ.

И чувства этихъ-то людей осмѣливается полковникъ Штюрмеръ ставить въ примѣръ нашимъ офицерамъ. Онъ не понималъ, какъ подлъ, какъ гнусенъ поступокъ, выставляемый имъ за примѣръ для подражанія русскимъ офицерамъ. Такимъ ли людямъ, которые не знаютъ различія между чувствомъ чести и гнуснѣйшею подлостью, такимъ ли людямъ охранять честь русской арміи? Имъ ли учить кого бы то ни было пониманію чести?

Онъ извиняется незнаніемъ и непониманіемъ; онъ просто хотѣлъ похвалить французскую армію,—намѣреніе доброе, только случай къ похвалѣ выбранъ неудачно.

Можетъ быть, не совсѣмъ удачна и вообще его мысль ставить французскую армію примѣромъ для русской въ дѣлахъ чести. Первый долгъ чести для арміи — вѣрность Правительству. Что же дѣлала французская армія въ послѣднія тридцать лѣтъ? Она измѣнила въ 1830 году Бурбонамъ, она измѣнила въ 1848 году Людовику Филиппу, она измѣнила своимъ генераламъ, возмутившись противъ нихъ 2-го декабря 1837 года, она теперь готовится измѣнить Наполеону III: подъ Севастополемъ она уже кричала: vive la republique! Она храбра на полѣ битвы, но она при каждой смутѣ покрывала

себя безчестіемъ въ Парижѣ. Каждый разъ она звѣрски рѣзала стариковъ и женщинъ при началѣ народнаго волненія, и каждый разъ, какъ только волненіе усиливалось, покидала свои знамена и фратернизировала съ мятежниками. Это ли чувство чести, которое ставятъ въ примѣръ русской арміи противники „Военнаго Сборника“?

Сообщ. П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сандепу и Мукденъ [1]).

(Воспоминанія запаснаго).

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СХЕМЪ).

(Окончаніе).

Квартиры, отведенныя намъ въ Чжантани, не были конечно роскошны, и онѣ отнюдь не напоминали собою тѣхъ казарменныхъ помѣщеній, къ которымъ мы привыкли въ мирное время. Конечно, никто изъ насъ и не помышлялъ о подобныхъ помѣщеніяхъ; хорошо уже было и то, что каждая рота имѣла въ своемъ распоряженіи отдѣльный дворъ съ фанзою и прочими хозяйственными постройками—сараями, конюшнями, навѣсами и прочее. Фанза могла вмѣстить только часть людей роты, остальные расположились въ пристройкахъ, при чемъ было уже и то хорошо, что являлась возможность временами заходить въ фанзу и обогрѣваться.

Когда мы пришли въ Чжантань, то эта огромная деревня, вмѣстившая въ себя множество войскъ, изобиловала огромными запасами всякаго рода зерна, а также и соломы. Зерно китайцы постарались хорошо укрыть въ особыхъ ямахъ, которыя они нарочно съ этой цѣлью выкопали въ такихъ мѣстахъ, гдѣ трудно было заподозрить присутствіе какого бы то ни было склада; но русскій человѣкъ какъ-то особенно чутокъ относительно хранилищъ чужого добра. Несмотря на прекрасную маскировку этихъ ямъ соломой, мусоромъ, навозомъ и прочими препаратами, солдаты легко отыскивали присутствіе такихъ вмѣстилищъ съ помощью прикладовъ: постучитъ солдатъ легонько прикладомъ о землю и скажетъ—стоитъ тутъ копать или не стоитъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, 1903 г. февраль.

Много было извлечено изъ-подъ земли картошки, чумизы и всякаго рода зерновыхъ запасовъ. Попадались ямы, въ которыхъ были сложены теплая одежда, женскіе костюмы,—нѣкоторые весьма цѣнные, вышитые шелками, но все это было не нужное, а потому вещей этихъ и не трогали.

Самымъ цѣннымъ предметомъ въ солдатскомъ обиходѣ была гаоляновая солома, на которой солдатъ спалъ, устраивалъ изъ нея себѣ шалашъ и кипятилъ на ней свой чайникъ. Этой соломы были всюду цѣлыя скирды, и такъ какъ русскій человѣкъ совсѣмъ не привыкъ быть экономнымъ, да къ тому же никто и не зналъ—долго ли намъ придется просидѣть въ этой деревнѣ, то на скирды эти набросились, и дѣло о правильномъ распредѣленіи и употребленіи соломы не было упорядочено; солдаты жгли ее цѣльными снопами, благодаря чему загорались соломенныя крыши фанзъ, и въ деревнѣ начались частые пожары.

Если какой-нибудь китайскій историкъ, описывая въ будущемъ это трудное для жителей время, желая оттѣнить чувство патріотизма китайцевъ, скажетъ, что жители деревень жгли свои дома для того только, чтобы они не достались русскимъ, то онъ скажетъ неправду. Китайскія фанзы горѣли вовсе не ради патріотизма ихъ хозяевъ, а ради халатности и безпечности русскихъ.

Правда, бывали случаи, что китайцы поджигали свои фанзы, какъ объ этомъ было уже сказано, но это дѣлалось совершенно съ другой цѣлью, и на это нужно смотрѣть какъ на исключительное явленіе.

Благодаря этимъ пожарамъ, которые начались чуть ли не съ первыхъ часовъ нашего появленія въ деревнѣ, число домовъ и надворныхъ построекъ значительно уменьшилось, и многимъ людямъ, за неимѣніемъ мѣста, пришлось расположиться на дворахъ подъ открытымъ небомъ въ теченіе болѣе чѣмъ мѣсячнаго стоянія въ этой деревнѣ.

Первый день нашего прибытія въ Чжантань мы провели спокойно, и непріятель не тревожилъ насъ до ночи, но часовъ въ 11 ночи, когда мы расположились отдохнуть, вдругъ началась пальба. Пули засвистѣли въ разныхъ направленіяхъ, и черезъ нѣсколько минутъ роты поднялись и построились. Было приказано слѣдовать на сборный пунктъ, куда минутъ черезъ 10 собрался весь полкъ. Такъ какъ никакихъ приказаній не получалось, то мы и стояли, не зная что дѣлать; а перестрѣлка продолжалась, причемъ съ нашей стороны выстрѣловъ не было, а стрѣляли японцы.

Въ темнотѣ трудно даже было понять—откуда собственно летятъ пули, и казалось, что онѣ летѣли со всѣхъ сторонъ.

Мало по малу перестрѣлка начала стихать, а вскорѣ и совсѣмъ замолкла, и намъ приказали возвратиться на свои мѣста.

Оказалось впослѣдствіи, что это какая-то незначительная японская часть—смѣлая и отважная, въ темнотѣ подкралась къ развалинамъ, бывшимъ на другой сторонѣ рѣки противъ деревни, и оттуда открыла огонь съ цѣлью надѣлать переполохъ.

Остатокъ ночи мы провели спокойно.

До 20-го января наша служба въ Чжантани была сравнительно легкою. Полки поочередно ходили на южную окраину деревни и располагались тамъ на позиціи за стѣнками, вполнѣ готовые къ бою; еще южнѣе стѣнокъ въ полъ-верстѣ разстоянія отъ нихъ находилась небольшая деревенька, которую мы назвали Безымянной. Въ эту „Безымянку“ высылалась обыкновенно на сутки, а то и на двое рота, которая также должна была соблюдать полную боевую бдительность. На ночь впереди Безымянной выставлялось сторожевое охраненіе отъ берега рѣки Хунхе—на лѣвомъ флангѣ, до соприкосновенія съ войсками, стоящими въ верстахъ трехъ правѣе насъ въ деревнѣ Яндіопа.

Схема Чжантани и ея окрестности видна здѣсь на кроки.

При первоначальномъ нашемъ расположеніи деревня Чжантань-Хенань не была нами занята, а находилась во власти японцевъ и они могли, слѣдовательно, постоянно тревожить насъ изъ этой деревни огнемъ, а по ночамъ устраивать тревоги, подобныя той, о которой было уже сказано.

До 20-го января деревня эта однако находилась въ рукахъ непріятеля.

Помню, 18-го января днемъ нашъ полкъ уже второй разъ заступилъ на дежурство на стѣнкахъ; мы расположились на знакомыхъ уже намъ мѣстахъ, выславъ роту въ Безымянную.

18-го и 19-го простояли спокойно и ночью были увѣрены, что насъ смѣнитъ другой полкъ, а насъ отведутъ въ деревню на отдыхъ.

Командиръ полка сидѣлъ въ фанзѣ, которая была въ серединѣ нашего расположенія. Слышно было, какъ онъ, грѣясь надъ разложеннымъ въ чугунномъ китайскомъ котлѣ костромъ, отъ котораго вся фанза наполнилась ѣдкимъ дымомъ, говорилъ офицерамъ, что непремѣнно, по возвращеніи домой, поставитъ у себя въ гостиной подобную универсальную грѣлку; офицеры смѣялись, и въ общемъ настроеніе было довольно веселое, несмотря на убожество окружающей обстановки.

Въ углу фанзы, спрятавшись въ грудахъ разнаго наваленнаго здѣсь мусора и всякихъ обломковъ, жалобно мяукала одичавшая кошка, для которой настали также невыносимо тяжелые дни, съ

ухода отсюда хозяевъ. Помню, эта несчастная кошка ужасно насъ всѣхъ безпокоила. Неоднократно предпринимались облавы на бѣдное животное, ничѣмъ неповинное, которое своимъ, душу раздирающимъ крикомъ напоминало намъ о томъ, что оно голодно и страдаетъ невыносимо. Днемъ кошка эта успокоивалась, но какъ только темнѣло, и фанза освѣщалась мигающими отблесками разложеннаго въ тазу костра, такъ и начиналась эта непріятная исторія.

Она то кричала гдѣ-то на поверхности въ темномъ углу среди мусора, то уходила куда-то подъ кирпичныя каны, и тогда ея жалобное мяуканіе дѣлалось глухимъ, какъ бы выходящимъ изъ-подъ земли; то мяуканіе это затихало на время и потомъ снова возобновлялось совершенно ясно и отчетливо. Пробовали поймать ее на приманку, для чего клали какую-нибудь корку, или сахаръ, но животное было хитро; оно стаскивало приманку и уносило ее куда-то въ нѣдра земли, и оттуда снова слышалось его жалобное мяуканіе.

Ночь по обыкновенію была свѣтлая и морозная.

Часа въ три загрохотала впереди и влѣво перестрѣлка. Пули начали долетать и къ намъ, но никто на нихъ не обращалъ уже никакого вниманія; всѣ привыкли къ подобнымъ сюрпризамъ и знали, что пострѣляютъ съ полъ часа, да и кончатъ; такъ оно и теперь было.

Мы вошли въ фанзу; снова развели огонекъ, намѣреваясь погрѣться, но вдругъ командиру полка принесли экстренную записку отъ начальника дивизіи. Въ запискѣ этой говорилось, что черезъ полъ-часа нашъ полкъ будетъ смѣненъ другимъ полкомъ, а намъ приказано прибыть на сборный пунктъ дивизіи, откуда мы, поддержанные двумя баталіонами отъ другихъ полковъ, должны будемъ немедленно идти на штурмъ деревни Чжантань-Хенань, которую приказано взять во что бы то ни стало.

Попробуйте, читатель, стать на наше мѣсто для того, чтобы дать себѣ отчетъ о томъ, что мы должны были чувствовать, получивъ приказаніе идти въ атаку; вы навѣрное скажете, что страхъ смерти долженъ былъ заглушить у каждаго изъ насъ всякое другое чувство. Но я, какъ участникъ этой войны, скажу вамъ, что это совершенно не такъ. Мысль о смерти не бередитъ мозгъ, а такъ:—мелькнетъ на одно мгновеніе и сейчасъ же какъ бы растаетъ среди другихъ мыслей и заботъ, изъ коихъ главное—о томъ, чтобы по возможности добросовѣстно исполнить свой долгъ. Надъ этимъ вопросомъ мысль сильно работаетъ: а что, если струшу, и ноги откажутся повиноваться; а что, если не выдержу огня и поверну

назадъ; вотъ, приблизительно какія мысли волнуютъ большинство людей, которыхъ ведутъ въ бой.

Люди эти, когда передъ рѣшительной минутой осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, то молятъ Бога не о томъ, чтобы Онъ сохранилъ бы ихъ, а о томъ, чтобы поддержалъ въ трудную минуту.

Помоги, Господи, шепчутъ уста этихъ людей, когда они, снявъ свои шапки, начинаютъ набожно креститься.

Часовъ въ пять утра 20-го января полкъ нашъ былъ смѣненъ другимъ полкомъ нашей дивизіи, за исключеніемъ только первой роты, которая на этотъ разъ занимала постъ въ Безымянной.

Мы пошли на сборный пунктъ, который былъ недалеко—на площади въ Чжантани. Помню, что мы проходили мимо горѣвшей фанзы. Пламя высоко поднималось къ небу, освѣщая насъ красноватымъ заревомъ. Никто и не думалъ тушить пожарища, и такъ фанза эта и догорѣла до тла.

На сборномъ пунктѣ начальникъ дивизіи назначилъ нашъ полкъ въ боевую линію и приказалъ выдѣлить одну роту въ прикрытіе пулеметовъ, которые были приданы нашей штурмовой колоннѣ. Была выдѣлена вторая рота, и такимъ образомъ въ полку осталось шесть ротъ.

Во вторую линію за нами были назначены два баталіона отъ другихъ полковъ нашей дивизіи; лѣвѣе насъ должны были идти на штурмъ на ту же деревню баталіоны отъ прочихъ дивизій, расположенныхъ вмѣстѣ съ нами въ Чжантани.

Въ виду того, что было приказано атаковать съ разсвѣтомъ, а востокъ уже загорался зарею, то начальникъ дивизіи и приказалъ немедленно начать движеніе.

Стройной колонной, идя въ ногу, мы тронулись по улицѣ деревни и вскорѣ достигли окраины ея, выходящей на берегъ рѣки Хунхе.

Командиръ полка остановилъ голову колонны и, стоя у опрокинутой и обмерзшей большой лодки, началъ отдавать приказанія о томъ—въ какомъ порядкѣ и куда должны были слѣдовать роты.

Порядокъ этого слѣдованія виденъ на прилагаемой схемѣ. Роты по одиночкѣ были подведены подъ крутой берегъ у развалинъ Гаудзы.

Несмотря на то, что мы переходили по льду рѣки Хунхе тогда, когда было уже совершенно свѣтло, японцы насъ не потревожили ни однимъ выстрѣломъ. Вѣроятно они—или не видали насъ, или же умышленно давали намъ возможность выбраться скорѣе на открытую и ровную какъ столъ мѣстность—между Гаудзы и Чжантань-Хенанью.

Скрывъ роты подъ крутымъ берегомъ у Гаудзы, командиръ полка пошелъ впередъ, чтобы осмотрѣть впереди лежащую мѣстность. Съ восточной окраины Гаудзы отлично была видна деревня Чжантань-Хенань, но разстояніе до нея было не менѣе версты; мѣстность — совершенно ровная и открытая, такъ что рѣшительно не за что было зацѣпиться. Оставалось одно—это какъ можно скорѣе перемахнуть черезъ эту равнину, дѣйствуя, что называется, нахрапомъ, вопреки всѣмъ правиламъ современной тактики, которая рекомендуетъ всюду и вездѣ наступленіе съ огнемъ, для чего необходимо перебѣгать постепенно впередъ и, пользуясь складками и неровностями мѣстности, прятаться за нихъ и открывать огонь.

Опытъ этой войны указалъ еще одинъ способъ подобныхъ перебѣжекъ, заключающійся въ томъ, что наступающая часть не перебѣгала по-отдѣленно или по-взводно, а по одиночкѣ. Способъ этотъ былъ позаимствованъ нами у японцевъ и на пересѣченной мѣстности онъ безусловно хорошъ и вполнѣ достигаетъ цѣли, но за то и требуетъ очень много времени, такъ какъ приходится ждать, пока перебѣгающій солдатъ, достигнувъ до закрытія, заляжетъ за нимъ, и тогда только начинаетъ перебѣгать слѣдующій.

Здѣсь, уже на театрѣ военныхъ дѣйствій, насъ начали учить подобному способу перебѣжекъ; но, какъ я уже сказалъ, способъ этотъ вполнѣ достигаетъ цѣли только лишь на неровной мѣстности, въ данномъ же случаѣ мѣстность была такова, что нельзя было укрыться отъ огня, и начни мы наступать такимъ именно образомъ— мы бы навѣрно потеряли половину людей, если не больше, убитыми и ранеными.

Въ виду этого рѣшено было идти въ атаку безостановочно и безъ выстрѣла.

Двѣ передовыя роты были разсыпаны въ цѣпи и выдвинуты впередъ на гребень крутого берега рѣки. Позади идущія роты, разомкнувъ ряды, стояли еще внизу и ждали команды для того, чтобы въ подобномъ порядкѣ двинуться за цѣпями.

Указавъ ротамъ направленіе движенія и обезпечивъ свой обнаженный правый флангъ расположеніемъ ротъ второй линіи (лѣвый былъ обезпеченъ частями другой дивизіи), командиръ полка подалъ команду: „цѣпи впередъ“! двинувшись и самъ за цѣпью лѣвофланговой роты.

Еще въ то время, когда производилась рекогносцировка впереди лежащей мѣстности, до насъ долетали уже пули справа — изъ деревень, занятыхъ японцами; но теперь, когда весь полкъ, двигаясь въ три линіи, вышелъ на совершенно ровное и открытое мѣсто, то насъ встрѣтили жестокимъ огнемъ.

Шимозы и шрапнели, летя къ намъ навстрѣчу, рвались группами; затрещали ружья и пулеметы, осыпая насъ пулями и справа и съ фронта, но никто и не думалъ объ остановкѣ, или о поворотѣ назадъ. Всѣ мы, какъ ураганъ стремились впередъ и впередъ, желая какъ можно скорѣе достигнуть до цѣли нашей атаки съ тѣмъ, чтобы за стѣнами этой деревни найти скорѣе укрытіе отъ убійственнаго огня.

Люди валились десятками, но на раненыхъ и на убитыхъ никто уже не обращалъ вниманія. Удивительно—откуда взялись силы у людей, откуда взялась эта стремительность, но мы безъ отдыха и не чувствуя даже усталости двигались впередъ и впередъ. Несмолкаемое „ура“ раскатывалось по рядамъ, и въ этомъ побѣдномъ крикѣ было дѣйствительно что-то стихійное, могучее, непредотвратимое.

Японцамъ трудно было мѣтко стрѣлять по нашимъ рядамъ, потому что имъ постоянно приходилось мѣнять прицѣлъ, такъ какъ разстояніе между нами и ими ежеминутно сокращалось.

Наконецъ они не выдержали нашего стремительнаго движенія и, не желая сойтись съ нами на штыки, покинули Чжантань-Хенань, пользуясь при своемъ отступленіи глубокимъ оврагомъ, а также и рощами, которыя росли на той сторонѣ оврага.

Но огонь, съ отходомъ японцевъ, не прекратился; ихъ артиллерія, расположенная къ востоку отъ Чжантань-Хенань, продолжала насъ громить; пулеметы работали съ прежней силой, а пѣхота, скрытая въ окопахъ и за стѣнками сосѣднихъ съ Чжантань-Хенанью деревень (Ванзевопу и другихъ), продолжала насъ по-прежнему обстрѣливать.

Наконецъ мы ворвались въ деревню. Помню, намъ попалась наша рота, при которой было знамя.

— Смотри, братцы, храни знамя, какъ зѣницу ока,—закричалъ командиръ и побѣжалъ далѣе на противоположную окраину деревни.

Мы спустились въ оврагъ, на днѣ котораго лежалъ полуобгорѣлый и совершенно голый японскій трупъ, и это былъ единственный и безмолвный представитель со стороны непріятеля, который встрѣтилъ насъ; больше никого не было, потому что всѣ успѣли уйти и уйти совершенно безнаказанно.

Ворвавшись въ деревню, мы заняли оврагъ и противоположную окраину деревни, гдѣ были глинобитныя стѣнки.

Сейчасъ же прибылъ нашъ командующій дивизіей и объявилъ, что задача наша окончилась.

Изъ сопровождавшихъ его адъютантовъ и ординарцевъ многіе были раненные.

Быстро мы постарались привести роты въ порядокъ, при чёмъ каждой ротѣ былъ назначенъ ея участокъ.

Японцы, думая, что мы и дальше поведемъ наступленіе, продолжали громить насъ своей артиллеріей и ружейнымъ огнемъ, отъ котораго въ особенности было скверно ротамъ, занимавшимъ переднія стѣнки деревни; здѣсь раненные продолжали валиться. Храброму и дѣятельному командиру баталіона—подполковнику Ф. пуля попала въ грудь, но его спасъ небольшой металлическій образъ, по которому пуля скользнула и отскочила въ сторону, помявъ конечно образъ. Командиръ четвертой роты капитанъ И. былъ тяжело раненъ стаканомъ шрапнели въ ногу съ переломомъ бедра. Молодому подпоручику М. пуля угодила въ бокъ. Множество солдатъ было здѣсь перераненo. Несчастные со стономъ ползли въ оврагъ, желая въ немъ скорѣе укрыться отъ губительнаго огня; нѣкоторые умирали по дорогѣ, не будучи въ состояніи даже приподняться, а нѣкоторые просили жалобно, чтобы имъ подмогли и вытащили бы скорѣе изъ-подъ огня. Санитары, которымъ было по горло работы, сбились съ ногъ, подбирая раненыхъ товарищей. Помню одного по фамиліи Комисаревъ. Это былъ добродушный, безусый парень съ круглымъ лицомъ и съ необыкновенно добрыми и веселыми глазами. Онъ совершенно спокойно выполнялъ свое святое дѣло, шутя и говоря разныя смѣшныя прибаутки. Не помню уже—получилъ ли этотъ молодецъ награду за свои подвиги, но онъ былъ представленъ къ ней, какъ достойнѣйшій. Дороги и цѣнны такіе молодцы въ рядахъ русской арміи, и слава Богу, они у насъ еще не переводятся. Многіе изъ санитаровъ были ранены и убиты.

Въ общемъ впечатлѣніе было тяжелое, и смерть витала надъ каждымъ изъ насъ.

Непріятель не прекращалъ пальбы до наступленія темноты, все думая, что мы вотъ, вотъ снова двинемся впередъ. Временами огонь былъ до того силенъ, что весь оврагъ покрывался дымомъ и пылью отъ рвущихся снарядовъ.

Сучья съ деревьевъ ломались и летѣли внизъ; словомъ, это былъ какой-то страшный вихрь, какой-то сатанинскій пиръ, на которомъ вмѣсто вина лилась кровь человѣческая, а вмѣсто яствъ всюду валялись обезображенные и окровавленные трупы, вмѣсто же пѣсенъ и музыки раздавался стонъ раненыхъ, трескъ ружейной пальбы, свистъ пуль и могучіе раскатистые взрывы снарядовъ.

Не знаю: или нервы у людей какъ-то притупляются, или же человѣкъ входитъ въ какой-то экстазъ и дѣлается неуязвимымъ для тонкихъ ощущеній, но я положительно удивляюсь тому,—какъ эти люди могли выносить цѣлые часы, а въ эту войну даже и дни при подобной обстановкѣ.

Когда шли въ атаку подъ градомъ пуль и снарядовъ, когда каждый изъ насъ ежесекундно рисковалъ быть раненымъ или убитымъ; когда всюду со стономъ и безъ стона валились десятки людей, одѣтыхъ въ сѣрыя, неуклюжія шинели и съ безобразными мѣшками на боку,—валились безъ ропота, не посылая къ небу и къ людямъ проклятій, а вспоминая въ тяжелый смертный часъ Бога и свою далекую, бѣдную родину,—тогда никто изъ насъ не обращалъ на все это вниманія: у каждаго была цѣль достигнуть какъ можно скорѣе того мѣста, куда надо было идти. Но вотъ, когда цѣль достигнута, когда дальше уже идти некуда, тутъ-то и защемило душу, тутъ-то и бросилась въ глаза эта жестокая тризна смерти.

Просто не хотѣлось какъ-то вѣрить, чтобы люди были въ состояніи учинить эту бойню,—это ужасное кровопролитіе и причинить столько страданій себѣ подобнымъ. Но какъ ни работалъ мозгъ надъ этими вопросами—все же факты были на лицо и приходилось убѣждаться въ томъ, что человѣкъ еще далеко не доросъ до пониманія и проведенія въ жизнь словъ Спасителя, полныхъ любви и жалости къ дикому, смрадному человѣку, исполненному злобой, эгоизмомъ и прочими отрицательными данными, съ которыми онъ никакъ не можетъ разстаться и съ которыми долго, очень долго будетъ жить для того, чтобы превращать землю въ ужасный міръ скорби,—въ міръ печали и слезъ.

Я не знаю, но мнѣ кажется, что нѣтъ большаго нравственнаго страданія, нѣтъ большей скорби здѣсь на землѣ, какъ та, которая охватываетъ душу человѣка на боевомъ полѣ тогда, когда эта душа начинаетъ давать себѣ отчетъ тому, что совершается и будетъ еще совершаться; душа тогда тоскуетъ отъ скорби и отъ наплыва тяжелыхъ и мрачныхъ думъ; хочется исчезнуть, провалиться куда-нибудь для того, чтобы не быть среди этой безысходной тоски, не испытывать ея непосильной тяжести; но вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то внутренній голосъ подсказывалъ, что надо быть, надо испить во что бы то ни стало эту чашу страданій до конца,—надо во что бы то ни стало—иначе что-то очень важное и существенное, что-то святое не будетъ выполнено въ жизни.

И вотъ тутъ возникаетъ самъ собою вопросъ: почему мы, военные, съ такой охотой и радостію шли на войну; чему мы радова-

лись, какъ дѣти, когда была объявлена полку мобилизація и былъ назначенъ часъ посадки въ вагоны; вѣдь каждый изъ насъ взрослый человѣкъ; всѣ мы читали газеты, и никто конечно не представлялъ себѣ походъ и бой, какъ что-то особенно радостное, гдѣ веселье и смѣхъ; каждый зналъ, что бой есть кровавая расправа, которая оканчивается тысячами и десятками тысячъ жертвъ; каждый зналъ, что въ военное время кромѣ боя есть еще очень много тяжелаго и непріятнаго: есть походы, утомительные въ зимнюю стужу, или въ лѣтній зной—безъ пищи и питья, походы, во время которыхъ люди сотнями валятся отъ изнеможенія; каждый зналъ, что кромѣ этихъ походовъ есть безсонныя ночи, когда все время приходится быть на чеку—гдѣ-нибудь въ сторожевомъ охраненіи и рисковать ежесекундно получить пулю, или ударъ штыкомъ отъ хитраго и предпріимчиваго противника, который всегда умѣлъ использовать ночную темноту; каждый, повторяю, зналъ то, что его ожидаютъ всѣ эти трудности, и между прочимъ всѣ мы, за весьма малыми исключеніями радовались какъ дѣти, идя на эти лишенія.

Почему это такъ? Кто дастъ вѣрный отвѣтъ на этотъ вопросъ? Не таится ли этотъ отвѣтъ тамъ же, гдѣ тлѣетъ слабая искорка, освѣщающая собою вопросъ о необходимости нашего земного бытія; не есть ли это бытіе,—эта наша земная юдоль и въ самомъ дѣлѣ какая-то „долина скорби“, черезъ которую мы должны во что бы то ни стало перейти и выпить до конца ту горькую чашу, которая каждому изъ насъ вручается при нашемъ появленіи на свѣтъ изъ міра радости и ликованія, изъ котораго нѣкоторые изъ насъ—лучшіе и наиболѣе совершенные, приносятъ сюда отрывки своихъ воспоминаній о возвышенномъ и прекрасномъ и воспроизводятъ эти воспоминанія въ музыкѣ, поэзіи и въ живописи. Не есть ли война одна изъ самыхъ горькихъ и самыхъ тяжелыхъ чашъ, выпить которую мы, понуждаемые нашимъ сверхсознаніемъ, не проявляемымъ съ полною рельефностью въ обыденной жизни, но руководящимъ нѣкоторыми поступками человѣка, стремимся съ радостью, потому что, если сможемъ ее осилить и понять всю ея горечь, почувствовать въ полной мѣрѣ ея отраву, то тѣмъ самымъ пріобрѣтемъ доступъ къ болѣе быстрому и широкому совершенствованію въ будущемъ, когда съ облегченнымъ сердцемъ простимся съ этимъ міромъ.

Не потому ли каждый изъ насъ съ жадностью и съ радостью хваталъ эту чашу, благословляя судьбу за то, что она дала возможность приложить къ ней свои засохшія и воспаленныя губы; хваталъ безсознательно, но прислушиваясь къ внутреннему голосу,

который говорилъ: не бойся, пей до конца, ибо этотъ ядъ не отравитъ въ тебѣ того, что вѣчно, безсмертно и которое здѣсь должно страдать, потому что таковъ законъ, которому ты долженъ подчиниться; не бойся же страданій, ибо въ этомъ мірѣ ты кромѣ нихъ ничего не увидишь, и дано тебѣ здѣсь радости ровно на столько, чтобы твои глаза не воспалились бы отъ слезъ и сохранили бы способность различать все, что прекрасно, и къ достиженію чего ты стремишься, страдая; бери же и радуйся тому, что на долю твою выпала полная и одна изъ горькихъ чашъ страданій.

И мы брали и радовались.

Цѣлый день 20-го января не прекращалась пальба, и утихла она только съ наступленіемъ темноты, но и тогда временами разгоралась. Вѣроятно, японцы все время были нервно напряжены, ежеминутно ожидая возобновленія нашей атаки; въ особенности же это напряженіе достигло своего максимума съ наступленіемъ темноты. Достаточно было тогда, чтобы раздался какой-нибудь одиночный выстрѣлъ, какъ въ слѣдъ за нимъ открывалась безпорядочная ружейная пальба. Нѣсколько разъ въ теченіе ночи поднимались подобныя тревоги, а разъ даже дѣло дошло до того, что японцы открыли и артиллерійскую канонаду, стрѣляя залпами и такъ мѣтко, что всѣ ихъ шрапнели рвались надъ оврагомъ, который мы занимали, и тогда всѣхъ насъ на мгновеніе освѣщала какъ бы молнія и видно было, какъ пули сшибали замерзшія вѣтки надъ нашими головами.

Помню, эта канонада была довольно продолжительной, и мы ожидали тогда штурма, но его не было.

На другой день изъ корпуснаго штаба прибылъ ординарецъ справиться для доклада корпусному командиру, каковы были результаты атаки непріятеля. Вѣроятно, пальба была въ достаточной степени сильна, иначе бы въ штабѣ корпуса не было бы особаго безпокойства.

20, 21 и 22-го простояли мы въ этомъ оврагѣ подъ открытымъ небомъ, не будучи въ состояніи согрѣться и развести огонекъ. Даже за естественною надобностью приходилось отлучаться съ оглядкой, и многіе были ранены въ это время, потому что пули всюду бороздили оврагъ. Только съ наступленіемъ темноты дѣлалось спокойнѣе, хотя врагъ нашъ—морозъ отравлялъ въ это время наше существованіе. Не легко было въ эти ужасныя ночи безъ сна; иной разъ ходишь, ходишь, стараешься согрѣться и не можешь согрѣться; проклятый холодъ пронизывалъ до костей, несмотря на полушубокъ и валенки.

Съ наступленіемъ темноты, въ полкъ обыкновенно подвозили обѣдъ въ походныхъ кухняхъ, но при этомъ нужно было соблюдать крайнюю осторожность, такъ какъ малѣйшій шумъ, или стукъ колесъ сейчасъ же вызывали огонь со стороны японцевъ. Колеса кухонъ обматывались соломой, и огни въ нихъ тушили, благодаря чему пища получалась чуть только тепленькая. Роты поочередно ходили на обѣдъ, крадучись въ темнотѣ и ощупью.

Разъ, помню, уже пообѣдали, и кухни поѣхали назадъ, и вдругъ со стороны непріятеля затрещали пулеметы, посылая свой свинцовый дождь въ догонку удаляющимся кухнямъ. Лошади испугались и понесли; конюхи растерялись.

Офицеръ, сопровождавшій кухню—подпоручикъ С., былъ сбитъ съ лошади и упалъ какъ разъ подъ несущіяся кухни, но какимъ-то чудомъ остался живъ, хотя и обморозилъ себѣ руки до того, что принужденъ былъ отправиться въ госпиталь. Цѣлый мѣсяцъ онъ пробылъ тамъ и вернулся въ полкъ съ сильно поврежденными руками; мучился онъ ужасно.

Не могу не упомянуть еще при этомъ про нашу канцелярщину, которая всегда-то отравляетъ жизнь военнаго человѣка, а здѣсь, на полѣ сраженія, когда и безъ того-то тошно, она являлась какимъ то бичемъ—какимъ-то ужаснымъ „зміемъ горинычемъ“, про котораго повѣствуетъ русская сказка.

Одолѣла насъ эта гидра, и казалось бы, на войнѣ-то ей уже совсѣмъ не мѣсто.

Помню, 20-го числа вечеромъ, когда бой затихъ, – приносятъ командиру полка наградные листы, которые онъ уже передъ этимъ два раза переписывалъ въ то время, когда полкъ занималъ дежурство на южныхъ стѣнкахъ Чжантани,—переписывалъ, сидя въ фанзѣ и пользуясь свѣтомъ стеариноваго огарка и теплотою отъ „универсальной грѣлки“, о достоинствѣ которой я уже упоминалъ. Тогда было приказано составить одинъ наградной листъ на всѣхъ отличившихся офицеровъ, при чемъ было сказано, что можно писать этотъ листъ даже и карандашемъ.

Это было вполнѣ понятно и естественно, потому что гдѣ же при подобныхъ условіяхъ разводить канцелярскую канитель и упражняться въ крючкахъ и витіеватостяхъ.

Взялъ командиръ полка листъ бумаги, написалъ на немъ, что было нужно, и съ облегченнымъ сердцемъ отправилъ ее по назначенію. На слѣдующій день вечеромъ приносятъ этотъ самый листъ обратно и докладываютъ, что приказано дескать переписать чернилами.

Снова на сцену появились стеариновый огарокъ и универсаль-

ная грѣлка; но къ этимъ атрибутамъ прибавилась еще ругань и проклятіе, которыя командиръ началъ извергать по адресу канцелярскихъ крючкотворовъ, не могущихъ даже и здѣсь, на войнѣ, успокоиться.

Но все же дѣло было сдѣлано: листъ запечатанъ и снова, съ надписью „секретно“, отправленъ по назначенію.

Вечеромъ 20-го, когда бой стихъ, приходитъ писарь и, подавая конвертъ, докладываетъ: „такъ что Ваше Высокоблагородіе, приказано все передѣлать и представить листы на каждаго офицера въ отдѣльности, а работу безпремѣнно приказали кончить сегодня же“.

Боже мой, какъ вскипѣлъ командиръ; чуть было не досталось ни въ чемъ неповинному писарю.

Да и правда—было отъ чего сердиться: приходилось писать листы сейчасъ же послѣ боя, на морозѣ и среди темноты; приходилось заниматься „писаниной“ и выводить канцелярскіе крючки тогда, когда совсѣмъ не до нихъ, когда весь организмъ утомленъ только-что пережитыми сильными ощущеніями.

Первый вопросъ, который возникъ,—это о томъ, гдѣ писать; нельзя же было писать здѣсь, въ оврагѣ, среди темноты. Нашли какую-то полуразвалившуюся фанзу, въ которой были сложены убитые; вынесли всѣхъ мертвецовъ на дворъ фанзы: не мѣсто вамъ, дескать, братцы, лежать тамъ, гдѣ будетъ вершиться важнѣйшая канцелярская тайна.

Покойники, когда ихъ выносили, покачивали своими окровавленными головами и помахивали закоченѣлыми руками, какъ бы желая этимъ сказать: что же, намъ все равно,—мы на дворѣ полежимъ.

Достали маленькій фонарикъ, какой-то полуразвалившійся столъ, и вотъ при этихъ атрибутахъ началось писаніе.

Мы окружили командира, стараясь заслонить собою свѣтъ отъ фонаря, такъ какъ онъ могъ служить цѣлью для непріятеля: фанза стояла на возвышенномъ мѣстѣ и если бы по огоньку былъ бы открытъ огонь, то на наградныхъ листахъ вмѣсто чернилъ получились бы кровавыя пятна.

Но тутъ явилось снова препятствіе: благодаря сильному морозу, руки у писавшаго стыли, а чернила, какъ на перѣ, такъ и въ чернильницѣ мерзли.

Увидя это, командиръ пришелъ въ отчаяніе; былъ такой моментъ, что онъ хотѣлъ схватить чернильницу и швыркнуть ее объ полъ, но воздержался. Тогда одинъ изъ насъ, взявъ чернильницу,

отогрѣвалъ ее въ рукахъ, постоянно дыша на нее своимъ теплымъ дыханіемъ.

Писаніе послѣ этого кое-какъ наладилось, хотя писавшему постоянно приходилось грѣть руки въ карманахъ, а въ это время перо съ замерзшими чернилами тоже подносилось къ чьимъ-нибудь губамъ и такимъ способомъ отогрѣвалось.

Часа два продолжалась эта утомительная работа. И спрашивается: неужели въ ней была такая экстренная надобность; неужели люди, сидѣвшіе все время въ теплыхъ фанзахъ и не подвергавшіе себя никакой опасности въ теченіе этого дня, не могли представить себѣ той ужасной обстановки, среди которой приходилось исполнять ихъ требованіе. Одно только и можно сказать, что у этихъ людей было слишкомъ скудное воображеніе.

Остается еще упомянуть про первую роту нашего полка, которая въ бою не участвовала, занимая караулъ въ Безымянной, но потери понесла огромныя.

Ротѣ этой было послано приказаніе: по смѣнѣ присоединиться къ полку. Командиръ роты привелъ благополучно ее въ Гауцзы и, выждавъ здѣсь затишья въ огнѣ, рѣшилъ немедленно двигаться на присоединеніе къ полку по тому самому полю, по которому мы шли на штурмъ.

Когда рота вся обнаруживалась среди поля, то конечно японцы не замедлили осыпать ее огнемъ, который вывелъ изъ строя до 40 человѣкъ.

Это было едва-ли не самое грустное воспоминаніе за весь истекшій день.

Съ 21-го начались саперныя работы по устройству въ оврагѣ окоповъ и засѣкъ за оврагомъ, при чемъ послѣднія сооружали по ночамъ. Работа была очень утомительна. Мерзлая почва обратилась въ желѣзо и едва поддавалась ударамъ тяжелыхъ кирокъ и мотыгъ; по ночамъ людямъ не приходилось спать, потому что ихъ посмѣнно посылали на работу по устройству засѣкъ. Приходилось пилить большія деревья и перетаскивать ихъ на плечахъ на весьма значительное разстояніе — къ мѣсту, предназначенному для засѣкъ.

Такимъ образомъ, полкъ продежурилъ до ночи съ 22 на 23 января.

За то какъ облегченно мы всѣ вздохнули, когда около полуночи къ намъ прибыла смѣна; но прибывшая часть была совершенно неознакомлена съ мѣстностью, а потому самая смѣна производилась очень долго; роты, сдавъ свои участки, одна за другой ухо-

дили по оврагу въ Чжантань, гдѣ и располагались на отдыхъ, который былъ вполнѣ каждымъ изъ нихъ заслуженъ.

Только часа въ 4 ночи мы вернулись въ Чжантань, почувствовавъ себя въ грязной фанзѣ какъ въ раю; не раздѣваясь, мы повалились въ изнеможеніи и заснули крѣпкимъ и здоровымъ сномъ, который былъ необходимъ для поддержанія упавшихъ силъ.

Съ этого времени началась наша служба въ окопахъ, сооруженныхъ близъ Чжантани, служба крайне тяжелая, всегда подъ огнемъ, на морозѣ, съ безсонными ночами и съ питаніемъ только по ночамъ. Даже и тогда, когда мы, по смѣнѣ изъ окоповъ, въ которыхъ обыкновенно дежурили по двое сутокъ, приходили въ Чжантань для того, чтобы, отдохнувъ, идти снова въ окопы,—мы не могли ручаться за то, что останемся живы.

Чжантань находилась всего только въ двухъ верстахъ отъ японскихъ позицій, и сюда постоянно залетали непріятельскія пули и ранили людей, сидѣвшихъ въ фанзахъ.

Иной разъ солдаты сидятъ около огонька и, покуривая трубочки, ведутъ бесѣду, вспоминая или про домашность, или же про пережитое во время сраженія; вдругъ что-то пробиваетъ бумагу въ рамѣ и моментально же шлепаетъ или солдатскую спину или бокъ. Человѣкъ вскрикиваетъ и начинаетъ стонать; оказывается—раненъ.

Подобныя раненія были очень опасны, потому что пули не имѣли уже въ себѣ достаточно силы для того, чтобы пронизать человѣка, и ихъ приходилось вырѣзывать, а это, какъ извѣстно, не всегда сходитъ благополучно.

Нерѣдко японцы угощали насъ и артиллерійскимъ огнемъ, который разражался какъ-то вдругъ. Въ этомъ случаѣ быть въ фанзахъ становилось очень непріятно: такъ и казалось, что вотъ какая-нибудь проклятая шимоза, которая на подобіе перелетающей стаи воробьевъ разсѣкаетъ воздухъ надъ крышами фанзъ, возьметъ да и грохнетъ либо въ крышу, либо въ окно и лопнетъ внутри фанзы; тогда конечно отъ всѣхъ обитателей послѣдней останется одна слякоть. Вотъ это нежеланіе—обратиться въ слякоть и выгоняло всѣхъ изъ фанзъ въ то время, когда начиналась артиллерійская канонада.

Помню, разъ такая непрошенная гостья ворвалась въ помѣщеніе канцеляріи одного изъ полковъ, гдѣ въ это время занималось нѣсколько писарей; ни одинъ изъ нихъ не вышелъ цѣлъ изъ этого помѣщенія, и всѣхъ ихъ вынесли на носилкахъ; нѣкоторыхъ уже мертвыми, а нѣкоторыхъ сильно ранеными.

Но помню, былъ и другой случай: чей-то конюхъ, справившись

со своимъ дѣломъ, зашелъ въ фанзу и, пользуясь тѣмъ, что въ ней случайно въ это время никого не было, прилегъ на канъ. Въ это время началась пальба. Слышу я, разсказывалъ потомъ этотъ солдатъ: шимозы рвутся на дворахъ сосѣднихъ фанзъ и летятъ черезъ крышу, да и думаю себѣ—лежать мнѣ теперича, аль уходить, одинъ-то голосъ шепчетъ мнѣ: уходи сейчасъ,—шимоза вдаритъ и тебя пришибетъ, а другой:—ничего,—знай полеживай, пострѣляютъ, да и перестанутъ. Однако, думаю, буду лежать; перекрестился; молитву сотворилъ и только это закрылъ глаза, а она проклятущая какъ вдаритъ въ стѣну да опосля того и пошла подъ канъ, какъ разъ рядомъ со мною; и канъ-то трещину здоровущую далъ; только заглохла и не разорвалась, а то бы быть мнѣ въ царствѣ небесномъ. И дѣйствительно, пошли мы посмотрѣть и видимъ, что канъ пополамъ разрѣзанъ, а она тутъ же на полу лежитъ—гладкая и блестящая. Взяли, да тутъ же на дворѣ въ колодезь и бросили.

Помню также одинъ забавный и вмѣстѣ съ тѣмъ печальный случай: поймали на постахъ плѣннаго японца и привезли его на двуколкѣ въ деревню. Солдаты, конечно, сбѣжались посмотрѣть на узника и плотной толпой окружили двуколку. Но оказалось, что японецъ лежалъ совершенно неподвижно, не открывалъ глазъ и, надвинувъ шапку на свое желтое скуластое лицо, не хотѣлъ даже отвѣчать ни на какіе вопросы.

Солдаты и въ бокъ его легонько толкали, и за плечи тормошили, и шапку съ него пробовали снимать,—ничего не помогало — лежитъ какъ бревно и лишь только временами откроетъ свои глаза съ желтыми бѣлками, посмотритъ безсмысленно на окружающихъ и снова, закрывъ ихъ, становится безразличнымъ ко всему на свѣтѣ.

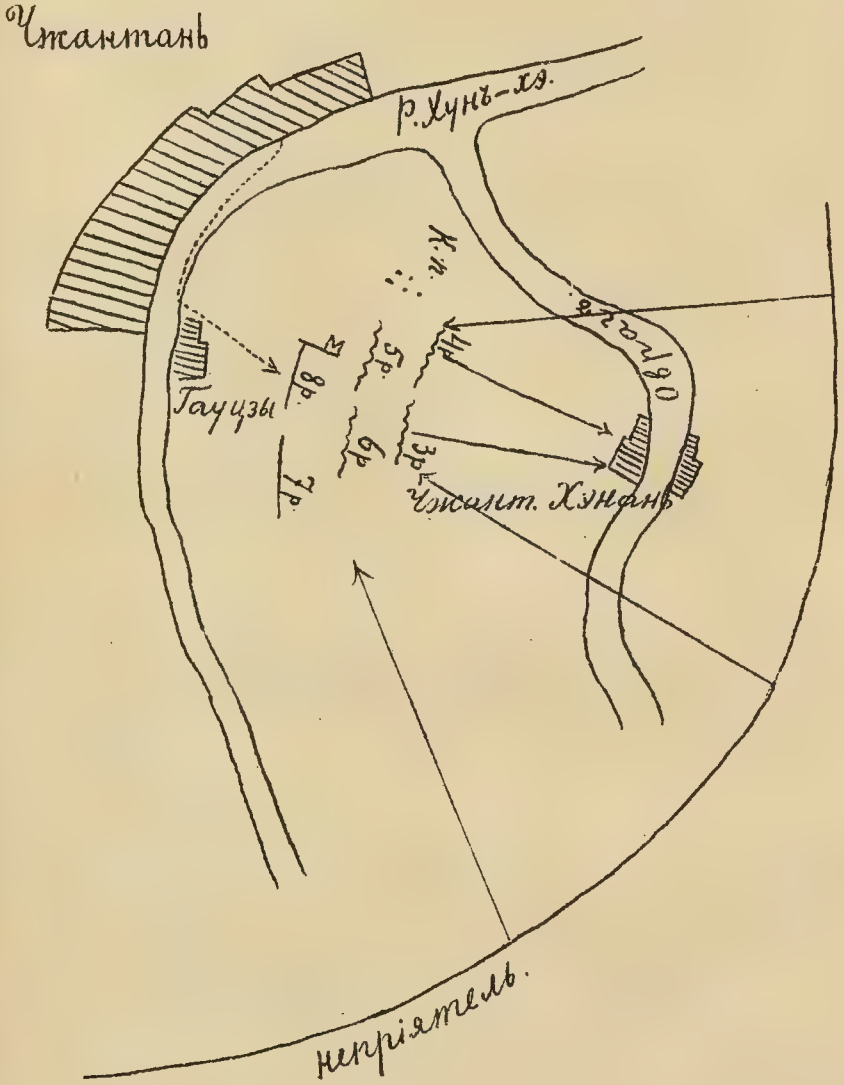
Вдругъ изъ толпы раздается крикъ и затѣмъ какая-то запасная борода начинаетъ жалобно нюнить и увѣрять всѣхъ, что сейчасъ „апонецъ стрѣлилъ въ него изъ пистолета“ и пуля попала ему въ голову подъ лѣвое ухо.

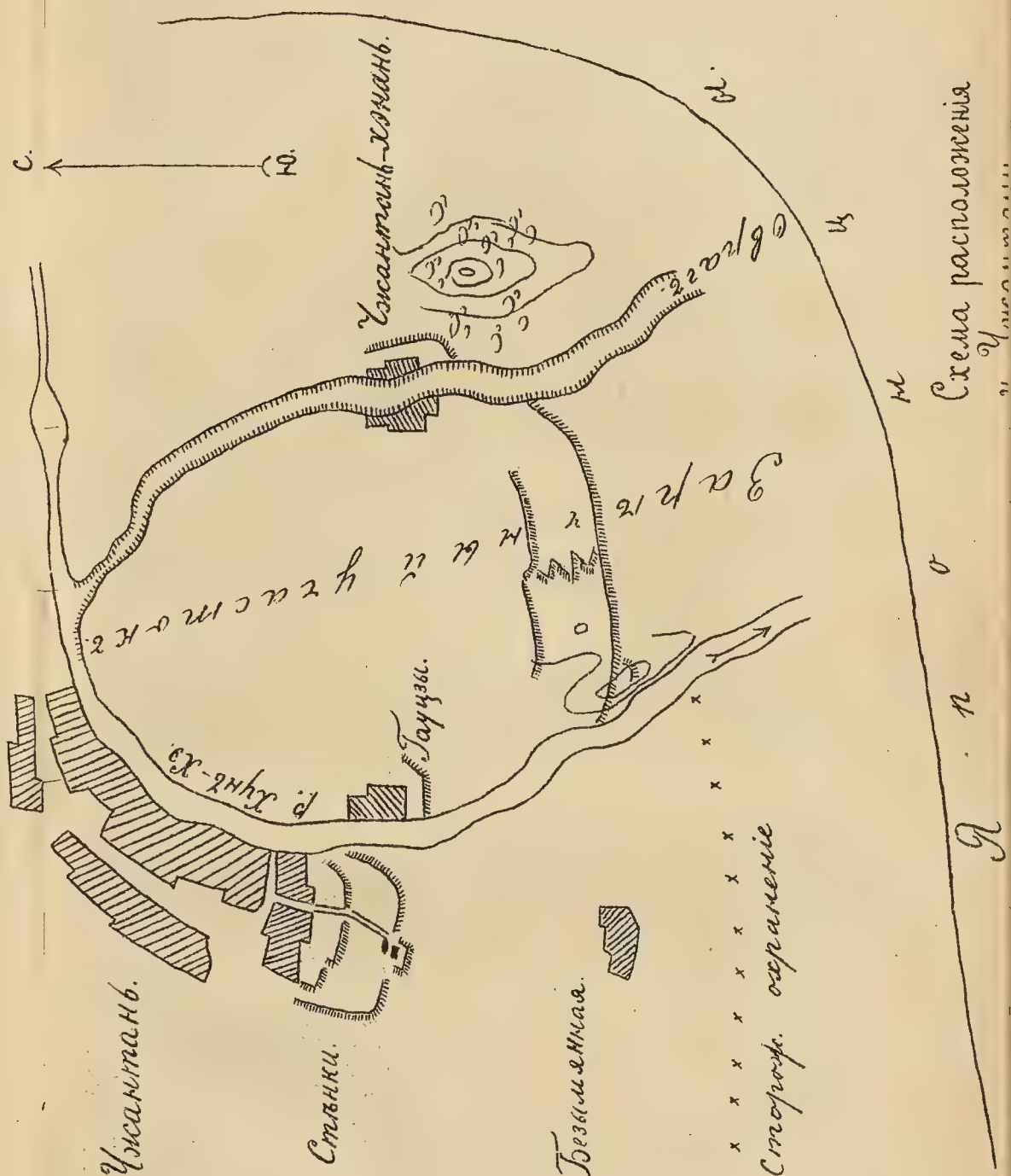
— Да что ты, чудакъ, почудилось тебѣ; всѣ мы тутъ были, никто не стрѣлялъ; это онъ на другой бокъ перевернуться хотѣлъ, да рукой объ грядку стукнулъ, а тебѣ послышалось, что онъ въ тебя стрѣлялъ, стараются увѣрить оторопѣвшую бороду товарищи.

Но борода не унимается; въ доказательство снимается рваная папаха съ мохнатой головы и начинаются поиски раны, но ничего, кромѣ всклокоченныхъ волосъ, на головѣ не обрѣтается.

Борода все же стоитъ на своемъ, увѣряя, что пуля отскочила

Схема атаки д. Чжантань-Хенань
20 Янв. 1905 г.





отъ головы и, что онъ самъ видѣлъ, какъ японецъ вынулъ пистоль изъ кармана и стрѣлилъ.

Голову злополучнаго бородача начинаютъ звать мѣднымъ котломъ, но все же рѣшаются обыскать японца. Здоровенный горнистъ первой роты, Крымша, человѣкъ силищи непомѣрной, вынимаетъ на рукахъ японца изъ двуколки и пытается поставить его на ноги, но бѣдняга не можетъ встать: ноги его сгибаются въ колѣняхъ, расползаются въ стороны, голова повисла на грудь, ротъ открытъ, а руки какъ плети.

Люди начинаютъ присматриваться къ ногамъ.

— Клади на земь,—слышатся голоса, и Крымша, не соблюдая осторожности, кладетъ несчастнаго на землю, при чемъ голова его стукается объ ледъ, а руки безсильно падаютъ по сторонамъ; полуоткрытый ротъ складывается въ подобіе жалостной и растерянной улыбки, а глаза устремляются вверхъ, какъ бы ища тамъ чего-то, какъ бы ожидая оттуда помощи и спасенія.

— Гляди, ребята, безпремѣнно ноги у него поморожены, говорятъ солдаты, трогая опухшія какъ колоды ноги японца, завернутыя въ какое-то тряпье.

— Такъ и есть, братцы, поморожены у него ноги; и тутъ среди толпы начинаетъ пробуждаться жалость къ несчастному.

— Неси, ребята, въ фанзу,—тамъ все жъ теплѣе; гдѣ жъ тутъ на морозѣ человѣка раздѣвать; такъ и вовсе замерзнетъ.

Крымша беретъ японца на руки и, внеся его въ фанзу, кладетъ его на полъ; несчастный принимаетъ снова то же положеніе. Начинается подробный осмотръ; ощупываютъ всѣ карманы, снимаютъ верхнюю одежду, потомъ мундиръ, шаровары и, наконецъ, добираются до бѣлья. Начинаютъ стаскивать рубаху. Японецъ раскрылъ ротъ, и изъ груди его вырывается тяжелое и хриплое дыханіе. И вдругъ онъ какъ-то безжизненно и грузно повисаетъ на рукахъ у солдата, тяжело и съ хрипомъ втягиваетъ въ себя воздухъ и вытягивается въ какой-то судорогѣ.

Солдаты опускаютъ его на полъ и смотрятъ съ недоумѣніемъ и съ жалостью на неподвижно распростершуюся фигуру съ открытымъ ртомъ и съ начинающими стеклянѣть глазами, которые устремлены въ потолокъ закоптѣлой фанзы, какъ бы желая найти тамъ какую-то тайну,—какую-то загадку, которая была до сего времени трудна и неразрѣшима.

— „Вовсе вмеръ“, говоритъ какой-то хохолъ, нарушая общее молчаніе.

— Эхъ и помереть-то спокойно человѣку не дали; надо было тормошить, добавляетъ другой.

— А все это заноза бородатая;—причудилось, что его по мѣдной башкѣ пуля ударила. И посыпалась ругань и насмѣшки надъ злополучной бородой, которая, чувствуя себя виноватой, сконфуженно удаляется.

Мертвеца снова одѣваютъ, теперь ужъ бережно и осторожно, снова, кладутъ на двуколку и отвозятъ въ штабъ дивизіи, съ докладомъ, что японецъ умеръ по дорогѣ.

Районъ нашего охраненія у Чжантани раздѣлялся на три участка: 1) оврагъ, 2) зарѣчный участокъ и 3) южная стѣнка.

Въ оврагѣ полку послѣ смѣны пришлось продежурить еще двое сутокъ, и послѣ этого участокъ этотъ отошелъ въ вѣдѣніе другой дивизіи, а намъ остались только два послѣднихъ участка, причемъ полкъ заступалъ сначала на дежурство на стѣнку, высылая роту въ Безымянную, а по ночамъ и еще одну роту—въ сторожевое охраненіе; простоявъ здѣсь двое сутокъ, полкъ переходилъ въ окопы зарѣчнаго участка, гдѣ въ теченіе цѣлаго дня велась перестрѣлка съ японцами и нельзя было безъ риска выходить изъ окоповъ. Здѣсь тоже стояли двое сутокъ и, наконецъ, на двое сутокъ шли въ Чжантань на отдыхъ и вкушали рай и блаженство подъ гостепріимнымъ кровомъ полуразвалившихся фанзъ и сараевъ.

Служба въ зарѣчномъ участкѣ была конечно труднѣе, нежели на стѣнкахъ; во-первыхъ, тамъ все время свистали пули, свистали онѣ, правда, и надъ стѣнками, но все же вѣроятность ихъ нападанія была значительно меньше, вслѣдствіе значительной дальности въ разстояніи, такъ какъ отъ Чжантани до непріятеля было около двухъ верстъ, а окопы на зарѣчной сторонѣ были всего только въ верстѣ отъ японцевъ.

Находясь на дежурствѣ за стѣнками, люди могли обѣдать своевременно, но на зарѣчномъ участкѣ можно было выходить изъ окоповъ только съ наступленіемъ темноты. Въ это время къ Гаузамъ подвозились кухни, и роты поочередно ходили обѣдать. Второй разъ кухни подвозились къ разсвѣту, и люди снова торопились получить пищу и вернуться въ окопы до разсвѣта, съ которымъ начиналась и стрѣльба. Ночью же запасались и водой, а также и дровами; все это сносилось въ окопы, гдѣ днемъ раскладывали небольшіе костерки и грѣли въ нихъ чай. Не мало было и такихъ смѣльчаковъ, которые и днемъ ходили за водой; нѣкоторымъ сходило съ рукъ это молодечество, но многіе жестоко за него расплачивались, получая непріятельскую пулю либо въ животъ, либо въ грудь.

Помню, былъ у насъ горнистъ въ четвертой ротѣ,—молодой, отчаянный парень, съ открытымъ, вѣчно довольнымъ лицомъ. Онъ съ полнымъ презрѣніемъ всегда относился къ японской пулѣ и вы-

ходилъ очень часто изъ окопа даже безъ всякой надобности. Разъ возвращается въ окопъ; смотрю, рука у него перевязана; оказалось, что пуля изрядно царапнула его по пальцу, но это нисколько не убавило его смѣлости, и онъ продолжалъ свои отважныя прогулки и нисколько не убавилъ презрѣнія къ несмолкаемому свисту этой „мелюзги".

Былъ еще одинъ герой. Это былъ уже пожилой солдатъ, съ пробритымъ подбородкомъ, какъ это требовалось отъ солдатъ еще въ доброе, старое время. Фамилія его была Бейгисъ. Онъ давно уже выслужилъ всѣ сроки, но передъ походомъ, узнавъ, что полкъ идетъ на войну, поступилъ добровольно къ намъ. Это былъ человѣкъ необычайно мужественный и спокойный. Бывало, днемъ, не обращая никакого вниманія на огонь непріятеля, онъ съ самымъ спокойнымъ видомъ отправляется за водой и за дровами. Солдаты относились къ нему съ большимъ уваженіемъ. Помню, подъ Сандепу этотъ молодецъ ухитрился взять въ плѣнъ двухъ японцевъ и доставить ихъ въ корпусный штабъ. Во время мукденскихъ боевъ ему раздробило ногу шрапнелью, такъ что сломанная кость обнажилась. Долго онъ лечился, былъ отправленъ въ Россію, но солдатская душа потянула его снова въ строй, и онъ вернулся.

Скучно и тяжело было сидѣть цѣлый день въ окопахъ. Возьмешь, бывало, винтовку и долго смотришь впередъ—не видно ли гдѣ-нибудь непріятеля, но онъ такъ искусно всегда прятался, что увидѣть даже одиночнаго японца—была большая рѣдкость.

Возьмешь бинокль и наведешь его на впереди лежащую деревню, которая вдругъ приблизится на столько, что станетъ видно все до мельчайшей подробности. Напрягаешь зрѣніе и все-таки никого живого не увидишь и если бы не летящія изъ деревни пули, то можно было бы подумать, что въ деревнѣ никого нѣтъ.

Вотъ стоятъ фанзы, видны глинобитные заборы, въ нихъ пробиты частыя бойницы, устроена передъ ними засѣка; вотъ на высокомъ деревѣ, какъ бы большое воронье гнѣздо; наводишь и на него бинокль и видишь совершенно ясно, что не гнѣздо, а вышка для наблюденій. И нигдѣ-то ни одного человѣка, ни движенія, ни шевеленія; а стрѣльба не перестаетъ, и пули все летятъ и летятъ.

Досадно станетъ; выпустишь нѣсколько пуль по какой-нибудь фанзѣ или по забору, положишь винтовку на брустверъ и снова сидишь; а время такъ безконечно долго тянется; думы разныя въ голову напираютъ, одна другой мрачнѣе. Что-то тамъ теперь дѣлается—на далекой родинѣ; у насъ вотъ день за поддень пошелъ, а тамъ еще утро, только поди вставать начинаютъ; тамъ теплыя

хаты, и пули не свистятъ такъ жалобно и непріятно, а тутъ такъ холодно и на душѣ тяжело и кажется, что и конца не будетъ этому безпредѣльному злу.

Гонишь эту навязчивую и печальную мысль и стараешься думать о чемъ-нибудь иномъ, болѣе веселомъ; вотъ завтра вечеромъ смѣнятъ, пойдемъ въ Чжантань, тамъ какъ ни какъ, а все легче; а то вотъ можетъ Богъ дастъ японцевъ погонимъ и тогда кончимъ войну, стараешься настроить себя на болѣе веселый ладъ и тутъ же улавливаешь разговоръ сосѣдней группы солдатъ, которые тоже тоскуютъ.

— Да, братъ ты мой, говоритъ кто-то ровнымъ и тихимъ голосомъ: она шутить не любитъ, она какъ, братъ, погладитъ, такъ мокро отъ человѣка останется. Энто 20-го-то, когда деревню штурмой брали, какъ значитъ рвануло ее впереди нашей роты, такъ Шустову черепокъ по башкѣ какъ вдаритъ, такъ и башки нѣтъ, мозги, энто, въ стороны, а черепки тоже—который куда; вотъ, братъ, какъ она нашего брата по головкѣ-то гладитъ.

— Что жъ Шустовъ-то, поди сейчасъ и упалъ, слышится чей-то неумѣстный вопросъ.

— Нѣтъ, не упалъ, флегматично и спокойно отвѣчаетъ первый голосъ, вмѣстѣ съ нами до деревни бѣгъ и ура кричалъ—безъ головы, а кричалъ.

Слышится сдержанный смѣхъ.

— А то вотъ, братцы, со мной рядомъ Коваленко шелъ, такъ ему тоже черепокъ по рукѣ хватилъ и сразу мослы показались, перешибъ, значитъ, руку-то пополамъ, и мослы торчатъ. Ротный энто къ нему подбѣгъ, говоритъ: Коваленко, ступай на перевязку, а онъ съ горяча-то и боли, знать, не чувствовалъ,—побѣжалъ было впередъ за ротой-то, да потомъ сразу ослабъ и объ землю; должно, кровью истекъ.

— Ну чего истекъ; санитары небось подняли, старается успокоить унтеръ.

— А можетъ и въ правду подняли, говоритъ первый голосъ, мы все впередъ ломились; всѣхъ-то не позапримѣтишь;—много тамъ народу полегло. О, Господи,—Господи, вздыхаетъ солдатъ.

И еще грустнѣе становится отъ этихъ разговоровъ. Начинаешь себѣ представлять,—что долженъ былъ чувствовать Шустовъ, когда ему моментально раздробило голову, и мозги разлетѣлись по сторонамъ—и никакъ не можешь представить, какъ это такъ:—шелъ человѣкъ, видѣлъ, слышалъ, быть можетъ былъ воодушевленъ храбростью, а быть можетъ и струхнулъ изрядно, и шелъ только потому, что и другіе идутъ—и вдругъ какой-то большой и тяже-

лый осколокъ—трахъ, и мозги полетѣли въ стороны. Но что же съ мыслью-то сталось.

„Стремленіе къ вѣчности. Ужель оно только мечта капризнаго ребенка, или слеза измученнаго сердца. Мозгъ, сердце и всѣ нервы изъ мертвой сотканы матеріи, такъ кто же имъ сказалъ, что были они живы, кто легкими, „какъ сонъ перстами“ ихъ къ жизни пробудилъ и сдѣлалъ ихъ проводникомъ понятій. Кто мозгу далъ способность мыслить и носить великія идеи; кто сердцу—этому, комку изъ мускуловъ и крови, далъ даръ божественный любить возвышенно и чисто, жалѣть все то, что въ прахъ повержено, унижено, забыто, иль презирать достойное презрѣніе. Иль можетъ быть, все то, что называемъ жизнью—всѣ наши радости, и горести, и чувства и порывы—все это сонъ—небытье-миражъ; но кто жъ тогда такъ издѣвается надъ нами. Зачѣмъ же лишь на мигъ приподнята завѣса и свѣтъ изъ-за нея блеснулъ намъ только на мгновенье—и снова вѣчный мракъ небытья предъ нами. Зачѣмъ и кто намъ приподнялъ завѣсу?

И хочется научно намъ познать „Артиста“, который въ насъ имѣетъ бытье и въ вѣчность унесетъ все то, что мы зовемъ сознаніемъ, чтобы путемъ труда стремиться къ Вѣчному, Святому Совершенству.

Разбитъ внезапно мысли инструментъ у человѣка; ужели жъ, кто игралъ на немъ, исчезъ и, переставъ существовать на вѣки, здѣсь перешелъ въ небытье, благодаря какому-то чугунному осколку. А если бъ вмѣсто сѣраго и мыслею убогаго солдата, съ которымъ здѣсь все это совершилось, вообразить Бетховена, Сократа, иль Спинозу, принесшихъ на землю съ собой намъ „райскіе напѣвы“ — ужели жъ нѣжныя, глубокія созвучія ихъ арфы, умолкнувъ на землѣ такъ быстро и внезапно, не зазвучатъ опять въ иномъ существованіи—въ странѣ міровъ, гдѣ свѣтитъ солнце правды; иль имъ было дано бряцать на струнахъ арфы, но только здѣсь—въ земномъ существованіи, среди долины слезъ, чтобъ подъ гармонію звуковъ лились изъ ихъ глазъ все тѣ же слезы — слезы.

И неужели жъ то, что разлетѣлось прахомъ и окровавленное здѣсь замерзло на поляхъ, а можетъ быть и сожрано голоднымъ псомъ, который съ налитыми глазами кровью по полю рыскаетъ, питаясь мертвецами,—ужели этотъ мозгъ, что падали сталъ равенъ, вѣщалъ намъ только-что про райскіе напѣвы и потрясалъ сердца глаголомъ не земнымъ. Ужели этотъ мозгъ былъ въ состояніи вліять на человѣка: согрѣть его измученное сердце, иль къ чистому въ душѣ стремленіе пробудить, иль въ трепетъ привести аккордами созву-

чій. Ужели этотъ мозгъ, что падали сталъ равенъ, могъ самъ въ себѣ вмѣщать глубокія идеи.

И гдѣ жъ теперь они—носители идеи. Гдѣ Будда, гдѣ Сократъ, Конфуцій, Зороастръ, гдѣ многіе десятки имъ подобныхъ; ужель они только того достойны стали, чтобъ трупами своими почву утучнить и чтобъ изъ почвы той взросла морковь иль рѣпа, которую пожретъ двуногое созданіе, чтобъ силы подкрѣпить.

Иль женщина, что красотой своей иль лаской царитъ здѣсь на землѣ, отъ глубины временъ и всѣхъ влечетъ къ себѣ въ волшебныя тенета; взгляните на нее;— о, какъ она прекрасна: какъ вешняя заря горятъ ея ланиты, коралломъ свѣтятся прекрасныя уста и жемчугомъ сверкаютъ зубы, а очи загораются огнемъ, когда даритъ она свою улыбку другу. И станъ ея такъ гибокъ и изященъ и грудь полна въ разсвѣтѣ красоты. . . . И вотъ приходитъ то, что называемъ смертью, и вмѣсто красоты мы видимъ смрадный трупъ—обезображенный, изъѣденный червями, съ прогнившимъ носомъ. И все, что насъ влекло, чѣмъ всѣ мы восхищались, молились, плакали на юной груди дѣвы,—все это стало мерзкимъ, смраднымъ трупомъ, и червяки ползутъ изъ ямъ, въ которыхъ были очи, что слали намъ привѣтъ, улыбку, счастіе. Ужели-жъ то, что съѣдено червями, одно лишь насъ влекло—одно лишь было живо.

А здѣсь такъ холодно, такъ скверно, и вотъ эти вѣчно свистящія пули наводятъ невыносимую тоску; зачѣмъ онѣ летятъ, зачѣмъ онѣ убиваютъ и ранятъ людей; вѣдь они же и безъ того почти захлебнулись въ потокахъ своихъ слезъ; зачѣмъ же еще эта ужасная злоба, это смертоубійство. Боже, помоги намъ терпѣливо допить уготованную для каждаго чашу и раскрой тогда передъ нами безконечно прекрасные горизонты Твоей вѣчной правды и святой любви.

Нѣкоторые солдаты по цѣлымъ днямъ храпятъ, свернувшись калачикомъ на днѣ окопа. Счастливцы: они на половину меньше переживаютъ и чувствуютъ, чѣмъ тѣ, которые не могутъ спать. Завернется такой солдатъ въ китайское ватное одѣяло и храпитъ напропалую. Въ окопахъ тѣснота и давка; то и дѣло по ногамъ такого храпуна путешествуютъ солдаты, а онъ себѣ храпитъ да храпитъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Въ общемъ сидѣнье въ окопахъ было до тошноты томительно и скучно.

Въ виду того, что полки постоянно мѣнялись на участкахъ, никто не хотѣлъ взяться за устройство какихъ-нибудь болѣе или менѣе удобныхъ помѣщеній въ окопахъ: землянокъ, блиндажей и тому подобныхъ, благодаря чему и офицеры и командиръ полка помѣ-

щались совершенно такъ же, какъ и солдаты. Ничего, продежуримъ какъ-нибудь двое сутокъ да и уйдемъ. Такъ думала каждая заступающая на дежурство часть. Углублять окопы и расширять ихъ также никто не хотѣлъ; вырыли канавы такихъ размѣровъ, какъ указали саперы, набросали землю къ сторонѣ непріятеля и прокопали еще траверзы, защищающіе отъ фланговаго огня—вотъ и все, и никто не хотѣлъ углублять окопы еще больше и увеличивать ихъ ширину. Ладно и такъ, думалъ каждый, чего я для другихъ стараться буду. Иногда приказывали приняться за работу, но и тогда работали лѣниво, и какъ только начальническое око исчезнетъ, такъ работѣ конецъ.

Н—ъ.

Отъ редакціи. Изложеніе событій Мукденской эпопеи этимъ же авторомъ послѣдуетъ въ будущемъ году подъ заглавіемъ: „Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ“.

Письма А. Г. Венеціанова [1]).

1.

Ваше Превосходительство!

Имѣю честь Васъ поздравить съ наступившимъ праздникомъ и наступающимъ Новымъ Годомъ.

Здѣсь, въ глуши нашей, слышно, что князь Д. В. Голицынъ [2]) не будетъ въ Петербургѣ прежде свадьбы Наслѣдника, которая ежели не совершится прежде маія, то и штатъ на отдѣленіе Академіи въ Москвѣ прежде того времени имъ не представится, почему я бы желалъ въ генварѣ мѣсяцѣ съѣздить въ Москву, тамъ побывать у Львова, Орлова и самого князя, чтобы ознакомить себя съ ихъ намѣреніемъ столько же, сколько я знакомъ съ готовностію народа, а на полученіе какой-нибудь обязанности въ самой Академіи художествъ мнѣ совершенно отказано навсегда.

Паспортъ я имѣю только въ Тверскую губернію и по немъ не могу ѣхать въ Москву, почему и осмѣливаюсь утруждать Васъ, Ваше Превосходительство, пожаловать мнѣ другой, для побыванія въ Москвѣ.

---

[1]) Знаменитый жанристъ и портретистъ, Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ, родоначальникъ русскаго жанра, родился въ 1780 г. и погибъ насильственною смертью въ 1847 году близъ погоста Поддубье, Вышневолоцкаго уѣзда, Тверской губ. Письма писаны цѣликомъ рукой художника. Имя адресата намъ неизвѣстно. Не писаны ли письма Вл. Ив. Панаеву? На верхнемъ правомъ полѣ верхней страницы карандашемъ: Заготовить новый паспортъ и увѣдомить о ходѣ дѣла.

[2]) Московскій военный генералъ-губернаторъ, другъ просвѣщенія (1771—1844).

Желаніе мое принять на себя обязанность наставника въ Москвѣ и въ моемъ любимомъ искусствѣ, на свободѣ, доходитъ до малодушія, особливо когда я воображаю тѣ тысячи жаждущихъ ученья, то ихъ успѣхи мнѣ мерещатся какъ старинному нѣмцу.

Доброе Ваше расположеніе ко мнѣ обнадеживаетъ меня, что этою моей малодушною просьбою не много обременю Васъ. Ваше Превосходительство малодушію снисходите, почему не почтитеся у Его Свѣтлости [1]) испросить мнѣ позволеніе и паспортъ на побывку въ Москвѣ, имѣющему навсегда быть съ истиннымъ, чистосердечнымъ уваженіемъ

Вашего Превосходительства.

Покорнѣйшимъ слугою

Алексѣемъ Венеціановымъ.

27 декабря
1840 г.
Село Сафоново.

P. S. Работа моя здѣсь доставляетъ мнѣ большое удовольствіе, но удовлетворять меня начинаетъ только одна малюта — никто и ее лучше изучилъ [2]).

2.

Ваше Превосходительство!

Запискою лично просилъ я Его Свѣтлость, министра Императорскаго двора, снизойти къ долговременнымъ моимъ попеченія(мъ) [3]) о образованіи многихъ молодыхъ художниковъ и пожаловать мнѣ квартиру въ Академіи художествъ, но, къ душевному моему огорченію, соизволенія не получилъ.

Сею же запискою просилъ я Его Свѣтлость позволить мнѣ съ наступленіемъ весны заняться работами моими и учениками у себя

---

[1]) Министра двора, кн. П. М. Волконскаго.

[2]) Не русскій оборотъ. Не забудемъ, что Венеціановъ по происхожденію былъ грекомъ.

[3]) Не дописано въ оригиналѣ.

въ деревнѣ. Его Свѣтлость мнѣ это позволилъ [1]), почему покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство, при докладѣ Его Свѣтлости, испросить [2]) мнѣ, за подписаніемъ Его Свѣтлости, паспортъ.

Съ полнымъ уваженіемъ и совершенною преданностію
Честь имѣю быть
Вашего Превосходительства
Покорнѣйшимъ слугою
Алексѣемъ Венеціановымъ.

Сообщ. В. А. Алексѣевъ.

---

[1]) Съ с. Сафонковѣ Вышневолоцкаго у. Венеціанову удалось, при поддержѣ кн. П. М. Волконскаго, основать нѣчто въ родѣ художественной школы. Здѣсь получили свою художественную подготовку многіе русскіе живописцы, напр., превосходный портретистъ С. К. Зарянка, даровитый портретный и перспективный живописецъ и портретистъ Г. К. Михайловъ, А. В. Тырановъ и др.

[2]) Въ текстѣ это слово ошибкой повторено два раза.

Сношенія Россіи съ папскимъ престоломъ въ исходѣ 17 и первой половинѣ 18 вѣка [1]).

По изслѣдованіямъ П. О. Пирлинга.

IV.

Перемѣна въ отношеніи Петра къ католикамъ.—Положеніе іезуитовъ по возвращеніи въ Москву.—Возобновленіе католической часовни.—Іезуиты держатъ себя по отношенію къ русскимъ пассивно.—Вліяніе протестантовъ.—Яворскій и іезуитская школа.—Смерть Гордона.—Отношеніе царя къ миссіонерамъ.—Значеніе, которое Петръ придавалъ вмѣшательству папы.—Точка зрѣнія Климента XI.—Программа кардинала Паулуччи.—Положеніе кн. Голицына въ Вѣнѣ.—Неудавшійся проектъ миссіи.

Петръ I вернулся изъ-за границы съ твердымъ намѣреніемъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, искоренить тотъ духъ оппозиціи, который воплощался въ лицѣ московскихъ бояръ, во главѣ которыхъ стояли Милославскіе. Весь поглощенный кровавымъ усмиреніемъ стрѣлецкаго бунта и своими семейными дѣлами (разводъ съ царицей Евдокіей Лопухиной), онъ не имѣлъ ни времени, ни охоты заняться серьезно вопросами католической церкви. Вѣнскія впечатлѣнія быстро изгладились изъ его памяти, и имперскіе миссіонеры утратили въ его глазахъ всякій интересъ съ того момента, какъ было получено изъ Карловицъ, отъ Возницына, извѣстіе, что Австрія не думаетъ о своихъ союзникахъ, а заботится только о своихъ собственныхъ интересахъ. Оборотъ, который приняли переговоры съ этой державой, и продолжительное перемиріе, заключенное ею съ Турціей, подтвердили эти слова и вызвали озлобленіе царя. Съ другой стороны Лефортъ изображалъ царю католическое духовенство всецѣло преданнымъ Австріи и, склонявшимъ ее заключить миръ съ Турціей и слѣдовательно не заслуживающимъ благоволенія Петра.

---

[1]) См. „Русск. Стар.“, май 1908 г.

Перемѣну, происшедшую въ его отношеніи къ католикамъ, испытали на себѣ, прежде всего, французскіе миссіонеры, ѣхавшіе въ Китай. Они привезли съ собою патентъ отъ императора Леопольда, имѣли письма отъ Августа II, ссылались на обѣщанія, данныя имъ нунціемъ Давіей, и несмотря не все это, не могли добиться разрѣшенія проѣхать по Сибири. „Мало ли что говорится за столомъ“, заявилъ Петръ, когда ему напомнили объ обѣщаніяхъ, данныхъ въ Замостьѣ; „нунцій навѣрно давно все это позабылъ и не довелъ объ этомъ до свѣдѣнія папы“.

Австрійскій посланникъ, Гварьенъ, не раздѣлялъ иллюзій высшихъ представителей католическаго духовенства: какъ дипломатъ, лучше ихъ освѣдомленный, и какъ человѣкъ дальновидный, онъ понималъ, что русскіе не только не питали никакой симпатіи къ католикамъ, но, напротивъ того, имѣли непреодолимое отвращеніе къ нимъ и къ латинской вѣрѣ, и что это предубѣжденіе поддерживалось и эксплоатировалось духовенствомъ. Въ этомъ убѣждало его недружелюбное и даже враждебное отношеніе нѣкоторыхъ дьяковъ къ католикамъ и преслѣдованія, которымъ они подвергались съ ихъ стороны.

Бояре смотрѣли на миссіонеровъ какъ на смутьяновъ или, по меньшей мѣрѣ, какъ на дипломатическихъ агентовъ, коихъ нужно было остерегаться, и ихъ отношеніе къ латинянамъ заставляло посла быть крайне осторожнымъ въ своихъ заключеніяхъ. Особенно навелъ его на эти мысли князь Борисъ Голицынъ, назначенный губернаторомъ въ Астрахань, который, несмотря на всѣ настоянія Гварьена, не соглашался на сооруженіе въ этомъ городѣ костела.

„Я скорѣе пожертвую всѣмъ своимъ состояніемъ и даже жизнью“, говорилъ онъ „а буду противиться повелѣнію царя, если дѣло до этого дойдетъ“.

Подъ впечатлѣніемъ подобныхъ разговоровъ, Гварьенъ впалъ въ другую крайность; онъ повѣрилъ напр., слухамъ, будто Шереметевъ, по возвращеніи изъ Рима, перешелъ снова въ православіе, будто стрѣлецкій бунтъ былъ вызванъ полученнымъ въ Москвѣ извѣстіемъ о томъ, что царь перешелъ, за границею, въ католическую вѣру.

Какъ бы то ни было, въ своихъ письмахъ къ императору, Гварьенъ совѣтовалъ ему дѣйствовать осторожно, не спѣша, и выбирать миссіонеровъ съ большою оглядкою, хотя бы они были въ Россіи только проѣздомъ. Онъ самъ дѣйствовалъ крайне осторожно, не начиналъ съ русскими никакихъ серьезныхъ переговоровъ и, за время его пребыванія въ Москвѣ, дѣло сближенія Россіи съ папскимъ престоломъ не подвинулось ни на шагъ; единственною его за-

слугою было, что онъ преобразовалъ на свои средства московскую католическую общину.

Каково же было въ то время положеніе іезуитовъ, возвратившихся въ Москву?

Такъ какъ число католиковъ, пріѣзжавшихъ въ Россію, постоянно возрастало, и они проживали не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ имперіи, въ особенности въ Воронежѣ и Азовѣ, колыбеляхъ русскаго флота, то было необходимо позаботиться о церквахъ и на первыхъ порахъ хотя бы реставрировать скромную деревянную часовеньку, сооруженную нѣкогда іезуитами до ихъ изгнанія изъ Москвы. При дѣятельномъ содѣйствіи Гварьена она была надстроена, въ ней появились хоры и четыре придѣла. Гварьенъ пожертвовалъ для часовни золотые и серебряные сосуды и великолѣпный образъ Божіей Матери.

Подлѣ часовни, въ помѣщеніи, занимаемомъ миссіонерами, была открыта школа, куда католики стали посылать своихъ дѣтей. Іезуиты съумѣли быстро завоевать утраченныя ими позиціи; оставалось только, пользуясь пріобрѣтеннымъ опытомъ, дѣйствовать осмотрительнѣе, чѣмъ прежде. По отношенію къ русскимъ они держали себя пассивно; число сбращенныхъ ими въ латинскую вѣру было очень невелико, и имена этихъ обращенныхъ остались неизвѣстны, такъ какъ они держались въ глубокой тайнѣ, изъ опасенія преслѣдованій со стороны православнаго духовенства. Многочисленные въ Россіи протестанты, среди которыхъ было немало вліятельныхъ лицъ и приближенныхъ царя, неустанно вели борьбу съ католиками. Однимъ изъ самыхъ ярыхъ ихъ противниковъ былъ другъ Петра, Францъ Лефортъ. Онъ восхищался гнуснымъ пасквилемъ, написаннымъ противъ папы и іезуитовъ, всячески интриговалъ противъ нихъ и преслѣдовалъ своими насмѣшками патера Вольфа и его товарищей, прибывшихъ изъ Вѣны. Лефортъ особенно не любилъ ихъ за то, что они слишкомъ ухаживали за царемъ; зная увлекающійся, характеръ Петра, онъ опасался ихъ вліянія на него.

Что касается патріарха Адріана, то онъ не внушалъ католикамъ ни малѣйшаго опасенія; вѣчно недомогавшій, онъ не имѣлъ ни силы, ни охоты вступать съ кѣмъ бы то ни было въ борьбу. Когда, въ 1700 г., его мѣсто занялъ Стефанъ Яворскій, іезуиты думали, что они найдутъ въ немъ преданнаго друга. „Мы братья, мы дѣти одной матери“ любилъ говорить Яворскій. Онъ былъ знакомъ съ католическимъ богослуженіемъ и былъ настолько далекъ отъ предразсудковъ, что признавалъ даже крещеніе по латинскому обряду. Но съ теченіемъ времени отношеніе Яворскаго къ католи-

камъ рѣзко измѣнилось; оно стало враждебнымъ: причиною тому было соперничество на поприщѣ учебнаго дѣла. Одною изъ главныхъ заботъ Стефана Яворскаго было, какъ извѣстно, воспитаніе юношества; цѣль, которую онъ преслѣдовалъ—была поднять уровень знанія какъ въ средѣ духовенства, такъ и свѣтскихъ лицъ. Для основанныхъ имъ школъ были выписаны изъ Кіева учителя, но они не могли соперничать въ дѣлѣ преподаванія съ іезуитами; школа, открытая послѣдними, отвлекала учениковъ; этого было достаточно для того, чтобы у Яворскаго явилось желаніе закрыть ее; но этому воспротивились бояре, посылавшіе въ іезуитскую школу своихъ дѣтей. Тогда іезуиты, чтобы упрочить положеніе своей школы, увеличили ея программу и открыли курсъ нѣмецкаго языка, что̀ давало имъ большое преимущество; преподававшіе въ школѣ Яворскаго профессора—малороссы не могли въ этомъ случаѣ конкурировать съ ними. Отношеніе между обѣими школами и ихъ преподавателями всегда было натянутое.

Іезуитамъ, для того, чтобы упрочить свое положеніе, конечно, было необходимо заручиться, прежде всего, благоволеніемъ царя; они прекрасно понимали это. Петръ самъ по себѣ не относился враждебно ни къ іезуитамъ, ни къ католической вѣрѣ вообще; изгнаніе іезуитовъ изъ Москвы было дѣломъ патріарха, но царя постоянно возстановляли лютеране и кальвинисты, и ихъ происки могли въ концѣ концовъ увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ не было ни одного католика, который пользовался бы благосклонностью царя и могъ бы отстаивать ихъ интересы. Генералъ Патрикъ Гордонъ, въ лицѣ котораго латиняне имѣли горячаго защитника, скончался 29 ноября (9 декабря) 1699 г. У его смертнаго одра царь встрѣтился съ іезуитомъ, о. Миланомъ, который находился при больномъ неотлучно. Петръ, часто навѣщавшій любимаго имъ генерала, принялъ іезуита за врача. „Да, отвѣтилъ Гордонъ, на вопросъ царя, это врачъ моей души и единственное мое утѣшеніе, такъ какъ врачи тѣла уже ничего не могутъ мнѣ помочь“ и когда умирающій просилъ Петра не оставлять дорогой его сердцу католической паствы, „будь спокоенъ, батюшка“, отвѣтилъ ему Петръ.

Торжественныя похороны Гордона были совершены въ православномъ городѣ, въ присутствіи царя, по обряду католической церкви. Несмотря на сильный морозъ, царь самъ командовалъ войсками и отдалъ Гордону послѣднія воинскія почести. Послѣ похоронъ онъ послалъ къ іезуитамъ своего сына Алексѣя, который интересовался всѣмъ имѣвшимъ отношеніе къ религіи, и свою сестру Наталію, которая держала себя съ ними съ большимъ тактомъ.

Узнавъ случайно, что духовникъ Гордона былъ прекрасный механикъ, Петръ тотчасъ заказалъ ему разныя бездѣлки, которыя тотъ исполнилъ весьма искусно и къ сроку, чѣмъ снискалъ одобреніе царя. Другой іезуитъ, отецъ Берула, давалъ уроки дѣтямъ именитыхъ бояръ; въ числѣ его учениковъ были Апраксины, Лопухины, Головины—будущіе видные государственные дѣятели. Это вполнѣ соотвѣтствовало видамъ Петра, и такъ какъ онъ ни въ чемъ не могъ упрекнуть іезуитовъ, то когда нападали на ихъ школу, его неизмѣннымъ отвѣтомъ было: „Не слѣдуетъ уничтожать того, что хорошо начато“.

Миссіонеры были увѣрены, что ихъ судьба зависѣла единственно отъ царя и отъ его доброй воли; но онъ былъ человѣкъ столь своеобразный, что относительно его можно было дѣлать самыя смѣлыя предположенія. Іезуиты восторгались его умомъ, его любовью къ наукѣ, его разнообразными познаніями. Во время болѣзни Гордона онъ говорилъ съ ними о медицинѣ какъ знатокъ дѣла, понимавшій спеціальные медицинскіе термины и современные пріемы леченія. Подкупленные этимъ католики питали втайнѣ надежду, что Господь совершитъ чудо, просвѣтитъ умъ царя и склонитъ его къ уніи.

Между тѣмъ Петру, для осуществленія его политическихъ цѣлей, было необходимо содѣйствіе папскаго престола. Его неудержимо тянуло къ морю; его мечтою было открыть Россіи новые морскіе пути, развить ея торговлю, создать флотъ, но, для осуществленія этихъ гигантскихъ замысловъ, ему приходилось вступить въ борьбу съ могучимъ противникомъ, къ услугамъ котораго была превосходная, испытанная въ бояхъ армія. Петръ чувствовалъ, что побороть Карла XII собственными силами ему не удастся, что ему необходимы для этого союзники; самымъ подходящимъ представлялась ему Польша, но ее раздирали въ это время внутреннія смуты и на престолъ преданнаго Россіи Августа II заявлялъ претензіи кандидатъ Швеціи—Станиславъ Лещинскій. Борьба этихъ двухъ соперниковъ на польскій престолъ разыгралась одновременно съ войною между Швеціей и Россіей, театромъ которой сдѣлалась Польша.

Царю, силою вещей, приходилось такимъ образомъ отстаивать права Августа, ибо иначе онъ могъ лишиться союза Польши, которая могла перейти на сторону его враговъ. Вмѣшательство въ дѣло папы принесло бы ему огромную пользу. Во главѣ управленія Рѣчи Посполитой стоялъ временно примасъ, въ ея сенатѣ засѣдали епископы; духовенство пользовалось въ Польшѣ огромнымъ вліяніемъ, а всѣ эти лица находились въ непосредственной зависимости отъ Рима, всѣ они постоянно сносились съ Варшавскимъ нунціемъ.

Поэтому дальновидная политика требовала поддерживать дружескія отношенія съ папой и не давать заглохнуть надеждамъ, возбужденнымъ нѣкогда въ Римѣ Шереметевымъ и Курбатовымъ, а въ Вѣнѣ самимъ царемъ. Желаніе подкупить папскій дворъ соблазнительными обѣщаніями было такъ велико, что Петръ не задумался сознательно мистифицировать папу. Самъ царь и его ближайшіе сановники сулили Ватикану въ недалекомъ будущемъ чудеса и увѣряли его, что единство церкви скоро будетъ возстановлено. Расточая эти обѣщанія, русскіе не связывали себя ничѣмъ даже по отношенію къ католикамъ, жившимъ въ Россіи, которымъ не были даны никакія опредѣленныя гарантіи.

Хотя въ Ватиканѣ знали, что обѣщаніямъ Россіи нельзя было довѣрять, тѣмъ не менѣе эти обѣщанія выслушивались съ удовольствіемъ. Папскій престолъ занималъ въ то время Климентъ XI, человѣкъ высоко образованный и тонкій дипломатъ. Онъ живо интересовался вопросомъ о распространеніи католической вѣры на востокѣ: въ Индіи, Китаѣ и Персіи и связывалъ съ этимъ надежды на распространеніе въ этихъ странахъ просвѣщенія. Вполнѣ естественно, что возраставшее могущество Россіи привлекло его вниманіе къ этой странѣ, и что онъ не счелъ возможнымъ пренебречь предложеніями, которыя были ему сдѣланы петербургскимъ дворомъ.

Если судить по огромному числу сочиненій о Польшѣ и Московіи, которыя появились въ Римѣ при Климентѣ XI, можно подумать, что сѣверные славяне занимали по преимуществу его вниманіе. Изъ депешъ, близкаго къ Клименту XI лица — кардинала Фабриція Паулуччи видно, что относительно намѣреній царя въ Ватиканѣ возникали время отъ времени серьезныя сомнѣнія. Варшавскій и вѣнскій нунціи предостерегали папу, что у царя были заднія мысли; Людовикъ XIV говорилъ „о происках великаго князя московскаго“ — и невольно являлась мысль, что на обѣщанія русскихъ нельзя было полагаться. Принимая все это къ свѣдѣнію, Ватиканъ не измѣнилъ однако своей традиціонной политикѣ по отношенію къ Москвѣ, и мысль о возстановленіи единой церкви — составляла по-прежнему главную заботу римской куріи. „Не намъ предугадывать неисповѣдимые пути Провидѣнія въ дѣлѣ распространенія нашей святой вѣры, писалъ кардиналъ Паулуччи 25 ноября 1702 г., но мы обязаны распространять истинную вѣру среди народовъ и побуждать къ тому монарховъ. Высказывая пожеланіе, чтобы подданные царя присоединились къ лону нашей церкви, святой отецъ не думаетъ о томъ, искренни ли намѣренія этого монарха; онъ надѣется, что коль скоро представляется случай просвѣтить и спасти столько душъ, то Господь, по своему милосердію,

благословитъ усилія, которыя будутъ сдѣланы для достиженія этой великой цѣли". Въ этихъ словахъ вся программа Климента XI. Они вполнѣ объясняютъ его образъ дѣйствій: рискуя быть обманутымъ, папа возлагалъ надежду на что-то сверхъестественное и считалъ долгомъ дѣйствовать, руководясь вышесказаннымъ принципомъ.

Въ 1699 г. переговоры съ Римомъ сосредоточились въ Вѣнѣ и велись представителемъ Петра при австрійскомъ дворѣ, княземъ Голицынымъ, непосредственно съ самимъ нунціемъ Давіемъ, тѣмъ самымъ, съ которымъ Петръ былъ такъ любезенъ при посѣщеніи имъ Замостья, и которому онъ надавалъ обѣщанія, никогда имъ неисполненныя. Это послѣднее обстоятельство въ особенности утвердило Давія въ нелестномъ мнѣніи, которое онъ составилъ себѣ о русскихъ, объ ихъ непостоянствѣ и двоедушіи. Что касается князя Петра Голицына, представителя царя въ Вѣнѣ, то онъ былъ лишь простымъ исполнителемъ царскихъ повелѣній.

Прибывъ въ Вѣну 30 декабря 1701 г., Голицынъ прожилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ инкогнито и только передъ Пасхой выступилъ оффиціально въ званіи царскаго посла; впрочемъ, онъ предупреждалъ нунція ранѣе о томъ, что имъ предстоитъ обсудить весьма важные вопросы, между прочимъ, „о присоединеніи русскихъ къ священной римской церкви", для чего онъ настоятельно просилъ его о свиданіи. Давій немедленно снесся съ Римомъ, прося инструкцій; онъ не успѣлъ еще получить ихъ, какъ Голицынъ, вопреки всѣмъ правиламъ этикета, самъ явился къ нунцію и заявилъ ему съ самымъ любезнымъ видомъ, что „царь, его монархъ, горячо желаетъ стать преданнымъ сыномъ святой римско-католической церкви и установить прочный союзъ между латинскимъ и православнымъ народами". „Подробно вопросъ этотъ можно будетъ обсудить позднѣе,—говорилъ Голицынъ,—когда будутъ окончены переговоры съ императоромъ". Нунцій, пріятно удивленный этимъ заявленіемъ, ограничился лестными замѣчаніями относительно папы и царя, но рѣшился замѣтить, что вопросъ объ уніи возникалъ уже неоднократно, но всякій разъ не приводилъ ни къ чему. Голицынъ понялъ намекъ и 18 февраля 1702 г., когда нунцій былъ у него съ отвѣтнымъ визитомъ, онъ высказался болѣе опредѣленно, упомянулъ о благоговѣніи, съ какимъ царь относится къ папѣ, и о его намѣреніи „подчинить свои владѣнія папскому престолу".

Послѣ всего, что было говорено Шереметевымъ и Курбатовымъ въ Римѣ, послѣ донесеній кардинала Коллоница и патера Вольфа, заявленія Голицына не могли возбудить въ Ватиканѣ никакихъ подозрѣній, тѣмъ болѣе, что вскорѣ и варшавскій нунцій Пиньятелли,

подъ вліяніемъ слышаннаго отъ князя Долгорукова, заговорилъ въ томъ же смыслѣ.

Въ Ватиканѣ было рѣшено послать въ Москву представителя папскаго престола, чтобы провѣрить сказанное Голицынымъ и условиться на счетъ предварительныхъ переговоровъ. Выборъ палъ сначала на патріарха антіохійскаго, Турнона, который, по пути въ Китай, куда онъ былъ назначенъ викаріемъ, свободно могъ заѣхать въ Москву, но онъ откладывалъ подъ разными предлогами свою поѣздку и въ концѣ концовъ отправился въ Китай другимъ путемъ; тогда рѣшено было послать въ Россію доминиканца Левези, но и ему не суждено было попасть въ Москву; въ безплодныхъ переговорахъ съ этими двумя лицами и съ кн. Голицынымъ прошло болѣе двухъ лѣтъ. Однако мысль о посылкѣ въ Москву миссіонера не была оставлена, хотя вѣнскій нунцій, черезъ котораго шли переговоры, не разъ задавалъ себѣ вопросъ, не были ли всѣ эти увѣренія въ страстномъ желаніи Россіи заключить унію съ Римомъ чѣмъ-то показнымъ, не дѣлались ли они только для того, чтобы уладить при помощи папы дѣла съ Польшей, заключить миръ со Швеціей и женить царевича Алексѣя Петровича на эрцгерцогинѣ. Эти подозрѣнія подтверждались до извѣстной степени быстрою смѣною въ настроеніи и рѣчахъ князя Голицына. Онъ зачастую переходилъ внезапно отъ разговора о религіи къ свѣтскимъ дѣламъ и какъ-будто интересовался первой только для того, чтобы уладить вопросы дипломатіи. Къ тому же, онъ видимо заискивалъ въ нунціи и нуждался въ его поддержкѣ, такъ какъ его положеніе при австрійскомъ дворѣ было весьма не блестящее. Передъ нимъ были заперты всѣ двери; чтобы проникнуть въ нихъ, у него не хватало денегъ. Въ то время какъ его коллеги расточали министрамъ и ихъ женамъ подарки и пенсіи, онъ ублажалъ ихъ одними обѣщаніями. Вдобавокъ ему давались иногда Петромъ самыя невозможныя порученія. Такъ, напр., однажды Голицынъ, по приказанію царя, потребовалъ у нунція категорическаго отвѣта на счетъ уніи съ Римомъ и предупредилъ его, что если таковаго не послѣдуетъ къ назначенному сроку, то царь обратится къ лютеранамъ. Это требованіе вызвало въ Ватиканѣ и въ нунціатурѣ большой переполохъ, такъ какъ ранѣе Россіей не ставилось опредѣленно вопроса объ уніи. У Голицына хватило впрочемъ такта не настаивать на этомъ требованіи. Не менѣе странно и двусмысленно показалось нунцію предложеніе одного русскаго князя, выразившаго желаніе совершить поѣздку въ Римъ, чтобы перейти тамъ въ лоно католической вѣры. Его заподозрили въ желаніи просто-на-просто совершить на средства папы путешествіе въ Италію.

Сбитый съ толку этими предложеніями и домогательствами, вѣнскій нунцій не скрывалъ отъ Ватикана своихъ недоумѣній. „Я не сомнѣвался бы,—писалъ онъ 8 ноября 1702 г.,—въ полномъ успѣхѣ, если бы распространеніе католической вѣры зависѣло единственно отъ старанія людей, если бы это не было, главнымъ образомъ, дѣломъ Господа Бога. Когда я вижу желаніе московитовъ войти въ сношенія съ Европой, ихъ любовь къ Италіи, почтеніе, съ какимъ они относятся къ апостолу Петру, къ его мощамъ и къ людямъ, кои охраняютъ ихъ, то во мнѣ зарождается надежда, что представителямъ святѣйшаго престола удастся достигнуть уніи съ ними. Но когда я вижу, что монархъ, избранный Провидѣніемъ для столь высокой цѣли, губитъ свои таланты и способности въ порокахъ, въ угожденіи плоти, въ тиранніи и жестокости по отношенію къ своимъ собственнымъ подданнымъ, то я, право, не знаю, возможно ли что-нибудь ожидать отъ всѣхъ нашихъ плановъ“.

Менѣе впечатлительный и болѣе хладнокровный кардиналъ Паулуччи поддерживалъ бодрость духа нунція и совѣтовалъ ему продолжать переговоры съ кн. Голицынымъ и постараться даже войти въ сношеніе съ Паткулемъ, бывшимъ въ это время проѣздомъ въ Вѣнѣ. Этотъ завзятый врагъ Карла XII, состоявшій на службѣ Петра, занятый только мыслію найти ему союзниковъ противъ Швеціи, также говорилъ о стремленіи царя къ уніи съ Римомъ.

Итакъ, цѣль, которую преслѣдовалъ въ то время Ватиканъ, т. е. возстановленіе сношеній съ Россіей, казалась вполнѣ достижимой и соотвѣтствовавшей намѣреніямъ русскаго царя. 16 августа 1703 г. на засѣданіи кардиналовъ, собравшихся для обсужденія вопроса о посылкѣ въ Россію представителя папы, было рѣшено придать миссіи характеръ исключительно религіозный, а не политическій; единственная цѣль, которую миссія должна была преслѣдовать, была унія церквей. По одобреніи этой программы папой, была послана въ Вѣну депеша, въ которой говорилось въ трогательныхъ выраженіяхъ, что „отеческое сердце его святѣйшества радуется добрымъ намѣреніямъ царя и что, желая предупредить его желанія, папа рѣшилъ послать къ его двору прелата, который будетъ возведенъ въ епископскій санъ и будетъ уполномоченъ указать ему и его доблестной націи путь къ заключенію уніи церквей и установить между обоими дворами вѣчную дружбу и переписку“.

Оставалось рѣшить вѣчный вопросъ объ этикетѣ. Въ этомъ отношеніи Ватиканъ рѣшилъ пойти на всевозможныя уступки, чтобы не тормозить формальностями дѣло, столь важное для „славы Божіей и для спасенія душъ“.

Удовольствіе, съ какимъ кн. Голицынъ выслушалъ сообщеніе нунція о рѣшеніи, принятомъ папскимъ дворомъ, возбудило въ нунціи самыя оптимическія надежды.

„Выслушавъ это сообщеніе,—писалъ нунцій 8 сентября,—князь выразилъ величайшую радость, что вполнѣ согласуется съ тѣмъ рвеніемъ, которое онъ всегда выказывалъ къ славѣ его святѣйшества и къ уніи церквей".

Голицынъ выразилъ желаніе имѣть копію съ ватиканскихъ депешъ, чтобы представить ее на благовоззрѣніе царя, и предложилъ немедленно выдать паспортъ тому, кто будетъ высланъ въ Москву, чтобы приготовить помѣщеніе для нунція.

„Пусть онъ ѣдетъ немедленно,—сказалъ Голицынъ,—черезъ нѣсколько дней онъ будетъ въ Москвѣ. Если не будетъ остановки за царскимъ титуломъ, то папскому послу будетъ оказанъ такой пріемъ, память о которомъ не изгладится во вѣки".

Разумѣется, рѣшеніе Ватикана слѣдовало привести въ исполненіе, не откладывая его въ долгій ящикъ: появленіе въ Москвѣ папскаго посла устранило бы всѣ затрудненія, но Ватиканъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ съ необычайной медлительностью, и благопріятный моментъ былъ упущенъ. На помощь Риму пришелъ король польскій.

V.

Дзялынскій подъ Нарвой.—Политическія и религіозныя уступки. — Нунцій Спада.—Письмо о. Конрада.—Онъ получаетъ назначеніе въ Москву.—Непредвидѣнное препятствіе.—Прискорбный случай въ Базиліанскомъ монастырѣ.—Различныя версіи.—Трудность производства слѣдствія.—Перерывъ сношеній съ Ватиканомъ.—Петръ старается загладить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное событіемъ въ Полоцкѣ,—Предложеніе канцлера Головина объ учрежденіи нунціатуры. — Условія, поставленныя кардиналомъ Паулуччи.

Августъ II давно желалъ заключить съ русскимъ царемъ договоръ и отправить въ Москву посольство, но антирусская партія въ Польшѣ упорно противилась этому; къ тому же въ польской казнѣ, по обыкновенію, не было денегъ на снаряженіе дипломатической миссіи. Послѣ долгихъ проволочекъ королю удалось все же исполнить свое желаніе, и во главѣ посольства, отправленнаго имъ къ Петру, былъ поставленъ Ѳома Дзялынскій, которому одновременно были поручены и переговоры о церковныхъ дѣлахъ.

Въ то время когда Дзялынскій пріѣхалъ въ Россію, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1704 г., Петръ находился съ войскомъ подъ стѣнами Нарвы. Вмѣстѣ съ царемъ руководилъ осадными работами фельд-

маршалъ Огильви, не задолго передъ тѣмъ поступившій на русскую службу.

9 (20) августа Нарва была взята приступомъ, а десять дней спустя Дзялынскій заключилъ съ Петромъ, отъ имени Августа II, договоръ, на условіяхъ, коими король польскій имѣлъ полное основаніе быть довольнымъ. Что касается церковныхъ дѣлъ, то и въ этомъ отношеніи Дзялынскому удалось кое-что достигнуть: царь дозволилъ католикамъ по-прежнему свободно исповѣдывать свою вѣру въ Москвѣ и другихъ городахъ Россіи, дозволилъ имъ соорудить въ Москвѣ каменную церковь и разрѣшилъ латинскимъ миссіонерамъ свободный проѣздъ чрезъ Россію въ Персію, на что было приказано выдать имъ безъ задержки паспорта. Впрочемъ, не всѣ требованія Дзялынскаго были удовлетворены: ему не было сказано ни слова о путевыхъ издержкахъ миссіонеровъ, которыя папѣ хотѣлось возложить на царя; миссіонерамъ также не было разрѣшено проѣхать по Сибири въ Китай, куда они такъ жаждали проникнуть, и католикамъ было разрѣшено построить храмъ только въ Москвѣ, а не во всѣхъ городахъ, какъ они того добивались. Но Дзялынскій счелъ за лучшее не возражать и удовольствоваться полученнымъ. Главное, онъ всячески старался разузнать, какъ это ему было поручено, истинныя намѣренія Петра относительно нунціатуры.

Петръ произвелъ на него впечатлѣніе человѣка, жаждавшаго стяжать лавры на всѣхъ поприщахъ, но не созрѣвшаго еще для перемѣны вѣры; онъ смѣялся надъ патеромъ Вольфомъ и надъ его попытками обратить его въ католичество, хотя, повидимому, онъ и былъ не прочь играть роль реформатора; онъ не уклонялся отъ религіозныхъ споровъ и ничего не имѣлъ противъ появленія при его дворѣ папскаго нунція.

Результатомъ посольства Дзялынскаго было то, что переговоры съ Римомъ возобновились и были перенесены изъ Вѣны въ Польшу.

Въ началѣ 1704 г. варшавскимъ нунціемъ былъ Спада; ему удалось установить самыя дружественныя отношенія съ княземъ Долгорукимъ – представителемъ царя въ Польшѣ, съ которымъ онъ познакомился и близко сошелся въ бытность князя въ Римѣ. Въ душѣ нунцій раздѣлялъ опасенія своего вѣнскаго коллеги, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая его депеша изъ Ратибора отъ 19 апрѣля 1705 г.

„Что касается дѣлъ церковныхъ,—писалъ онъ, — то въ этомъ отношеніи нельзя относиться къ московскому царю съ полнымъ довѣріемъ, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ народомъ, склоннымъ къ притворству, который во всѣ трудныя минуты жизни обольщалъ

папскій престолъ обѣщаніями заключить унію; къ тому же самъ царь имѣетъ не однѣ добродѣтели; всѣмъ извѣстно его пристрастіе къ женщинамъ и къ вину".

Несмотря на эту оцѣнку, Спада все же предавался нѣкоторымъ надеждамъ; въ особенности когда до него доходили слухи объ успѣхахъ, достигнутыхъ въ Москвѣ Дзялынскимъ. Въ январѣ мѣсяцѣ 1705 г. его посѣтилъ самъ Дзялынскій и показалъ ему полученный изъ Московской канцеляріи документъ, въ которомъ перечислялись льготы, предоставленныя католикамъ. Точная копія съ этого документа была немедленно послана миссіонерамъ, чтобы они могли, не теряя времени, приняться за сооруженіе церкви, на что имъ даже была обѣщана королемъ польскимъ субсидія.

Обрадованный этимъ, Спада испросилъ у папы благодарственную грамоту на имя Дзялынскаго и другую на имя царя, которую онъ думалъ передать ему собственноручно, когда царь пріѣдетъ въ Польшу.

Одновременно съ сообщеніями отъ варшавскаго нунція, кардиналъ Пиньятелли получилъ массу писемъ, въ которыхъ ему сообщали о сочувствіи Петра къ римско-католической вѣрѣ; о томъ же говорилъ ему и графъ Ланьяско, агентъ Августа II въ Римѣ.

Грамота на имя Дзялынскаго была немедленно послана вмѣстѣ съ инструкціями, коими нунцію предписывалось, въ случаѣ свиданія съ царемъ, постараться снискать его благоволеніе и подготовить путь къ учрежденію нунціатуры. Нунцію не удалось видѣть Петра, поэтому нѣсколько мѣсяцевъ спустя, для обсужденія все того же вопроса о нунціатурѣ, была созвана комиссія изъ двѣнадцати кардиналовъ, собравшаяся 20 апрѣля 1705 г., подъ личнымъ предсѣдательствомъ папы. Комиссія рѣшила послать въ Россію уполномоченнаго, чтобы выяснить истинное положеніе дѣлъ. Порученіе было возложено на кармелита патера Конрада, миссіонерствовавшаго съ 1698 г. въ славянскихъ земляхъ. Будучи ранѣе полковымъ священникомъ, онъ попалъ въ плѣнъ къ шведамъ и, получивъ свободу, въ 1704 г., присутствовалъ при осадѣ Нарвы, состоя священникомъ въ отрядѣ Огильви. 29 апрѣля 1705 г. онъ писалъ кардиналу Сакрипанте весьма любопытное письмо, заслуживающее особаго вниманія не только по сообщаемымъ въ немъ подробностямъ, но и какъ образчикъ тѣхъ свѣдѣній, какія доходили до Рима.

„Едва успѣли мы благополучно прибыть въ столицу Московіи вмѣстѣ съ барономъ Огильви, назначеннымъ генералиссимусомъ царскихъ войскъ въ Ингріи", писалъ о. Конрадъ, „какъ насъ поспѣшно отправили въ походъ подъ Нарву; недѣль черезъ пять—шесть,

этотъ городъ былъ взятъ приступомъ, также какъ и крѣпость Ивангородъ, и отданъ на разграбленіе войску. Несмотря на послѣдовавшее нѣсколько дней спустя повелѣніе царя возвратить жителямъ награбленное имущество, имъ возвратили только одно тряпье и бездѣлушки".

„Во время осады я часто имѣлъ случай говорить съ царемъ, съ его сыномъ [1]) и съ знатными особами, приходившими къ намъ чуть не каждый день. Его величество высказалъ мнѣ свое отмѣнное удовольствіе по поводу того, что онъ видитъ меня снова въ Московіи. Онъ разспрашивалъ меня о моемъ пребываніи въ Швеціи и о другихъ плѣнныхъ. Послѣ взятія Нарвы, его величество часто бывалъ въ нашей квартирѣ; я имѣлъ также честь принимать царевича. Онъ отслушалъ однажды обѣдню и затѣмъ попросилъ у меня требникъ и приказалъ перевести его на русскій языкъ, т. е. одинъ только канонъ, а нѣсколько дней спустя, онъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что ихъ каноиъ во всемъ приблизительно сходенъ съ нашимъ, очень хвалилъ наши церковные обряды, которые ему очень понравились, къ великому неудовольствію офицеровъ—еретиковъ, которые относятся неодобрительно къ его пристрастію къ нашимъ обрядамъ. Однажды царевичъ сказалъ мнѣ дословно слѣдующее: „я надѣюсь, что мнѣ еще удастся на моемъ вѣку видѣть насъ добрыми братьями во Христѣ. Я разумѣю подъ этимъ, что мнѣ хотѣлось бы, чтобы мы вступили въ унію". Дай-то Богъ! какъ только окончится эта тягостная война, Царь пріѣдетъ со своимъ сыномъ, я въ томъ увѣренъ, въ Римъ, и св. церковь возрадуется этому".

„Въ г. Нарвѣ было двѣ лютеранскія церкви (тамъ не было ни одного католика),—одна шведская, другая нѣмецкая. Обѣ онѣ были преданы разграбленію: даже трупы были извлечены изъ могилъ и брошены въ воду. Когда шведская церковь была приведена въ порядокъ, русскіе священники завладѣли ею, отслужили молебенъ, произнесли проповѣди и съ торжествомъ отслужили обѣдню, при грохотѣ орудій. Нѣмецкая церковь до сихъ поръ запечатана по повелѣнію царя. Я полагаю, что если бы я сдѣлалъ попытку взять ее въ свое распоряженіе, то это мнѣ не стоило бы труда, но я отказался отъ этой мысли, чтобы не было повода думать, что мною руководятъ корыстныя цѣли. При томъ, хотя бы церковь и была предоставлена въ мое распоряженіе, но я не могъ бы снабдить ее необходимыми предметами для богослуженія, и у меня не было бы священнослужителей; ибо при отсутствіи денегъ нельзя было бы

[1]) Царевичъ Алексѣй Петровичъ.

найти священниковъ, которые согласились бы совершать богослуженіе безплатно; просить же субсидію у царя значило бы испортить дѣло, которое мы надѣемся еще совершить въ этой странѣ".

„Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Нарвѣ намъ пришлось вернуться въ Москву для того, чтобы торжественно отвезти туда плѣнныхъ, взятыя у непріятеля пушки, знамена и прочую добычу. Въ Москвѣ было сооружено множество тріумфальныхъ арокъ. Возлѣ первой изъ нихъ стоялъ епископъ, на котораго была возложена обязанность привѣтствовать царя и войско съ побѣдою; я стоялъ подлѣ него. Это доставило мнѣ случай познакомиться съ этимъ ученымъ и высокообразованнымъ духовнымъ сановникомъ [1]). Я воспользовался случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, посѣтивъ его въ занимаемомъ имъ дворцѣ, и онъ сказалъ мнѣ, послѣ разныхъ оговорокъ и предисловій, что если только царь повелитъ осуществить унію, то онъ, епископъ, всѣмъ сердцемъ и всей душою будетъ содѣйствовать этому дѣлу, но одинъ онъ не будетъ въ состояніи убѣдить невѣжественный народъ въ необходимости уніи; по его словамъ, это могло даже вызвать бунтъ. „Пока, присовокупилъ онъ, мы должны молить Господа, чтобы Онъ даровалъ царю долгія лѣта; со временемъ все устроится". Итакъ, ваше святѣйшество, можете быть увѣрены въ томъ, что все идетъ какъ нельзя лучше; только бы эта злополучная война не привела всего въ замѣшательство".

„Въ настоящее время генералиссимусъ посылаетъ меня въ Вѣну съ письмами къ министрамъ императорскаго двора. Содержаніе ихъ мнѣ неизвѣстно. Первымъ любимцемъ царя, Александромъ Даниловичемъ Меншиковымъ поручено мнѣ заказать для него въ Вѣнѣ два мундира, одинъ шитый золотомъ, другой серебромъ. Я не знаю, для кого они предназначаются, для него или для царя. Онъ далъ мнѣ сто рублей на путевыя издержки туда и обратно. Такъ какъ мнѣ придется пробыть въ Вѣнѣ по меньшей мѣрѣ два мѣсяца, то я умоляю ваше святѣйшество выслать мнѣ своевременно новыя инструкціи и патенты. По возвращеніи въ Москву, я разсчитываю состоять при особѣ упомянутаго выше, важнаго фаворита или при царевичѣ и полагаю, что это будетъ имѣть благопріятныя послѣдствія для нашей святой вѣры".

Сообщенія о. Конрада подтверждались свѣдѣніями, полученными изъ Вильны. Въ этомъ городѣ находился съ войскомъ Меншиковъ. Тамъ же находился нѣкоторое время Гюйсенъ—довѣренное лицо

[1]) Стефанъ Яворскій.

царя. Оба они, на вопросы поляковъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ, открывали имъ самыя радужныя перспективы. Въ особенности Гюйсенъ, самъ католикъ, настаивалъ на учрежденіи нунціатуры и утверждалъ, что это вполнѣ соотвѣтствовало желанію царя и сулило самые плодотворные результаты. Все заставляло думать, что надеждамъ, которыя лелѣяли въ Римѣ, суждено было вскорѣ сбыться.

Такъ какъ о. Конрадъ, какъ нѣмецъ, не былъ достаточно хорошо знакомъ съ тонкостями римскаго этикета, то вмѣстѣ съ нимъ хотѣли послать италіанца Фабри, начальника Виленской семинаріи, но отъ этой мысли пришлось отказаться, такъ какъ Фабри, какъ сторонніку польскаго примаса, преданнаго Карлу XII, едва-ли былъ бы оказанъ въ Россіи хорошій пріемъ. Такимъ образомъ о. Конраду пришлось отправиться въ Россію одному, хотя вѣнскій нунцій и не считалъ его способнымъ выполнить съ успѣхомъ возложенную на него трудную миссію. Кн. Голицынъ считалъ о. Конрада „человѣкомъ неосторожнымъ“, а нунцій удивлялся тому, что миссіонеръ занимался не своимъ дѣломъ, а покупкою шитыхъ мундировъ для Меншикова. „Впрочемъ, говорилъ онъ, можетъ быть это только невинная уловка, придуманная для того, чтобы снискать симпатіи вліятельныхъ лицъ“.

Болѣе снисходительный варшавскій нунцій не смущался подобными мелочами. Когда о. Конрадъ, проѣздомъ черезъ Тронпау, посѣтилъ его въ августѣ мѣсяцѣ, то онъ далъ ему нѣкоторые совѣты и полезныя свѣдѣнія. Миссіонеръ провелъ у него нѣсколько дней; эта задержка была причиною того, что онъ вовсе не попалъ въ Россію, такъ какъ онъ передъ самымъ отъѣздомъ заболѣлъ и въ то время, какъ онъ не успѣлъ еще оправиться, были получены тревожныя вѣсти, заставившія его окончательно отказаться отъ поѣздки въ Москву.

Дѣло въ томъ, что въ іюлѣ мѣсяцѣ 1705 г., когда Петръ приближался съ войскомъ къ Полоцку, разнесся слухъ, что, въ бытность въ Витебскѣ, царь, не терпѣвшій уніатовъ, приказалъ сжечь икону, изображавшую св. Іосафата (Кунцевича), убитаго въ 1623 г. его православными врагами и сопричисленнаго папою Піемъ IX къ лику святыхъ. Та же участь угрожала его мощамъ, хранившимся въ Полоцкомъ соборѣ. Этотъ слухъ привелъ въ ужасъ базиліанскихъ монаховъ, охранявшихъ серебряную раку съ мощами святаго, и они поспѣшно перенесли ее изъ собора въ домъ великаго канцлера литовскаго князя Карла Радзивилла. Происшедшее въ Полоцкѣ вполнѣ оправдало ихъ опасенія.

По случаю пріѣзда царя, городъ далъ большой оффиціальный

банкетъ, затянувшійся далеко за полночь. Утромъ, когда Петръ еще не вполнѣ отрезвился, онъ зашелъ въ смежный съ соборомъ Базиліанскій монастырь. Тутъ ему бросилась въ глаза статуя св. Іосафата: святой былъ изображенъ съ топоромъ въ рукѣ—эмблема его мученической кончины, съ разсѣченнымъ черепомъ и сіяніемъ вокругъ головы. На вопросъ царя, кѣмъ былъ убитъ Іосафатъ, базиліанскій монахъ, сопровождавшій его при осмотрѣ монастыря, отвѣтилъ: „еретиками“. Это слово вызвало гнѣвъ царя, и онъ, въ порывѣ бѣшеной злобы, не помня себя, выхватилъ изъ ноженъ шпагу и вонзилъ ее въ монаха. Четверо монаховъ, прибѣжавшихъ на помощь своего собрата, подверглись той же участи,—они пали отъ руки царя и его свиты, послѣ чего монастырь былъ преданъ на разграбленіе, церковь обращена въ военный складъ, а монахи заточены въ тюрьму.

„Объ этихъ пяти жертвахъ царскаго гнѣва упоминается“, говоритъ Пирлингъ, „въ достаточно достовѣрномъ источникѣ,—въ первоначальной редакціи исторіи шведской войны, Макарова, но впослѣдствіи строки, касающіяся этого эпизода, были вычеркнуты самимъ царемъ“.

Эта варварская расправа и осквернѣніе святыни монастыря во владѣніяхъ союзника Петра, которому онъ шелъ на помощь съ войскомъ, повергли въ ужасъ всю страну, ибо Петръ далъ слово, что русскія войска будутъ соблюдать строгую дисциплину. Въ Римѣ этотъ случай произвелъ самое тягостное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что число жертвъ было сильно преувеличено, и событіе разукрашено самыми ужасающими подробностями. Передавали, напр., что было убито не пять, а двадцать два монаха, изъ коихъ двадцать одинъ пали отъ рукъ самого царя, и что трупы убитыхъ были, по его приказанію, повѣшены или сожжены, и царь грозилъ, что та же участь постигнетъ всѣхъ базиліанскихъ монаховъ г. Вильны.

5 сентября кардиналъ Паулуччи сообщилъ эти прискорбныя вѣсти варшавскому нунцію, требуя, чтобы какъ можно скорѣе было произведено слѣдствіе. Поѣздка о. Конрада въ Москву была отложена.

Одновременно съ этими депешами въ Римѣ были получены депеши отъ нунція отъ 31 августа и 14 сентября. Въ Троппау, гдѣ проживалъ въ то время Спада, о кровавой сценѣ, разыгравшейся въ Польшѣ, разсказывали совершенно невѣроятныя вещи. Говорили, будто царь не только собственноручно покончилъ съ монахами, но даже натравилъ на нихъ огромнаго бульдога; передавали также, будто царь перебилъ всю братію Базиліанскаго монастыря и, войдя въ церковь, прошелъ въ алтарь и разбросалъ освященную остію;

наконецъ, будто нѣсколькимъ женщинамъ, выразившимъ свое состраданіе къ жертвамъ его гнѣва, вырѣзали, по его приказанію, груди. Слушая эти ужасы, нунцій не зналъ, чему вѣрить; во всякомъ случаѣ онъ не ожидалъ ничего хорошаго „отъ народа, способнаго на все“.

Слѣдствіе по этому дѣлу, которое поручено было произвести нунцію, было сопряжено съ величайшими затрудненіями вслѣдствіе отдаленности Троппау отъ Полоцка, трудности сообщенія въ военное время и крайне разнорѣчивыхъ показаній свидѣтелей, провѣрить которыя было почти невозможно. Такъ, напр., три донесенія, полученныя изъ одного и того же „достовѣрнаго“ источника—отъ кіевскаго митрополита Іосифа Рутскаго, не согласовались между собою, и въ то время какъ доминиканцы передавали самые ужасающіе варіанты событія, корреспондентъ саксонскаго двора, баронъ Шеннъ, писалъ изъ Дрездена, что въ Полоцкѣ былъ убитъ всего на всего одинъ базиліанскій монахъ, да и тотъ, по его словамъ, былъ виновенъ венъ въ томъ, что онъ дерзко отвѣтилъ царю.

Въ Римѣ, гдѣ представитель Августа II, графъ Ланьяско, отнесся крайне недовѣрчиво къ мрачнымъ разсказамъ, доходившимъ изъ Польши, были въ большомъ затрудненіи и не знали, какъ отнестись къ этому происшествію. Всѣ противорѣчивые разсказы сводились лишь къ тому, что была пролита кровь невиннаго; поэтому было рѣшено отмѣнить окончательно посылку о. Конрада въ Москву. Такимъ образомъ сношенія между Ватиканомъ и Петербургскимъ дворомъ временно прекратились; между ними произошелъ разрывъ.

Но царь также скоро раскаялся въ своемъ поступкѣ, какъ скоро онъ его совершилъ, и съ его стороны, въ скоромъ времени, вновь была сдѣлана попытка къ сближенію съ Ватиканомъ. Нѣсколько дней спустя послѣ убійства базиліанскаго монаха, онъ посѣтилъ іезуитскую коллегію,—великолѣпное зданіе, сооруженное иждивеніемъ Баторія. Прійдя въ себя, Петръ былъ совершенно другимъ человѣкомъ; отслушавъ обѣдню, отслуженную по католическому образцу, онъ любезно принялъ приглашеніе отобѣдать за общей трапезой и тутъ, какъ нѣкогда въ Вѣнѣ, очаровалъ всѣхъ своей бесѣдою. Каждый разъ, какъ царь осушалъ стаканъ, по условному знаку раздавалось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Въ общемъ было сдѣлано до 120 выстрѣловъ. Обильныя возліянія привели царя въ отличное настроеніе духа и сдѣлали его сообщительнымъ. Подойдя къ географической картѣ, онъ припомнилъ все свое путешествіе по Европѣ, высказалъ сожалѣніе по поводу того, что онъ не могъ быть въ Римѣ, и свое страстное желаніе видѣть святой го-

родъ, разспрашивалъ о папѣ Климентѣ XI, о томъ, сколько ему лѣтъ, какими онъ отличается особенностями. Объ убійствѣ монаховъ, само собою разумѣется, никто не заикался.

Но въ бытность, въ Гроднѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, Петръ, въ присутствіи нѣсколькихъ магнатовъ, сдѣлалъ попытку оправдаться въ своей винѣ. Сидя за столомъ въ трапезной Базиліанскаго монастыря, глядя на Распятіе, онъ клялся, что его поступокъ былъ неумышленный, и что отвѣтъ базиліанскаго монаха вывелъ его изъ себя. Виною всему оказывался несчастный монахъ. Выразивъ глубокое сожалѣніе по поводу случившагося, царь обѣщалъ загладить свою вину и подтвердилъ еще разъ свое намѣреніе оказать покровительство уніатамъ. А между тѣмъ патеры, заключенные въ тюрьму въ Полоцкѣ, продолжали сидѣть въ заключеніи.

Стараясь всячески загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное убійствомъ монаховъ въ Полоцкѣ, царь имѣлъ заднюю мысль: нуждаясь въ поддержкѣ папскаго престола, онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе возобновить сношенія съ папою. Во время пребыванія царя въ Гродно, былъ выработанъ проектъ договора, въ силу котораго взамѣнъ извѣстныхъ уступокъ въ пользу католиковъ въ Россіи, Рѣчь Посполитая признала подобныя же права за православными въ Польшѣ. Но проектъ этотъ не былъ утвержденъ папскимъ престоломъ. Тогда (въ исходѣ 1705 г.), канцлеръ гр. Головинъ предложилъ нунцію Спада возобновить переговоры объ учрежденіи нунціатуры при русскомъ дворѣ и одновременно намекнулъ на обѣщаніе царя подарить капуцинамъ въ Москвѣ церковь во имя апостола Петра и монастырь съ садомъ.

Узнавъ объ этомъ, въ Ватиканѣ сочли себя въ правѣ поставить царю извѣстныя условія, тѣмъ болѣе, что онъ высказалъ Августу II свое желаніе отправить въ Римъ посольство.

16 января 1706 г. кардиналъ Паулуччи извѣстилъ нунція, что переговоры съ московскимъ дворомъ могли быть возобновлены не иначе, какъ по исполненіи нижеслѣдующихъ трехъ условій: чтобы по поводу случая въ Полоцкѣ были представлены извиненія письменно или черезъ посланника, чтобы католикамъ была обезпечена въ Россіи полная свобода вѣроисповѣданія и чтобы вопросъ о пребываніи папскаго нунція въ Москвѣ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Иначе папа считалъ неудобнымъ предпринять какіе бы то ни было дальнѣйшіе шаги для сближенія съ Москвою.

Польскій нунцій сообщилъ эти условія въ Москву. Петръ былъ вынужденъ считаться съ этимъ, ибо, несмотря на одержанныя имъ побѣды, поколебавшія до нѣкоторой степени легенду о непобѣдимыхъ шведскихъ войскахъ, несмотря на то, что ему удалось заложить,

на болотахъ Ингріи, Петербургъ,—будущее казалось ему весьма смутнымъ; Карлъ XII лишилъ его всѣхъ союзниковъ, въ томъ числѣ и короля польскаго. 13 октября 1706 г. Августъ II заключилъ съ королемъ шведскимъ, безъ вѣдома Петра, унизительный Альтранштадтскій мирный договоръ. Чтобы спасти Саксонію, онъ поступался Польшей, отказывался отъ короны Пястовъ и опозорилъ себя выдачею Паткуля, котораго ожидали пытки и смертная казнь.

Чтобы обезпечить себѣ содѣйствіе поляковъ противъ шведовъ, Петру было необходимо помѣшать Станиславу Лещинскому, признанному уже частью польскаго народа, утвердиться на престолѣ и либо посадить снова на престолъ Пястовъ Августа II, либо какого-нибудь иного противника шведовъ, который въ силу этого былъ бы неизбѣжно его союзникомъ.

Полагая, что вмѣшательство папы будетъ имѣть для него огромное значеніе, Петръ рѣшилъ послать въ Римъ кн. Куракина съ политической миссіей, на которую онъ возлагалъ большія надежды; князю было поручено уладить отношенія Россіи къ папскому престолу.

VI.

Броджіо въ лагерѣ Меншикова.—Результаты его миссіи.—Вторичный пріѣздъ іезуитовъ въ Россію. — Петръ рѣшаетъ послать въ Римъ Куракина и Броджіо.—Отчетъ, представленный іезуитомъ Іосифу I. — Отъѣздъ въ Римъ. — Аудіенціи у папы.—Куракинъ въ Римѣ.—Политика Климента XI.—Аудіенція 28 марта въ Ватиканѣ. — Разочарованіе.—Давленіе на папу со стороны Людовика XIV.—Результатъ миссіи Куракина.—Прощальная аудіенція у папы.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1706 г., въ то время, какъ Петръ задумалъ послать князя Куракина въ Римъ, въ Петроковъ, близъ Люблина, гдѣ стоялъ съ войскомъ Меншиковъ, прибылъ знакомый ему іезуитъ Броджіо съ письмомъ отъ императора австрійскаго, въ которомъ Іосифъ I, встревоженный слухами о покровительствѣ, оказываемомъ царемъ капуцинамъ, рекомендовалъ его вниманію іезуитовъ и основанную ими школу, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ для его миссіонеровъ разрѣшенія проѣхать въ Китай черезъ Сибирь.

Меншиковъ, уполномоченный вести переговоры съ іезуитомъ, обѣщалъ ему, что всѣ желанія императора будутъ исполнены, тѣмъ болѣе, что онъ настаивалъ лишь на подтвержденіи обѣщаній, данныхъ католиками черезъ Дзялынскаго еще въ 1704 г.

20 (31) октября 1706 г. Броджіо была вручена грамота, коей

католикамъ обезпечивалась свобода вѣроисповѣданія въ Россіи, разрѣшалась постройка въ Москвѣ каменной церкви и коллегій и миссіонерамъ разрѣшался проѣздъ въ Китай. На словахъ было обѣщано еще большее. Оригиналъ этого документа, съ собственноручной подписью А. Д. Меншикова и его печатью, хранится въ Ватиканскомъ архивѣ.

Двѣ копіи съ вышеупомянутой грамоты были даны іезуиту для представленія въ Вѣну и въ Римъ, такъ какъ Меншиковъ выразилъ желаніе, чтобы Броджіо побывалъ въ обѣихъ столицахъ и обѣщалъ возмѣстить ему путевыя издержки.

Броджіо не ожидалъ подобнаго успѣха; онъ вернулся въ Вѣну торжествующимъ, и Іосифъ I рѣшилъ воспользоваться случаемъ для устройства черезъ него собственныхъ дѣлъ. Онъ уговорилъ іезуита отложить поѣздку въ Римъ и послать его снова въ Москву съ благодарственнымъ письмомъ къ царю и съ словесными предложеніями.

Моментъ для переговоровъ съ Петромъ былъ самый подходящій. Въ началѣ 1707 г. царь находился въ весьма затруднительномъ положеніи: Августъ II отказался отъ престола, Карлъ XII настаивалъ на избраніи Станислава Лещинскаго, державы этому не препятствовали, и царь видѣлъ, что онъ очутится вскорѣ лицомъ къ лицу съ воинственнымъ королемъ шведскимъ, не имѣя союзниковъ, которые поддержали бы его въ борьбѣ съ нимъ и не имѣя посредника, который помогъ бы ему заключить съ Карломъ почетный миръ.

Посланный императора австрійскаго прибылъ въ удачный моментъ, но на него была возложена неблагодарная миссія. Императоръ хотѣлъ сохранить полную свободу дѣйствій относительно Польши и Швеціи, получить отъ царя большую сумму денегъ, которая дала бы ему возможность усмирить возставшихъ венгровъ; Петръ, со своей стороны, не хотѣлъ дать ему денегъ, а обѣщалъ выставить вспомогательный корпусъ, но требовалъ за это, чтобы императоръ принялъ на себя совершенно опредѣленныя обязательства. Понятно, что никакого соглашенія не могло состояться, и обѣ стороны ограничились одними дружескими увѣреніями.

Что касается церковныхъ дѣлъ, то царь оказался сговорчивѣе, и такъ какъ Іосифъ I, по увѣренію Броджіо, интересовался вопросомъ объ учрежденіи въ Москвѣ нунціатуры, то Петръ заявилъ, что, идя навстрѣчу этому желанію, онъ пошлетъ къ Клименту XI для переговоровъ своего посла, кн. Куракина. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ одобрилъ предложеніе Меншикова, чтобы одновременно былъ посланъ въ Римъ Броджіо, дабы поддержать тамъ кн. Куракина.

„Русскіе", говорилъ по этому поводу Броджіо, „такъ часто обманывали папскій престолъ, что они боятся, что имъ болѣе не повѣрятъ, и посылаютъ меня въ Римъ для того, чтобы я разсказалъ тамъ все, что я видѣлъ своими собственными глазами, и что я слышалъ своими собственными ушами".

15 апрѣля 1707 г. Броджіо былъ уже въ Вѣнѣ и доложилъ императору о результатѣ своей поѣздки къ царю. Несмотря на дружескія увѣренія, было ясно, что въ вопросахъ политики согласія между державами не было; доказательство—отказъ Петра въ субсидіи, о которой просилъ императоръ, было на-лицо. Броджіо отлично понималъ это, но онъ разсчитывалъ, что положеніе дѣлъ со временемъ измѣнится. Лучше освѣдомленный и трезвѣе смотрѣвшій на дѣло, представитель царя въ Вѣнѣ, Гюйсенъ, писалъ Петру: „На Вѣну не разсчитывайте. Тутъ взяли верхъ шведы. Императоръ призналъ Станислава; онъ никогда не допуститъ русскую армію въ Вѣну".

Когда Броджіо прибылъ въ Римъ, генералъ іезуитскаго ордена отнесся къ нему вначалѣ недовѣрчиво, недоумѣвая, какимъ образомъ ему было дано дипломатическое порученіе императоромъ, отношенія котораго къ папѣ были въ то время довольно натянутыя; предъявленныя іезуитомъ письма Іосифа I разсѣяли всѣ сомнѣнія. Положеніе Броджіо по отношенію къ кн. Куракину, пріѣхавшему въ Римъ еще въ мартѣ мѣсяцѣ, также было затруднительно, такъ какъ посланный не предупредилъ о пріѣздѣ іезуита со словеснымъ порученіемъ отъ царя, и онъ узналъ объ этомъ отъ самого Броджіо, когда тотъ показалъ ему въ доказательство письмо Гюйсена; тѣмъ не менѣе между ними установились дружелюбныя отношенія.

Хотя Броджіо не носилъ оффиціально званія посла, но онъ все же добился аудіенціи у папы и изложилъ ему подробно свою программу: считая церковную унію дѣломъ возможнымъ, онъ полагалъ, однако, что достигнуть этой цѣли путемъ однихъ дипломатическихъ переговоровъ было невозможно, что вѣрнѣе будетъ дѣйствовать инымъ, болѣе длиннымъ, но за то и болѣе вѣрнымъ путемъ, а именно, распространяя въ Россіи просвѣщеніе, сооружая церкви, увеличивая число миссіонеровъ, чему обстоятельства, по его словамъ, вполнѣ способствовали.

По существу этотъ планъ былъ одобренъ кардиналами и самимъ папою; къ сожалѣнію, съ Броджіо можно было только обсуждать его, но нельзя было придти къ окончательному рѣшенію, такъ какъ у него не было соотвѣтственныхъ полномочій.

Онъ уѣхалъ изъ Рима 11 іюля, и съ тѣхъ поръ, въ дипломати-

ческихъ сношеніяхъ съ Римомъ, его имя болѣе не упоминается. Все вниманіе папскаго престола было сосредоточено на царскомъ послѣ.

Инструкціи, данныя кн. Куракину 18 (29) января 1707 г., очень любопытны въ томъ отношеніи, что въ нихъ не говорится ни слова о дѣлахъ, наиболѣе интересовавшихъ папскій престолъ, т. е. не упоминается вовсе о нунціатурѣ или о какихъ-либо новыхъ уступкахъ въ пользу католиковъ, хотя царь и называлъ себя защитникомъ латинской церкви и польскихъ вольностей, — разумѣется, съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ интересовъ, которые смѣло отождествились имъ съ интересами папы. „Если король шведскій, протестантъ, овладѣвъ Польшей, посадитъ на престолъ Станислава Лещинскаго, то это будетъ пагубно для Россіи“, говорилось въ инструкціи Куракина, „но развѣ отъ этого не пострадаетъ католическая церковь и поляки, которые утратятъ свои законныя привилегіи?“ Царь не только выражалъ въ этомъ увѣренность, онъ ручался, что это такъ будетъ, и умолялъ папу не признавать Станислава, ставленника одной партіи, а признать того, кто будетъ избранъ всѣмъ польскимъ народомъ. Само собою разумѣется, что въ глазахъ царя такимъ избранникомъ могъ быть только человѣкъ, угодный Россіи и готовый предпочесть ея интересы своимъ собственнымъ. Словомъ, Петръ хотѣлъ, чтобы на польскій престолъ былъ избранъ человѣкъ, соотвѣтствовавшій его видамъ; въ этомъ и заключалась, главнымъ образомъ, политическая миссія кн. Куракина.

Онъ пріѣхалъ въ Римъ въ исходѣ марта 1707 г., въ самый разгаръ войны за испанское наслѣдство, когда положеніе папы между двумя соперниками, между Франціей и Австріей, было чрезвычайно затруднительно: лично, и изъ видовъ политики, онъ сочувствовалъ скорѣе Версальскому двору и съ ужасомъ видѣлъ, что имперскія войска наводнили Италію и по пути въ Неаполь проходили черезъ папскія владѣнія. Поглощенный этими тревогами и заботами, онъ не имѣлъ времени удѣлить царскому послу достаточно вниманія. Къ тому же въ Ватиканѣ ожидали отъ Куракина извиненій по поводу прискорбнаго случая въ Полоцкѣ и полагали, что онъ начнетъ переговоры объ уніи церквей. Аудіенція, которую папа далъ Куракину 28 марта, принесла ему одни разочарованія.

Строго придерживаясь своихъ инструкцій, Куракинъ упомянулъ о предоставленной католикамъ свободѣ вѣроисповѣданія и о разрѣшеніи миссіонерамъ проѣхать на востокъ; говорилъ о польскихъ

выборахъ, о Карлѣ XII, о Станиславѣ Лещинскомъ, о томъ, что папѣ слѣдовало признать московскаго кандидата, но не обмолвился ни словомъ объ уніи и объ убійствѣ базиліанскихъ монаховъ, что было ему строго воспрещено. Какъ видимъ, главною заботою Куракина было устройство политическихъ дѣлъ.

„У Римской церкви нѣтъ иныхъ враговъ, кромѣ враговъ Іисуса Христа“, отвѣчалъ папа, „онъ не желаетъ зла королю шведскому, но хочетъ, чтобы король обратился къ истинной вѣрѣ, чтобы смуты, раздирающія Польшу, прекратились, и чтобы она умиротворилась подъ управленіемъ законнаго короля католической вѣры“.

Въ отвѣтѣ Климента XI ясно чувствовалось постигшее его разочарованіе. Куракинъ понялъ, что Ватиканъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ и что все, сказанное имъ отъ имени царя, нанесло чувствительный ударъ надеждамъ папы, тѣмъ болѣе, что онъ совершенно къ этому не былъ подготовленъ.

„Здѣсь нечего дѣлать“, писалъ Куракинъ 4 апрѣля царю, „папа не приметъ никакого рѣшенія до окончанія выборовъ въ Польшѣ“.

Разумѣется, Климентъ XI предпочелъ бы занять выжидательное положеніе, но это было довольно трудно, такъ какъ Людовикъ XIV энергично настаивалъ на томъ, чтобы папа принялъ сторону Станислава Лещинскаго и ставилъ въ зависимость отъ этого процвѣтаніе католической церкви въ Польшѣ. Естественно поэтому, что аббатъ Полиньякъ, вѣдавшій въ Римѣ, по порученію Людовика XIV, польскими дѣлами, былъ недоволенъ появленіемъ Куракина въ Ватиканѣ. Онъ жестоко критиковалъ политику Россіи и папскаго двора; полагая, что Куракинъ пріѣхалъ хлопотать объ уніи, онъ писалъ французскому королю 4 апрѣля: „унія съ православной церковью такой же обманъ, какимъ было нѣкогда отреченіе Августа II; кардиналы пойдутъ на эту удочку и, увлекшись безумной надеждой привлечь еретиковъ въ лоно церкви, они потеряютъ цѣлое католическое государство; они отговорятъ папу признать Станислава, который одинъ только и можетъ вывести Польшу изъ того тупика, въ который она зашла“.

Людовикъ XIV раздѣлялъ взглядъ своего уполномоченнаго и писалъ въ Римъ своему оффиціальному представителю, кардиналу de la Trémouille, что ежели папа склонится на предложеніе царя и измѣнитъ свое рѣшеніе относительно Станислава, то онъ этимъ

поставитъ себя въ крайне неудобное положеніе, отъ чего можетъ пострадать и католическая церковь.

Папа принялъ это предостереженіе къ свѣдѣнію и обѣщалъ дѣйствовать осмотрительно.

Относительно Польши онъ рѣшилъ держаться совершенно нейтрально и не поддерживать ни одной партіи, а признать королемъ того, кто будетъ избранъ народомъ, такъ какъ, поддерживая одну сторону, онъ неизбѣжно возстановилъ бы противъ себя другую. Въ этомъ смыслѣ папа высказался Куракину во время второй аудіенціи; то же онъ сказалъ и аббату Полиньяну, показавъ ему письмо Петра.

Какъ бы идеаленъ ни былъ проповѣдуемый папою принципъ высшаго безпристрастія, но на практикѣ онъ былъ не всегда осуществимъ. Съ каждымъ днемъ становилось очевиднѣе, что Августъ II отрекся отъ престола фиктивно, что онъ готовъ былъ сдѣлать все возможное, чтобы вернуть утраченную корону. Баронъ Шенкъ уже вербовалъ ему сторонниковъ въ Римѣ, да и самъ Августъ заискивалъ у папы: онъ строилъ церковь въ Дрезденѣ и покровительствовалъ іезуитамъ. Его вторичное избраніе казалось вполнѣ возможнымъ; это заставляло папу не пренебрегать сближеніемъ съ царемъ, на сторонѣ котораго былъ Августъ, а между тѣмъ представители Людовика XIV не давали покоя Клименту XI, убѣждая его признать Станислава, чтобы не раздражить короля шведскаго.

Такова была та зыбкая почва, на которой Куракину приходилось дѣйствовать исключительно на свой страхъ, ибо онъ не получалъ отъ своего непосредственнаго начальства почти никакихъ указаній, и его многочисленныя письма либо оставались вовсе безъ отвѣта, либо вызывали такой отвѣтъ, который ничего не говорилъ ему. Его не увѣдомляли даже о ходѣ военныхъ дѣлъ и дипломатическихъ переговоровъ. Мы уже знаемъ, что когда Броджіо пріѣхалъ въ Римъ съ словеснымъ порученіемъ отъ царя, то Куракину объ этомъ не было извѣстно. Когда баронъ Шенкъ сталъ агитировать въ пользу Августа, Куракинъ не зналъ, поддерживать его или нѣтъ. Когда архіепископъ львовскій, Константинъ Зелинскій былъ взятъ въ плѣнъ русскими, и папа потребовалъ, чтобы ему вернули свободу,—онъ не зналъ, что ему отвѣтить на это требованіе, но, несмотря на столь трудное положеніе, онъ съумѣлъ искусно лавировать въ Римѣ; сошелся съ кардиналами и съ іезуитами, успѣлъ расположить ихъ въ свою пользу, и это дало ему смѣлость не только начать переговоры, отъ которыхъ онъ не ожидалъ вна-

чалѣ никакого успѣха, но предъявить даже довольно смѣлыя требованія. Между прочимъ онъ выразилъ желаніе, чтобы папа далъ ему оффиціально письменное обѣщаніе не признавать королемъ Станислава и потребовалъ, чтобы въ этомъ документѣ былъ упомянутъ императорскій титулъ, которымъ Петръ дорожилъ. Тогда и папа, со своей стороны, потребовалъ, чтобы привилегіи, дарованныя въ Россіи католикамъ, были закрѣплены именнымъ царскимъ указомъ.

Но какъ только съ той и съ другой стороны были предъявлены категорическія требованія, въ переговорахъ произошла заминка. Куракинъ не могъ ничего обѣщать положительно и далъ понять, что указъ могъ быть данъ только по окончаніи войны. Папа не удовлетворился столь туманными обѣщаніями и не рѣшился высказаться противъ Станислава, чтобы не стѣснять свободу выборовъ въ Польшѣ и не испортить своихъ отношеній къ Людовику XIV.

Нерѣшительность папы раздражала французскаго короля и волновала Куракина. Его уже начинало тяготить вынужденное бездѣйствіе въ Римѣ, и онъ спѣшилъ возвратиться въ Россію, тѣмъ болѣе, что онъ очень страдалъ отъ жаркаго климата Италіи. Однако, прощальная аудіенція была дана ему папою лишь въ половинѣ октября. На прощанье, Климентъ XI былъ очень любезенъ съ посланникомъ. Онъ коснулся вопроса о Польшѣ и, не считаясь съ требованіями Франціи, заявилъ рѣшительно, что онъ еще не призналъ Станислава, не желаетъ признавать его и впредь. Желая сдѣлать пріятное царю, онъ подтвердилъ Куракину свое намѣреніе послать въ Москву нунція. При этомъ, само собою разумѣется, былъ затронутъ вопросъ о царскомъ титулѣ; послу было заявлено, что вопросъ этотъ нужно еще обсудить, и что такъ какъ онъ спѣшитъ отъѣздомъ, то отвѣтъ будетъ препровожденъ въ Вѣну. При этомъ была выражена надежда, что это промедленіе не будетъ истолковано въ дурную сторону, и что между Россіей и папскимъ престоломъ установятся добрыя отношенія.

Куракинъ былъ въ сущности доволенъ результатомъ своихъ переговоровъ. Не сдѣлавъ никакихъ уступокъ, онъ достигъ, хотя отчасти, цѣли своей миссіи: папа не отказывался признать королемъ польскимъ кандидата Россіи, и самому Куракину такъ хорошо удалось сыграть свою роль до конца, что въ Римѣ были вполнѣ убѣждены въ его симпатіи къ папскому престолу, хотя онъ относился къ нему весьма отрицательно. Сдѣланный папою въ вѣжливой формѣ отказъ въ выдачѣ грамоты съ

императорскимъ титуломъ не былъ поводомъ къ разрыву дипломатическихъ переговоровъ, но, по отъѣздѣ Куракина, они грозили затянуться до безконечности. Чтобы ихъ оживить, нужно было какое-нибудь чрезвычайное событіе. Таковымъ оказалась блестящая побѣда, одержанная Петромъ надъ своимъ противникомъ подъ Полтавою.

Сообщ. В. Т.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На службѣ въ лейбъ-уланахъ.

1859—1864 годы.

и Польское возстаніе 1863 года.

(Продолженіе воспоминаній Д. А. Скалона).

Глава I.

Черезъ нѣсколько дней послѣ производства молодые офицеры изъ всѣхъ учебныхъ заведеній были собраны для торжественной присяги на плацу передъ строемъ нашего корпуса.

По окончаніи присяги, возвращаясь домой и проѣзжая мимо зданій портовой таможни, я заѣхалъ туда, чтобы показаться мужу моей сестры, Густаву Густавовичу Кроссъ.

Кроссъ, служившій въ таможнѣ, досматривалъ въ это время вина въ погребахъ. Его товарищи, увидя меня въ парадной лейбъ-уланской формѣ, подошли съ поздравленіями, при чемъ приказали нацѣдить сначала мадеры, а потомъ рейнвейна и пили за мое здоровье.

Купорщикъ, какъ ихъ, кажется, называютъ въ винныхъ погребахъ, длиннымъ сифономъ вытягивалъ вино изъ бочекъ и цѣдилъ его въ стаканчики, схожіе съ бокалами, только безъ ножекъ.

Глядя, какъ онъ производилъ вытяжку и наполнялъ стаканчики, не проливая ни единой капли,—я вспомнилъ чудныя лекціи по физикѣ, которыя намъ читалъ генералъ Гадолинъ, столь прославившійся своими. . . . вспомнилъ, что дѣйствіе сифона основано на законѣ, изслѣдованномъ ученикомъ Галилея—Евангелисто Торичелли: на законѣ истеченія жидкостей при помощи атмосфернаго давленія, для измѣренія котораго имъ былъ изобрѣтенъ барометръ... Однако, о подобномъ примѣненіи сифона изъ бочки въ стаканчикъ и въ юнаго лейбъ-уланскаго корнета, Гадолинъ намъ ничего не говорилъ.

Послѣ 18 домашнихъ и 18 публичныхъ экзаменовъ голова моя по инерціи все еще не могла успокоиться и продолжала днемъ и ночью перебирать, какъ въ калейдоскопѣ: законы, правила, выводы, формулы, наставленія, событія, описанія и пр. и пр. и пр. Потомъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, экзамены тревожили мой сонъ и сердце и всегда незнаніемъ спрашиваемаго.

Однако, возліяніе и запахъ винныхъ паровъ, которыми насыщены погреба въ таможнѣ, возымѣли свое дѣйствіе, и я съ трудомъ сохранялъ равновѣсіе въ то время, какъ ноги, противъ моей воли, старались выписывать „мыслете“.

Мадера мягкая, вкрадчивая, но настойчивая своею крѣпостью не уживалась съ огневымъ характеромъ рейнвейна.

Хорошо, что до дому было не далеко: черезъ Дворцовый мостъ, въ ворота Главнаго штаба, и я былъ у себя.

Послѣ строгостей корпусной жизни, переходъ къ свободѣ былъ слишкомъ рѣзокъ и самъ собою обаятельно дѣйствовалъ на душу, а подъ чарами выпитыхъ винъ я еще болѣе восчувствовалъ свое уланство.

Ощущенія эти испытывались мною еще впервые, но вино было для меня совершенно чуждою влагой, и я скоро почувствовалъ его тѣневую сторону, хоть и безъ особенно обидныхъ для лихого улана послѣдствій, но впечатлѣніе винныхъ паровъ осталось скорѣе отталкивающее, и я, въ дальнѣйшей жизни, никогда не увлекался культомъ Діонисія.

Черезъ нѣсколько дней батюшка позволилъ мнѣ пригласить товарищей къ обѣду; это было въ послѣдній разъ, что мы всѣ безъ исключенія сошлись, потомъ наши жизненные пути навсегда развели насъ по расходящимся дорогамъ, а нѣкоторыхъ, какъ-то: Калугина, Ушакова, Воробьева,—мнѣ болѣе въ жизни не пришлось встрѣтить.

Послѣ представленія Якову Ивановичу Ростовцеву, мы были осчастливлены представленіемъ Государю Императору, а потомъ своему военному начальству, включительно до командира полка Петра Николаевича Волкова.

Въ это время, 12 апрѣля 1859 года Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ былъ назначенъ командующимъ гвардейскимъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ.

Ему я представлялся не только, какъ корпусному командиру, но и какъ шефу лейбъ-уланъ.

Великій князь былъ обаяленъ въ своемъ обращеніи. Его видъ, его ласковое слово невольно влекло къ исполненію долга службы.

Наконецъ, черезъ мѣсяцъ послѣ производства, съ окончаніемъ отпуска я поѣхалъ, благословясь, на службу въ полкъ.

Былъ іюль; мой 4-ый эскадронъ стоялъ въ деревнѣ Терелевѣ. Мой старшій братъ Александръ Антоновичъ занималъ избу, въ которой и для меня была приготовлена постель. Въ утро моего пріѣзда, Государь неожиданно ударилъ тревогу, и полкъ вышелъ, почти безъ офицеровъ, такъ какъ былъ праздникъ, и большинство разъѣхалось по своимъ дѣламъ.

Мнѣ пришлось бы встать передъ первымъ взводомъ, ни разу не бывши въ строю, къ тому же на неизвѣстной лошади, такъ какъ моя еще не была куплена.

Для перваго дебюта это было бы слишкомъ требовательно, я еще совершенно не былъ знакомъ съ кавалерійскимъ строемъ и не зналъ сигналовъ.

По счастью я пріѣхалъ уже послѣ тревоги и первый разъ въ строй пришлось встать на эскадронномъ ученіи.

Варенцовъ посадилъ меня на строевую лошадь „Торичелли“. Вскочивъ въ сѣдло, я невольно подумалъ:—не представлялъ ли я изъ себя Торичелліеву пустоту съ моимъ полнымъ незнаніемъ на „практикѣ обязанностей командира взвода“. И что это? случайность, или предзнаменованіе: что имя Торичелли въ самомъ непродолжительномъ времени вторично появляется передо-мною и теперь уже не только въ мысляхъ, но и въ видѣ красиваго, живого существа подо-мною.

Командиръ эскадрона произвелъ ломку фронта сначала на шагу, а затѣмъ на быстрыхъ аллюрахъ и похвалилъ за то, что во время перестроеній я ни разу не потерялъ своего мѣста передъ взводомъ. Съ одной стороны меня вывозила лошадь—съ другой старики-уланы первой шеренги подсказывали, что командовать, и что мнѣ надо дѣлать.

При такихъ условіяхъ я скоро совершенно освоился со своими обязанностями и полюбилъ строевыя занятія.

Однако Торичелли съ его пустотой не выходили у меня изъ головы, а затѣмъ и—сифонъ, атмосферное давленіе и сила, которую это давленіе вызываетъ—навели меня на мысль, чтобы въ жизни дѣйствовать, примѣняясь къ сифону: втягивая въ себя и по мѣрѣ силъ проводя въ жизнь все прекрасное, все возвышающее духъ, все полезное и—не стѣсняться, если сознаешь въ себѣ пустоту, а пользоваться ею, какъ барометромъ своихъ несовершенствъ и незнаній, чтобы, въ такомъ случаѣ, забывая свое самолюбіе — привлекать къ дѣлу чужія способности и познанія.

Командиръ полка замѣнилъ, купленную моимъ братомъ для меня

трехлѣтку, лошадью изъ строя. Это былъ чудныхъ статей конь „Хуленый“, изъ военно-конскихъ заводовъ.

Я къ нему привязался и холилъ его, какъ друга.

Тогда другое было время: парилъ манежъ и берегли коней.

Его Высочество еще не ввелъ своихъ требованій.

Люди были 23-хъ лѣтней службы въ гвардіи и въ постоянной муштрѣ не нуждались. Впереди всего стояло требованіе манежной ѣзды и стройности въ движеніяхъ и перестроеніяхъ, что̀ вполнѣ и достигалось.

На первой же надѣлѣ, какъ я явился въ полкъ, мы выступили на отрядные маневры. Проходя Краснымъ Селомъ походною колонною по шести, я ѣхалъ на флангѣ третьяго взвода, вдругъ слышу команду: „смирно“, „глаза налѣво“.—Сзади насъ обгоняла тройка, вижу въ ней Великаго Князя Михаила Николаевича, который пристально смотритъ на меня, а я въ отвѣтъ тяну посадку и ѣмъ его глазами.

Мнѣ слѣдовало приложиться, чего я не зналъ.

Великій Князь сказалъ командиру полка, „что я дерзко смотрѣлъ въ глаза и не прикладывался“, и приказалъ посадить меня на три дня на гауптвахту.

Командиръ полка доложилъ корпусному командиру Великому Князю Николаю Николаевичу, что Скалонъ только-что всталъ въ строй и не приложился по незнанію.

Его Высочество вступился за меня, и на гауптвахту я не попалъ, а былъ посланъ на ординарцы къ начальнику отряда и очень веселился, передавая приказанія.

Лагерь окончился большими маневрами, при чемъ за всѣ шесть дней полкъ ни разу не былъ на аванпостахъ.

На дневкѣ мы остановились въ имѣніи Ореста Семеновича Лихонина, моего бывшаго директора. Я провелъ день въ его семействѣ.

Послѣ лагеря поѣхалъ въ отпускъ къ бабушкѣ, графинѣ Сиверсъ въ „Райзала“—имѣніе на р. Воксѣ, недалеко отъ Кексгольма. Большую часть времени проводилъ на рѣкѣ, забавляясь преодолѣніемъ пороговъ Тулоскоски и Унункоски, гулялъ по окрестнымъ лѣсамъ и угодіямъ, посѣщалъ приходскую церковь, крестьянскіе хутора, избы рыбаковъ и, невольно, напѣвалъ речитативъ Финна изъ „Руслана и Людмилы“: „угрюмый край“, тщетно стараясь найти красавицу Наину, изъ-за которой стоило бы громить враговъ булатомъ и предаться изученію волшебныхъ чаръ.

Возвращаясь изъ отпуска на службу, я былъ назначенъ приказомъ по полку—заниматься обученіемъ, не помню какой-то пре-

мудрости въ эскадронѣ. Послѣ третьяго посѣщенія полковникъ Варенцовъ—нашъ эскадронный командиръ, пригласилъ меня къ обѣду и обратился съ слѣдующимъ наставленіемъ:

— Любезный Скалонъ, мнѣ докладывалъ вахмистръ Анисимовъ, что вы усердно принялись за дѣло обученія; это весьма похвально, но не къ чему вамъ этимъ заниматься; люди все это отлично знаютъ, лучше васъ, а вамъ не стоитъ терять время. Извольте посѣщать общество, балы, театры, это для васъ будетъ гораздо полезнѣе, и даже необходимо послѣ корпуса приглядѣться къ свѣту и себя показать, а потомъ займетесь службой".

Само собою разумѣется, совѣтъ нашего умнаго, опытнаго и выдающагося эскадроннаго командира былъ мною въ точности исполненъ и не безъ пользы для завершенія моего образованія—воспитаніемъ общественною средой.

На службу, кромѣ дежурства, приходилось ѣздить два раза въ недѣлю на офицерскую ѣзду, что не требовало много времени;— а затѣмъ я много читалъ, посѣщалъ знакомыхъ, выѣзжалъ на вечера, балы и былъ усерднымъ посѣтителемъ оперы, французскаго и нѣмецкаго театровъ.

По понедѣльникамъ, послѣ итальянской оперы постоянно собирался кружекъ товарищей, друзей и пріятелей у Сергѣя Филипповича Христіановича.

Тамъ я сошелся съ Петромъ Ильичемъ Чайковскимъ, Эдуардомъ Францовичемъ Направникомъ, Иваномъ Ѳедоровичемъ Горбуновымъ; познакомился съ Всеволодомъ Крестовскимъ, Апухтинымъ, Щербиною, Сѣровымъ, Путилинымъ и товарищами Христіановича по правовѣдѣнію, приглашенными вмѣстѣ съ нимъ оберъ-полицеймейстеромъ графомъ Шуваловымъ въ слѣдователи при полиціи.

За стаканомъ чая, рюмкой водки съ закускою, время проходило въ живыхъ разсказахъ пережитаго за недѣлю въ камерахъ слѣдователей, или же мы наслаждались слушаніемъ игры на фортепіано Чайковскаго и художественными разсказами Горбунова. Для меня это была академія дѣйствительной жизни со всѣми ея свѣтлыми и мрачными явленіями. Благодаря Христіановичу—Всеволодъ Крестовскій подъ покровительствомъ Путилина проникъ въ Вяземскую Лавру и, живя въ ея трущобахъ, передавалъ живымъ словомъ видѣнное и пережитое за недѣлю, а потомъ описанное въ его романѣ „Петербургскія Трущобы".

Его разсказы подтверждались и дополнялись знаменитымъ Путилинымъ и дышали захватывающимъ интересомъ; точно также разсказы самого Христіановича и его товарищей—слѣдователей, о выдающихся случаяхъ ихъ практики дополняли картину преступ-

ной дѣятельности въ разныхъ слояхъ населенія и знакомили съ жизнью, отъ ужасовъ которой иногда замирало сердце.

Лично я больше любилъ, когда вниманіе наше сосредоточивалось на вопросахъ искусства.

Возвращаясь изъ Петергофа, я иногда заѣзжалъ къ Сергѣю Филипповичу днемъ и часто встрѣчался съ Горбуновымъ и Петромъ Ильичемъ, который бывало часами игралъ мнѣ на фортепіано Моцарта, Бетховена, Шумана, Мендельсона, но никогда ничего своего. Потомъ я спросилъ у него: были ли у васъ, Петръ Ильичъ въ то время уже собственныя произведенія?

— Были, отвѣтилъ онъ.

— Отчего же вы никогда мнѣ ничего не сыграли?

— Я не придавалъ имъ значенія и исполнялъ ихъ только для себя.

Разсказы Горбунова сосредоточивались преимущественно на бытѣ москвичей и духовенства, и на этихъ вечерахъ онъ создалъ типъ генерала Дитятина. Кромѣ того, онъ присутствовалъ часто въ камерѣ Христіановича, или сопровождалъ Путилина, когда онъ самъ выслѣживалъ и преслѣдовалъ какое-либо сложное преступленіе или убійство. Путилинъ былъ скроменъ въ своихъ разсказахъ, а Иванъ Ѳедоровичъ съ неподражаемымъ мастерствомъ въ живыхъ образахъ передавалъ и воспроизводилъ типы мазуриковъ, татей, убійцъ, пострадавшихъ лицъ, свидѣтелей, полицейскихъ агентовъ и прочихъ участниковъ дѣла.

Вотъ гдѣ Горбуновъ изучалъ психологію человѣческой души и улавливалъ бытовыя черточки и особенности описываемыхъ имъ лицъ и сценъ.

Дома у моихъ родителей бывали музыкальные вечера; игралъ знаменитый по тому времени квартетъ: Пикеля, Альбрехта, Вейкмана и Зейферта.

Первое время партію віолончели исполнялъ самъ Карлъ Шубертъ, а Зейфертъ игралъ въ квинтетахъ второй альтъ или віолончель. Густавъ Густавовичъ Кроссъ исполнялъ въ ансамбляхъ партію фортепіано. У него я познакомился съ віолончелистомъ-любителемъ Щулковымъ, гдѣ, на музыкальныхъ вечерахъ, сошелся съ Константиномъ Егоровичемъ Маковскимъ и попалъ въ мастерскія учениковъ академіи.

Тамъ въ кругъ пріятелей и знакомыхъ вошли: Дмитріевъ-Оренбургскій, Крамской, пейзажистъ Васильевъ; Якоби, Клодтъ, Шишкинъ, потомъ уже Семирадскій, Антокольскій, К. Лемохъ, И. Гоголинскій, А. Сомовъ, А. Морозовъ.

Вся эта талантливая молодежь жила художественными интере-

сами; посѣщая и слушая ихъ, я кромѣ того часто заходилъ въ эрмитажъ, любовался старыми мастерами, а затѣмъ удостоился приглашенія принять участіе въ вечерахъ офортистовъ и произвелъ два-три рисунка, заслужившіе одобреніе. Одинъ изъ нихъ „Голова всадника Леонардо да Винчи“ сохранился у меня, и къ удивленію, дѣйствительно весьма порядочно исполненъ; но я увлекся Эвтерпою и забросилъ рисованіе, убѣдившись, что живопись требуетъ безпрерывныхъ трудовъ; а какъ для отдыха и забавы, то у меня и теперь еще достаточно ловкости въ рукѣ, и что-нибудь нарисовать для себя я всегда могу безъ всякаго труда, — музыка же меня больше привлекала.

Въ полку, какъ видно изъ вышесказаннаго, мнѣ жилось прекрасно.

Полковая жизнь офицерской среды отличалась вполнѣ отъ настоящаго времени.

Въ числѣ офицеровъ были: богатые, съ средними и небольшими средствами. Въ большинствѣ мы жили своимъ хозяйствомъ, обѣдали дома, а кто жилъ въ Петербургѣ, — тѣ на вокзалѣ, въ желѣзно-дорожномъ буфетѣ, который отлично содержался французомъ Амбіель.

Въ то время мы не были такъ стѣснены обязательными расходами, какъ теперь—съ устройствомъ въ полкахъ офицерскихъ собраній, гдѣ по принципу всѣ равны средствами, при чемъ равняются въ средствахъ не по тѣмъ, кто въ нихъ ограниченъ, а по тѣмъ, которые съ большимъ достаткомъ.

Вотъ, напримѣръ, что было со мною.

У насъ въ селѣ сгорѣла церковь, построенная еще при императрицѣ Аннѣ. Батюшка принялъ близко къ сердцу этотъ пожаръ и уѣхалъ на лѣто съ братомъ Александромъ въ имѣніе, чтобы немедленно возобновить Крестовоздвиженскій храмъ; въ виду же расходовъ на постройку, сократилъ выдачу намъ денегъ, а я сократилъ расходъ на столъ и удовольствіе: пилъ утромъ молоко, въ обѣдъ ѣлъ какую-либо кашу, картофель, яйца, вечеромъ чай или молоко и прожилъ такимъ образомъ въ расходѣ 50 копеекъ въ день, готовясь въ академію два съ половиною мѣсяца и выйдя съ оставленными мнѣ средствами.

Для меня, послѣ корпуснаго воспитанія, это, можно сказать, даже не было особымъ лишеніемъ, и я радовался легкости движенія, пробѣгая отъ собора въ Нижній садъ двумя репризами. Теперь такой добровольный постъ почти невозможенъ, посѣщеніе собранія обязательно, а тамъ обѣдъ стоитъ 1 р. 20 к. и завтракъ 80 к., безъ вина и всѣхъ побочныхъ расходовъ.

Мы съ братомъ не держали денщиковъ; за нами ходилъ нашъ крѣпостной человѣкъ Илья Ивановичъ Моисѣевъ.

Онъ варилъ обѣдъ, чинилъ и утюжилъ платья, мылъ перчатки и велъ расходы по дому.

Братъ началъ службу въ 1855 году въ Митавскомъ гусарскомъ полку, былъ прикомандированъ къ намъ въ январѣ 1859 и переведенъ 13 октября; а въ 1863 принялъ должность полкового адъютанта. Братъ любилъ лошадей, и мы держали съ нимъ тройку, которая по тѣмъ временамъ была почти необходима, въ особенности во время лагернаго сбора. Зимой мы пользовались ею, возвращаясь съ вечеровъ въ Петергофѣ — домой, а то прямо на офицерскую ѣзду, или другое занятіе.

Въ особенности пріятно было въ морозную, лунную ночь скользить по морю, выѣзжая на Петергофскій берегъ Нижнимъ садомъ, у сторожевой будки, подлѣ Александріи.

Мы дружили и чаще всего проводили вечера въ полку съ Ив. Ѳ. Тутолминымъ, Ѳ. М. Климовымъ, Ип. Ип. Бларамбергомъ, Ѳ. Н. барономъ Криденеръ и А. М. Пильсудскимъ. Послѣдній былъ богато одаренъ музыкальными способностями и отлично владѣлъ скрипкою и фортепіано.

Я любилъ слушать разсказы старшихъ офицеровъ, какъ В. П. Крейтера и А. М. Лаврова, у котораго мы сходились.

Крейтеръ былъ живая полковая хроника, онъ прекрасно разсказывалъ подвиги полка на поляхъ брани и бытовыя картинки.

Въ то время еще не остыло вниманіе къ дуэли Поливанова съ Гербелемъ 2.

По словамъ очевидца, ротмистра Михаила Николаевича Дохтурова, дуэль эта произошла слѣдующимъ образомъ:

Полкъ, во время маневровъ на дневкѣ, стоялъ бивуакомъ подлѣ села. Гербель 2-й съ Дохтуровымъ собирались въ церковь. „Возьмемъ съ собой Поливанова“, обратился къ нему Гербель, и оба вошли въ его палатку.

Поливановъ брился. Гербель, шутя, подтолкнулъ его подъ локоть, сказавъ: „Кончай бриться, пойдемъ въ церковь“.

— Терпѣть не могу такихъ шутокъ,—отвѣчалъ Поливановъ и въ сердцахъ отмахнулъ руку Гербеля на столько сильно, что отмахъ коснулся лица Гербеля, но не ладонью, а наружной стороной руки.

Такъ бы дѣло и кончилось между ними, потому что они были пріятелями и не придали значенія чистой случайности.

Однако же, черезъ день, черезъ два, пошелъ слухъ, будто Гер-

бель получилъ пощечину, находили дуэль неизбѣжной, и она была рѣшена, такъ какъ нельзя было отрицать нанесенія удара по лицу.

Начали приглашать секундантовъ.

Гербель хотѣлъ обратиться къ Дохтурову и съ этимъ желаніемъ вошелъ къ нему въ палатку въ то время, когда у него сидѣлъ старшій братъ Гербеля флигель-адъютантъ Данила Гербель.

Увидя брата, Гербель, мгновенно вышелъ, сказавъ: „зайду послѣ". Самъ же отправился къ Чевкину и засталъ тамъ Поливанова, тоже предложившаго Чевкину быть его секундантомъ. Сговорились, что Чевкинъ будетъ одинъ секундантъ у обоихъ.

Гербель близорукій, никогда не стрѣлявшій изъ пистолета, выстрѣлилъ первымъ и попалъ выше живота въ Поливанова, который выстрѣлилъ уже раненымъ и, конечно, не попалъ, а стрѣлялъ онъ настолько мѣтко, что убивалъ на стѣнѣ муху.

Нѣкоторые офицеры слѣдили за дуэлистами, и когда Поливановъ упалъ, то по первому же взгляду было видно, что надо припасать хорошаго хирурга. Двое вскочили на лошадей, изъ которыхъ одинъ—Дохтуровъ сѣлъ на пристяжную и пустилъ вскачь.

Дорога послѣ дождя была грязная, вскорѣ онъ былъ весь забрызганъ и въ такомъ видѣ попался навстрѣчу командиру корпуса, Цесаревичу Александру Николаевичу, ѣхавшему съ Цесаревною въ колескѣ.

— Откуда ты въ такомъ видѣ?—спросилъ Цесаревичъ.

— Спѣшу за докторомъ, такъ какъ одинъ изъ офицеровъ расшибся,—отвѣчалъ Дохтуровъ.

— И это дѣйствительно такъ?—переспросилъ Цесаревичъ. Дохтуровъ подтвердилъ.

— Ну, такъ поворачивай назадъ къ моему доктору Енохину, привези его по моему приказанію къ разбившемуся, и чтобы ѣхалъ немедля.

Енохинъ пріѣхалъ, но засталъ Поливанова уже оперированнымъ хирургомъ, котораго привезъ другой поскакавшій офицеръ.

Оказалось, что пуля пробила сюртукъ, жилетъ, нижнее бѣлье, вогнавъ въ животъ куски сукна, жилета и бѣлья.

Гербель и Поливановъ были разжалованы въ рядовые на Кавказъ и зачислены въ разные полки, но Поливановъ долго болѣлъ, а затѣмъ безъ всякихъ послабленій исполнялъ службу рядового и участвовалъ въ нѣсколькихъ извѣстныхъ экспедиціяхъ; Гербелю, какъ слабому и болѣзненному, дѣлали нѣкоторыя послабленія.

Оба были помилованы передъ Крымской войной съ возвращеніемъ чиновъ.

Поливановъ прибылъ въ полкъ и принялъ эскадронъ, но скоро вышелъ въ отставку и вновь былъ принятъ на службу Великимъ Княземъ главнокомандующимъ въ Турецкую войну 1877—78 года, и назначенъ вторымъ комендантомъ главной квартиры.

Гербель же отправился прямо въ Севастополь, былъ раненъ, попался въ госпиталь, гдѣ заразился тифомъ отъ раненаго сосѣда и умеръ.

Дуэль эта, вызванная случайностью, безъ злобы, была вынужденная, какъ дань взгляду, преобладавшему среди дворянскаго и офицерскаго общества, на неприкосновенность лица, требовавшую смытія кровью, хотя бы случайное къ лицу прикосновеніе.

Не были также забыты продѣлки Якова Николаевича Волкова, брата нашего командира Петра Николаевича.

Волковъ былъ больше извѣстенъ подъ именемъ Яшки, и шалости его въ духѣ того времени нельзя было назвать злыми.

Такъ, однажды, гуляя съ товарищами въ ожиданіи проѣзда Императрицы, они подошли къ шлагъ-бауму на дорогѣ изъ Петербурга.

Волковъ сѣлъ верхомъ на бревно, а товарищи отпустили цѣпь, и шлагъ-баумъ поднялся съ Волковымъ на концѣ. Изъ угла въ это время выѣхалъ экипажъ съ Императрицей Александрой Ѳеодоровной, которая знала Волкова и только пригрозила ему пальцемъ, а Яшка приложился и сталъ молить: „ради Бога, Ваше Величество, не говорите Государю, что меня видѣли въ такомъ положеніи“.

Какъ-то Волковъ разсердился на своего булочника, а въ то время каждая булочная имѣла въ нижней оконной рамѣ мѣдную форточку, называвшуюся васъ-исъ-дасъ; онъ набралъ отрядъ уличныхъ мальчишекъ, приказалъ одному изъ нихъ раннимъ утромъ постучать въ форточку и скрыться, затѣмъ повторить это нѣсколько разъ, пока булочникъ не выглянетъ,—тогда накинуть ему на шею петлю и вытянуть изъ форточки, а отряду мальчишекъ справа по одному брать барьеръ черезъ натянутую веревку.

Мальчишки все въ точности исполнили.

Булочникъ свирѣпѣлъ, ругался и не былъ въ состояніи что-либо сдѣлать, а Волковъ явился избавителемъ, перерѣзалъ веревку и разогналъ мальчишекъ при веселомъ смѣхѣ прохожихъ.

Аркадій Михайловичъ Лавровъ былъ большой оригиналъ. Остроумный, начитанный, онъ любилъ говорить и вносилъ большое оживленіе въ общество.

Лавровъ отличался особымъ выговоромъ, произносилъ „въ“, какъ „ф“, „вотъ“—слышалось какъ „фотъ“; вмѣсто „б“—„п“, а „д“ какъ „т“.

Ему ничего не стоило сегодня съ жаромъ доказать одно, а черезъ день—противоположное.

Однажды кто-то изъ насъ его остановилъ: „Аркадій Михайловичъ, что же это такое? Вчера вы были совершенно противоположнаго взгляда на обсуждаемый вопросъ?“

— Что-жъ, патюшка, это прогрессъ въ мысляхъ, чему вы удивляетесь? По-вашему надо застыть въ своихъ сужденіяхъ, а по-моему мысль должна искриться, какъ шампанское.

Къ Лаврову пріѣхалъ изъ Вологодской деревни отецъ. Аркадій Михайловичъ черезъ малое время сталъ у него просить денегъ. Старикъ отказалъ. Они пошли гулять по Невскому; Лавровъ повторилъ просьбу:

— Что же, патюшка, тайте пятьсотъ рублей.

— Нѣтъ, Аркаша, не могу.

— Такъ не татите?

— Нѣтъ, сказалъ: не могу.

— Городовой!—крикнулъ Лавровъ.

— Что ты, Аркаша, городового зовешь, зачѣмъ это?

— Вотъ, фы денегъ не хотите тафать, такъ я фасъ оттамъ горотофому,—и, обращаясь къ послѣднему, произнесъ:

— Городовой, фозьми этого штатскаго въ участокъ, онъ меня терзитъ, я самъ объяснюсь съ пристафомъ.

Старикъ повѣрилъ, испугался и согласился дать, что сынъ просилъ.

Однажды на маневрахъ Аркадій Михайловичъ сидѣлъ на конѣ и перечитывалъ письмо съ недовольнымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Отъ кого это вы получили письмо? спросилъ я его, да еще здѣсь?

— Отъ madame Скалонъ.

— Какъ отъ madame Скалонъ! удивленно воскликнули мы вмѣстѣ съ братомъ, какая это Скалонъ, съ которой вы въ перепискѣ?

— Это моя сестра, вдова Юрія Степановича Скалона.

— Какъ сестра! Вы никогда не говорили, что у васъ есть сестра, которая была замужемъ за Юріемъ Степановичемъ Скалонъ, а вотъ ужъ три года, какъ мы съ вами хлѣбъ-соль водимъ.

— Я ей долженъ, отвѣчалъ Лавровъ, и не желалъ ее вспоминать. Вотъ она опять спрашиваетъ свои деньги, придется отдать.

Со временемъ, года черезъ два мнѣ пришлось принять участіе въ сынѣ его сестры Степанѣ Скалонъ и его внукѣ Василіи, но Лавровъ для нихъ кромѣ зла ничего не дѣлалъ.

Послѣ полковника Воронцова, никогда не прибѣгавшаго въ эскадронѣ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, а командовавшаго, развивая со-

знаніе своего достоинства у людей,—Лавровъ послѣ него сталъ ихъ унижать, ругать, изводить требованіями и придирками и достигъ того, что эскадронъ строемъ пошелъ приносить жалобу командиру полка и ослушался старшаго полковника В. П. Крейтера, который до прибытія командира полка ихъ останавливалъ и приказывалъ возвратиться въ казармы, но они ослушались.

Люди пострадали, были раскассированы по армейскимъ полкамъ и частью сосланы въ арестантскія роты. Затѣмъ изъ другихъ гвардейскихъ частей были собраны люди, и вновь сформированъ 4-ый эскадронъ.

Во время этой исторіи я былъ въ академіи и очень жалѣлъ нашихъ людей, доведенныхъ до крайности придирками Лаврова и вахтмистра Шандры; по незнанію они нарушали основное требованіе воинской службы „не дѣйствовать скопомъ".

Лавровъ номинально былъ оставленъ командиромъ эскадрона, но вскорѣ упалъ съ лошади, зашибъ ногу и уволился въ отставку.

Эта печальная исторія тяжело отразилась на немъ, онъ сдѣлался угрюмъ, рѣдко выходилъ изъ дома и избѣгалъ нашего общества. Лично я его больше не встрѣчалъ.

Вскорѣ Иванъ Ѳедоровичъ Тутолминъ поступилъ въ академію, Климовъ вышелъ въ отставку, а Бларамбергъ перевелся на какую-то административную должность.

Составъ полка въ младшихъ чинахъ удивительно скоро измѣняется, такъ и нашъ тѣсный кружокъ разсыпался, только съ Криденеръ и Пильсудскимъ я по-прежнему часто видѣлся и дружилъ.

Требованія Его Высочества Великаго Князя Николая Николаевича, назначеннаго командиромъ гвардейскаго корпуса, уже начали вносить въ нашъ конный строй нѣкоторое оживленіе. Мы стали дѣлать строевыя проѣздки по эскадронно и цѣлымъ полкомъ, скакать черезъ барьеры, отвѣчать за свой взводъ, хотя послѣднее было скорѣе номинально и выражалось лишь только знаніемъ по именамъ и прозвищамъ людей своего взвода.

Въ этомъ отношеніи я имѣлъ случай на опытѣ убѣдиться, какъ трудно нарушить установившіяся привычки.

Общество офицеровъ сходилось рѣдко, собирались только на ѣзду, полковой праздникъ и проводы товарищей. Въ лагеряхъ стояли по эскадронно и довольствовались артелями, при чемъ лѣто обходилось, глядя по артели, отъ 250 до 600 р.

Самый скромный былъ 3-й эскадронъ; самый роскошный 1-й; во 2-мъ процвѣтала ѣда; въ моемъ 4-мъ столовались хорошо, при чемъ въ ходу были преимущественно крѣпкія вина: хересъ, мадера, заурядное красное вино и изрѣдка шампанское.

Михаилъ Петровичъ Варенцовъ былъ замѣчательно умный и начитанный человѣкъ и необыкновенно выносливый на вино, которое только слегка его оживляло.

Верстахъ въ двухъ отъ Терелева лежитъ деревня Русское Капорское, въ которой стояли лейбъ-гусары. Иногда мы ходили другъ къ другу въ гости.

Однажды, до моего прихода, за попойкой поспорили. Михаилъ Петровичъ предложилъ пари на двѣ тысячи рублей, что выпьетъ шесть бутылокъ шампанскаго и проскачетъ шесть верстъ. Между Терелевомъ и Капорскимъ отмѣрили версту; на концахъ поставили осѣдланныхъ лошадей. Михаилъ Петровичъ выпивалъ бутылку, скакалъ версту, выпивалъ слѣдующую—опять скакалъ версту; передъ послѣдней бутылкой онъ предложилъ помириться въ проигрышѣ на половину, то есть на тысячу рублей.

Но противная сторона не согласилась, тогда онъ выпилъ послѣднюю бутылку, проскакалъ версту и свалился безъ памяти.

Проболѣвъ двое сутокъ, онъ совершенно оправился. Пари имъ было выиграно.

Время за завтракомъ и обѣдомъ у насъ проходило незамѣтно. Варенцовъ, Лавровъ, Петръ Карловичъ Зейфертъ были интересные собесѣдники.

Вопросы служебные, соціальные, правительственные, внѣшніе—все обсуждалось.

П. К. Зейфертъ окончилъ по первому разряду лицей, поступилъ на гражданскую службу, потомъ въ Павловскій полкъ и 7-го декабря былъ переведенъ къ намъ для совмѣстной службы съ братомъ Николаемъ Карловичемъ.

Къ сожалѣнію, Петръ Карловичъ былъ алкоголикъ, и я могъ убѣдиться въ печальныхъ послѣдствіяхъ этой ужасной болѣзни, парализующей волю самаго разумнаго человѣка.

Меня не заставляли пить, напротивъ—Варенцовъ совѣтовалъ мнѣ не упускать времени и заняться чтеніемъ военныхъ писателей.

Я взялъ комментаріи Юрія Цезаря и читалъ ихъ въ свободные часы. Между строевыми занятіями мы навѣщали товарищей другихъ эскадроновъ.

Зимой полкъ ходилъ въ Петербургъ на парады. Мы останавливались въ Ямской у Глазова кабака. Переходъ совершался обыкновенно шагомъ; пройдя верстъ семь, слѣзали и вели лошадей въ поводу; въ рысь никогда не переходили.

У Сергіевской пустыни была первая продолжительная остановка, подтягивали подпруги, оправлялись, а офицеры заходили въ заго-

родный ресторанъ, расположенный противъ монастыря, пили водку и закусывали.

Слѣдующій привалъ бывалъ у Краснато кабачка, пройдя, такъ называвшуюся нами, Чортову долину, потому что на этой прогалинѣ, открытой къ морю, часто свирѣпствовалъ сильный вѣтеръ, а при морозѣ руки и ноги коченѣли; въ особенности же доставалось лицу, когда навстрѣчу неслась злая обледеница. Однажды она была такъ сильна,—какъ Новороссійская бора, что мы сплошь были покрыты слоемъ льда и совершенно уподобились фигурамъ ледяного дома временъ Императрицы Анны.

Офицерамъ отводилось помѣщеніе на постояломъ дворѣ, на углу Глазовой улицы, который содержала почтенная старушка—Завитаиха, душевно привязанная къ полку. Она знала большинство офицеровъ и принимала насъ всегда радушно, угощая кулебякою и чаемъ.

Лѣтомъ она ежегодно паломничала въ Коневецъ, Валаамъ, къ Пятницѣ, при чемъ возносилась ея молитва и вынимались части за здравіе лейбъ-уланъ.

При Императорахъ Николаѣ I и Александрѣ II въ Крещеніе иногда бывалъ наружный парадъ.

Войска стояли въ колоннахъ на Дворцовой площади; церковное шествіе выходило изъ главныхъ воротъ и проходило среди войскъ, мимо Александровской колонны, черезъ разводную площадку на набережную, къ Іордани.

Однажды мы вышли при 3-хъ градусной оттепели, а возвратились съ 18° морозомъ.

Многіе обморозились, въ особенности пострадали полковые адъютанты, шествующіе передъ штандартомъ и знаменами съ рукою подъ козырекъ.

Адъютантъ Л.-Г. 1-го стрѣлковаго баталіона потерялъ руку, которую пришлось ампутировать.

На одномъ изъ зимнихъ парадовъ мы стояли на концѣ бульвара, въ ожиданіи Царскаго объѣзда дано было „вольно“, шелъ разговоръ.

— Это кто на углу стоитъ съ мечемъ, говорилъ какой-то уланъ.

— Должно быть, апостолъ Павелъ,—отвѣчаетъ уланчикъ изъ молодыхъ.

— Ишь, неучъ! Слышу раздраженный голосъ стараго служаки. — Апостолъ Павелъ! Развѣ не видишь кто?

— Кто же? Кто? Коль не апостолъ Павелъ?

— Кто? Кто?—слышатся разные голоса.

— Суворовъ!—наставительно объявляетъ шевронистъ.

Вотъ гдѣ сказалась душа стараго служаки. Я не нарушилъ его авторитета, и для меня съ той поры изваяніе это стало Суворовымъ.

Въ 1861 году я поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, которую окончилъ въ 1863 году.

Въ академіи я внимательно слушалъ лекціи Генриха Антоновича Леера, Михаила Ивановича Драгомирова, Богдановича, Н. Н. Обручева, Квиста, Максимовскаго, Эгерштрома, но былъ влюбленъ, а послѣднее обстоятельство очень отвлекало меня отъ усидчивыхъ занятій на дому.

Въ академіи многихъ изъ насъ отравляла обязательность астрономіи и геодезіи, со всѣми ихъ сложными выводами и формулами.

Эти предметы намъ читалъ полковникъ Галензовскій, который, входя въ кругъ польскихъ революціонеровъ, съ Огрызкой и Сѣраковскимъ во главѣ,—въ одинъ прекрасный для насъ день бѣжалъ до лясу, а его замѣнилъ уважаемый капитанъ Штубендорфъ, который по нашей просьбѣ согласился продолжать чтеніе этихъ предметовъ, избѣгая сложныхъ вычисленій.

Галензовскій, читая, обыкновенно заканчивалъ свои вычисленія фразою: „а дальнѣйшіе выводы прошу принять на вѣру, т. к. они требуютъ знаній высшей математики“.

Мы упросили Штубендорфа читать безъ сложныхъ вычисленій, обѣщая принимать на вѣру все, что онъ укажетъ.

Между тѣмъ на майскомъ парадѣ Государемъ поздравлены лейбъ-уланы съ походомъ.

Полкъ черезъ сутки уже снова былъ въ Петербургѣ, и эскадроны, одинъ за другимъ, были посажены въ поѣзда и отправлены въ Литву.

Уходъ полка подѣйствовалъ на меня удручающе.—Все возмущалось во мнѣ: товарищи въ походѣ, въ полѣ, на коняхъ,—а я вмѣсто того, чтобы сидѣть верхомъ на рыжемъ конѣ, скакать по полямъ, дышать свѣжимъ воздухомъ, вглядываться въ мѣстность, выслѣживать и биться съ врагами,—сижу скрюченный надъ книгами и записками.

А часто ли, думаю, бываютъ войны! Сидя за указкою легко пропустить рѣдкій случай въ молодыхъ годахъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, и доживешь такимъ образомъ до зрѣлаго возраста, не понюхавъ пороху, и не пріобрѣтя боевого крещенія въ то время, какъ товарищи въ правѣ будутъ гордиться пріобрѣтеннымъ боевымъ опытомъ,—ты останешься при теоретической умозрительности.

Долженъ сказать, что на человѣка, посвятившаго себя военной

службѣ, одно слово „походъ“ производитъ какое-то упоительное впечатлѣніе и дѣйствіе. Съ походомъ поздравляютъ воинскія части, какъ съ торжествомъ, или праздникомъ.

„Съ походомъ! съ походомъ!“ поздравляютъ другъ друга товарищи, приходя при этомъ словѣ въ возбужденное настроеніе.

Все это оттого, что походъ и надежда на боевыя встрѣчи возвышаютъ духъ; къ тому же на войнѣ совершается то самое дѣйствіе, къ которому въ долгіе годы мирной работы только подготовляются; наконецъ, на войнѣ пріобрѣтается слава полка и выступаетъ геройство отдѣльныхъ лицъ.

По счастью, Богъ войны сжалился надо мной: намъ было предложено удовольствоваться правами 2-го разряда и быть выпущенными изъ академіи, если сдадимъ всѣ установленныя практическія занятія.

Выпускъ и сборы въ походъ были непродолжительны.

Спустя двѣ недѣли съ ухода полка, я уже въ походной формѣ сидѣлъ въ вагонѣ и догонялъ полкъ, который еще не успѣлъ вступить въ дѣйствіе и находился въ Динабургѣ, что нынѣ Двинскъ.

Я былъ преисполненъ счастьемъ; все мнѣ представлялось прекраснымъ, а главное то, что въ этой жизни мнѣ уже не придется болѣе держать экзаменовъ и терять время не изученіе предметовъ, къ которымъ не чувствуешь расположенія; наконецъ, въ дальнѣйшемъ можешь заниматься преимущественно лишь тѣмъ, что тебя привлекаетъ.

Дмитрій Скалонъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ автобіографіи маленькаго человѣка.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Отдавая печати отрывки изъ автобіографіи, которую друзья мои упросили меня написать, я преимущественно хотѣла остановиться на моей литературной дѣятельности, главнымъ образомъ посвященной мною дѣтямъ, начавъ ее съ дѣтскаго разсказа, помѣщеннаго въ журналѣ „Дѣтское чтеніе“ въ 1873 году.

Появленіе въ печати этого перваго моего разсказа произошло случайно,—о чемъ я разскажу своевременно,—но, встрѣченное успѣхомъ, оно было первымъ камнемъ, къ которому я, мало по малу, стала прикладывать другіе, созидая не храмъ, а небольшой очагъ, у котораго хотѣла погрѣть маленькія сердца, всегда любимыхъ мною, дѣтей, которымъ, въ продолженіе слишкомъ тридцати лѣтъ и отдала мое скромное перо. Года три-четыре тому назадъ, нѣкоторые изъ членовъ Комитета Литературно-музыкальнаго кружка, при Женскомъ Обществѣ,—въ которомъ и я состояла членомъ,—узнавъ, случайно о столь продолжительной моей литературной дѣятельности, задумали отпраздновать якобы мой юбилей. Но я рѣшительно его отклонила, опираясь на неподходящее вообще для празднествъ время,—по случаю грустныхъ событій войны,—и совсѣмъ не симпатизируя такимъ оффиціальнымъ торжествамъ; и тутъ же я вспомнила о другомъ юбилеѣ, бывшемъ для моего сердца несравненно пріятнѣе.

25 марта нынѣшняго года, „Русское Женское взаимно-благотво-

рительное Общество",—гдѣ я, какъ его членъ, съ удовольствіемъ работаю съ его основанія,—по иниціативѣ почетнаго члена общества А. П. Философовой, предсѣдательницы совѣта общества А. Н. Шабановой и редактора-издательницы журнала „Игрушечка" А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой, къ чему съ полнымъ сочувствіемъ отнеслись другіе члены общества,—отпраздновали мою, совершившуюся въ этомъ году, 35-лѣтнюю литературную и общественную дѣятельность, самымъ трогательнымъ,—въ стѣнахъ помѣщенія общества,—семейнымъ праздникомъ, оставившимъ во мнѣ незабвенное воспоминаніе! Поднесенный отъ членовъ общества бюваръ, съ замѣчательно-художественной серебряной отдѣлкой, вмѣщалъ въ себѣ самый лестный для моей дѣятельности адресъ, украшенный превосходнымъ рисункомъ—даромъ сердечно-соединяющей насъ дружбы, нашей высоко-талантливой художницы Е. М. Бемъ.

Это было въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда я, кромѣ прежнихъ дѣтскихъ журналовъ, какъ „Дѣтское чтеніе" и „Семейные вечера", уже участвовала въ журналѣ „Игрушечка", начавъ мою тамъ дѣятельность съ первыхъ нумеровъ его появленія въ свѣтъ, тогда же дружески сойдясь съ его создательницей, Татьяной Петровной Пассекъ, съ которой непрерывно работала до самой ея смерти [1]). Это было лѣтомъ. Татьяна Петровна жила на дачѣ въ Лѣсномъ, гдѣ я, до моего отъѣзда въ Крымъ, часто ее навѣщала. Въ то время въ „Игрушечкѣ" шелъ мой длинный разсказъ „Нашъ домъ", имѣвшій, какъ я слышала, большой успѣхъ между маленькими читателями.

— Знаешь, другъ сердечный,—сказала мнѣ Татьяна Петровна, въ одинъ изъ моихъ къ ней пріѣздовъ: у насъ здѣсь, на дворѣ, въ одной дачѣ, дѣти живутъ; страсть, какъ любятъ твои вещи читать и особенно въ восторгѣ отъ твоей повѣсти „Нашъ домъ". Узнали, что ты у меня бываешь,—Христомъ Богомъ умоляли, чтобы я за ними послала, какъ ты ко мнѣ пріѣдешь!

И онѣ пришли—эти двѣ милыя дѣвурочки. Робко приблизясь ко мнѣ, онѣ поочереди вскинули ручки мнѣ на шею и нѣжно, прямо въ губы поцѣловали; а затѣмъ нѣсколько минутъ стояли передо мной, устремивъ на меня, съ ласковой улыбкой, свои ясные глазки. И какъ я была счастлива, отъ сознанія, что я могу прямо смотрѣть въ эти ясные, довѣрчивые глаза; думать, что я не заронила ничего дурного въ чистыя сердца „малыхъ сихъ", которымъ посвятила мое скромное перо, согрѣтое той теплотой, что вынесла

---

[1]) Моя подробная о ней статья: „Т. П. Пассекъ"—была помѣщена въ журналѣ „Русская Старина" въ февралѣ 1890 г.

изъ своего домашняго очага, счастливыхъ дѣтей честной, патріархальной семьи! Помню, какъ разъ, покойный Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, въ отвѣтъ на посланную мною ему статейку, писалъ слѣдующее:

„Сердечно благодарю васъ за присланную брошюрку; я уже читалъ ее [1]),—но съ удовольствіемъ прочту еще разъ. Мнѣ кажется, вы ошибаетесь, предполагая, что у присяжнаго литератора эти воспоминанія вышли бы лучше. Въ произведеніяхъ этого рода цѣниться всего выше: искренность и теплота чувства,—а этого у васъ не занимать стать".

Эту же лестную аттестацію слышала я и отъ почтеннаго Виктора Петровича Острогорскаго, съ которымъ мнѣ много пришлось поработать въ тѣ многіе годы, въ продолженіе которыхъ я, съ 1873 г. и до перемѣщенія журнала въ Москву, писала въ „Дѣтскомъ чтеніи". И вотъ, повторяя, что эту теплоту, приписанную моему перу, я пріобрѣла у своего дѣтскаго очага, я и хочу слегка,—въ моихъ отрывкахъ, затронуть мои дѣтскіе годы и вынесенныя изъ нихъ воспоминанія.

I.

Я родилась въ г. Уфѣ, меньшой въ семьѣ, состоявшей до меня изъ шести человѣкъ: трехъ сыновей, изъ которыхъ старшій, въ годъ моего рожденья, былъ уже офицеромъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, и трехъ дочерей.

Мнѣ не было еще года, когда отецъ получилъ мѣсто предсѣдателя губернскаго суда въ г. Тобольскѣ; и въ этомъ положеніи, часто за отсутствіемъ губернатора, исправляя его должность, могъ вполнѣ показать свою гуманность и былъ благословляемъ тѣми несчастными ссыльными, дѣла которыхъ проходили черезъ его руки; а нашъ домъ былъ теплымъ очагомъ для тѣхъ интеллигентныхъ поляковъ, которые,—послѣ возстанія 1831 года, окончивъ свое тяжелое наказаніе, жили на поселеніи въ Тобольскѣ.

Сохранивъ воспоминанія съ четырехъ-лѣтняго возраста, я живо помню и симпатичнаго графа Валицкаго, когда-то блестящаго богача-аристократа, имѣвшаго свои оркестры, а теперь довольствовавшагося мѣстомъ капельмейстера одного оркестра и дававшаго уроки фортепьянной игры, въ томъ числѣ и моей старшей сестрѣ, отдыхая душой въ нашей теплой семьѣ, какъ въ родной. Помню

---

[1]) Въ журналѣ, гдѣ она была напечатана (именно „Русская Старина").

милаго, веселаго старичка, графа Мархоцкаго, вѣчно возившагося съ нами, дѣтворой, забывая среди нашихъ ласкъ свои невзгоды и далекую семью. Моей няней была тоже полька, панни Терлецкая, дворянка-помѣщица, державшаяся у насъ въ домѣ на „господской ногѣ“. Любила она меня до обожанія; учила пѣть польскія пѣсни и нерѣдко водила съ собою въ костелъ, гдѣ, въ подражаніе ей, я усердно била себя кулачкомъ въ грудь. Мои родители, глубоко религіозные, но широко смотрѣвшіе на религію,—ничего противъ этого не имѣли; тѣмъ болѣе, что это нисколько не мѣшало мнѣ также усердно класть поклоны во время нашихъ домашнихъ молебновъ и всенощныхъ, справлявшихся на всѣ большіе праздники и обставлявшихся очень торжественно; тѣмъ болѣе, что къ намъ нерѣдко пріѣзжалъ, очень любившій отца, архіерей. Молельщиковъ на этихъ службахъ всегда было много; такъ какъ, кромѣ нашей семьи и нѣкоторыхъ знакомыхъ, тутъ присутствовала бо́льшая часть нашихъ дворовыхъ; а ихъ у насъ, съ дѣтьми было тридцать человѣкъ.

Не могу не упомянуть, при этомъ, о той гуманности, съ которой отецъ и мать относились къ прислугѣ; гуманности, на которую нужно было особенно указывать въ это время крѣпостнаго права! Мы, дѣти, тоже были очень ласковы и вѣжливы съ прислугой и дружили съ дворовыми ребятишками. Къ характеристикѣ отца и матери прибавлю, что они были не только по тому времени,—но и опередивъ его,—образованные люди; очень начитанные, съ либеральными взглядами. Отецъ былъ друженъ съ Сперанскимъ, съ которымъ былъ въ перепискѣ. При всей своей серьезности, онъ умѣлъ быть и шутливо-острымъ, иногда пописывая и стишки. Мать была замѣчательной красавицей и была очаровательна въ обществѣ, что сохранила до старости. Помню ее, стоящую передъ огромнымъ трюмо, въ массивной рамѣ изъ краснаго дерева,—готовую ѣхать на балъ. Помню голубой бархатный уборъ, въ видѣ тюрбана, перевитый бѣлыми бусами, и легкую, тонкой работы, фероньерку, положенную посреди лба, и длинныя, грушевидныя брильянтовыя серьги въ ушахъ. Мы стоимъ кругомъ нея и любуемся ею и гордимся ею и чувствуемъ, что она все же наша, и что, вернувшись съ бала, она непремѣнно зайдетъ къ намъ въ спальни, и всѣхъ перекреститъ, въ нашихъ бѣленькихъ кроваткахъ и каждому сунетъ подъ подушку гостинчикъ! И когда, сквозь сонъ слышишь, этотъ тихій, какъ вздохъ, шелестъ ея шаговъ; ощущаешь, какъ она наклонится надъ тобой; сунетъ тихо-тихо, руку подъ подушку; лѣнь пробудиться совсѣмъ; и такъ хорошо тебѣ въ этомъ полу-бытіи и сознаніи, что тебя любятъ!..

Наша семья была совершенно типомъ патріархальной русской семьи того времени, со всѣми ея традиціями. У насъ соблюдались всѣ исконные, старинные обычаи, вошедшіе въ плоть и кровь. Весь великій постъ мы постились, даже дѣти, при чемъ первую, четвертую и послѣднюю недѣлю даже безъ рыбы. Въ среду на четвертой—„крестопоклонной“, недѣлѣ,—у насъ пеклись изъ здобнаго, на постномъ маслѣ, тѣста, кресты, во внутренность одного изъ нихъ запекался серебряный пятачекъ; и съ какимъ трепетомъ сердца и осторожностью, каждый взламывалъ свой крестъ и какъ счастливъ былъ нашедшій его у себя счастливецъ! Въ день начала весны, девятаго марта,—пекли у насъ, изъ такого же тѣста жаворонковъ; при чемъ дѣлали матку съ широкими, растопыренными крыльями, на каждомъ изъ которыхъ лѣпились крошечные—жаворонята. Съ этими жаворонками въ рукахъ, мы бѣгали по комнатамъ, дружно выкрикивая: „жаворонки прилетѣли“!

Въ вербную субботу, тѣ вербочки, съ которыми стояли у всенощной, приносились домой, и ими тихонько похлопывали дѣтей по спинѣ, приговаривая: „Верба хлестъ, бей до слезъ, на доброе здоровье“! А въ великій четвергъ, послѣ стоянія у всенощной, за чтеніемъ двѣнадцати Евангелій,—старались донести съ огнемъ свѣчи, чтобы отъ этого огня зажечь теплившіяся передъ образами лампады, которыя передъ тѣмъ нарочно тушили. Страстная недѣля была посвящена приготовленіямъ разныхъ пасхальныхъ снадобій, въ разнообразіи и огромномъ количествѣ, какъ для господъ, такъ и для дворни. Мы, дѣти, изощрялись въ крашеніи яицъ, употребляя: разноцвѣтные лоскутки, луковыя перья, листья березовыхъ вѣниковъ, синюю сахарную бумагу и пр. Большинство яицъ красили краснымъ сандаломъ, такъ какъ позднѣйшихъ, разноцвѣтныхъ красокъ и порошковъ тогда еще не существовало. Катанье яицъ на Пасхѣ у насъ практиковалось.

Коснувшись игръ, скажу, что мы вообще любили игры и не гнушались ими, какъ большинство нынѣшнихъ дѣтей. Мы, дѣвочки, очень любили и долго играли въ куклы, пріучаясь на нихъ и шить; изощряя свой вкусъ, въ отдѣлкѣ ихъ комнатъ, или устройствѣ ихъ садовъ, на окошкахъ, намъ для того отводимыхъ. Вмѣстѣ съ братьями или съ приходившими къ намъ маленькими гостями, мы заводили болѣе шумныя игры, какъ: „Весь туалетъ“,—„жмурки“,—„веревочка“, „кошка и мышка“, „краски“ и пр. А затѣмъ игра въ „дорогу“, когда изъ опрокинутыхъ стульевъ устраивались сани, въ которыя, предварительно сильно закутавшись, усаживалась дорожная семья. Кучеръ очень искусно управлялъ тройкой, изображаемой тоже стульями, при чемъ, подгоняя ихъ, исправлялъ и должность бубенчи-

ковъ, звонко выкрикивая: „динь-делнь-динь, делнь-динь, динь-динь“. Самый интересъ заключался въ дорожныхъ происшествіяхъ, причемъ фантазія разыгрывалась самымъ разнообразнымъ проявленіемъ!

Что еще нами сильно любилось, помимо удовольствія развивая и фантазію,—то были сказки, особенно когда ихъ разсказывала мамаша, имѣвшая особенный даръ вкладывать въ нихъ, помимо поэзіи, много таинственнаго и сердечнаго! Сколько слезъ пролили мы, слушая раздирательные вопли братца „Алешеньки“, взывавшаго къ сестрицѣ „Аленушкѣ“: „Кипятъ котлы кипучіе, точатъ ножи булатные“... Съ какимъ интересомъ слѣдили мы за похожденіемъ „Пирожка-колобка“, что былъ: „На маслѣ печенъ, на сметанѣ мѣшенъ“... Сколько было смѣху при всѣхъ неудачахъ „Ивана-дурачка“, не смотря на его глупость, искренне нами любимаго! А тамъ вставали другія: „Котъ въ сапогахъ“,—„Милонѣга-бѣлоручка, васильковый глазокъ“,—„Мальчикъ съ пальчикъ“,—„Семь симеоновъ“,—„Конекъ-Горбунокъ“,—авторъ котораго былъ хорошо знакомъ моимъ родителямъ и пр.

На меня особенное, совсѣмъ отличное отъ другихъ сказокъ, впечатлѣніе, производила одна, названіе которой, также какъ и ея подробное содержаніе,—я не помню. Помню только, что была въ ней рѣчь о странствіяхъ какого-то витязя; и въ этихъ странствіяхъ большую роль,—какъ бы непремѣнный припѣвъ,—играла фраза, произносимая мамашей особенно таинственно, немного на-распѣвъ: „Я-асно, ясно небо чи-и-стое... Ѣдетъ, ѣдетъ добрый мо-о-лодецъ“!.. Эта фраза охватывала мое маленькое сердце чѣмъ-то грустнымъ и въ то же время таинственнымъ; и вмѣстѣ такимъ поэтическимъ, чего я не могла тогда еще понять, ни оцѣнить, но что инстинктивно затрогивало фантазію и манило вдаль и въ-высь; что было схоже съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое гораздо позже произвела на меня картина Васнецова „На распутьи“... И я потомъ, уже лежа въ своей бѣленькой постелькѣ, еще думала объ этомъ „добромъ молодцѣ“... Въ моемъ воображеніи такъ ясно рисовался его темный силуэтъ на ясномъ, еще окрашенномъ желтымъ закатомъ вечернемъ небѣ, и я засыпала, отъ души пожелавъ ему добраго пути!..

II.

Теперь мнѣ придется упомянуть еще о нашихъ праздничныхъ увеселеніяхъ и прежде всего о елкѣ, которая бывала всегда въ сочельникъ.

Въ этотъ день мы постились „до звѣзды“ (такъ же, какъ въ кре-

щенскій—„до воды“, т. е. до тѣхъ поръ, пока не выпивали принесенную, послѣ освященія въ церкви воду). Проголодавшись, мы, дѣти, бывало безпрестанно подбѣгали къ окну посмотрѣть: не появилась ли на небѣ звѣзда?—Радостно превозгласивъ ея появленіе, мы затѣмъ садились за обѣдъ, конечно постный, даже безъ рыбы, пирожнымъ, къ которому служили пышки съ медомъ, или леваш-ники съ макомъ.

Всѣ украшенія къ елкѣ дѣлались у насъ дома и были очень незатѣйливы; безъ тѣхъ вычурныхъ гирляндъ и прочихъ пестрыхъ украшеній, только портившихъ красоту деревца. Наша хорошенькая елочка, стоявшая на деревянной подставкѣ, на столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, украшалась только свѣчами и мѣшечками, искусно, самимъ отцомъ, вырѣзанными изъ разноцвѣтной бумаги такимъ образомъ, что они имѣли видъ продолговатыхъ, прозрачныхъ сѣтокъ, наполненныхъ: миндалемъ, изюмомъ, шепталой (называвшейся въ Сибири—урюкомъ) и прочими сладостями. Было и нѣсколько висѣвшихъ, румяныхъ яблочковъ, составлявшихъ въ Тобольскѣ,—при его климатѣ, гдѣ яблоки росли въ оранжереѣ,—большую драгоцѣнность. Подъ елкой, на скатерти, были разложены незатѣйливые, дѣтскіе подарочки, доставлявшіе намъ громадное удовольствіе! Введенные отцемъ въ зало, гдѣ весело свѣтилась наша елочка, мы, раньше чѣмъ подойти къ ней, должны были встать, передъ висѣвшимъ въ углу комнаты, образомъ и, хоромъ, пропѣть рождественскіе гимны. При этомъ нужно замѣтить, что хотя стояли мы чинно, но, кто-нибудь, старательно вытягивая: „Дѣва днесь Пресу-ще-ственнаго рож-да-а-а-етъ“... невольно косился на весело сіявшее деревцо!

На этой рождественской недѣлѣ, или, „святкахъ“ производились особенныя, святочныя игры; какъ: „рубликъ“,—„Курилка-мурилка“ и пр. А тоже святочныя гаданья.

Такъ же патріархально соблюдались у насъ и семейные праздники, дни рожденья и именинъ отца и матери, къ которымъ мы всѣ приготовляли, сообразно своимъ силамъ, подарочки и выучивали стихи. Но этимъ торжество не кончалось и состояло въ вечернемъ спектаклѣ, для чего такъ удобна была наша большая, въ два свѣта, зала, поддержанная толстыми бѣлыми колоннами, ярко освященная и уставленная рядами стульевъ. Гости съѣзжаются рано и размѣщаются передъ тихо-колыхавшейся занавѣсью. Слѣдуетъ музыкальная интермедія, или на роялѣ, стоявшемъ въ залѣ или,—если послѣ спектакля предполагался балъ,—то оркестра, помѣщеннаго на хорахъ. Играли кромѣ нашихъ и другія знакомыя дѣти, а репетиціями завѣдывалъ тотъ изъ родителей, кто не былъ винов-

никомъ торжества, приготовляя сюрпризъ для другого. Конечно, были иногда маленькіе, непридвидѣнные инциденты, какъ напр. слѣдующее. Въ одной пьесѣ, гдѣ братъ Саша игралъ старика, съ роскошной, сѣдой, сдѣланной изъ пакли бородой и устало лежалъ въ лѣсу, составленномъ изъ растеній въ кадкахъ, вынесенныхъ изъ нашей оранжереи;—у него въ корзинѣ лежали, якобы набранные имъ грибы, которые нашъ поваръ, Родивонъ, очень искусно сдѣлалъ изъ тѣста. Но когда почтенный старецъ хотѣлъ показать ихъ маленькой пастушкѣ,—сестрѣ Лизѣ—грибовъ въ корзинѣ не оказалось; такъ ихъ, съ аппетитомъ, скушала, незамѣтно подкравшаяся, собака Дáмка, привлеченная вкуснымъ запахомъ печенаго хлѣба!.. Спектакли эти были первыми проблесками, развившими впослѣдствіи мою страсть къ театру, увлекая то оперными, то драматическими спектаклями. Въ описываемое время, я еще не была готова для театральныхъ ролей, и мой дебютъ, пяти-лѣтней каплюги, состоялъ только изъ русской пляски, въ полномъ русскомъ костюмѣ,—въ красномъ сарафанѣ съ голубой повязкой,—и въ произнесеніи соотвѣтственныхъ случаю стиховъ. Но, этотъ вполнѣ успѣшный дебютъ имѣлъ неудачный финалъ. Упоенная своимъ успѣхомъ, я испросила разрѣшеніе остаться до конца бала, т. е. дождаться ужина, предполагавшагося въ 12 часовъ. Вначалѣ заинтересованная танцами и музыкой, я, подъ конецъ, стала уныло слоняться между бóльшими, все болѣе удаляясь. Заглянула и въ столовую, гдѣ толпа слугъ приготовляла столъ для ужина; кинула полу-сонный взглядъ на соблазнительныя пирамиды разноцвѣтнаго мороженаго и, незамѣтно очутилась въ спальнѣ мамаши, этой уютной, голубой комнатѣ, освѣщенной висячей лампой; съ этимъ нѣжнымъ, бронзовымъ голубкомъ, поддерживавшимъ голубой пологъ кровати и привѣтливо-манившимъ, голубымъ диванчикомъ... Отчего же и не отдохнуть немножко, въ ожиданіи ужина?.. Музыка доносится издали такъ мягко и нѣжно.. Голубокъ, кажется, спускается ниже, прямо ко мнѣ... А лампа немного потускла... Музыка все тише... Голубокъ совсѣмъ слетѣлъ... Тронулъ меня...

— Софичка, пойдемъ баиньки! Дай я тебя раздѣну! Слышу я нѣжный голосъ мамаши...

Я проспала ужинъ!..

Мнѣ не было еще шести лѣтъ, когда мы выѣхали изъ Тобольска. Отцу выходило значительное мѣсто въ Петербургѣ, и онъ, не разсчитавъ, что сильно разстроивъ свое здоровье климатомъ Тобольска, мѣнялъ его не на лучшій,—поспѣшилъ этимъ воспользоваться, имѣя главное въ виду опредѣленіе въ заведеніяхъ Петербурга двоихъ мальчиковъ и желаніе быть тамъ и со старшимъ сыномъ. Для

этого часть пути мы должны были сдѣлать вмѣстѣ; а затѣмъ, онъ, съ мальчиками, двинется прямо въ Петербургъ, а мы, дѣвочки съ мамашей, проѣдемъ въ Уфу, чтобы продать бывшее у насъ тамъ, подъ городомъ небольшое имѣньице и ждать устройства отца въ Петербургѣ.

Можно себѣ вообразить сборы большой семьи, поднимавшейся на далекій путь, съ тѣмъ комфортомъ, безъ котораго трудно было себѣ представить путешествіе того времени: съ прислугой, массой вещей, провизіи; въ нѣсколькихъ тяжелыхъ возкахъ, съ ночевками на станціяхъ и все на лошадяхъ, такъ какъ въ то время въ Россіи не существовало ни одной желѣзной дороги; и при томъ путешествіе зимой, при 40° сибирскихъ морозовъ! За то, какъ хорошо были заморожены пельмени, будто орѣхи, ссыпанные въ мѣшки; и на станціяхъ, разогрѣваемые, ѣхавшимъ съ нами поваромъ, были вкуснѣй и сочнѣй. Въ такомъ же замороженномъ видѣ ѣхали съ нами и щи, которыя, по мѣрѣ надобности, раскалывались топоромъ.

Не буду описывать нашу дорогу, ни первое время пребыванія въ Уфѣ, куда къ намъ пришло тяжелое извѣстіе о кончинѣ въ Петербургѣ отца, застарѣлая болѣзнь котораго быстро развилась въ еще болѣе неблагопріятномъ климатѣ Петербурга;—прямо перейдя къ нашему, по окончаніи всѣхъ въ Уфѣ дѣлъ,—отъѣзду въ Петербургъ и къ одному изъ самыхъ драматичныхъ моментовъ въ моей жизни....

III.

Надо сказать, что насъ, дѣтей, не начинали учить такъ ранѣ, какъ это практикуется съ нынѣшними дѣтьми. Ровно въ шесть лѣтъ, отслуживъ въ самый день рожденья, молебенъ,—на другой же день, наша первая учительница, мамаша, садила ребенка за азбуку; и когда выучивался читать безъ складовъ,—которые были непремѣнны при той методѣ,—то переходилъ къ учителю.

Я, хотя и была бойкой болтушкой, училась лѣниво и ненавидѣла свою толстую азбуку, несмотря на то, что она была въ красной глянцевитой обложкѣ и полна ярко-раскрашенными картинками. Нужно при этомъ замѣтить, что раскраска ихъ была произведена такъ небрежно, что желтыя, синія и красныя полосы совершенно произвольно протягивались черезъ весь рисунокъ; такъ что у Авраама, смиренно приносившаго въ жертву Исаака,—полъ-лица было ярко-синее, дружно сливавшееся съ его синей одеждой

и таковой же бородой; а полъ-лица—кирпично-розовое, захватившее и его встрепанныя кудри. Чтобы избѣгнуть урока, я часто пускалась на всевозможныя выдумки. Разъ даже,—показавъ дремавшій во мнѣ драматическій талантъ, — прикинулась сумашедшей; и до того удачно, что страшно напугала сестеръ, бросившихся къ мамашѣ, съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ. Однако мамаша усомнилась въ разстройствѣ моихъ умственныхъ способностей, и ненавистная азбука появилась въ залѣ, на столѣ. И вотъ, это та самая лѣнь, мѣшавшая моимъ успѣхамъ въ чтеніи и дальше, чѣмъ слѣдовало, державшая на складахъ, и привела меня къ такому моменту, который можетъ быть названъ однимъ изъ самыхъ драматичныхъ въ моей жизни!

Сборы въ Петербургъ сопровождались безконечными о немъ разговорами и разсказами; и я, подъ конецъ, стала воображать себѣ его какимъ-то сказочнымъ Эльдорадо, гдѣ все блистательно-чудесно; гдѣ, почти, какъ въ сказкахъ: въ кисельныхъ берегахъ текутъ медовыя рѣки и сбываются всѣ желанія! Подъ такими впечатлѣніями я, не задолго до нашего, изъ Уфы, отъѣзда, помню себя, въ теплый, августовскій день, стоящую на зеленомъ дворѣ нашего дома, любопытно слѣдя за работой мастера, отдѣлывавшаго заново карету, предназначавшуюся собственно для насъ. Еще разъ проведя артистической кистью по блестѣвшей, какъ зеркало, лакированной поверхности экипажа,—мастеръ, съ гордостью, отошелъ въ сторону, проговоривъ именно эти слова: „Ишь, блеститъ, какъ зеркало!“ Да: она блестѣла, какъ зеркало, цѣликомъ отражая мою крошечную фигурку...

И вдругъ, въ эту минуту, вспомнивъ о томъ, что въ этой каретѣ мы поѣдемъ въ волшебно-сказочный Петербургъ,— меня, будто ударъ грома, поразила мысль, что я ѣду въ это Эльдорадо, не умѣя читать безъ складовъ!.. Не знаю, какихъ размѣровъ было тогда мое сердце; но оно заныло такой тоской; сознаніе это показалось мнѣ такъ ужасно, что я почувствовала себя глубоко-несчастной! И, еще недавно считая почти невозможнымъ,—до того казалось труднымъ,—читать не по складамъ,—теперь, приложивъ все стараніе, я, менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ, именно къ нашему отъѣзду, могла уже бѣгло читать безъ складовъ, и уже, съ большей смѣлостью въѣхала, черезъ Тріумфальныя ворота московской заставы въ баснословный, въ моихъ дѣтскихъ мечтахъ, — Петербургъ!

Теперь мнѣ предстоитъ разсказать, какъ я окончательно одолѣла грамоту, укрѣпившись въ писаніи, которое до того времени хромало; въ то же время положивъ первое основаніе для зданія будущей

писательницы; эпизодъ, могущій носить названіе: „Какъ я начала писать“.

Первое лѣто по пріѣздѣ въ Петербургъ, мы жили на дачѣ въ Петергофѣ, такъ какъ меньшій братъ, Саша, поступившій въ 1-й кадетскій корпусъ, въ первый разъ шелъ въ лагерь, и мамашѣ хотѣлось быть вблизи его. Въ одинъ прекрасный день, мы всѣ осматривали знаменитую, гранильную Петергофскую фабрику. Я разсѣянно слушала нашего проводника, какъ вдругъ глаза мои остановились на цѣлой грудѣ, небрежно брошенныхъ, крошечныхъ тетрадочекъ, красно-оранжеваго цвѣта, между полу-прозрачными листками которыхъ, до того, хранилось листовое, сусальное золото. Проводникъ, замѣтивъ мой, такъ выразительно говорившій взоръ,—подарилъ мнѣ кипу этихъ соблазнительныхъ тетрадочекъ, и я съ восторгомъ несла ихъ домой.

— Что же ты съ ними будешь дѣлать?—спросила меня дорогой старшая сестра, уже окончившая дома свое воспитаніе. Надо въ нихъ, что-нибудь писать!

„Что нибудь писать!..“ Легко было ей, давно писавшей свой дневникъ, сказать такія слова!.. Но отчего же и мнѣ не писать дневникъ? Но, что писать? Какъ писать?.. Меня, крошечнаго человѣка, часто укоряли за обѣдомъ за то, что я мало ѣмъ... Чего же лучше? — Такъ я докажу имъ, что я все ѣмъ и много ѣмъ! Вопросъ былъ рѣшенъ и, на другой же день, на красно-оранжевыхъ страничкахъ, кривыми, косыми, немного расплывшимися и бѣжавшими то внизъ, то вверхъ,— буквами, было написано: „Пять ложекъ супу скушала. Семь кусочковъ тетерки скушала“, что было, кромѣ изложенія совершившагося, примѣненіемъ перваго опыта самостоятельнаго математическаго изученія, — никогда, увы, — не пустившаго во мнѣ глубокихъ корней!.. Счетъ велся очень добросовѣстно; и, хотя сюжетъ для дневника былъ не достаточно интересенъ; тѣмъ не менѣе, дѣло постояло за себя и дневникъ произвелъ эффектъ! Но скоро я пришла къ заключенію о слишкомъ бѣдномъ его содержаніи, и онъ былъ оставленъ; а, вмѣсто того, на красно-оранжевыхъ страничкахъ появился романъ!.. Романъ этотъ тоже остался безъ окончанія и совсѣмъ погибъ для потомства; но я смутно помню, что тамъ фигурировали какія-то великосвѣтскія дамы, въ раззолоченныхъ салонахъ.

Страстно полюбивъ чтеніе, я просто глотала книги, среди которыхъ у меня были такія любимицы, что я, читая ихъ безъ счету разъ, подъ-конецъ знала наизусть. Особенно увлекалась я всѣмъ таинственнымъ, какъ древніе замки съ ихъ рыцарями и романическими приключеніями. Но зачитывалась и книжками тогдашнихъ

дѣтскихъ журналовъ, какъ „Звѣздочка“ и „Лучи“; а въ десять лѣтъ начала читать романы, въ перемежку со сказками, какъ русскими, такъ и французскими. И, рядомъ со всѣмъ романтизмомъ и фантазіей, поглощаемыми мною изъ этихъ книгъ, я, укромно усѣвшись въ уголку, часами просиживала неподвижно, жадно вслушиваясь въ житія святыхъ, читаемыя вслухъ мамашѣ жившей у насъ, бѣдной вдовой, изъ огромной, въ деревянномъ, обтянутомъ темной кожей, переплетѣ, книги Четьи-Минеи. И мое воображеніе ярко рисовало себѣ этихъ святыхъ аскетовъ, съ экстазомъ шедшихъ на муки за Христа; и въ моей душѣ тоже вспыхнуло желаніе пострадать за Христа; и, разыгрываясь, воображеніе рисовало мнѣ уже мои собственныя муки и такъ ярко, что иногда я проливала слезы уже надъ собой.

Но въ праздники приходили знакомыя дѣти; моя прежняя живость пробуждалась, а фантазія, ища пищи, сосредоточивалась теперь на излюбленной игрѣ, замѣнявшей другія. Это была страсть устраивать вполнѣ импровизированные спектакли; при чемъ я, тутъ же, сочинивъ сценки, со словъ заучивала ихъ моей маленькой труппѣ, и мы тотчасъ же ихъ разыгрывали, часто не имѣя другой публики, какъ мамашина лектриса и двѣ наши горничныя, что не уменьшало нашъ театральный пылъ.

Первымъ настоящимъ спектаклемъ, видѣннымъ мною на настоящемъ театрѣ, въ первый годъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, была опера Мейербера „Робертъ“, дававшаяся на русской сценѣ. Этотъ спектакль произвелъ на насъ, дѣтей, чарующее впечатлѣніе. Конечно, мы тогда еще не могли дать себѣ отчета въ отношеніи красоты музыки и исполненія, хотя роль Бертрама исполнялъ Петровъ, бывшій въ полной силѣ своего могучаго голоса и артистическаго таланта. Былъ моментъ,—именно тогда, когда, взамѣнъ опусканія занавѣса, сцену стали застилать густыя облака,—что мнѣ стало жутко, что во мнѣ возникло желаніе отправиться домой... Но, пересиливъ свой страхъ,—я была вполнѣ вознаграждена блистательнымъ балетомъ грѣшныхъ дѣвъ, появившихся изъ гробницъ стараго кладбища. Этотъ балетъ завершилъ восторгъ; и долго, послѣ того, по вечерамъ, передъ сномъ, уже полу-раздѣвшись, мы изображали изъ себя этихъ дѣвъ; при чемъ особенно отличалась сестра Лиза, дѣвочка очень граціозная, выдѣлывавшая невозможные пируэты на тюфякѣ, распуская при этомъ свои длинные густые волосы.

Съ этой поры театръ сталъ моей мечтой; и въ праздничные дни, мамаша не могла сдѣлать намъ бо́льшаго удовольствія, какъ взять ложу въ театръ, что потомъ сосредоточилось на Александринскомъ театрѣ. Плеяда артистовъ Александринскаго театра была въ

то время замѣчательной, что мнѣ пришлось оцѣнить, конечно, нѣсколько позднѣе. Вотъ колоссъ—красавецъ Каратыгинъ 1-й, съ его нѣсколько приподнятымъ паѳосомъ, но безспорно, большимъ драматическимъ талантомъ, особенно въ сильныхъ роляхъ, къ которымъ такъ шла его величавая фигура и пластическія позы. Помню, какъ поразилъ онъ и восхитилъ меня, въ поставленной въ его бенефисъ очень интересной драмѣ „Бенвенуто Челлини“, изъ романа Дюма: „Асканіо“, въ которой онъ вполнѣ олицетворялъ гиганта-скульптора, одинаково геніальнаго и въ лѣпкѣ боговъ и героевъ, и въ миніатюрной, изящной ювелирной работѣ. Эта драма, вообще, была блистательно обставлена всѣми силами труппы. Орлова, артистка московскаго театра, вполнѣ подходила къ ревнивой, жестокомстительной графинѣ д'Этампъ. Нельзя было болѣе тонко и изящно исполнить небольшую роль, изнѣженнаго короля Франциска I—какъ это понялъ Максимовъ 1-й, этотъ умный, тонкій, образованный артистъ; равно умный и изящный, какъ въ драматическихъ, такъ и въ легкихъ роляхъ. Сколько граціи, ума и сердца было въ игрѣ Вѣры В. Самойловой 2-й, исполнявшей роль молочной сестры Бенвенуто-Сканцоне! Тогда же, въ этой пьесѣ, дебютировала юная хорошенькая брюнетка—Читау, позднѣе прославившаяся на драматическихъ роляхъ, создавъ незабвенный типъ Дуни, въ комедіи „Не въ свои сани не садись“,—и передавшая свой талантъ своей дочери, Маріи Мих. Читау. А далѣе: двое Самойловыхъ,—Надежда, съ ея забористымъ весельемъ, какъ въ игрѣ, такъ и въ пѣніи; и Василій В. этотъ, по истинѣ геніальный артистъ, равно превосходный въ комедіи и драмѣ и даже классической трагедіи. А рядомъ другой геніальный артистъ—Мартыновъ, этотъ истинный, не ходульный комикъ, избѣгавшій всякаго шаржа, всякаго дешеваго эффекта на потѣху райка; комикъ, не разъ заставлявшій публику плакать; комикъ, силою своего таланта, создавшій позже типъ, потрясавшій своимъ драматизмомъ, въ родѣ станціоннаго смотрителя въ комедіи „Не въ свои сани не садись!“

Далѣе: Гусева, двое Смирновыхъ, Каратыгинъ 2-й, Сосницкій и пр. Да, это было хорошее время! Тогда и вообще, наше искусство, во всѣхъ его проявленіяхъ, бодро шло впередъ, рождая новые таланты, которые работали, а не размѣнивались на гроши; когда мы и на академическихъ выставкахъ прохаживались часами, переживая пережитое и перечувствованное художниками; когда у насъ была и историческая живопись и бытовая, идейная, не обозначавшаяся

только „Мальчикомъ съ книгой“, или „Дѣвочкой съ куклой“; когда бездарность не прикрывалась пошлостью и безобразіемъ, такъ называемыхъ „декадентскихъ“ картинъ; и незнаніе рисунка и всего остального не старалось драпироваться въ слишкомъ дырявый плащъ, именуемый ими „настроеніемъ!“...

IV.

Я не буду, конечно, останавливаться на моемъ воспитаніи въ Институтѣ [1]), гдѣ я провела всего четыре года, поступивъ уже достаточно подготовленной и оставаясь до выпуска. Скажу только, что моя литературная дѣятельность имѣла широкое поле въ старшемъ классѣ, во время задачи намъ сочиненій; такъ какъ я, кромѣ своего—всегда получавшаго, отъ преподавателя, одобренія,—должна была пять-шесть и болѣе, писать сочиненій для подругъ, лишенныхъ фантазіи, считаясь въ классѣ одной изъ „знаменитыхъ сочинительницъ“. Русская литература была моимъ любимымъ предметомъ, преимущественно поэзія, и я, владѣя прекрасной памятью, съ необыкновенной легкостью, заучивала стихи и помимо задаваемыхъ, какъ раньше, въ дѣтствѣ, для личнаго удовольствія, заучивала басни Крылова. Собственные мои стихи появлялись на свѣтъ, въ совершенно подходящій для того возрастъ, именно въ 16 лѣтъ и хотя были до крайности наивны, но все же положили начало ихъ безконечной плеядѣ.

Послѣ выпуска, я, большая домосѣдка, еще съ большею страстностью накинулась на чтеніе, упиваясь тѣми перлами беллетристики, которыми была такъ богата тогда наша литература. Даже и теперь встрепенется сердце, какъ вспомнишь тѣхъ гигантовъ, послѣднихъ Могиканъ, что вносили въ сокровищницу эти перлы.

Каждая книжка „Современника“, „Отечественныхъ записокъ“, даже Катковскаго „Русскаго вѣстника“, куда помѣщалъ свои повѣсти и романы И. С. Тургеневъ,—приносила намъ массу наслажденій. Тогда билъ ключъ живой воды изъ-подъ пера Л. Н. Толстого; благоухалъ чудной весной, какъ букетъ бѣлыхъ розъ, опрысканныхъ утренней росой,—талантъ И. С. Тургенева; оставя въ сторонѣ великосвѣтскіе салоны, Д. В. Григоровичъ показалъ намъ людей

---

[1]) „Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ“ (Смольный).

(хотя и смахивавшихъ немного на оперныхъ „пейзановъ“) въ своихъ „Рыбакахъ“. Смѣло взошелъ въ самые укромные уголки нашей души, какъ искусный хирургъ, со своимъ скальпелемъ,—„мучительный“ талантъ Ѳ. М. Достоевскаго... А далѣе: Глѣбъ Успенскій, Гончаровъ, Помяловскій, Писемскій, Авдѣевъ,—всѣ эти, что проводили передъ нами живые образы живыхъ людей, не вымазывая ихъ грязью „Со дна“ помойной ямы; не напуская на нихъ затхлаго „тумана“, или погружая въ „бездну“ мерзости,—чтобы этимъ заставить ихъ полюбить; но которыхъ мы любили и понимали, какъ умѣли любить и понимать люди этого времени, идеалисты 40-хъ годовъ!..

И мы жили съ этими образами; мы переживали всѣ ихъ страданія; мы видѣли въ литературѣ не passe-temps и не ходячую тенденцію,—а нѣчто такое, что насъ подымало изъ болота низменныхъ человѣческихъ страстей; внушало мысли о поднятіи человѣка изъ болота, и рождало людей 60-хъ годовъ, людей, имѣвшихъ идеалы; умиравшихъ за идею, а не желавшихъ подъ видомъ любви къ „меньшей братіи“—„ловить рыбу въ мутной водѣ!“...

Прежде чѣмъ перейти къ первому появленію въ свѣтъ моихъ твореній, я должна нѣсколько остановиться на моемъ пребываніи въ рисовальной школѣ „Общества поощренія художествъ“ [1]) — какъ потому, что она,—какъ будетъ видно дальше,—отчасти сыграла для нихъ ту роль, которую сыграли „красно-оранжевыя“ тетрадочки, толкнувшія меня впервые на поприще писательницы хотя бы и не интереснаго дневника;—такъ и потому, что она дала мнѣ случай познакомиться съ нѣкоторыми интересными личностями. Начну съ того, что рисованіе съ самаго дѣтства было моимъ излюбленнымъ занятіемъ гораздо раньше писательства; и я практиковала его всѣми способами, начиная съ рисованія цѣлыхъ исторій, избранныхъ мною героевъ, изощряя свою фантазію и разрисовывая все это красками. Не получивъ никакой правильной методы рисованія въ институтѣ, гдѣ оно тогда преподавалось очень неумѣло, я все же, послѣ выпуска много рисовала дома, надъ копировкой мелкихъ вещей съ тонкихъ гравюръ, а также много рисуя перомъ, что мнѣ потомъ очень пригодилось, когда въ рисовальной школѣ, пройдя всѣ классы, съ натурнымъ включительно, —

---

[1]) Моя подробная статья о рисовальной школѣ,—по случаю 50-лѣтія,—была помѣщена въ ноябрѣ 1889 г. въ журналѣ «Русская Старина».

я выбрала своею спеціальностью ксилографію или гравюру на деревѣ.

Рисовальная школа помѣщалась тогда еще на Васильевскомъ островѣ, въ зданіи Биржи (у Дворцоваго моста) и не отличалась той щеголеватостью и грандіозностью, какъ нынѣшняя. Въ ней не было такого богатаго запаса моделей, орнаментовъ и всего прочаго,—но то была хорошая школа, гдѣ ученицы занимались не отъ нечего дѣлать, походивъ мѣсяца два-три да и бросивъ;—но занимались серьезно, всецѣло отдавшись искусству, составляя одно цѣлое съ нашими преподавателями—и какими преподавателями!... И что у насъ были за бесѣды въ свободное время! Мы разбирали и искусство, со всѣми, проходившими передъ нашими глазами, его представителями и ихъ произведеніями; и музыку и литературу, слѣдя за всѣми новинками. Мы толковали, спорили, приходили въ экстазъ. Поднявъ вопросъ о какой-нибудь, только-что появившейся на выставкѣ картинѣ, и не рѣшивъ его заглядно,—мы на-скоро одѣвались и бѣжали или въ академію, или на постоянную выставку, бывшую тутъ же въ зданіи Биржи и, вернувшись спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, принимались за работу. Набрасывая свои мазки, или наливая „мокрый соусъ“ на бумагу, мы восторгались Кальцолари или Тамберликомъ; разбирали „Отцы и дѣти“, съ только-что воцарившимся Базаровымъ; мы говорили обо всемъ, — кромѣ модъ, хотя и не были „стриженными замарашками“.

Заговоривъ о школѣ того времени, я упомянула о нашихъ преподавателяхъ. Ихъ имена сами говорятъ за себя: Крамской, Келлеръ, Горавскій, Клодтъ, Бейдеманъ, — это были величины, подъ руководствомъ которыхъ работа была истиннымъ наслажденіемъ! Бейдеманъ—былъ вполнѣ художникъ-энтузіастъ, говорившій объ искусствѣ съ экстазомъ и поклонявшійся ему съ благоговѣніемъ Весталки, поддерживающей недремотно священный огонь на жертвенникѣ своей богини. Когда онъ съ жаромъ и блескомъ въ глазахъ говорилъ объ искусствѣ, онъ вполнѣ наэлектризовывалъ, и тогда еще болѣе начиналъ любить это искусство, еще ревностнѣе хотѣлось ему отдаться! И при томъ замѣчанія его были чрезвычайно мѣтки и запечатлѣвались навсегда. Помню его восторгъ по поводу „Тайной вечери“—Ге,— появившейся осенью 1863 г. на академической выставкѣ, куда мы, еще до открытія выставки, ходили ее смотрѣть толпой подъ предводительствомъ директора школы, Дьяконова, а потомъ передавали наши впечатлѣнія Бейдеману. Восхищаясь тѣмъ, что художникъ, въ изображеніи Христа, представилъ его „энтузіастомъ“,—„Мученикомъ идеи“, готовымъ за пра-

воту своихъ убѣжденій идти „на костеръ или на Голгофу“,—онъ главное одобрялъ въ картинѣ то, что въ ней видно: „и то, что до этого было, и то, что за тѣмъ послѣдуетъ, о чемъ непремѣнно долженъ заботиться художникъ, начиная картину“. Управляя классомъ композиціи, онъ намъ давалъ иногда очень трудно-выполнимыя задачи, вродѣ „Избіеніе младенцевъ“, но самъ, увлекаясь фантазіей, отдавалъ ей преимущество передъ рисункомъ. Помню, какъ разъ, разсматривая мой, сильно грѣшившій рисунокъ — эскизъ, на ошибки котораго я сама ему указала, онъ проговорилъ: „Всего важнѣе то, что я въ васъ вижу душу; а руки придутъ потомъ“!

Впослѣдствіи классъ композиціи, — по отъѣздѣ Бейдемана въ Крымъ, расписывать церковь Ливадіи, — перешелъ къ жанристу Клодту, очень хорошему, серьезному преподавателю, манерой котораго было, задавъ намъ тему, требовать ея первый набросокъ тутъ же, во время урока, съ дальнѣйшей выработкой дома. Передъ тѣмъ, онъ занимался съ нами живописью въ натурномъ классѣ.

Но совершеннымъ событіемъ, внесшимъ въ школу новый свѣтъ, было появленіе въ ней Крамского, для уроковъ пластической анатоміи при рисованіи съ натуры карандашомъ или растушкой. Уроки Крамского были для насъ просто откровеніемъ; мы смотрѣли на него, какъ на апостола, впервые возвѣстившаго намъ ту истину, о которой мы долго инстинктивно мечтали! Онъ былъ неутомимъ; все время урока переходя отъ одной ученицы къ другой, не переставая дѣлать замѣчанія, поразительныя по вѣрности взгляда и простотѣ изложенія, для всѣхъ понятнаго, сразу указывая на то, что отъ васъ требовалось, при томъ онъ былъ необыкновенно краснорѣчивъ. Его знаніе анатоміи человѣческаго тѣла было такъ превосходно, что, при первомъ взглядѣ на вашъ рисунокъ, онъ замѣчалъ малѣйшую противъ нея погрѣшность и не дарилъ вамъ ни малѣйшей ошибки, тотчасъ же ее карая; но всегда такъ деликатно, что вы не только не обижались, а старались сами помочь ему отыскать ее, зная, что его замѣчанія выведутъ васъ на дорогу изъ тѣни сомнѣнія.

— Это надо не-мно-жечко поправить!—говорилъ онъ мягко, нѣсколько растягивая это „немножечко“, требовавшее иногда грандіозныхъ поправокъ! И, поправляя, онъ читалъ цѣлыя лекціи пластической анатоміи, на память, на скелетъ, или одѣвающіе ихъ мускулы и мышцы.

Большею частію, онъ приходилъ въ школу нѣсколько раньше начала занятій, и къ нему бѣжали за совѣтами всѣ, сколько-нибудь въ

нихъ нуждавшіяся! Ему показывали этюды масляной живописи, композиціи, чертежи. Нѣкоторыя, въ томъ числѣ и я, изъ натурнаго по живописи класса, до прихода своего преподавателя, усаживались подъ его руководствомъ рисовать анатомическія фигуры съ гипса, и для всѣхъ у него былъ добрый совѣтъ.

С. Лаврентьева.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Забытая писательница и ея заслуги [1].

IV.

Переписка Л. Х. Симоновой съ М. В. Малаховымъ.

Беллетристическія работы г-жи Симоновой по этнографіи Сибири обращаютъ вниманія многихъ русскихъ ученыхъ, изъ которыхъ антропологъ М. В. Малаховъ писалъ Симоновой въ началѣ 1883 года изъ Ментоны слѣдующее:

„Вогуловъ“ я прочиталъ съ большимъ удовольствіемъ и пожалѣлъ лишь объ одномъ, что Вы упустили крайне удобный случай сдѣлать для ознакомленія публики хотя бы небольшой сравнительный очеркъ культа, переживаемаго вогулами. Для сравнительнаго очерка достаточный матеріалъ можетъ дать крайне популярная книга Тэйлора „Антропологія“. Читатели сказали бы „спасибо“, а то они по обычному воззрѣнію жреческій культъ будутъ объяснять лишь невѣжествомъ племени. Мнѣ кажется, что, окончивъ эту статью, Вы непремѣнно должны имѣть въ виду помѣстить ее въ сборникъ Вашихъ статей и къ тому времени нѣсколько дополнить данными, вновь увидавшими свѣтъ, каковы, напр. „Рукопись Новицкаго“ въ изданіи Майкова, съ многими примѣчаніями, которая скоро выйдетъ, и затѣмъ „Путешествіе Скафарія“ и т. п.— тогда за этою работою окончательно можно будетъ укрѣпить ея большое значеніе для будущихъ изслѣдователей. Клише Полевой вѣроятно Вамъ уступитъ, и эти рисунки далеко не излишни. Работа, проектированная Николаемъ Михайловичемъ Михайловымъ,

[1] См. „Русскую Старину“, сентябрь 1908 г.

о которой Вы упоминали въ письмѣ, „изслѣдованія данныхъ о инородцахъ до русской эпохи“, безспорно крайне необходима, и китайцы въ этомъ случаѣ могутъ дать наибольшій матеріалъ. Но забираться въ эти дебри крайне трудно и, повидимому, до настоящаго времени у насъ не было охотниковъ-спеціалистовъ, къ тому же и итогъ нашимъ матеріаламъ стараго времени еще не подведенъ, и если были попытки, то весьма слабыя. Изъ газетныхъ объявленій я узналъ, что въ мартовской книжкѣ „Вѣстника Европы“ помѣщено начало статьи „Пермяки“ Добротворскаго. Это меня крайне заинтересовало. Имя автора не знаю. По какимъ источникамъ и о какихъ пермякахъ говоритъ онъ? Если Вы будете имѣть случай читать эту книгу, оповѣстите меня; здѣсь же „Вѣстникъ Европы“ нигдѣ нельзя раздобыть. Выписываютъ преимущественно „Отечественныя Записки“. Вскорѣ я разсчитываю побывать въ Ниццѣ и тамъ есть библіотека, гдѣ получаются русскіе журналы. „Эхо“ получаю аккуратно и перечитываю весь нумеръ. Но по правдѣ сказать, отсутствіе въ немъ „собственности“ и особенно нѣкоторыя передовыя статьи (напр. о волненіи въ Ново-Александ. училищѣ) производятъ невыгодное впечатлѣніе. Номера „Восточн. Обозр.“ отличаются теперь значительнымъ разнообразіемъ и содержательностью, такъ что читаешь съ большимъ удовольствіемъ. На сколько у нихъ возросла подписка? Воскресъ опять „Русск. Кур.“, но вѣроятно его постигнетъ та же участь „Москов. Телегр.“, ибо имѣетъ съ послѣднимъ много общаго и зубы на него точатъ давно. Здѣсь въ розничной продажѣ появились „Новости“, вслѣдъ за прекращеніемъ „Голоса“. Не были ли Вы на засѣданіи въ геогр. общ. или въ библіотекѣ его? Что тамъ творится—не знаю. Оставитъ ли Срезневскій постъ секретаря и почему на общ. собр. предсѣдательствовалъ не Семеновъ, а Штубендорфъ? Что слышно о новыхъ экспедиціяхъ, кто и куда? Статья моя о книгѣ Иностранцева вышла въ Март. кн. „Жур. мин. нар. просв.“ и оттиски ея переданы Свѣчину, котораго я просилъ уже, чрезъ сестру, передать Вамъ, Ядринцеву и Потанину. Статья подверглась нѣкоторому сокращенію, но все же основные мои взгляды не уничтожены. Біографія Чунина до сихъ поръ, кажется, не увидала еще свѣтъ, хотя почти полгода назадъ торопили нещадно съ корректурой.

Третьяго дня я съ трудомъ собрался написать замѣтку объ Уральск. общ. естест. для „Восточн. Обозр.“. Если послѣдняя будетъ напечатана, то будьте добры, попросите Ник. Мих. тотъ нумеръ одинъ экземп. препроводить въ Екатеринбургъ, Уральскому общ. естеств.

Приступили ли Вы къ задуманнымъ Вами описаніямъ инородцевъ

для дѣтскаго журнала, и съ чего начали? Въ моемъ коробѣ книгъ, гостящемъ у васъ, Вы найдете нѣкоторые источники, потому располагайте имъ и добывайте, что пригодится.

Здѣсь съ окрестностями мы ознакомились довольно порядочно, не мало мѣстъ живописныхъ, но все же преобладаніе искусственности видно всюду, а это уже не природа.

Съ вещами, добытыми на раскопкахъ на границѣ Италіи въ т. н. „Новой Помпеѣ", я также ознакомился, но онѣ относятся уже къ новѣйшимъ временамъ. Наибольшій интересъ представляютъ пещеры, не вдали отъ Ментоны, гдѣ были найдены скелеты и орудія кам. вѣка. Съ тѣмъ и другимъ мѣстомъ я обязательно освоюсь и побываю при первомъ удобномъ случаѣ. Желаю Вамъ отъ всей души всѣхъ благъ.

Глубокоуважающій Васъ М. Малаховъ.

Дальнѣйшая переписка М. В. Малахова свидѣтельствуетъ, между прочимъ, не только прекрасныя качества г-жи Симоновой, какъ хорошаго товарища, но и тотъ научный интересъ, которымъ она жила и который вносился ею въ свои работы. Онъ пишетъ ей изъ Швейцаріи отъ 14 февр. 1883 г.:

„Очень радъ, что Вы, наконецъ, ближе познакомились съ Н. М. Михайловымъ; онъ, безспорно, лучшій человѣкъ въ геогр. общ. и къ тому же человѣкъ съ душой, а не чиновникъ, какъ большинство. Ваше прекрасное намѣреніе къ осени заниматься въ геогр. общ. непремѣнно должно осуществиться; кромѣ того, что Вы тамъ будете имѣть возможность слѣдить за текущей литературой по интересующимъ Васъ вопросамъ, и будете пользоваться матеріалами, которые тамъ спеціально собраны,—Вы всего скорѣе въ той средѣ встрѣтите лицъ, которыя серьезно отнесутся къ Вашимъ работамъ; общеніе же великое дѣло и въ этомъ отношеніи. Майковъ же къ Вамъ иначе и не могъ отнестись, и я надѣюсь, что съ осени Ваше имя будетъ въ спискѣ членовъ общества.

Если Вы думаете теперь перейти къ вотякамъ, то въ числѣ моихъ книгъ найдете: Попова, Опис. Пермской губ., Мозеля. Перм. губ. и Штиглица Спис. насел. мѣстъ Перм. губ. и кое-что еще. „Очерки быта вотяковъ" Бехтерева въ „Вѣстн. Европы" за май Вамъ, вѣроятно также, извѣстны.

Многоуважаемая
Людмила Христофоровна.

Душевно привѣтствую Ваше близкое вступленіе въ кругъ дѣятелей географ. общества, видѣть Васъ тутъ, какъ Вы знаете, мое

давнишнее желаніе. Леонидъ Ник. иначе, разумѣется, не могъ отнестись. Кромѣ несомнѣнной пользы, каковую географ. общество отъ Васъ имѣетъ всѣ шансы ожидать, мнѣ кажется, что эта дѣятельность будетъ имѣть значеніе и лично для Васъ, при чемъ я не говорю уже о извѣстномъ нравственномъ удовлетвореніи. Архивъ геогр. общ., насколько я могъ съ нимъ ознакомиться, великъ и обиленъ, но также какъ и во всемъ на Руси „порядка въ немъ нѣтъ“. Это для многихъ служитъ препоною къ его пользованію. Вамъ на первыхъ же порахъ придется погрузиться въ пыль и грязь, но зато и жатва будетъ хорошая.

Относительно систематическаго описанія инородцевъ по печатнымъ источникамъ и архивнымъ даннымъ, Леон. Ник. высказывался и раньше. Благая мысль наконецъ придвигается къ осуществленію, потому нельзя не порадоваться. Чѣмъ я богатъ, тѣмъ и радъ, а мой матеріалъ о вогулахъ, который долженъ оказаться весьма незначителенъ, такъ какъ я видѣлъ ихъ мимоѣздомъ, будетъ къ Вашимъ услугамъ. Всѣ сколько-нибудь интересные факты мною уже были сообщены Г. М. Потанину. Какая мнѣ обида, что я лично не могу примкнуть къ Вашему кружку, но душа моя будетъ неразлучна съ нимъ. По моему мнѣнію, необходимо при описаніи каждой группы—прилагать полную библіографію, что̀ будетъ крайне важно для будущихъ изслѣдователей. Починъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ Чуминымъ, въ его „словарѣ“, гдѣ о вогулахъ собрано не мало указаній, какъ я Вамъ какъ-то показывалъ. Монографическій очеркъ пермяковъ—мой матеріалъ, въ связи съ литературными данными, подвигается—хотя и весьма туго. Антропологическія измѣренія ихъ, страдающія отрывочностью, я, кажется, не рѣшусь печатать до тѣхъ поръ, пока судьба снова не закинетъ меня къ нимъ и я не пополню необходимыми данными. Библіографію я также собираю. Вообще я съ нетерпѣніемъ буду ожидать извѣстій о началѣ дѣятельности кружка. Программа описанія, предполагаемая Леонид. Ник., также меня очень интересуетъ, ибо до сихъ поръ еще таковой не имѣется, которая была бы безъ крупныхъ недостатковъ.

Друскеники
Гродненской губ.
2 ав. 1883 г.

Большое спасибо Вамъ за приглашеніе участвовать въ нарождающемся „Еженед. Обозр.“ Слѣдуя Вашему настроенію, я взялся за перо и послѣ продолжительной его пробы, что хотя и служитъ неотраднымъ предзнаменованіемъ, тѣмъ не менѣе изобрѣлъ или

надумалъ два небольшихъ очерка: „Поѣздка на изумрудныя копи“ и „Среди шишкарей“ (кедровый промыселъ); который изъ нихъ раньше настрочу, тотъ и не замедлю выслать. Но съ уговоромъ: если окажется что-либо не такъ, то тогда Вы препроводите рукопись въ Вашъ столъ для успокоенія.

Сегодня я получилъ очерки остяковъ „Эзе“, и сердце мое порадовалось при видѣ Вашего новаго труда. Благодарю за присылку и душевно желаю, чтобы эта серія очерковъ росла и росла. Нельзя не сказать также спасибо и редакціи за такое тщательное изданіе.

Ялта.
12/III. 1884 г.

Многоуважаемая и дорогая
Людмила Христофоровна.

Зная Вашу безконечную доброту, рѣшаюсь безпокоить Васъ новою просьбою, безъ коихъ, вообще, я теперь не обхожусь. Докучаю, докучаю и докучаю. На-дняхъ я получилъ письмо отъ Сергѣя Николаевича Шубинскаго, т. е. изъ редакціи „Истор. Вѣстн.“ съ извѣщеніемъ, что статья моя „Въ Уральскомъ кедровникѣ“ взята ею быть не можетъ, такъ какъ редакціею недавно пріобрѣтена большая рукопись Немировича-Данченко, трактующая о жизни же въ уральской тайгѣ.

Теперь весь вопросъ въ томъ, что мою рукопись нужно получить изъ редакціи обратно, устроить, что я покорнѣйше Васъ прошу.

Далѣе я буду просить Васъ направить куда-либо рукопись; по ознакомленіи съ содержаніемъ ея, Вамъ легче опредѣлить это. Говорятъ, что редакція журнала „Дѣло“ теперь нуждается въ матеріалѣ и охотно беретъ бытовые очерки. Все это я пишу къ слову, а орудуйте какъ хотите, не хотѣлъ бы только видѣть статью ни въ „Гражданинѣ“, ни въ „Эхо“, а также получить не менѣе обычной платы, т. е. или 5 коп. строка или 50 руб. листъ.

Ялта.
1884 г. 27/III.

Многоуважаемая и дорогая
Людмила Христофоровна.

Не разсчитывалъ я слишкомъ докучать Вамъ, да видно судьба. Въ прошломъ письмѣ Вамъ я упоминалъ объ очеркѣ, начатомъ мною для г. Скворцова (редакт. „Еженед. Обозрѣнія“). Когда этотъ очеркъ пришелъ къ концу, то объемъ его оказался значительно

большимъ, чѣмъ я разсчитывалъ. Сокращать не хотѣлось и потому рѣшилъ поступить слѣдующимъ образомъ: препроводить очеркъ „Въ горахъ“ на Ваше благоусмотрѣніе. Не найдете ли возможнымъ предложить его г. Михайлову (Шеллеру) для „Живоп. Обозр.“, кажется, вы съ нимъ нерѣдко видитесь. Это будетъ отчасти и кстати, потому что братъ писалъ мнѣ, что Михайловъ въ разговорѣ съ нимъ высказалъ желаніе, чтобы я что-нибудь имъ прислалъ. Если же вообще пристройка этого очерка Вамъ будетъ не съ руки, то я покорнѣйше прошу Васъ передать его при свиданіи г. Скворцову.

Изъ дальнѣйшей переписки М. В. Малахова къ Симоновой все болѣе и болѣе обрисовывается все тотъ же ея добрый, всегда готовый къ товарищескимъ услугамъ характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтенъ и ея литературный ростъ, хотя переходъ изъ этнографически-областной литературы къ русской жизни въ собственномъ смыслѣ этого слова совершился не разомъ.

Она помѣстила въ „Еженедѣльномъ Обозрѣніи“ И. В. Скворцова два романа: „Самъ“, „Оля“ и эскизы „Развиватель“, „Языкъ глазъ“ и т. д. Въ „Живоп. Обозр.“ напечатаны: повѣсти „Месть“, „Одна“, „Отдохнуть бы“, и романы „Убила“, „Спутница“ и „На поискахъ за богатствомъ“. Въ журналѣ „Дѣло“ за 1879 годъ помѣщена повѣсть „Что-то будетъ?“ Во многихъ газетахъ она печатаетъ беллетристику, черпая матеріалъ изъ жизни того же русскаго общества.

V.

Кружокъ А. К. Шеллера.—Оригинальное трактованіе Симоновой женскаго и рабочаго вопроса—Одна изъ причинъ ея непопулярности.

Наибольшее вліяніе на окончательное сформированіе литературныхъ и политическихъ взглядовъ г-жи Симоновой оказалъ, по ея многократнымъ признаніямъ, „кружокъ А. К. Шеллера“ или правильнѣе сказать самъ Шеллеръ-Михайловъ.

Близкими къ нему людьми были въ эти годы его литературной жизни, не литераторы съ именами, а большею частью директора и дѣлопроизводители банковъ и иныхъ учрежденій (Н. С. Тишевскій, братья Никитины и др.), военные генералы (Юр. Мельницкій, Гр. Забуцкій, Сиверскій и др.), маленькіе художники (Малышевъ, Е. П. Пономаревъ), педагоги изъ духовной академіи (П. В. Васильевъ), переводчики (Коншинъ, М. Москалева) артисты (Аяровъ), индифферентные поэты и критики такіе же (К. Фофановъ, Л. Афанасьевъ, Ф. Червинскій, Мазуркевичъ, Чупко и т. д.) и, наконецъ,

будущіе реакціонеры Голицынъ-Муравлинъ, В. Л. Величко, Н. И. Мердеръ, С. В. Воейковъ и т. д.

Не здѣсь, конечно. было вліяніе „шестидесятыхъ годовъ“ на Л. Х. Симонову; но среди этихъ людей былъ самъ А. К. Шеллеръ — человѣкъ со множествомъ недостатковъ и сквернѣйшимъ характеромъ—но съ большимъ литературнымъ именемъ, и образованіемъ, съ европейскимъ демократическимъ идеаломъ и блестящимъ даромъ слова.

Ему Л. Х. Симонова обязана усвоеніемъ лучшихъ традицій русской литературы. Онъ поддерживалъ всѣ ея лучшія начинанія и своими совѣтами помогъ ей избѣгнуть роковыхъ ошибокъ, въ которыя она могла впасть.

Г-жа Симонова была болѣе практикомъ, чѣмъ теоретикомъ русской жизни. Ея практицизмъ, лишенный корысти или примиримости къ житейскому злу, выразился въ томъ, что она не могла трактовать жизнь односторонне и умѣла сказать правду не только врагамъ, но и друзьямъ. Она была горячимъ сторонникомъ женскаго труда и равноправности.

Находясь на телеграфной службѣ, она съ судьбой телеграфистокъ связываетъ общій женскій вопросъ, указывая въ газетахъ на то, что „если въ 1864 году позволено принимать женщинъ въ видѣ опыта на три года на телеграфно-почтовую службу, то почему, по прошествіи около двухъ десятковъ лѣтъ, женщина-телеграфистка на службѣ не сравнена въ своихъ правахъ съ мужчинами? Для поступленія на службу отъ женщинъ требуются тѣ же знанія, какъ и отъ мущинъ, тотъ и другой полъ обставлены одинаковыми требованіями. Но это равенство продолжается только до дня поступленія на службу. Здѣсь дороги ихъ существенно расходятся. Для женщинъ, какъ для лицъ, допущенныхъ въ видѣ опыта на три года, установлены были особыя правила, по которымъ содержаніе женщинамъ телеграфистамъ производится отъ 200—300 руб. въ годъ. Квартиръ ни въ натурѣ, ни квартирныхъ денегъ не полагается. Лица женскаго пола никакими преимуществами въ службѣ не пользуются и права на перечисленіе въ высшіе разряды не имѣютъ“. („Новое Время“ отъ 17 сент. 1882 г.).

Симонова часто говорила:

— Прослуживъ на телеграфѣ четырнадцать лѣтъ, я имѣла полную возможность обстоятельно изучить женскій вопросъ на телеграфной службѣ и изложить его сначала въ видѣ передовой статьи. Я была уже въ отставкѣ... Редактора „Нов. Вр.“ М. П. Федорова я тщательно просила не заявлять моей фамиліи, боясь, чтобы не заподозрили меня въ пристрастіи тѣ, отъ кого зависитъ судьба пенсій для телеграфистокъ. Но многіе изъ писателей того времени

знали, кто авторъ статьи. Женщины телеграфистки ужасно хотѣли узнать и узнали меня. Въ квартирѣ А. Г. Сахаровой (писательницы), ея родственницы и другія женщины телеграфистки явились совершенно неожиданно депутаціей ко мнѣ (на одномъ изъ журфиксовъ Сахаровой) и изъявили женскую благодарность отъ лица всѣхъ женщинъ телеграфистокъ. Я не думала, чтобы такъ скоро Безакъ, новый директоръ почтъ и телеграфа, отозвался на статью. По разсказамъ женщинъ телеграфистокъ, онъ явился въ аппаратную съ газетою въ рукахъ, разспрашивалъ женщинъ телеграфистокъ о разныхъ подробностяхъ ихъ службы, отнесся къ нимъ сочувственно и обѣщалъ поправить дѣло.

Когда у насъ началась почтово-телеграфная забастовка, г-жа Симонова говорила, что ею уже была „отмѣчена“ возможность этой забастовки еще во время ея собственной службы на телеграфѣ.

Несмотря на полное сочувствіе аболиціонизму женщинъ, она — въ разгаръ горячихъ пожеланій русскимъ женщинамъ вырваться изъ невѣжественныхъ семей на свободу и самостоятельный трудъ— пишетъ повѣсть: „На свободѣ“. Героиня ея, поссорившись съ родными, пріѣзжаетъ въ Петербургъ искать себѣ умственнаго труда, но остается совершенно „одна“...

Симонова писала мнѣ:

„Увидѣвъ, что всѣ разсказы о женскомъ трудѣ, предложенія, приглашенія, поощренія были только „игрою словъ“ у сторонниковъ женскаго движенія – моя героиня покончила съ голоду и одиночества самоубійствомъ. Повѣсть имѣетъ мрачный характеръ. Я сама имѣла случай убѣдиться, что всѣ разговоры тогда о женскомъ вопросѣ были неискренни или теоретичны. Повѣсти моей пришлось долго лежать въ портфелѣ, такъ какъ если я показывала ее редактору либеральной газеты, то онъ чуть не кричалъ мнѣ: „Что вы дѣлаете? Намъ нужно, чтобы женщины бросали все и бѣжали въ въ столицы; вы же стараетесь, какъ бы напугать ихъ и тѣмъ задержать движеніе“. Если я приносила въ ретроградный журналъ, то мнѣ говорили: „Это напечатать невозможно—у васъ слишкомъ мрачный взглядъ на вопросъ“. Я хотѣла издать „На свободѣ“ сама и отдала ее на просмотръ въ цензурный комитетъ. Тамъ послѣ довольно крупныхъ дебатовъ, наложили на нее запрещеніе и у фамиліи моей поставили крестикъ. Впослѣдствіи повѣсть эта была напечатана подъ заглавіемъ „Одна“ въ „Живописномъ Обозрѣніи“ временъ А. К. Шеллера.

Такимъ образомъ, г-жа Симонова очень рано въ своей литературной дѣятельности усмотрѣла въ женскомъ вопросѣ двѣ стороны:

идеальную и практическую. Сочувствуя первой, она не щадила красокъ для изображенія второй со всѣми ея отрицательными сторонами.

Семейныя наблюденія ея были непосредственны и заимствованы прямо изъ жизни.

— Я находила такія семьи,—высказывалась она въ частной перепискѣ:—въ которыхъ мужъ свое скудное жалованье чуть не дѣлилъ на два дома, превращая свою квартиру въ какую-то станцію, куда онъ является пить, ѣсть и спать, и гдѣ жена была и кухарка, и прачка, и нянька. Все же свободное отъ занятій время онъ проводилъ въ обществѣ товарищей и свободнаго нрава дѣвицъ. Не видя въ мужѣ ни друга, ни любовника, ни воспитателя собственныхъ дѣтей, женщина становится забитой, впадаетъ въ серьезныя болѣзни или ожесточается и мститъ своему мужу измѣной съ тѣмъ человѣкомъ, который окажетъ вниманіе и сочувствіе ея положенію. Такая, напримѣръ, изображена мною въ романѣ „Спутница“. Нѣкоторымъ борцамъ мужской самостоятельности этотъ романъ также не понравился: „стрѣла попала не въ бровь, а въ глазъ“. Въ рецензіяхъ отозвались, что будто бы я романомъ „Спутница“ разрушаю семейныя основы и ввожу безнравственность въ семейную жизнь. Подобная рецензія была въ „Русской Мысли“ и въ „Руси“ Аксакова. Я написала разъяснительное письмо, но въ „Руси“ оно не было напечатано, а напечатано въ „Новостяхъ“ отъ 25 апр. 1886 г.

Въ этомъ письмѣ она, между прочимъ, пишетъ: „Изображая въ повѣсти факты и явленія, наблюденные мной, мнѣ хотѣлось показать читателямъ, до чего можетъ довести свою жену, въ какое невыносимое положеніе поставить развратникъ мужъ. Я утверждаю, что цѣлостность семейныхъ отношеній, прочность семейнаго счастья зависитъ отъ мужчины, а не отъ женщины. Мнѣ хотѣлось, чтобы развратникъ оглянулся на себя и вдумался въ положеніе жены. Вотъ цѣль, съ которою написана повѣсть. Въ чемъ здѣсь вредъ? безнравственность? преступная пропаганда? Фактъ жажды ласкъ, женскаго обаянія въ моей героинѣ кажется особенно преступнымъ рецензенту „Русской Мысли“. По его мнѣнію, физіологическая сторона существованія женщины не должна участвовать въ жизненномъ процессѣ... Да жизнь-то говоритъ не то... Или г. рецензентъ повѣсти моей „Спутница“ самъ не понялъ того, что написалъ, или желаетъ провести слѣдующую мораль: „Пусть мужья развратничаютъ, сколько хотятъ, - жены не должны замѣчать этого“. Для развратниковъ оно выгодно. О, конечно, съ этой точки зрѣнія, я совершила великое преступленіе... Нѣтъ, г. рецензентъ, не

глупо и не стыдно открывать завѣсу на мрачные уголки нашей жизни"...

Та же мысль и тѣ же нравы отмѣчены ею изъ купеческаго быта въ романѣ „Самъ" въ „Еженедѣльномъ Обозрѣніи" за 1884 г.

Оригинальное трактованіе женскаго вопроса не прощалось г-жѣ Симоновой, хотя врагомъ женскаго аболиціонизма ее никто не считалъ. Въ письмѣ М. К. Цебриковой, отъ 20 іюня 1886 г. на имя Симоновой, попадается фраза весьма характерная для разгадки нападокъ на реализмъ писательницы. Цебрикова находитъ рецензію „Русской Мысли"—„очень шаблонной и фарисейски-моральной", но тутъ же она прибавляетъ, что „Спутница" подаетъ поводъ къ такому толкованію.

„Я то, пишетъ Цебрикова, поняла, что вы хотѣли сказать, но вѣдь пишутъ не для своихъ, а для читателей".

Симоновой всегда казалось весьма ошибочнымъ такое приниженіе толпы. Она полагала, что писатель долженъ указать толпѣ не только идеалы меньшинства, но и ихъ искаженіе на практикѣ тою же толпой.

Тотъ же обличительный пріемъ, съ идеалистическимъ настроеніемъ писателя, обнаружила г-жа Симонова и въ воспроизведеніи русскаго народа и той же женщины въ его рядахъ. Въ то время, когда она писала романъ „Убила", она управляла городскою телеграфною станціею и жила за Невской заставой.

Вблизи фабрикъ и заводовъ она опять столкнулась съ печальной жизнью женщинъ изъ „народа" и съ самимъ народомъ.

„Въ моемъ сердцѣ опять разбередилось то больное мѣстечко, которое у меня образовалось въ Сибири,—писала Симонова объ этомъ времени въ одномъ изъ частныхъ ко мнѣ писемъ.—Многіе изъ фабричныхъ рабочихъ выписывали своихъ женъ и старшихъ дѣтей изъ деревень. Женъ помѣщали они на бумагопрядильныя фабрики, а мальчиковъ—на заводы „Русскаго Общества" и „Сѣмянникова" вертѣть гайки и проч. Мальчики могли зарабатывать по 12 рублей въ мѣсяцъ, а бабы между 15 и 20 рублями. Такимъ образомъ этими деньгами семья могла быть обезпечена, если бы глава ея, имѣя заработокъ семьи, не пропивалъ свой собственный. Послѣ каждой получки за свой личный трудъ, въ двѣ недѣли разъ, онъ, не заходя домой, отправлялся въ городъ и прокучивалъ въ два дня все свое жалованье, а въ воскресенье вечеромъ возвращался пьяный и билъ свою жену. Предлоговъ было много: или она изъ своей получки не съумѣла уплатить весь мѣсячный долгъ, или за то, что у нея не было на-лицо денегъ на продолженіе пьянства, или

просто за то, что передъ нимъ находился человѣкъ, носящій въ себѣ укоръ, часто не выражавшійся на словахъ, а лишь во взглядѣ... И вотъ изъ домовъ, населенныхъ рабочими, слышались вопли то тутъ, то тамъ. Тѣ же отношенія и въ деревнѣ, у деревенскаго мужика къ своей женѣ, лѣнивое отношеніе мужиковъ къ своему хозяйству, плохая работа, плохіе посѣвы, продажа хлѣба иногда на корню и деньги, пропитыя въ кабакахъ... И тамъ тоже передъ мужемъ стоитъ женщина съ укоромъ во взглядѣ и на словахъ; и тамъ онъ отстаиваетъ свои жестокіе, несправедливые поступки кулаками, вожжами, сапогами и проч.".

Всѣ такія картины создали типъ многострадальной Марѳы (романъ „Убила"). Онъ былъ напечатанъ въ „Живописномъ Обозрѣніи" 1884 г. Романъ этотъ вызвалъ различные отзывы. Одна изъ газетъ назвала его „юридическимъ", на который даже „Юридическое Обозрѣніе" дѣлало ссылки. Многіе признавали въ романѣ рельефное изображеніе русской женщины по обычному праву, по которому она не гарантирована отъ посягательствъ мужа, какъ на ея имущество, такъ и на ея личность. По поводу романа „Убила" было сказано въ газетахъ, что, идеализируя семью, какъ союзъ, основанный на любви и сотрудничествѣ, наше законодательство и доселѣ еще не выработало основаній для дѣйствительнаго воплощенія въ жизни подобнаго идеала. За закономъ слѣдуетъ признать воспитательное значеніе для массъ, между тѣмъ, отдавая жену на произволъ мужа, судья тѣмъ самымъ какъ бы укрѣпляетъ въ народѣ взглядъ на жену, какъ на подневольную для мужчины работницу, закрѣпленную за нимъ закономъ. Единственнымъ для законодательства выходомъ, стало быть, оказывается признаніе совершившагося факта и юридическое расторженіе брака въ тѣхъ случаяхъ, когда на практикѣ рѣзко нарушены основныя его начала, другими словами, когда семьи уже на самомъ дѣлѣ не существуетъ, когда она выродилась въ рядъ возмутительныхъ насилій мужчины надъ женщиной. Другіе писатели и редакторы возмутились противъ этого романа, говоря, что выпускъ его въ свѣтъ несвоевременъ. Начиная съ 1860-хъ и 1870-хъ годовъ, литература положительно поставила крестьянина на пьедесталъ и приписывала ему только однѣ хорошія черты. А такое отношеніе крестьянина къ женѣ, какое выведено въ романѣ Симоновой, разумѣется, компрометтировало его нравственность. Такое мнѣніе приходилось выслушивать ей въ газетахъ и въ частныхъ собраніяхъ.

По напечатаніи этого романа на Симонову посыпались опять упреки въ томъ, что она развѣнчиваетъ простой народъ, которому съ легкой руки Златовратскаго, Засодимскаго и т. п. „народ-

никовъ“ приписывали исключительно хорошія черты; а между тѣмъ, у Симоновой выведена семья (какъ и въ „Спутникѣ“), гдѣ женѣ нѣтъ иного спасенія отъ безнравственнаго мужа, кромѣ преступленія.

„Семейныя наблюденія“ г-жи Симоновой, какъ среди простонародья, такъ и въ культурныхъ классахъ, крайне безотрадны, и отвѣтственнымъ лицомъ за нихъ всегда является мужчина. Шеллеръ часто говорилъ мнѣ о ней:

— Она точно мститъ мужчинамъ. Страшной ненавистью къ нимъ дышатъ ея произведенія по семейному вопросу, но всѣ они очень правдивы.

Эта правота однако шла въ разрѣзъ съ общепринятымъ направленіемъ женскаго и рабочаго вопроса въ лучшей части русской литературы. Всѣ понимали, что г-жа Симонова стоитъ за аболиціонизмъ женщины, но многіе не мирились съ ея безпристрастіемъ и обличеніемъ недостатковъ и самой женщины, и еще болѣе ея друзей и покровителей.

Никто не считалъ Симонову и по рабочему вопросу проповѣдницей отжившихъ началъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, г-жа Симонова прекрасно знала одичалую среду какъ крестьянъ, такъ и фабричныхъ. Это безпристрастіе къ народу оттолкнуло отъ нея идеалистовъ-народниковъ, всегда вліятельныхъ въ русской литературѣ.

Такимъ образомъ, присоединяясь къ популярнымъ идеаламъ русской литературы, г-жа Симонова въ то же время постоянно обнаруживала противорѣчіе русской жизни съ идеаломъ интеллигенціи.

Это не могло не отразиться и на судьбѣ писательницы. Она никогда не была въ фаворѣ у русской авторитетной критики, и имя ея весьма рѣдко упоминалось. Между тѣмъ она несомнѣнно имѣетъ свою опредѣленную физіономію бытописательницы и чрезвычайно выгодно выдѣляется среди безцвѣтныхъ беллетристокъ, безсильныхъ выбраться изъ психологическихъ сферъ къ изученію русской жизни и ея соціальной борьбы.

А. И. Фаресовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Австрія и Россія послѣ Крымской войны [1]).

(Окончаніе).

III.

Предпринятые австрійскимъ министромъ графомъ Рехбергомъ переговоры съ иностранными правительствами о пересмотрѣ Парижскаго договора не удаются.

Неудавшееся до итальянской войны сближеніе съ Россіей побудило императора Франца-Іосифа искать его послѣ войны съ Наполеономъ. Первымъ предвѣстникомъ этого сближенія былъ Александръ Гессенскій, братъ государыни Маріи Александровны, которому Францъ-Іосифъ сказалъ [2]): „мое положеніе за границей отвратительно, внутреннія дѣла затруднительны. Я возлагаю всю надежду на поддержку Россіи. Я вамъ даю полную свободу (je vous donne carte blanche“). На вопросъ князя Горчакова, въ чемъ заключались первыя строчки его полномочія, принцъ гессенскій сознался, что онъ болѣе ничего не можетъ сказать, надѣясь точнѣе объясниться по возвращеніи князя Меттерниха (австрійскаго посла при Тюильрійскомъ дворѣ) въ Парижъ. Независимо отъ порученія, даннаго принцу Гессенскому, императоръ Францъ-Іосифъ отправилъ въ Варшаву привѣтствовать Александра II, во время его пребыванія въ этомъ городѣ, своего дядю эрцгерцога Альбрехта [3]), съ которымъ прибылъ гофратъ баронъ Вернеръ для особыхъ переговоровъ съ княземъ Горчаковымъ отъ лица графа Рехберга, состоявшаго министромъ президентомъ на мѣсто графа Буоля [4]). Въ это время (въ началѣ октября) собрались въ Варшаву русскіе дипломатическіе представители при

---

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1907 г.

[2]) 1859. Paris. Expéd., lettre très secrète 6 septembre.

[3]) Vienne. 1859. Récept., tél. 26 septembre.

[4]) Vienne. 1859. Récept., tél. 22/10 août.

главнѣйшихъ иностранныхъ дворахъ бароны Брунновъ и Будбергъ, графъ Киселевъ и Балабинъ, вызванные для совмѣстнаго обсужденія политическаго положенія. „Австрія, писалъ князь Горчаковъ [1]), вамъ сдѣлала въ Варшавѣ предложенія свойства самаго чувствительнаго для вѣнскаго кабинета (des ouvertures de la nature la plus délicate pour le cabinet de Vienne), исполненіе коихъ было бы очень выгодно Россіи. Опытъ прошедшаго не позволяетъ намъ увлекаться особыми надеждами, почему мы предоставимъ Австріи озаботиться приведеніемъ въ исполненіе этихъ мыслей, которыя она намъ выразила. Если дѣйствія будутъ соотвѣтствовать словамъ, вѣнскій кабинетъ пріобрѣтетъ выгоду отъ нравственной силы, которую принесетъ ей мнѣніе въ Европѣ о сближеніи съ Россіей, безъ того, чтобы мы чѣмъ-либо пожертвовали или что-либо уступили. Задача нашихъ представителей будетъ заключаться въ томъ, чтобы слѣдить, въ мѣстахъ ихъ пребыванія, за дѣйствіями, которыя Австрія обязалась предпринять, и доносить, не предпринимая лично какихъ-либо шаговъ, о всѣхъ оттѣнкахъ, которые они бы примѣтили". Къ этому времени относится отвѣтъ князя Горчакова на письмо князя Павла Эстергази, бывшаго австрійскаго посланника въ С.-Петербургѣ, отъ 8/20 октября, предлагавшаго ему свои услуги для сближенія обѣихъ имперій. Русскій вице-канцлеръ писалъ своему хорошему знакомому [2]), что Вернеръ сдѣлалъ прекрасный шагъ въ Варшавѣ, на который ему откровенно отвѣтили, и что дѣло сближенія въ рукахъ вѣнскаго кабинета. „Но, продолжалъ князь Горчаковъ, ничего не сдѣлано, если исполненіе не будетъ соотвѣтствовать откровенности предложеній или если оно будетъ неполнымъ. Если Россія и Австрія останутся лишь при платоническихъ воздыханіяхъ, т. е. при фразахъ съ изъявленіемъ одного добраго желанія другъ другу, ваши выгоды не получатъ никакого успѣха, а также и выгоды Европы, имъ присущія".

Изъ слѣдущей депеши посланника Балабина мы узнаемъ, въ чемъ заключалось предложеніе Австріи [3]). Онъ пишетъ: „Графъ Рехбергъ мнѣ сообщаетъ, что согласно уговору, совершившемуся въ Варшавѣ, онъ предписалъ князю Меттерниху, австрійскому послу въ Парижѣ, начать переговоры съ французскимъ правительствомъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ статей Парижскаго договора, а именно касавшихся флота и исправленія границы, т. е. части Бессарабіи, отошедшей къ Молдавіи. Графъ Рехбергъ еще не получилъ отвѣта;

[1]) 1859. Dokiades, 13 octobre.
[2]) 1859. Autriche, Prince Paul Esterhazy. Exp., lettre 12 octobre.
[3]) 1859. Vienne. Rée. № 1961. dép. 25 octobre (6 novembre) № 177.

коль скоро сообщеніе будетъ сдѣлано въ Парижѣ, таковое же получитъ Берлинскій кабинетъ, который уже о томъ предувѣдомленъ. Рехбергъ полагалъ, что ни въ Парижѣ, ни въ Берлинѣ не встрѣтится препятствій, которыхъ надо ожидать только со стороны Лондонскаго кабинета". Затѣмъ Балабинъ сообщаетъ въ той же депешѣ, что прусскій посланникъ баронъ Вертеръ былъ уже предупрежденъ графомъ Рехбергомъ о предполагавшихся переговорахъ по сему предмету съ Берлиномъ. Увѣдомляя князя Горчакова о завязанныхъ имъ сношеніяхъ съ Парижскимъ кабинетомъ, графъ Рехбергъ [1]) пишетъ, что онъ не преминетъ обратиться въ Берлинъ съ такимъ же предложеніемъ о пересмотрѣ нѣкоторыхъ статей Парижскаго договора, и если будетъ полученъ благопріятный отвѣтъ изъ Франціи и Пруссіи, то будетъ поставлена первая вѣха, къ достиженію цѣли (un premier jalon sera posé vers l'atteinte du but), которая станетъ общею обоимъ императорскимъ дворамъ. Австрія, продолжаетъ Рехбергъ, дѣйствуя этимъ путемъ, несетъ большія и дѣйствительныя жертвы, но она не будетъ о нихъ сожалѣть, если она достигнетъ прекращенія неестественной и опасной политики въ пользу величайшихъ благъ общественаго міра (du monde social). Рехбергъ заключаетъ письмо желаніемъ знать, въ какомъ направленіи С.-Петербургскій кабинетъ думаетъ разрѣшить на предстоящей конференціи вопросы, касающіеся австрійскихъ интересовъ. Князь Горчаковъ отвѣтилъ графу Рехбергу [2]), что онъ оцѣниваетъ по достоинству первый шагъ, сдѣланный Австріею, что, по его мнѣнію, жертва, которую она несетъ, заключается лишь въ признаніи ошибочнымъ и не оправдавшимся политическаго разсчета, сдѣланнаго въ прежнее время во вредъ нашимъ добрымъ отношеніямъ. Жертва была бы большою и дѣйствительною, если бы возстановленіе Россіи въ ея правахъ грозило порядку вещей на востокѣ, но въ самомъ дѣлѣ это не такъ. Россія не ищетъ никакого территоріальнаго расширенія; въ ея прямыхъ выгодахъ—сохраненіе неприкосновенности Оттоманской имперіи, что касается того направленія, котораго императорскій кабинетъ думаетъ держаться на предстоящемъ конгрессѣ, въ вопросахъ, интересующихъ Австрію, то князь Горчаковъ просилъ графа Рехберга сообщить ему воззрѣніе вѣнскаго кабинета на эти вопросы.

Въ слѣдующемъ письмѣ графъ Рехбергъ [3]) увѣдомляетъ князя Горчакова о томъ, что французское правительство, не возражая

[1]) 1859. Autriche. C-te Rechberg. Récep.; lettre 31 octobre.
[2]) 1859. Autriche. C-te Rechberg. Expéd.; lettre 6 novembre.
[3]) 1859. Autriche. C-te Rechberg. Récept.; lettre 4 décembre.

противъ пересмотра нѣкоторыхъ статей Парижскаго договора, нарушавшихъ права Россіи, нашло несвоевременнымъ возбужденіе этого вопроса. Сообщая затѣмъ, что, по его свѣдѣніямъ, русскій посолъ въ Парижѣ графъ Киселевъ обсуждалъ тотъ же вопросъ съ графомъ Валевскимъ, графъ Рехбергъ просилъ князя Горчакова снабдить его указаніемъ для того, чтобы не мѣшать другъ другу, въ переговорахъ съ иностранными правительствами по одному и тому же предмету. На этомъ письмѣ имѣется помѣта Государя: „Selon moi il vaudrait mieux laisser tomber la chose pour le moment".

И дѣйствительно, по содержанію писемъ графа Рехберга, нельзя было ожидать благопріятныхъ послѣдствій отъ переговоровъ, затѣянныхъ австрійскимъ министромъ. Графъ Рехбергъ хотя съ формальной стороны исполнилъ обѣщанное, обратившись и въ Парижъ и въ Берлинъ, но дѣйствія его не были откровенны. Подъ видомъ желанія изгладить коварныя дѣйствія австрійскаго правительства во время крымской войны графъ Рехбергъ въ дѣйствительности имѣлъ въ виду выторговать въ пользу Австріи какое-либо вознагражденіе за ея хлопоты по пересмотру Парижскаго договора, что составляло, по выраженію графа Рехберга, большую и чувствительную жертву для Австріи.

Баронъ Брунновъ очень мѣтко выразился относительно предложенія, сдѣланнаго барономъ Вернеромъ въ Варшавѣ: „Quand j'ai vu Werner, пишетъ онъ [1]), mettre tant d'empressement à entrer dans nos vues, je me suis dit: voilà une chose, qu'ils sont sûrs de ne pas tenir. Ils se montrent prêts à se désister des stipulations du traité de Paris, bien persuadés comme ils le sont que l'Angleterre n'y renoncera point. En résumé ils conserveront le traité tel quel, tout en se donnant l'air de vouloir le défaire". (Когда я увидалъ, какъ заботливо баронъ Вернеръ входитъ въ наши предложенія, я себѣ сказалъ: вотъ этого они увѣрены никогда не исполнить. Они, кажется, готовились отказаться отъ постановленій Парижскаго договора, будучи убѣжденными въ томъ, что Англія никогда отъ нихъ не откажется. Въ концѣ концовъ они оставятъ договоръ въ прежнемъ видѣ, но будутъ притворяться, что желали бы его разрушить).

Русскій посланникъ въ Берлинѣ, баронъ Будбергъ высказалъ еще рѣшительнѣе свое мнѣніе о неудачѣ переговоровъ, возбужденныхъ Австріею. Онъ сказалъ [2]): „Il me semble que le C-te Rechberg ait eu un grand intérêt à rehausser à nos yeux la valeur de sa démarche et à amoindrir l'empressement de l'accueil qu'elle peut avoir

[1]) 1859. Londres. III. Réc., lettre 22 novembre (4 décembre).

[2]) 1859. Berlin. Réc. № 2164, dép. 30 novembre (12 décembre) № 144.

trouvé à Paris et surtout à Berlin. Dans les conjonctures politiques actuelles le rôle de l'Autriche en Europe n'est guère de nature à assurer de prime abord des auspices particulièrement favorables aux propositions qu'elle est dans le cas de faire aux autres puissances. Elle est trop entourée de suspicion, on la croit trop à la recherche d'expédients politiques pour que les ouvertures dont elle se constitue le promoteur n'éveillent la méfiance". (Мнѣ кажется, что графъ Рехбергъ очень заинтересованъ въ томъ, чтобы придать въ нашихъ глазахъ большое значеніе предпринятому имъ шагу и умалить готовность, съ которой встрѣтили его въ Парижѣ, а преимущественно въ Берлинѣ. При стеченіи настоящихъ политическихъ обстоятельствъ, роль Австріи въ Европѣ не такова, чтобъ державы относились особенно благосклонно къ предложеніямъ, которыя она бы сдѣлала. Она слишкомъ подвержена подозрѣніямъ, слишкомъ увѣрена въ томъ, что она разыскиваетъ политическія средства къ тому, чтобы предложенія, починъ которыхъ ей принадлежитъ, не возбудили недовѣрія).

По мысли князя Горчакова, изложенной въ докладѣ 13 октября, предложенія Австріи должны были быть приведены въ исполненіе безъ всякаго вмѣшательства нашихъ дипломатическихъ представителей, которымъ было наказано слѣдить за ходомъ дѣла, доносить о всѣхъ оттѣнкахъ и только въ случаѣ запроса со стороны правительства, при которомъ они состояли, давать объясненія болѣе или менѣе обстоятельныя [1]). Между тѣмъ, какъ видно изъ письма графа Рехберга князю Горчакову, а также изъ сообщеній посланника Балабина [2]), князь Меттернихъ, исполняя порученіе своего начальника, нашелъ графа Валевскаго болѣе освѣдомленнымъ, нежели онъ ожидалъ, относительно тѣхъ предложеній, которыя должны были быть переданы французскому правительству отъ лица австрійскаго, и, что, по поводу сего, князь Меттернихъ высказалъ графу Рехбергу свое удивленіе. На письмѣ Балабина князю Горчакову, увѣдомлявшаго его объ этомъ свиданіи русскаго и австрійскаго представителей въ Парижѣ, князь Горчаковъ сдѣлалъ помѣту. „Première conséquence de la fâcheuse initiative prise par le comte Kisselew et qui cependant avait été explicitement interdite dans l'expose que d'ordre de l'empereur j'avais lu dans la réunion de Varsovie" (первое послѣдствіе почина графа Киселева, о которомъ слѣдуетъ пожалѣть, но который однако былъ запрещенъ въ запискѣ, которую я, по приказанію государя, прочелъ въ собраніи, бывшемъ въ Вар-

[1]) 1859. Paris. Expéd.; lettre 26 novembre.
[2]) 1859. Vienne. Réc.; lettre 3/15 novembre.

шавѣ), а государь замѣтилъ: „Je le regrette extrêmement et ne comprends pas Kisselew“. (Я тоже объ этомъ очень сожалѣю и не понимаю Киселева). Князь Горчаковъ въ виду сего не преминулъ указать графу Киселеву, что ему вовсе не подобало первому заговаривать съ графомъ Валевскимъ по вопросу о пересмотрѣ нѣкоторыхъ постановленій Парижскаго договора; этимъ князь Горчаковъ объяснялъ то, что графъ Валевскій не былъ откровененъ, такъ какъ когда Киселевъ затронулъ съ нимъ этотъ вопросъ, князь Меттернихъ еще не исполнилъ своего порученія, но все-таки надо сожалѣть, писалъ Горчаковъ Киселеву, что „вы приняли на себя починъ, такъ какъ въ Варшавѣ было условлено, что онъ принадлежалъ Австріи [1]), но теперь, продолжалъ вице-канцлеръ, когда сдѣланъ первый шагъ, вы можете, если Валевскій подниметъ о томъ вопросъ въ Компіенѣ, ему передать, какъ все произошло въ Варшавѣ“.

Высказывая свое мнѣніе о депешѣ князю Меттерниху, заключавшей инструкціи о переговорахъ съ Парижскимъ кабинетомъ и сообщенной русскому правительству графомъ Сечени по приказанію графа Рехберга, князь Горчаковъ нашелъ, что выраженія депеши могли бы быть опредѣленнѣе, настойчивѣе и тверже [2]). Въ письмѣ отъ 7 ноября Балабину князь Горчаковъ писалъ, что этотъ вопросъ, касавшійся прямыхъ выгодъ и достоинства Россіи, возбужденъ совершенно добровольно Австріей, т. е. той изъ великихъ державъ, съ которой наши отношенія со времени Парижскаго мира отличались постоянной сдержанностью, и что пріемъ, котораго удостоятся предложенія Австріи въ Парижѣ и Берлинѣ, будетъ служить пробнымъ камнемъ для опредѣленія искренности и степени дружескихъ расположеній, питаемыхъ къ намъ французскимъ и прусскимъ кабинетомъ.

Что же касается порученія, даннаго князю Меттерниху въ Парижѣ, то по свѣдѣніямъ графа Киселева австрійскій посланникъ ограничился обмѣномъ съ графомъ Валевскимъ нѣсколькихъ неясныхъ словъ безъ заключенія и связи. Самъ Валевскій усмотрѣлъ въ предложеніи Меттерниха одинъ общій неопредѣленный разговоръ, но не формальное заявленіе [3]). Князь Горчаковъ предполагалъ, что Меттернихъ или не понялъ данныхъ ему инструкцій или получилъ безъ нашего вѣдома предписаніе не придавать своему предложенію характера формальнаго шага. „Это мнѣ неизвѣстно, писалъ князь Гор-

---

[1]) 1859. Paris. Y. Exp. № 504; 9 novembre. Exd. № 506, lettre 11 novembre.
[2]) 1859. Vienne. Exp.; lettres du 7 et 9 novembre.
[3]) 1859. Vienne. Exp. № 515; dép. 24 novembre.

чаковъ Балабину [1]), но во всякомъ случаѣ князь Меттернихъ не исполнилъ порученія въ томъ смыслѣ, въ какомъ графъ Рехбергъ намъ обѣщалъ, и не поставилъ первой вѣхи, съ которой долженъ былъ начаться новый путь сношеній между нашимъ и австрійскимъ кабинетами". Балабинъ съ своей стороны выразилъ предположеніе, что Меттернихъ, будучи занятымъ проведеніемъ итальянскихъ дѣлъ, не настаивалъ передъ Валевскимъ въ немедленномъ разрѣшеніи вопроса о пересмотрѣ Парижскаго договора. Въ томъ же письмѣ [2]) Балабинъ сообщалъ, что, по свѣдѣніямъ графа Рехберга, Валевскій нашелъ несвоевременнымъ обсуждать переданное ему княземъ Меттернихомъ предложеніе, къ которому въ принципѣ Франція готова примкнуть. Какъ показалось Балабину, пріемъ, оказанный въ Парижѣ предложеніямъ графа Рехберга, его не удовлетворилъ. На этомъ мѣстѣ письма Балабина имѣется помѣта государя: „nous l'avons pressenti". (Мы это предвидѣли). Наконецъ, самъ Меттернихъ объяснился съ Киселевымъ [3]). „Вы знаете, сказалъ онъ, переговоры, которые происходили въ Варшавѣ между княземъ Горчаковымъ и барономъ Вернеромъ о Парижскомъ договорѣ; князь Горчаковъ высказалъ желаніе, чтобы мы приняли на себя починъ въ его пересмотрѣ". На этомъ я, пишетъ графъ Киселевъ, перебилъ Меттерниха, чтобы съ самаго начала вывести вопросъ на чистую воду. Я ему сказалъ, что всѣ объясненія клонились къ возстановленію добрыхъ отношеній между обоими кабинетами, что, такъ какъ вѣнскій дворъ первый ихъ прервалъ, ему надлежало первому найти средства доказать дѣйствительными фактами его готовность возвратиться къ лучшимъ отношеніямъ между обѣими имперіями. Князь Горчаковъ, въ Варшавѣ, при этомъ сказалъ: „имѣйте въ виду, что мы ни о чемъ не просимъ, но что мы были бы очень рады признать во всемъ доброе расположеніе Австріи къ намъ". Князь Меттернихъ отвѣтилъ, что въ отчетѣ Вернера онъ дѣйствительно нашелъ эти оговорки, но что ему было поручено сдѣлать о семъ довѣрительное сообщеніе Тюильрійскому кабинету, дознавшись, предварительно, о томъ, какъ оно будетъ принято въ Парижѣ. „Строго подчинившись этимъ предначертаніямъ, продолжалъ австрійскій посолъ, я въ разговорѣ въ Компіенѣ съ графомъ Валевскимъ замолвилъ ему нѣсколько словъ о семъ порученіи. Изъ отвѣта его я заключилъ, что это дѣло ему уже было очень хорошо извѣстно, и что парижскій кабинетъ былъ очень

[1]) 1859. Vienne. Exp.; lettre 9 novembre.
[2]) 1859. Vienne. Réception; lettre secrète 20 novembre (2 décembre).
[3]) 1859. Paris, III, Réc. № 240; dep. secr. 22 novembre (4 décembre).

расположенъ его поддержать, когда наступятъ благопріятныя обстоятельства. Нѣтъ никакого сомнѣнія, сказалъ графъ Валевскій, что Англія будетъ этому сильно противиться и что необходимо выждать случая, который бы намъ обезпечилъ возможность успѣха. Усмотрѣвъ, прибавилъ князь Меттернихъ, что оффиціальное сообщеніе, при такихъ обстоятельствахъ, не имѣло бы другихъ послѣдствій, я воздержался отъ него, и я донесъ о происшедшемъ своему правительству". Въ заключеніе Меттернихъ высказалъ графу Киселеву свое расположеніе къ Россіи и намекнулъ, насколько было бы желательнымъ изъять изъ дальнѣйшихъ переговоровъ всякія оговорки, которыя онъ замѣтилъ въ нашихъ сношеніяхъ съ Вернеромъ, и повѣдать австрійскому кабинету наши сокровенныя мысли по этому поводу". Такимъ образомъ, оканчивалъ графъ Киселевъ свою депешу, оффиціальное сообщеніе не было сдѣлано австрійскимъ посломъ, и не безъ основанія вслѣдствіе предварительныхъ отвѣтовъ графа Валевскаго, которому были уже давно извѣстны мысли, положенныя въ основаніе варшавскихъ переговоровъ, и который, хотя и сочувствовалъ имъ, но отложилъ ихъ осуществленіе до болѣе благопріятнаго момента. На эту депешу графъ Киселевъ получилъ телеграфное сообщеніе отъ князя Горчакова [1]), въ которомъ онъ благодарилъ посла за правдивое сообщеніе Меттерниху варшавскихъ событій и за установленіе того, что починъ переговоровъ былъ сдѣланъ Вернеромъ.

Что же касается переговоровъ по тому же вопросу, веденныхъ графомъ Рехбергомъ въ Берлинѣ, то вскорѣ послѣ варшавскаго свиданія онъ посвятилъ въ тайну прусскаго посланника въ Вѣнѣ барона Вертера [2]), но только по полученіи отвѣта князя Меттерниха объ исполненномъ порученіи графъ Рехбергъ обратился оффиціально въ Берлинъ [3]) и высказалъ Балабину, на сколько надо быть осторожнымъ съ прусскимъ кабинетомъ въ виду его близости съ лондонскимъ, которому ни въ какомъ случаѣ нельзя было въ это время сообщать о предполагавшемся дѣлѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора съ Балабинымъ графъ Рехбергъ ему выразилъ [4]) свое неудовольствіе по поводу того пріема, который былъ сдѣланъ въ Берлинѣ его предложенію. Прусскій кабинетъ сочувствовалъ принципу, но избѣгалъ дѣйствія подъ предлогомъ ожидавшагося сопротивленія со стороны Англіи. По сооб-

[1]) 1859. Paris. Exp. № 540, tél. 3 décembre.

[2]) 1859. Vienne. Réc. № 1961, dép. 25 octobre (6 novembre) № 177. Berlin. Réc., lettre 30 octobre (11 novembre).

[3]) 1859. Vienne. Réc., lettre 20 novembre (2 décembre).

[4]) 1859. Vienne. Réc., tél. 26 novembre (8 décembre).

щеніи нашему посланнику въ Берлинѣ барону Будбергу этихъ свѣдѣній [1]), послѣдній отвѣтилъ [2]), что прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Шлейницъ ему передалъ разговоръ, который онъ имѣлъ съ австрійскимъ посланникомъ графомъ Хотекомъ. По словамъ послѣдняго, вѣнскій кабинетъ пришелъ къ убѣжденію, что существующая между великими державами натянутость отношеній частью происходитъ отъ того положенія, которое Россія принуждена была занять со времени заключенія Парижскаго договора. Это положеніе совершенно не соотвѣтствуетъ государству столь значительному, почему австрійское правительство, задавъ себѣ вопросъ, какими средствами можно было бы прекратить замѣченный недугъ, грозящій развиться, чѣмъ дольше онъ будетъ продолжаться, обмѣнялось въ Варшавѣ общими разсужденіями черезъ посредство барона Вернера, съ С.-Петербургскимъ кабинетомъ и убѣдилось въ томъ, что пересмотръ нѣкоторыхъ статей Парижскаго договора является существеннымъ условіемъ возстановленія Россіи въ то положеніе, которое она должна занимать для блага Европы. На запросъ графа Хотека, какъ смотритъ прусскій кабинетъ на это заключеніе, Шлейницъ отвѣтилъ, что его правительство готово заранѣе примкнуть ко всякимъ предложеніямъ Австріи объ отмѣнѣ въ пользу Россіи порядка вещей, созданнаго противъ нея. Но такъ какъ участіе Пруссіи въ постановленіяхъ Парижскаго конгресса было второстепеннымъ, то она не считаетъ умѣстнымъ принять на себя починъ въ ихъ измѣненіи. При этомъ Шлейницъ замѣтилъ Хотеку, что надлежало первоначально удостовѣриться въ согласіи Англіи, которая предубѣждена противъ допущенія какихъ-либо перемѣнъ въ постановленіяхъ означеннаго договора. Свою депешу баронъ Будбергъ заключаетъ разсужденіемъ, что графъ Рехбергъ очень расположенъ преувеличивать значеніе своихъ хлопотъ и высказывать сомнѣніе относительно искренности пріема австрійскихъ предложеній со стороны парижскаго, а въ особенности берлинскаго кабинета. При томъ же свиданіи съ барономъ Шлейницомъ, послѣдній передалъ барону Будбергу [3]) разговоръ, который имѣлъ прусскій посланникъ въ Лондонѣ графъ Бернсторфъ съ главнымъ секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ лордомъ Джономъ Росселемъ о томъ, насколько было бы желательно для общаго мира прекращеніе той политики преслѣдованія и недовѣрія, которую вела Англія въ отношеніи Россіи. Лордъ Россель выска-

[1]) 1859. Berlin. Exp. № 525; tél. 27 novembre (9 décembre).
[2]) 1859. Berlin, 11. Réc. № 2164; dép. 30 novembre (12 décembre) № 144.
[3]) 1859. Berlin, 11. Réc. № 2165; dépêche 30 novembre (12 décembre) № 145.

залъ желаніе сблизиться съ нами, но прибавилъ при этомъ отъ себя, что если Россія въ дѣйствительности имѣла бы въ виду отмѣну постановленій Парижскаго договора, то Англія рѣшилась бы воспротивиться этому всѣми средствами и не остановилась бы ни передъ какими жертвами; несмотря на то, что графу Бернсторфу не были извѣстны переговоры, которые Австрія намѣрена была предпринять по этому поводу, онъ старался убѣдить великобританскаго главнаго секретаря въ неосновательности его опасеній. Но лордъ Россель остался непоколебимымъ. Его возраженія были по этому вопросу настолько непреклонны, что нельзя было сомнѣваться въ его дѣйствительныхъ намѣреніяхъ. Почти одновременно писалъ баронъ Брунновъ изъ Лондона [1]) по тому же вопросу, что Англія безъ сомнѣнія откажетъ въ своемъ согласіи на пересмотръ Парижскаго договора. Она даромъ никогда не дѣлаетъ уступокъ, никогда она не отречется отъ постановленій договора, достигнутыхъ ею послѣ столькихъ жертвъ. Министръ, который безъ крайней необходимости, безъ особаго вознагражденія согласился бы на такую сдѣлку, подписалъ бы свой собственный приговоръ. Пальмерстонъ не способенъ на такое самоубійство. Представляя эти соображенія, баронъ Брунновъ доказывалъ, что никто болѣе его не желалъ достиженія результата, къ которому стремился князь Горчаковъ, но онъ убѣждалъ его не спѣшить, такъ какъ вѣнскій кабинетъ рѣшился отказаться отъ нѣкоторыхъ постановленій договора 1856 года и склонить Парижскій и Берлинскій кабинеты къ тому же; если это удастся, то надо перехватить духъ (faites une halte). „Вы сами сказали мнѣ въ Варшавѣ, пишетъ баронъ Брунновъ: „Je mettrai le désistement de l'Autriche dans mon portefeuille et je le garderai pour l'avenir". (Я положу отказъ Австріи въ свой портфель и сохраню его на будущее время). Если бы затѣмъ одновременно пришли въ Англію представленія Австріи, Пруссіи и Франціи о пересмотрѣ договора 1856 года, они бы остались безъ успѣха. Австріи Пальмерстонъ бы отвѣтилъ: Вы хотите разорвать Парижскій договоръ, такъ какъ вы желали бы улучшить свои отношенія къ Россіи, это меня вовсе не касается. Англія не можетъ отказаться отъ постановленій, заключенныхъ въ ея пользу; она не должна вредить своему положенію въ угоду вамъ. Пруссіи бы онъ сказалъ: постановленія, касающіяся Чернаго моря и Бессарабской границы, состоялись безъ вашего участія. Если вы отказываетесь отъ условій договора, опредѣленныхъ помимо васъ, я ни во что не ставлю вашихъ недоумѣній. Съ одной Франціей Пальмерстонъ бы поцеремонился, но

[1]) 1859. Londres. 11. Réception; lettre 22 novembre (4 décembre).

и французскій министръ старался бы избѣгнуть ссоры съ Англіей". Такими разсужденіями баронъ Брунновъ убѣждалъ князя Горчакова не торопиться, выждать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. По мнѣнію барона Наполеонъ долженъ былъ имѣть серьезный поводъ щадить Англію. Ему будетъ пріятно доказать ей, что онъ не намѣренъ порвать Парижскій договоръ для того, чтобы намъ угодить. Даже если бы онъ заступился за насъ, то очень вяло, чтобы затѣмъ сказать: „à l'impossible nul n'est tenu (на нѣтъ и суда нѣтъ)". Въ этомъ мѣстѣ письма на поляхъ стоитъ помѣта князя Горчакова: „Ici, je le crois dans le vrai (я думаю, что онъ говоритъ правду), государь же прибавилъ: „Et moi aussi (и я тоже)".

Письмо барона Бруннова, полученное вице-канцлеромъ 3 декабря 1859 года, совпало съ сообщеніемъ графа Рехберга о неудачѣ его представленій въ Парижѣ, что, какъ мы видѣли выше, вызвало помѣту государя на письмѣ графа Рехберга: „d'après moi il vaut mieux laisser tomber la chose pour le moment" (по-моему предпочтительнѣе оставить на время дѣло).

Для характеристики личности графа Рехберга и его взгляда на тѣ переговоры, которые онъ вызвался предпринять въ 1859 г. съ цѣлью сближенія Австріи съ Россіей, здѣсь умѣстно будетъ привести разсказъ, переданный нашему посланнику въ Вѣнѣ Новикову въ 1870 г. тогдашнимъ австро-венгерскимъ канцлеромъ графомъ Бейстомъ [1]), который въ 1867 году также предложилъ съ тою же цѣлью возбудить вопросъ объ отмѣнѣ тѣхъ же постановленій Парижскаго договора и потерпѣлъ неудачу наравнѣ съ графомъ Рехбергомъ. Въ 1870 г. Императоръ Александръ II рѣшился порвать узы, ограничившія его верховныя права на Черномъ морѣ, о чемъ было разослано всѣмъ правительствамъ, подписавшимъ договоръ 1856 г., циркулярное сообщеніе. При обсужденіи его въ австрійскихъ делегаціяхъ въ палатѣ графу Бейсту пришлось выслушать порицанія за возбужденіе имъ въ 1867 г. вопроса о пересмотрѣ Парижскаго договора отъ многихъ членовъ делегацій, между прочимъ и отъ графа Рехберга. „il avait", разсказывалъ графъ Бейстъ Новикову: „oublié complétement sa propre correspondance antérieure avec le prince Gortchacow. Je lui ai répondu que j'avais eu tort peut être d'adopter une pareille attitude, mais que je croyais me rappeler qu'un autre homme d'état dirigeant la politique extérieure de l'Autriche en 1859 et dont le nom m'échappait, m'en avait frayé la voie". (Онъ совершенно забылъ свою переписку съ княземъ Горчаковымъ. Я ему отвѣтилъ, что я, можетъ быть, былъ не правъ,

[1]) 1870. Vienne II. Rec. № 2229; dép. 25 novembre-7 décembre № 77.

если занялъ такое положеніе, но что, насколько мнѣ помнится, другой государственный мужъ, управлявшій внѣшнею политикою Австріи въ 1859 г., имя котораго я забылъ, указалъ мнѣ этотъ путь).

Сближеніе Австріи съ Россіей на почвѣ отмѣны нѣкоторыхъ постановленій Парижскаго договора преслѣдовалось въ 1859 г. не однимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Рехбергомъ; съ тою же цѣлью эрцъ-герцогъ Альбрехтъ пріѣзжалъ въ Варшаву въ октябрѣ того же года для привѣтствованія императора Александра [1]); по тому же предмету принцъ Александръ Гессенскій, шуринъ государя, велъ съ нимъ переписку по приказанію императора Франца-Іосифа. Послѣдній благодарилъ за сердечный пріемъ своего дяди эрцгерцога Альбрехта [2]) и выразилъ, что насколько онъ счастливъ укрѣпить миръ и согласіе между державами, въ знакъ чего онъ назначилъ цесаревича Николая Александровича шефомъ 61-го пѣхотнаго полка. Въ отвѣтъ на это письмо [3]) императоръ Александръ II, благодаря Франца-Іосифа за это назначеніе, сообщилъ ему: Mon beau frère le prince Alexandre de Hesse m'a écrit par ton ordre sur un sujet qui avait été touché dans mes conversations avec l'archiduc Albert, conversations qui n'étaient que des épanchements envers un ami et n'avaient nullement le caractère de récriminations de ma part". (Мой шуринъ, принцъ Александръ Гессенскій, мнѣ написалъ, согласно твоему приказанію, по вопросу, который былъ затронутъ въ моихъ бесѣдахъ съ эрцгерцогомъ Альбертомъ, имѣвшихъ значеніе изліяній чувствъ по отношенію къ другу, но отнюдь не жалобъ съ моей стороны).

Князь Горчаковъ не довѣрялъ Австріи и предостерегалъ государя отъ ея козней. „Me fondant,—писалъ онъ 14 февраля 1860 г. [4])—sur une expérience de 40 années, sur celle surtout qui résulte d'une participation, plus immédiate aux intérêts de la Russie, je vous dirai toujours, la main sur la conscience: défiez-vous, Sire, du cabinet de Vienne, quels que soient les hommes qui en représentent la pensée". На этомъ докладѣ государь помѣтилъ: «Quant à la défiance envers l'Autriche personne n'est plus payé que moi pour en avoir; ainsi ne pensez pas que je me laisse leurrer par qui que ce soit". (Основываясь на сорокалѣтнемъ опытѣ, въ особенности на опытѣ, получен-

[1]) 1859. Autriche. Empereur. Réception. Voyage № 3 Lettre de François-Joseph. 17 octobre.

[2]) 1859. Autriche. Empereur. Réception № 2172, Lettre de François-Joseph 4 décembre.

[3]) 1859. Autriche. Empereur. Expédition. Lettre autographe 1—13 décembre.

[4]) 1860 г. Доклады.

номъ отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ, соприкосновенныхъ съ выгодами Россіи, я вамъ всегда скажу, положа руку на сердце: не довѣряйте, государь, вѣнскому кабинету, какіе бы то ни были люди, которые вдохновляются его мыслями).

IV.

Послѣ неудачной войны съ Пруссіей въ 1866 г. Австрія вновь возбуждаетъ вопросъ о пересмотрѣ Парижскаго договора; предложеніе австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ барона Бейста остается безъ успѣха.

Побѣды Пруссіи надъ Австріей подъ Садовой и Кенигсгрецомъ положили основаніе къ объединенію Германіи.

Извѣщая о нихъ своего племянника императора Александра II собственноручнымъ письмомъ [1]), король Вильгельмъ поручилъ своему генералъ-адъютанту Мантейфелю передать государю Александру Николаевичу свои сокровенные взгляды на совершившіяся событія. „Онъ, писалъ король, въ состояніи вамъ нарисовать все положеніе. Онъ съ благодарностью выслушаетъ всѣ замѣчанія, которыя вы пожелаете ему сдѣлать. Вы ему сообщите откровенно, не существуютъ ли какіе-либо русскіе интересы, удовлетвореніе коихъ могло бы еще тѣснѣе стянуть узы, связывающія насъ цѣлое столѣтіе, въ теченіе котораго выгоды Россіи никогда не противорѣчили выгодамъ моей страны“. Въ отвѣтъ на это письмо государь писалъ [2]): „Графъ Мантейфель привезъ вашу сокровенную мысль. Онъ вамъ сообщитъ, какія думы она мнѣ внушила. Я всею душою васъ благодарю за это новое свидѣтельство вашего довѣрія. Я ему отозвался съ полною искренностью. Въ нашихъ частныхъ бесѣдахъ Мантейфель узналъ мою сокровенную мысль. Онъ вамъ ее передастъ съ точностью“.

Мысль, о которой упоминалось въ этихъ письмахъ, заключалась въ непреклонномъ намѣреніи императора освободиться отъ постановленій Парижскаго договора, несовмѣстимыхъ съ достоинствомъ и безопасностью Россіи. Правильность этого вывода подтверждается тѣмъ, что, когда въ 1870 году государь обратился къ королю Вильгельму съ просьбой содѣйствовать ему въ исполненіи своихъ предначертаній въ этомъ направленіи, онъ сослался на свою бесѣду съ генераломъ Мантейфелемъ.

---

[1]) 1866. Prusse. (roi). Récep. Lettre. 8 août 1866.

[2]) 1866. Prusse. (roi). Expéd. №№ 329 (b), 336 (b) lettres autographes 31 juillet/12 août, 12/24 août.

Завѣтною мыслію Александра II воспользовался назначенный 2-го ноября/21 октября 1866 года австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ саксонецъ баронъ Бейстъ [1]), чтобы, возбудивъ вопросъ объ ея осуществленіи, способствовать сближенію Австріи съ Россіею. Баронъ Бейстъ объявилъ императорскому посланнику въ Вѣнѣ графу Штакельбергу [2]), что онъ намѣренъ положить новыя основанія политикѣ, относящейся къ восточнымъ христіанамъ, что онъ расположенъ благопріятствовать развитію между ними автономіи и самоуправленія и желаетъ согласиться съ Россіей по этому вопросу. На это заявленіе барона Бейста князь Горчаковъ просилъ нашего посланника [3]) передать ему свои поздравленія по поводу его намѣренія ввести въ австрійскую политику по отношенію къ востоку новыя начала болѣе либеральныя и возвышенныя. Депеша заключалась увѣреніемъ въ нашемъ полномъ сочувствіи къ благимъ намѣреніямъ австрійскаго министра и выраженіемъ нашего ожиданія того, что онѣ осуществятся въ дѣйствительности.

Начало осуществленія новой эры, провозглашенной барономъ Бейстомъ въ австрійской политикѣ, выразилось въ депешѣ его отъ 1 января 1867 года на имя австрійскаго посла въ Парижѣ князя Меттерниха. Въ ней выражалось мнѣніе, что осложненія на востокѣ могли бы быть разрѣшены мирнымъ путемъ посредствомъ удовлетворенія справедливыхъ требованій всѣхъ христіанскихъ племенъ, которыя успокоились бы, убѣдившись, что Европа ими занимается, и посредствомъ соглашенія всѣхъ великихъ державъ съ Россіей, которую надлежало бы удовлетворить путемъ пересмотра Парижскаго договора. Соглашеніе это было бы достигнуто въ конференціи, созванной въ Вѣнѣ.

Сообщая въ этой депешѣ, которую князь Меттернихъ долженъ былъ передать парижскому кабинету, графъ Штакельбергъ писалъ [4]), что въ ней Бейстъ очень горячо настаивалъ на пересмотрѣ ограничительныхъ постановленій 1856 года, такъ какъ восточный вопросъ могъ бы быть разрѣшенъ только съ согласія Россіи, но Россіи вполнѣ удовлетворенной.

По словамъ графа Штакельберга, французскій посолъ въ Вѣнѣ герцогъ Грамонъ былъ настолько удивленъ депешей Бейста, что приписывалъ ее заговору, состоявшемуся между Штакельбергомъ и австрійскими министрами. Еще большее недоумѣніе произвела она на князя Горчакова, который поспѣшилъ телеграфировать къ Шта-

[1]) 1866. Vienne. III Réc. № 2033, dép. 23 octobre/4 novembre № 134.
[2]) 1866. Vienne. III. Réc. № 2132, dép. 16/28 novembre.
[3]) 1866. Vienne. III. Expéd. № 402; dépêche chiffrée 22 novembre.
[4]) 1866. Vienne. III. Réc.; lettre 26 décembre/7 janvier.

кельбергу [1]): Il y a excès de zèle de Beust, dont résultent commérages à Paris. Son initiative est prise pour la nôtre. Il faudra observer plus de réserve à son égard». (Отъ слишкомъ большого рвенія со стороны Бейста происходятъ сплетни въ Парижѣ. Его починъ тамъ считаютъ нашимъ. Необходимо соблюдать болѣе сдержанности по отношенію къ нему).

Въ Парижѣ министръ иностранныхъ дѣлъ маркизъ Мутье при передачѣ ему австрійскихъ предложеній, вскочилъ до потолка отъ удивленія, по словамъ самого Бейста. Раздѣляя опасенія Австріи въ случаѣ невмѣшательства Европы во внутреннія смуты Оттоманской имперіи, Мутье находилъ, что баронъ Бейстъ зашелъ слишкомъ далеко въ своей депешѣ князю Меттерниху, которая ему казалась внушенной Россіею. Мутье не одобрялъ предложенія конференціи для обсужденія восточнаго вопроса въ полномъ объемѣ и хотя Франція и расположена была къ отмѣнѣ нѣкоторыхъ постановленій Парижскаго договора, но она не могла примкнуть къ конференціи, созванной съ открытою цѣлью пересмотра договора, служившаго обезпеченіемъ существованія Оттоманской имперіи.

Въ бесѣдѣ съ графомъ Штакельбергомъ баронъ Бейстъ высказалъ ему свое сожалѣніе по поводу того, что его предложенія не были приняты въ Парижѣ, такъ какъ онъ считалъ необходимымъ удовлетворить Россію. Штакельбергъ его упрекнулъ за починъ, принятый имъ относительно пересмотра Парижскаго договора, этотъ починъ послужилъ только къ возбужденію недовѣрія Франціи. „Мы не нуждаемся ни въ чьемъ заступничествѣ для защиты нашего дѣла“, пояснялъ графъ Штакельбергъ барону Бейсту, занятое нами положеніе достаточно доказываетъ, что мы не намѣрены торговаться изъ нашего участія въ европейскомъ соглашеніи, къ тому же ограниченія, наложенныя на насъ недовѣріемъ, сами собою исчезнутъ безъ всякаго нашего вмѣшательства [2]). Герцогу Грамону Штакельбергъ сказалъ, что мы никакого порученія Бейсту не давали, что Бейстъ дѣйствовалъ по своему внутреннему внушенію, вѣроятно изъ желанія угодить вице-канцлеру князю Горчакову.

Изъ переписки послѣдняго съ императорскимъ посломъ въ Парижѣ барономъ Будбергомъ видно, что вице-канцлеръ не считалъ готовность Франціи содѣйствовать прекращенію смуты между христіанскимъ населеніемъ Оттоманской имперіи путемъ настояній на

---

[1]) 1866. Vienne. III. Exp. № 431, tél. 29 décembre.

[2]) 1867 Vienne, I, Réc. № 45, dépêche 6/18 janvier № 2. Réc. № 46, dépêche 6/18 janvier № 3.

Порту,—особою заслугою въ интересахъ Россіи". „Соглашеніе съ нами, писалъ князь Горчаковъ барону Будбергу [1]), съ цѣлью предупредить возстаніе на востокѣ, не есть заслуга въ пользу одной Россіи, оно соотвѣтствовало бы столько же выгодѣ Франціи и даже всей Европы. Въ планѣ умиротворенія христіанскаго населенія Турціи, предположенномъ Парижскимъ кабинетомъ, нѣтъ никакихъ указаній на что-либо, затрогивающее прямые интересы Россіи. Мутье ни слова не упоминаетъ о нихъ, напр., объ отмѣнѣ постановленій договора 1856 г. противныхъ нашему достоинству. При осуществленіи этого плана выиграли бы общіе интересы Европы, такъ какъ сохраненіе мира было бы достигнуто". Почему князь Горчаковъ не усматривалъ никакихъ выгодъ для Россіи въ томъ, чтобы обѣщанное содѣйствіе Франціи къ умиротворенію востока было положено въ основаніе болѣе тѣснаго союза съ нею. Въ отвѣтъ на эту депешу баронъ Будбергъ разъяснилъ [2]), что французскій кабинетъ признавалъ свое содѣйствіе намъ въ Константинополѣ за услугу, оказанную намъ, считая, что востокъ былъ всегда излюбленнымъ полемъ русскаго вліянія и русскихъ симпатій. Если маркизъ Мутье, желая угодить Россіи новымъ направленіемъ французской политики въ Константинополѣ, не замолвилъ никакого обѣщанія относительно отмѣны нѣкоторыхъ постановленій Парижскаго договора, то, онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Наполеонъ III, не рѣшались пожертвовать, безъ соотвѣтственнаго вознагражденія, однимъ изъ результатовъ кровопролитной войны, на что Англія никогда бы не согласилась. Кромѣ того французскій кабинетъ не имѣлъ яснаго представленія, какое значеніе русское правительство приписывало отмѣнѣ этихъ постановленій. Съ одной стороны изъ того, что Россія только-что сократила число своихъ судовъ на Черномъ морѣ, можно было предполагать, что она рѣшилась посвятить свои средства на развитіе своихъ внутреннихъ силъ, съ другой стороны, въ виду ея все увеличивавшагося могущества, вытекало соображеніе, что незначительныя ограниченія, наложенныя договоромъ, потерявшимъ уже свою силу, сами собою исчезнутъ, коль скоро они покажутся слишкомъ стѣснительными. При этихъ условіяхъ французскому правительству могло бы представляться плохимъ разсчетомъ хлопотать по такому дѣлу, благопріятный исходъ котораго былъ бы встрѣченъ вполнѣ равнодушно Россіею. Опытъ же достаточно насъ научилъ, что французское правительство норовитъ всегда преувеличивать свои малѣйшія услуги, но не умалять ихъ.

---

[1]) 1867. Paris. III. Exp. № 47, dép. 16 février.

[2]) 1867. I, Réc. № 432, dép. 24 février-8 mars № 27.

Такимъ образомъ готовность австро-венгерскаго министра барона Бейста возбудить вопросъ о пересмотрѣ Парижскаго договора, выражавшаяся только въ словахъ и въ фразахъ, встрѣтила холодный пріемъ въ Парижѣ. Изъ депешъ императорскаго посла въ Лондонѣ барона Бруннова видно, что онъ затронулъ этотъ вопросъ въ своей бесѣдѣ съ англійскимъ министромъ лордомъ Джономъ Росселемъ по поводу измѣнившагося положенія дунайскихъ княжествъ [1]). Хотя лордъ Россель призналъ, что эта перемѣна, противная постановленіямъ Парижскаго договора, могла бы имѣть своимъ послѣдствіемъ пересмотръ Парижскаго договора, вслѣдствіе чего Россія пріобрѣла бы право на полученіе уступленной границы и на извѣстное территоріальное расширеніе въ Молдавіи, но на отмѣну ограниченій, которымъ подвергся нашъ флотъ по договору 1856 г., Англія никогда бы не согласилась. Баронъ Брунновъ писалъ [2]): „L'Angleterre à moins d'être vaincue par le sort des armes ne consentirait pas volontairement à se désister d'un gage de sûreté obtenu au prix des plus grands sacrifices. Aucun cabinet ne serait assez fort pour nous faire une pareille concession, s'il n'était pas à même de la justifier aux yeux du pays par une compensation équivalente".

(Англія, развѣ только она была бы побѣждена, добровольно не согласилась бы отказаться отъ залога, обезпечивающаго безопасность и добытаго столь дорогою цѣною. Ни одинъ кабинетъ не отважится сдѣлать намъ такую уступку, если бы онъ не былъ въ состояніи оправдать ее въ глазахъ страны равномѣрнымъ вознагражденіемъ).

Вспоминая объ обстоятельствахъ заключенія Парижскаго договора, баронъ Брунновъ излагаетъ далѣе въ своемъ письмѣ, что въ то время закрытіе проливовъ было для насъ необходимо въ виду неоконченнаго еще тогда усмиренія Кавказскаго побережья. Въ 1866 г. закрытіе проливовъ потеряло для насъ свое значеніе. „Я скажу болѣе, говоритъ Брунновъ, со времени договора 1856 г. Черное море осталось ни открытымъ, ни закрытымъ, въ виду того, что каждая держава пріобрѣла права содержать по два военныхъ судна у устья Дуная. Это приводитъ меня къ заключенію, что Россія ничего бы не потеряла отмѣною начала закрытія проливовъ, въ мирное время; очевидно, что это начало въ военное время не имѣло для насъ никакого значенія, такъ какъ Порта вольна была всегда отворять проливы для пропуска эскадръ западныхъ державъ, если она признавала ихъ присутствіе необходимымъ для своей за-

[1]) 1866. Londres. II. Réc. № 3206, dép. 30 avril/12 mai № 91.
[2]) 1866. Londres. II, Réc. lettre 30 avril/12 mai.

щиты. Наконецъ наши моряки всегда считали закрытіе проливовъ большимъ неудобствомъ для насъ, такъ какъ оно препятствовало пропуску нашихъ судовъ въ Средиземное море". Это письмо баронъ Брунновъ заключаетъ словами: „Toutes ces considérations ont besoin d'être mûrement examinées avant d'arriver à une conclusion pratique sur les propositions à émettre lorsqu'on en viendrait à la révision du traité de Paris".

(Всѣ эти соображенія подлежатъ зрѣлому обсужденію прежде чѣмъ будетъ выражено практическое заключеніе о предложеніяхъ, которыя можно будетъ представить, приступая къ пересмотру Парижскаго договора).

И такъ, отмѣны ограничительныхъ постановленій договора 1856 года Россія не получила изъ рукъ Австріи, въ виду чего она рѣшилась самостоятельно отъ нихъ освободиться путемъ односторонняго заявленія державамъ, изложеннаго въ циркулярной депешѣ канцлера отъ 19/31 октября 1870 года.

С. Горяиновъ.

Учебныя воспоминанія [1]).

Нѣкоторые изъ студентовъ очень интересовались также технологіей, наукой еще больше, чѣмъ химія, съ ея труднозапоминаемыми названіями, представляющею интересъ для пытливаго юнаго ума, стремящагося знать, что изъ чего, какъ и для чего дѣлается.

Преподавалъ технологію симпатичнѣйшій профессоръ Модестъ Яковлевичъ Киттары, стараясь при томъ привлекать студентовъ для практическихъ занятій въ свою скудную лабораторію. И дѣйствительно—нѣкоторые занимались, но едва-ли съ тѣмъ успѣхомъ, какъ повѣствовалось въ университетскихъ отчетахъ. Для поощренія занимающихся М. Я. печаталъ сообщенія о ихъ работахъ въ редактировавшихся имъ запискахъ Казанскаго Общества сельскаго хозяйства.

Хотя эти „технологи“, пожалуй, чаще мѣшали работамъ самаго профессора (какъ это было и съ любителями химіи у Бутлерова), чѣмъ достигали какихъ-либо практическихъ цѣлей (если не считать таковыми—стараніе заручиться расположеніемъ профессора), тѣмъ не менѣе между ними оказывались даже изобрѣтатели. Такъ напр., въ „Запискахъ“—профессоръ сообщалъ, между прочимъ, объ изобрѣтеніи нашимъ товарищемъ В. В. Эннатскимъ какой-то „салорѣзки“ для нуждъ свѣчного и мыльнаго производствъ [2]).

Киттары былъ очень знающій профессоръ; по лекціямъ его видно было, что онъ въ своемъ предметѣ какъ рыба въ водѣ; много

---

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1908 г.

[2]) Этотъ Вас. Вас. Эннатскій, считавшійся у насъ не особенно способнымъ, до нѣкоторой степени чудакомъ, надо думать—отецъ того чудака г. Эннатскаго, который въ 70-хъ или 80-хъ г.г. путешествовалъ—изъ Саратова или Самары «на тройкѣ» въ Парижъ.

интересовался онъ мѣстной казанской промышленностью; посѣщалъ мѣстные заводы и, конечно, не безъ противодѣйствія ихъ владѣльцевъ, давая указанія для улучшенія производства, остававшіяся, вѣроятно, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ [1]).

Обстановка для практическихъ занятій студентовъ химіей и технологіей была весьма скудная. Поэтому нѣкоторой ироніей кажутся хвалебные отзывы университетскихъ отчетовъ объ особенныхъ успѣхахъ и усердіи гг. камералистовъ. Не отрицая усердія, нельзя было однако не признать, что арена для его примѣненія была очень неудобная. Однако напр. въ отчетѣ за 1855—56 г. сообщалось, въ доказательство, что камералисты очень усердно занимаются теоріей и практикой, что „несмотря на краткій срокъ существованія камеральнаго отдѣленія (учр. въ 1844 г.) оно произвело уже двухъ магистровъ технологіи (Фирстова и Чугунова) и приступило къ экзамену третьяго (Степанова), при чемъ особенно отмѣчалось, что ученыя изслѣдованія „сихъ молодыхъ дѣятелей, равно и курсовыя сочиненія студентовъ, касаются исключительно мѣстныхъ техническихъ производствъ“. Этимъ составитель отчета хотѣлъ, конечно, оттѣнить пользу камеральнаго отдѣленія для Приволжскаго края. Далѣе пояснялось, что „студенты опытно знакомятся съ мѣстными производствами, раскрывая ихъ недостатки и указывая на возможныя улучшенія,“... что „Казанское Экономическое Общество и учебная земледѣльческая ферма М-ва государственныхъ имуществъ постоянно предлагаютъ свое содѣйствіе“.., что общество это, заботясь, чтобы камералисты пріобрѣтали практическій навыкъ къ занятію сельскимъ хозяйствомъ, приглашало своихъ членовъ брать камералистовъ на лѣтнюю рабочую пору въ свои имѣнія и печатало ихъ письменныя попытки въ своихъ запискахъ.., что „такую же готовность споспѣшествовать практическимъ трудамъ студентовъ оказывала и учебная ферма“. Впрочемъ ни мнѣ, ни, сколько помню, моимъ товарищамъ приглашеній поучиться сельскому хозяйству „въ лѣтнюю рабочую пору“ дѣлаемо не было. Хорошо помню только, что со сдачею экзаменовъ всѣ стремились какъ можно скорѣе уѣзжать домой. А кто имѣлъ касательство къ сельскому хозяйству, баричи-помѣщичьи дѣти (особенно любившіе камеральное

[1]) Не безъ грусти разсказывалъ онъ намъ, напримѣръ, что на его совѣтъ ввести нѣкоторое улучшеніе въ свѣчносальномъ производствѣ, вслѣдствіе котораго свѣчи стали бы яснѣе и дольше горѣть—заводчикъ отвѣчалъ ему: «что же намъ-то будетъ хорошаго? Чѣмъ скорѣе свѣчи сгораютъ, тѣмъ больше нашъ сбытъ». Не мало интересныхъ замѣчаній сообщилъ онъ въ въ своей актовой рѣчи 1857 г. о нашей промышленности. («Очеркъ современнаго положенія и нуждъ русской мануфактурной промышленности»).

отдѣленіе за его „легкость“, никакъ не за интересныя науки), то они, забравшись въ свои деревни, больше интересовались, конечно, лошадьми, собаками, да охотой за зайцами и прекраспыми поселянками, чѣмъ сельскимъ хозяйствомъ.

Объ успѣшности занятій камералистовъ другой категоріей камеральныхъ наукъ свѣдѣній въ отчетахъ не имѣется; думаю—потому, что эти науки не имѣли такого энергичнаго заступника и пропагатора, какимъ былъ проф. Киттары для своей области и соприкосновенныхъ къ ней наукъ.

Правда, что онъ орудовалъ очень усердно, стараясь заинтересовывать своихъ слушателей обслѣдованіемъ и изученіемъ мѣстныхъ отраслей заводской промышленности и печатаніемъ ихъ письменныхъ работъ и наблюденій въ редактируемыхъ имъ вышеупомянутыхъ „запискахъ“, но поддавались на это лишь немногіе, придерживаясь, должно быть, поговорки „лѣнь прежде насъ родилась“. Впрочемъ, можетъ быть, уже нѣсколько растративъ свою энергію, онъ вовсе не приглашалъ нашъ курсъ ни на осмотры заводовъ, ни на какія-либо изслѣдованія, а только показывалъ намъ нѣкоторые продукты и модели орудій производствъ въ технологическомъ кабинетѣ при своей аудиторіи (находившейся въ томъ же корридорѣ, гдѣ была аудиторія Пелля), да въ своей мизерной лабораторіи опыты нѣкоторыхъ простѣйшихъ производствъ. Лабораторія эта помѣщалась въ низенькомъ сараевидномъ зданіи, противъ зданія, отведеннаго подъ химію и физику... Какъ бы то ни было, все-таки химія и технологія больше интересовали камералистовъ, чѣмъ группа наукъ государственныхъ и юридическихъ. Но для практическихъ занятій тѣми двумя науками оказывалось, помимо неудобствъ помѣщеній, препятствіе еще въ томъ, что студенты должны были платить за матеріалы и порчу посуды, что бѣдныхъ совсѣмъ отпугивало, да и состоятельнымъ не очень было по душѣ, такъ какъ деньги, получаемыя изъ дому для этой цѣли, охотнѣе расходовались на что-нибудь хотя менѣе полезное, но болѣе пріятное [1]).

По своему добродушію, участливому вниманію къ интересамъ молодежи, по желанію быть ей полезнымъ, Киттары былъ прямо идеальнымъ человѣкомъ [2]).

---

[1]) Читающая публика въ свое время съ большимъ интересомъ читала въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1852–53 г.) прекрасное описаніе первой всемірной выставки, бывшей въ Лондонѣ въ 1851 г., подписанное Ктрр.

[2]) Въ студенческой пѣснѣ имѣется о немъ такой отзывъ:

Модесту Киттары
Общая любовь!

Изъ Казани Киттары перешелъ въ 1857 г. въ Московскій университетъ, потомъ былъ, кажется, директоромъ Московской Практической Коммерческой Академіи; а впослѣдствіи предсѣдателемъ ученаго комитета интендантскаго вѣдомства. Окончательно оставивъ профессуру въ 1879 г., онъ умеръ въ Петербургѣ, въ 1880 г.

Г. Скальковскій въ своихъ воспоминаніяхъ „по морю житейскому“ („Новое Время“ 12 іюля 1905, № 10.595) называетъ Киттары „ловкимъ и юркимъ человѣкомъ“. Такая характеристика, мнѣ кажется, обидна для памяти Модеста Яковлевича: онъ жилъ интересами русской промышленности, печаловался ея печалями, сокрушался о ея косности и—конечно могъ принести много пользы интендантству, если только мнѣнія и совѣты его были принимаемы въ уваженіе... Если же съ теченіемъ времени, убѣдившись, что у насъ идти напрямки невозможно, онъ сталъ приноравливаться къ людямъ и обстоятельствамъ для проведенія своихъ идей, то это были „юркость и ловкость“, вполнѣ объяснимыя положеніемъ дѣлъ и потому извинительныя [1]).

Дополнительными или побочными предметами были для камералистовъ, какъ выше сказано, гражданское и уголовное право и судопроизводство.

Гражданское право читалъ С. В. Пахманъ. Небольшая характеристика его преподаванія и его личности приведена мною выше. Прибавлю, что студенты очень любили его, не только какъ хорошаго профессора, но и какъ человѣка очень отзывчиваго. Къ обоимъ предметамъ этимъ однако наши камералисты относились, какъ и те-

---

[1]) Прибавлю еще, что косвенно я обязанъ ему моимъ выступленіемъ на литературное поприще: въ своихъ замѣткахъ о промышленной выставкѣ, бывшей въ Петербургѣ въ 1861 г., онъ, упомянувъ въ одной изъ газетъ, съ похвалой о журналѣ «Промышленность», издававшемся тогда Струбинскимъ, высказалъ сожалѣніе, что журналъ этотъ имѣетъ мало сотрудниковъ. Это навело меня на мысль предложить свои услуги редактору «Промышленности» Узловскому. Въ этомъ журналѣ и было напечатано въ 1862—63 г. нѣсколько моихъ статеекъ—выдержекъ изъ иностранныхъ брошюръ и журналовъ, отчетъ о Лейпцигской ярмаркѣ 1863 г. (корреспонденція изъ Лейпцига), нѣкоторыя библіографическія замѣтки и переводъ книги Bastiat-Sophismes économiques.

перь относятся студенты къ предметамъ дополнительнымъ, т. е. спустя рукава; тройки-де вполнѣ достаточно. Хотя экзаменовалъ онъ довольно серьезно; но единицами и двойками угощалъ неохотно, кажется, даже и юристовъ, у которыхъ гражданское право было, разумѣется, предметомъ главнымъ. А съ камералиста, если онъ могъ отвѣтить хотя по „Рождественскому“, чего же больше и спрашивать!

Прощаясь съ Семеномъ Викентьевичемъ весною 1857 года (онъ исправлялъ тогда должность инспектора, какъ выше сказано), я, конечно, не предчувствовалъ, что со временемъ встрѣчусь съ нимъ уже въ качествѣ коллеги-профессора въ С.-Петербургскомъ университетѣ, пригласившемъ его въ 1866 году занять каѳедру гражданскаго права, послѣ того, какъ онъ съ 1859 г. занималъ въ Харьковскомъ университетѣ сперва каѳедру полицейскаго права, потомъ гражданскаго. Въ Петербургѣ онъ 10 лѣтъ преподавалъ свой любимый предметъ, неся нѣсколько лѣтъ и обязанности декана; но вынужденъ былъ покинуть университетъ вслѣдствіе образовавшейся противъ него коалиціи въ Факультетѣ и Совѣтѣ. Опустимъ завѣсу на это прискорбное для университета и въ частности для его юридическаго факультета обстоятельство, лишившее факультетъ такой крупной научной силы. Обстоятельство это не помѣшало однако факультету въ скоромъ времени увѣнчать шеститысячной преміей въ память Сперанскаго его капитальный трудъ „Обычное гражданское право въ Россіи“ (1877—1879), преміей, великодушно пожертвованной г. Пахманомъ на учрежденіе стипендіи для студентовъ университета, не пожелавшаго сохранить его въ средѣ [1]).

Съ уходомъ изъ университета С. В. однако не совсѣмъ покинулъ преподавательскую дѣятельность и состоитъ донынѣ, несмотря на свой преклонный возрастъ (81 г.) въ числѣ профессоровъ Училища Правовѣдѣнія, а званіе сенатора (съ 1882 г.) открыло ему обширное поприще для приложенія его глубокихъ познаній и искусства разбираться въ сложныхъ вопросахъ гражданскаго права.

Въ настоящее время С. В. Пахманъ единственный, остающійся въ живыхъ изъ числа профессоровъ-юристовъ, современныхъ моему штудированію въ Казанскомъ университетѣ (1853—57 гг.). Изъ прочихъ тогдашнихъ профессоровъ оставался въ живыхъ до 1907 г.

---

[1]) Утѣшеніемъ было ему избраніе его въ почетные члены университетами Новороссійскимъ, Казанскимъ, Харьковскимъ, Кіевскимъ и, наконецъ, уже и Петербургскимъ.

еще милѣйшій „котъ Мурлыка“, Николай Петровичъ Вагнеръ, сослуживецъ мой по Петербургскому университету съ 1871 г.; но слушателемъ его въ Казани я не былъ, такъ какъ началъ онъ читать камералистамъ на первомъ курсѣ, когда я былъ уже на второмъ.

Изъ скончавшихся уже современниковъ моихъ—профессоровъ Казанскаго университета сослуживцами моими въ Петербургскомъ были, сверхъ С. В. Пахмана, А. М. Бутлеровъ (съ 1868 г.) и восточники, перешедшіе въ Петербургъ еще въ 1855 г. въ преобразованный факультетъ восточныхъ языковъ. На юридическомъ факультетѣ я засталъ изъ бывшихъ казанскихъ профессоровъ И. Я. Горлова, А. И. Вицына и А. М. Чебышева-Дмитріева [1]).

---

[1]) Отмѣчу кстати, что за профессуру въ Казанскомъ университетѣ, пожалуй, больше, чѣмъ за преподавательство въ другихъ провинціальныхъ университетахъ, ученые наши, повидимому, берутся только за неимѣніемъ свободныхъ каѳедръ въ столицахъ, т. е. смотрятъ на Казань и вообще провинцію, какъ на кратковременную станцію на пути въ Петербургъ или Москву, при чемъ больше стремятся въ нашу Невскую столицу.

Такъ напр., начиная съ конца 40-хъ годовъ перешли въ Петербургскій университетъ: И. Я. Горловъ (1847 г.), Н. М. Благовѣщенскій (1852 г.), Л. И. Мейеръ (1855 г.), Ф. В. Овсянниковъ (1862), А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ (1864 г.), С. В. Пахманъ (1866 г. перейдя сначала въ Харьковъ 1859), А. М. Бутлеровъ (1868 г.), В. И. Модестовъ (1878 уже изъ Кіева), Н. П. Вагнеръ (1871 г.), П. Ф. Лесгафтъ (1878 г. въ Военно-Медицинскую Академію, 1886 г. въ университетъ), А. С. Догель (1889 г.), А. О. Ковалевскій (1891 г. послѣ перехода изъ Казани въ Одессу 1870 г.; а оттуда 1890 г. академикомъ въ Академію наукъ), И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ (1900 г.), Э. Д. Гриммъ (1901 г.), Д. В. Айналовъ (1903 г.). И только, кажется, одинъ профессоръ А. М. Фортунатовъ перешелъ изъ Петербургскаго университета въ Казанскій (1891 г.).

Нѣкоторые только перешли въ Военно-Медицинскую академію: Н. Н. Зининъ (1848 г.), К. Ѳ. Славянскій (1877 г.), В. В. Пашутинъ (1879 г.), В. М. Бехтеревъ (1893 г.), а Н. Н. Феноменовъ перешелъ въ Женскій Медицинскій Институтъ (1899 г.).

Были избраны Совѣтомъ Казанскаго университета, но не пожелали отправиться или по независящимъ причинамъ не поѣхали въ Казань: Н. И. Костомаровъ, А. В. Лохвицкій, А. Н. Пыпинъ, А. В. Совѣтовъ, В. Д. Спасовичъ. По окончаніи службы въ Казани перешли въ нашъ университетъ приватъ-доцентами: И. М. Гвоздевъ, вскорѣ умершій (1896 г.), и Н. А. Кремлевъ (1891 г.).

Профессора-восточники перешли въ Петербургъ обязательно съ переводомъ сюда разряда восточной словесности въ 1855 г.: И. Н. Березинъ, В. П. Васильевъ, М. Т. Навроцкій, А. В. Поповъ (въ 1853 г. перешедшій въ Петербургъ въ М-во Гос. Имуществъ, съ 1885 г. профессоръ Петербургскаго университета), Н. Д. Сонинъ. А. Мирза Казем-Бекъ перешелъ въ Петербургскій университетъ еще въ 1849 г.

Желающимъ ознакомиться съ дѣятельностью и біографіями профессо-

Второй побочный предметъ, уголовное право и полицейскіе законы читалъ профессоръ Густавъ Львовичъ Фогель.

Это былъ добрый старикъ (или по крайней мѣрѣ казавшійся старикомъ, хотя въ мое время ему было лѣтъ 50 только), сынъ Казанскаго же профессора (фармаціи), оригинальный типъ нѣмецкаго профессора. По-русски выражался онъ не особенно удачно; даже изученіе Русской Правды, о которой имъ написана особая монографія, не помогло ему усвоить себѣ вполнѣ русскую рѣчь. Лекціи онъ читалъ какъ-то нараспѣвъ; добросовѣстно старался быть понятнымъ читателямъ, которые впрочемъ больше обращали вниманія на неправильность его выраженій или неудачно приводимые примѣры, чѣмъ на самый предметъ преподаванія, больше издѣвались надъ нимъ, чѣмъ поучались. Одну изъ лекцій онъ ежегодно начиналъ фразою: „съ тѣхъ поръ какъ Астрея оставила землю, люди потеряли другъ къ другу довѣренность“... Фраза эта была, кажется, вступленіемъ къ ученію о письменномъ доказательствахъ или т. п. Кто-то выцарапалъ ее крупными буквами на слоѣ черной краски, покрывавшей желѣзную доску парты, и каждое новое поколѣніе студентовъ уже заранѣе знало, такимъ образомъ, что въ свое время услышатъ эту фразу изъ устъ профессора [1]).

Какъ къ предмету для камералистовъ второстепенному, они относились къ уголовному праву еще равнодушнѣе, чѣмъ къ гражданскому, лишь бы о чемъ-нибудь поговорить на экзаменѣ, благо Фогель былъ не требователенъ, да повидимому и не очень схватывалъ быструю болтовню. Да и право-то уголовное состояло тогда не столько въ изученіи какихъ-нибудь тамъ теорій преступности, условнаго осужденія или права наказанія и т. п. премудростей, такъ усердно разрабатываемыхъ нынѣшними криминалистами, сколько въ томъ, какое количество ударовъ розгами или плетьми слѣдуетъ всыпать виновному за то или другое преступное дѣяніе и на сколько лѣтъ сослать въ каторгу или на поселеніе, съ клейменіемъ или безъ онаго и т. д.... Развивалъ, правда, Фогель передъ

ровъ Казанскаго университета рекомендую прекрасный трудъ проф. Загоскина: «За сто лѣтъ. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Казанскаго университета». Казань. 1904.

[1]) Желѣзныя доски на партахъ были вѣроятно придуманы начальствомъ для устраненія обычной порчи деревянныхъ досокъ партъ рѣзьбою перочиннымъ ножомъ. Студенческая практика показала, что воспроизводить надписи и изображенія на слоѣ черной краски даже удобнѣе, чѣмъ вырѣзывать ихъ на деревѣ.

нами идею суда присяжныхъ, указывалъ на хорошія стороны выясненія виновности этимъ способомъ, но слова его объ этомъ были только pium desiderium: о судебной реформѣ рѣчи еще не было; о ней позволялось, да и то едва-ли очень, только мечтать исподтишка. Фогель оставался на каѳедрѣ до 1859 года, когда его смѣнилъ сперва Н. А. Кремлевъ, а потомъ А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ [1]).

Вотъ и весь кругъ наукъ, предлагавшихся камералистамъ въ Казанскомъ университетѣ. Изъ представленнаго мною ихъ обзора читатель видитъ, что камералисты не очень были обременены количествомъ предметовъ; при разнообразіи же этихъ послѣднихъ вниманіе учащихся менѣе утомлялось, чѣмъ утомляется науками однороднаго характера. Послѣ лекціи о какихъ-нибудь „законахъ“ очень пріятно было освѣжить мозгъ лекціей химіи, технологіи, ботаники, даже сельскаго хозяйства,—предметовъ, напоминавшихъ намъ о существованіи внѣшней природы, съ ея „законами“ и явленіями, конечно, болѣе интересными, чѣмъ законы и явленія юридическаго міра. И это—несмотря на то, что и главные юридическіе предметы камеральнаго разряда—государственное право, финансовое, полицейское — больше были способны привлекать вниманіе, чѣмъ чисто-юридическіе съ ихъ сухой догматикой... И, право, чувствовали мы себя очень хорошо въ этомъ смѣшеніи наукъ, казавшемся страннымъ со стороны, хотя существуетъ же оно въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Varietas delectat, говоритъ латинская поговорка; не поэтому ли и казалось молодежи камеральное отдѣленіе очень легкимъ?

Однако это впечатлѣніе легкости, собственно говоря, существовало только для тѣхъ изъ студентовъ, которые имѣли цѣлью не изученіе предлагаемыхъ наукъ, а только—какъ-нибудь проскользнуть черезъ университетъ для полученія „правъ“. Но кто желалъ дѣйствительно заниматься и усваивать себѣ науку, тому дѣла было

---

[1]) У Фогеля былъ сынъ студентъ, не то озорникъ, не то не вполнѣ нормальный человѣкъ, впрочемъ добрый малый. Ходило не мало разсказовъ о его похожденіяхъ; разсказывали, между прочимъ, что, влюбившись въ губернаторшу, Анну Давыдовну Баратынскую (женщину уже не первой молодости, но все еще красавицу, къ которой относится извѣстный мадригалъ Пушкина «Когда-то, помню съ умиленьемъ, я смѣлъ васъ няньчить съ восхищеньемъ, Вы разцвѣли» и т. д.), онъ какъ-то проникъ въ губернаторскій дворецъ и оказался въ спальнѣ губернаторши, подъ ея кроватью. Студентомъ онъ былъ что-то очень долго, благодаря ходатайствамъ отца и все-таки курса, кажется, такъ и не кончилъ. Впослѣдствіи я видалъ его въ Петербургѣ, приказчикомъ въ книжномъ магазинѣ извѣстнаго Маврикія Вольфа.

вдоволь: сколько труда и времени долженъ былъ употребить добросовѣстный студентъ, напримѣръ, для проштудированія огромнаго курса финансоваго права, таковаго же полицейскаго, или курса химіи съ массой ея дикихъ многоэтажныхъ терминовъ, или—технологіи—требующей основательнаго знакомства съ химіей и тоже достаточнаго вниманія, при сколько-нибудь серьезномъ отношеній... Надъ всѣмъ же этимъ царила, въ качествѣ объединительницы, глубоко-интересная наука, столь увлекательная для молодежи.—Политическая Экономія, хотя и читавшаяся намъ „по утвержденной программѣ", но доступная для желающихъ и внѣ предѣловъ этой программы, благо профессоръ Бабстъ не скупился на указанія и рекомендацію литературы и охотно дѣлился съ слушателями своими знаніями и помимо лекціонныхъ часовъ, снабжая и книгами изъ своей библіотеки.

Касаясь общей характеристики занятій студентовъ нашего времени, т. е. 50 лѣтъ тому назадъ, едва-ли я ошибусь, если скажу, что большинство, какъ впрочемъ и теперь, больше имѣло въ виду полученіе „правъ", даваемыхъ дипломами кандидата и дѣйствительнаго студента (коимъ нынѣ соотвѣтствуютъ дипломы 1-й и 2-й степени), чѣмъ дѣйствительное обогащеніе себя знаніями, въ предѣлахъ возможности предлагаемыми университетомъ. Словомъ—дипломъ, какъ былъ, такъ и останется главнымъ побужденіемъ, влекущимъ нашу молодежь въ университеты!

Мудрое правило „non scholae, sed vitae studendum est" было и остается для большинства этой молодежи, увы, пустымъ звукомъ. Получены „права", можно съ спокойной совѣстью забыть все, чему учились, какъ это стараются дѣлать иные гимназисты, спѣша сжечь свои учебники по сдачѣ выпускныхъ экзаменовъ.

Что касается до учебныхъ пособій и вообще обстановки занятій въ Казанскомъ университетѣ въ то время, то, какъ выше я замѣтилъ уже, она была далеко не блистательна. Библіотека была, правда, кажется, довольно богата книгами по тогдашнему состоянію наукъ; и профессора не отказывались дѣлиться со студентами своими книгами; но вѣдь средства ихъ, да и библіотеки были куда какъ не обильны. Для практическихъ же занятій лабораторіи были тѣсны, не богаты обстановкой, кабинеты—тоже; инструментовъ и снарядовъ было мало; такъ что студентамъ въ опытныхъ наукахъ больше приходилось, пожалуй, производить практическія работы въ умѣ, т. е. прочитывая учебники и записки представлять себѣ, что и какъ должно совершаться, припоминая при томъ опыты, показанные профессорами. Но и учебниковъ было мало: выбирать

было почти не изъ чего; приходилось довольствоваться тѣмъ, что находили въ библіотекѣ, да у университетскаго книгопродавца Дубровина. По нѣкоторымъ предметамъ и вовсе не было учебниковъ на русскомъ языкѣ, достаточно подходившихъ къ содержанію и объему профессорскихъ курсовъ, построенныхъ большею частію подъ вліяніемъ европейской учености. Но, по слабому знанію иностранныхъ языковъ, эта европейская ученость была для большинства студентовъ книгой за семью печатями.

Такимъ образомъ, даже и лѣнтяямъ, volens-nolens, все-таки приходилось, по временамъ, посѣщать лекціи, чтобы хоть кое-какъ слѣдить за чтеніями профессоровъ и имѣть понятіе, о чемъ они могутъ спросить. Записывали лекціи, конечно, только студенты болѣе усердные; большая же часть довольствовалась записками предшественниковъ, когда-то кое-какъ составленными и невсегда провѣренными профессорами. Когда наступало горячее время приготовленія къ экзаменамъ, записки эти, по частямъ, тетрадками (рѣдко было ихъ 2—3 полныхъ экземпляра на весь курсъ) передавались изъ рукъ въ руки или читались по кучкамъ студентовъ, гдѣ читали по очереди, другъ друга спрашивая и поправляя. Не знаю, насколько вообще полезенъ такой способъ приготовленія къ экзаменамъ; но въ наше время результаты этой совмѣстной работы были не особенно плодотворны, особенно, когда вниманіе слушающихъ подкрѣплялось, сверхъ чаю, еще выпивкой и закуской или хотя бы и чаемъ, но съ прибавкой рому или кизлярки и т. п. Впрочемъ, и безъ помощи этого допинга продолжительное слушаніе быстраго и не всегда внятнаго чтенія, конечно, наводило дремоту и сонъ. Я готовился обыкновенно съ товарищемъ, который великодушно бралъ на себя трудъ чтенія вслухъ, при чемъ я слушалъ лежа на кровати и, конечно, дремалъ и даже засыпалъ иногда, просыпаясь, когда онъ окликнетъ и потребуетъ повторить имъ прочитанное, что рѣдко оказывалось для меня возможнымъ. Надо замѣтить, что занятія эти происходили обыкновенно по ночамъ, ради полной тишины и отсутствія сторонней помѣхи. Кончивъ чтеніе, товарищъ, начиненный прочитаннымъ, ложился спать и засыпалъ сномъ невинности; а я принимался за чтеніе недослышаннаго или заспаннаго, читая, конечно, уже не вслухъ. Къ подкрѣпленію силъ и вниманія какимъ-либо „допингомъ“, ни даже чаемъ, мы не прибѣгали; это не препятствовало намъ, выспавшись въ остальные 2—3 часа ночи, приходить на экзамены съ неотуманенной головой и свѣжею памятью.

При маломъ тогда количествѣ студентовъ пользованіе записками, (имѣвшимися по нѣк. предметамъ чуть-ли не въ одномъ единствен-

номъ полномъ экземплярѣ) путемъ ихъ дѣленія на части, съ передачею изъ рукъ въ руки, было, конечно, незатруднительно, тѣмъ болѣе, что Казань городъ не очень большой и бѣгать товарищамъ другъ къ другу приходилось недалеко. Насъ, камералистовъ, было на курсѣ, кажется, около 15 человѣкъ, юристовъ едва-ли больше.

Я былъ усерднымъ записывателемъ лекцій тѣхъ предметовъ, для которыхъ не было печатныхъ руководствъ или по которымъ имѣвшіяся записки были неполны. Помогалъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ одинъ изъ товарищей и, такимъ образомъ, у насъ составились полные курсы полицейскаго и финансоваго права. Послѣдній, весьма подробный, остался, къ сожалѣнію, въ Казани на пользу позднѣйшихъ слушателей профессора Осокина. Курсъ органической химіи профессора Бутлерова былъ мною записанъ почти буквально съ его словъ, также какъ и курсъ статистики и ученія о кредитѣ профессора Бабста.

Такъ какъ мы, русскіе профессора лекцій своихъ не диктуемъ, подобно нѣкоторымъ изъ нѣмецкихъ профессоровъ, то записывающимъ наши лекціи приходится стараться схватывать „суть“ сообщаемаго, опуская отступленія несущественныя и нѣк. подробности. У меня выработался навыкъ писать очень быстро, такъ что иногда я записывалъ лекціи почти дословно. Навыкъ этотъ пригодился мнѣ впослѣдствіи, когда я слушалъ лекціи въ нѣмецкихъ университетахъ: я успѣвалъ записывать интересовавшія меня лекціи прямо по-русски, не говоря уже о лекціяхъ тѣхъ профессоровъ, которые ихъ диктовали, какъ это, кажется, и доселѣ дѣлаютъ нѣкоторые изъ нѣмецкихъ профессоровъ.

И какъ же мы, казанцы, завидовали студентамъ столичныхъ университетовъ, издавна набалованнымъ существованіемъ литографированныхъ записокъ. Особенно зависть эта разгоралась, когда приходилось корпѣть надъ чтеніемъ отвратительно написанныхъ и прескверно составленныхъ записокъ. Тѣмъ не менѣе зависть эта была, пожалуй, и не совсѣмъ основательна: записывая и обработывая лекцію, особенно, если она предназначается на просмотръ профессора, студентъ относится внимательнѣе къ дѣлу, стараясь не ударить лицомъ въ грязь, пополняетъ пропуски, справляясь въ книгахъ по мѣрѣ возможности. Такимъ образомъ, кто поусерднѣе, тотъ незамѣтно усваиваетъ себѣ хотя общія черты предмета. Впрочемъ, въ Казани очень немногіе профессора брались просматривать студенческія записки; немного было между нами и настоящихъ studiosus'овъ litterarum, усердныхъ посѣтителей лекцій, считавшихъ предосудительнымъ не ходить на лекціи, не ради существовавшаго

тогда принужденія, а въ сознаніи своего студенческаго долга. Другіе ходили „изъ-подъ палки“; ибо посѣщеніе лекцій было до того обязательно, что въ случаѣ нездоровья, не позволяющаго нѣсколько дней выходить изъ квартиры, требовалось посылать рапортъ инспектору; за дѣйствительностью этихъ болѣзненныхъ состояній инспекція, впрочемъ, неособенно наблюдала; однако за присутствіемъ на лекціяхъ слѣдили и дѣлали замѣчанія за пропуски. Впослѣдствіи обязательность посѣщенія лекцій, по крайней мѣрѣ въ нашемъ Петербургскомъ университетѣ, стала чисто-номинальною, благо въ правилахъ для студентовъ сказано, что оное обязательно, а мѣръ противъ нарушенія этого требованія никакихъ не указано. Опытъ же контроля посредствомъ наблюденія за полнотою вѣшалокъ привелъ только къ тому, что гг. студенты стали платить оброкъ, такъ называемому „шинельному“, чтобы онъ вѣшалъ на ихъ нумера запасные экземпляры фуражекъ, свидѣтельствующіе ихъ нахожденіе въ стѣнахъ университета, тогда какъ они находятся, напр., у Доминика или въ другомъ подобномъ, гостепріимномъ убѣжищѣ.

Число лѣнивыхъ посѣтителей университета, а то вовсе почти незаглядывающихъ въ него, какъ убѣдился я въ теченіе моей долговременной службы университету, увеличивалось болѣе и болѣе съ размноженіемъ литографированныхъ курсовъ и по мѣрѣ того, какъ курсъ каждаго новаго профессора пріобрѣталъ извѣстную устойчивость. Имѣя въ рукахъ записки, большинство студентовъ считало слушаніе устной рѣчи преподавателя уже излишнимъ, хотя бы онъ сообщалъ и нѣчто новое, чего въ запискахъ нѣтъ; вѣдь на экзаменѣ можно какъ-нибудь обойтись и безъ этихъ дополненій. Съ появленіемъ же печатныхъ учебниковъ (за отсутствіе которыхъ такъ много упрековъ сыпалось съ разныхъ сторонъ на нашу ученую братію), студенты стали еще рѣже появляться въ аудиторіяхъ, болѣе и болѣе уподобляясь своему товарищу г. Гегидзе, автору книжки „Въ университетѣ“, „съ отвращеніемъ“ подходившему къ длинному зданію нашего Петербургскаго университета и предпочитавшему наукѣ амурныя дѣла, описанію которыхъ не мало горячихъ страницъ удѣляетъ онъ въ своей талантливо-написанной книжкѣ.

Чтобъ привлечь теперь студента въ аудиторію, нужно или выбирать для лекцій самыя забористыя темы, обладая при томъ хорошимъ лекторскимъ талантомъ, или въ самомъ себѣ, въ своемъ прошломъ или настоящемъ имѣть что-либо политическое—привлекательное. Но, къ сожалѣнію, не всѣ науки имѣютъ пикантныя стороны, не всякій профессоръ обладаетъ качествомъ хорошаго лек-

тора, прекраснымъ органомъ и даромъ увлекательнаго изложенія; да и не всякій рѣшится, на потѣху аудиторіи, услащать свою рѣчь хлесткими фразами или подольше останавливаться на скользкихъ сторонахъ своего предмета, если онѣ имѣются,—ради привлеченія слушателей. И немногіе, наконецъ, изъ профессоровъ окружены какимъ-нибудь ореоломъ, помимо своей учености, которая не очень-то цѣнится политиканствующею молодежью.

Возвращаясь къ вопросу объ учебникахъ, нельзя не отмѣтить, что изданіе ихъ имѣетъ, конечно, ту хорошую сторону, что ими, во-первыхъ, устранилась чепуха, нерѣдко царившая, какъ въ рукописныхъ, такъ и въ литографированныхъ запискахъ, кое-какъ составленныхъ и не всегда внимательно просмотрѣнныхъ, а то и вовсе не просмотрѣнныхъ профессорами; во-вторыхъ, прекратилась спекуляція издательства литографированныхъ курсовъ, дававшая хорошіе барыши издателямъ-студентамъ. Не знаю, какъ въ другихъ университетахъ, но въ Петербургскомъ, на юридическомъ факультетѣ въ 1870—80 хъ гг. одинъ издатель, бывшій студентъ,—упростилъ свою задачу до того, что просто нанималъ студента—стенографа, а то, кажется, и прямо сажалъ въ аудиторію профессіональнаго стенографа (благо съ 1863 г. форма студенческая была упразднена), который и стенографировалъ по своему крайнему разумѣнію, не различая существеннаго отъ маловажнаго, основоположеній науки отъ поясненій и отступленій, которыми профессоръ старается иногда привлечь вниманіе слушателей и отдалить ихъ утомленіе...

Литографировались лекціи, разумѣется, съ согласія профессоровъ и издавались въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ большею частью по подпискѣ. Но вотъ М-во Нар. Просвѣщенія для чего-то потребовало въ 70-хъ гг., помнится, чтобы онѣ продавались, подобно книгамъ, въ книжныхъ лавкахъ. Требованіе въ высокой степени стѣснительное: выпуская печатный курсъ, я беру на себя полную отвѣтственность за его содержаніе, за выдержанность его частей, за слогъ и т. д.; тогда какъ литографированный курсъ, особенно у преподавателя начинающаго, является далеко недостаточно обработаннымъ, недостаточно установившимся, несоразмѣрнымъ въ частяхъ, иногда и прямо съ недосмотрами, при поспѣшномъ просмотрѣ его для изданія—и вдругъ онъ долженъ сдать его книгопродавцу, чтобы любой литературный наѣздникъ—всезнайка имѣлъ бы возможность его обругать! Кого же вѣдь и разносятъ больше въ газетахъ, а особенно въ отдѣлахъ критики въ толстыхъ журналахъ, какъ не университетскихъ преподавателей. Кого, какъ не ихъ стараются уличить въ педантизмѣ, бездарности, отсутствіи науч-

наго чутья, правильныхъ понятій о наукѣ, даже въ плагіатѣ?

Въ настоящее время къ услугамъ студентовъ, особенно по юридическому факультету, имѣется масса учебниковъ; удобства для изученія наукъ огромныя; да и зрѣніе меньше уже страдаетъ, чѣмъ при чтеніи рукописныхъ, литографированныхъ или гектографированныхъ курсовъ, не всегда разборчиво написанныхъ и ясно оттиснутыхъ... Казалось бы, только учись себѣ... А прибавилось ли этимъ знанія у студентовъ, любви къ наукѣ, идущей имъ навстрѣчу, не только съ каѳедры въ формѣ живой бесѣды, но и въ видѣ книги? Многолѣтній опытъ не позволяетъ мнѣ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Сколь это ни печально, но опытъ говоритъ, что изъ нѣсколькихъ сотенъ студентовъ на курсѣ дѣйствительно интересуются и занимаются наукой—единицы; а остальные только и работаютъ, что для экзаменовъ, передъ самой ихъ сдачей, для полученія всѣми правдами и неправдами дипломовъ. А затѣмъ поспѣшно начиненная разными науками голова быстро, такъ сказать, атрофируется и остаются въ ней только кое-какіе обрывки знаній, съ которыми удостоенные дипломовъ 1-й и 2-й степени и вступаютъ въ жизнь „обществу на пользу“, какъ гласитъ учебная молитва.

Итакъ, благодаря существованію учебниковъ, трудъ студента теперь облегченъ до послѣдней возможности и посѣщеніе лекцій стало считаться напрасной тратой времени. Ужъ какъ бы, казалось, стипендіаты должны бы относиться съ полнымъ усердіемъ къ наукамъ, хотя бы изъ опасенія лишиться стипендіи въ случаѣ неуспѣшности;—но и между ними появились личности, постоянно живущія гдѣ-нибудь на кондиціяхъ внѣ столицы и получающія свои стипендіи черезъ товарищей. Вообще стоитъ ли, думаютъ многіе изъ студентовъ, терять время на сидѣніе въ аудиторіяхъ, когда можно съ большимъ удовольствіемъ употребить его, напр., на игру въ винтъ или на билліардѣ, или даже съ прямой пользой—на даваніе уроковъ, на подготовленіе къ университету подобныхъ себѣ господъ или и на другія занятія. Вѣдь есть учебники и—баста [1]). Правда—

---

[1]) А вотъ отзывъ о значеніи учебниковъ даже для среднихъ учебныхъ заведеній,—такого опытнаго педагога, какимъ былъ Е. В. Бѣлявскій: „обыкновенно говорятъ, что учебникъ долженъ только напоминать ученику или служить краткимъ конспектомъ тому, что объяснялъ преподаватель. Но на дѣлѣ бываетъ такъ: если есть учебникъ, то ученики худо слушаютъ преподавателя и мало заботятся о томъ, понимаютъ ли они или нѣтъ то, что онъ говоритъ, разсчитывая, что они подзубрятъ объ этомъ по книжкѣ. Въ

экзаменъ даетъ провѣрку знаній; но при массѣ экзаменующихся и самый внимательный экзаменаторъ, наконецъ, утомляется, и не въ силахъ уже основательно щупать познанія особенно къ концу, въ послѣдніе дни; къ этому-то времени не только трусливые, но и плохо подготовившіеся и оттягиваютъ всѣми неправдами свое появленіе. Тутъ пускаются въ ходъ и медицинскія свидѣтельства, и сообщенія о болѣе или менѣе достовѣрныхъ важныхъ событіяхъ въ семьѣ: о болѣзняхъ родителей, сестеръ и т. п.

Заявленія деканов, что пропустившій свою группу считается не сдавшимъ экзамена, обыкновенно оказываются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Слишкомъ уже велико у насъ стараніе не огорчать молодежь строгимъ соблюденіемъ правилъ. А эта снисходительность много способствуетъ ея распущенности,—къ ея же вреду въ будущемъ.

Можетъ быть, я грѣшу, ошибаюсь подъ вліяніемъ старческой привычки находить, что „въ наше время лучше было“; но, по совѣсти говоря, не помню случая, чтобы напр. кто-нибудь изъ моихъ товарищей вступалъ съ профессоромъ въ споръ о поставленномъ баллѣ или выпрашивалъ бы прибавки.

Давъ краткія характеристики профессоровъ, читавшихъ на нашемъ камеральномъ отдѣленіи, не могу распространяться о тѣхъ, которыхъ мнѣ вовсе не пришлось слушать. Скажу лишь съ чужихъ словъ о нѣкоторыхъ, оставившихъ по себѣ хорошую или худую память въ университетѣ своими странностями или своими профессорскими качествами.

Странно и жаль, что нѣкоторые изъ бывшихъ студентовъ Казанскаго университета описываемой мною эпохи 50—60 годовъ, въ напечатанныхъ ими воспоминаніяхъ припомнили больше только слабыя и дурныя стороны тогдашней университетской жизни и про-

---

этомъ и причина того, что ученики учатся, учатся и не выносятъ изъ преподаванія ничего живого, ничего освѣжающаго и бодрящаго умственныя силы... Если нуженъ учебникъ, то развѣ только къ экзамену, когда предметъ дѣйствительно усвоенъ“... (Педагогическія воспоминанія 1861—1902. Спб. 1904).

Наши студенты, къ сожалѣнію, принимаются за учебники передъ самыми экзаменами, не постаравшись предварительно *усвоить* себѣ знакомство съ предметами посредствомъ посѣщенія лекцій.

фессоровъ, забывъ, что, какъ бы то ни было, университетъ и его преподаватели,—пусть даже плохи были нѣкоторые изъ нихъ—сдѣлали ихъ тѣмъ, что они есть. Плохи были осмѣиваемые ими профессора; но не могутъ же эти господа не сознавать, что и эти слабые преподаватели небезучастны были въ ихъ развитіи, хотя бы даже отрицательными своими сторонами—порождая критику, а критика есть уже стимулъ къ познанію... Міръ и, въ частности, наша Русь не кишитъ геніями и талантами; а потому и нѣтъ возможности подбирать въ университеты штатъ исключительно изъ выдающихся ученыхъ. Если профессоръ и не блещетъ научными открытіями, массою печатныхъ работъ, даромъ слова, способностью увлекать слушателей,—но знаетъ свой предметъ, не отстаетъ отъ науки, добросовѣстно знакомитъ слушателей съ ея состояніемъ въ данное время, даже—просто даетъ имъ толчекъ въ самодѣятельности; то неразумно съ ихъ стороны не довольствоваться тѣмъ, что имъ предлагается. Это можно сказать и о тѣхъ старыхъ казанскихъ профессорахъ, которые подвергались осмѣянію: они дѣлали свое дѣло по крайнему разумѣнію, стараясь принести пользу молодежи и, въ извѣстной степени, ее все-таки приносили.

Ораторскій талантъ, умѣнье красиво и завлекательно излагать,—это уже дѣло второстепенное. Выдающіеся профессора, обладающіе всѣми качествами, требуемыми отъ первостепеннаго преподавателя—всѣ наперечетъ даже въ такомъ разсадникѣ учености и талантовъ, какъ Германія. Мастерски, на первый взглядъ, читаютъ лекціи французскіе профессора; но у нихъ нерѣдко за пышными фразами и ораторскими пріемами скрываются самыя обыденныя и скудныя мысли. Несравненно солиднѣе преподаваніе въ нѣмецкихъ университетахъ; но и здѣсь профессора, обладающіе всѣми требуемыми качествами, встрѣчаются не такъ чтобы уже сплошь и рядомъ. Но нѣмецкій студентъ, при множествѣ университетовъ, близости разстояній между ними и отсутствіи стѣснительныхъ формальностей, можетъ свободно кочевать изъ одного университета въ другой, чтобъ прослушать курсъ у той или другой знаменитости; но и тамъ дѣлаютъ это, вѣроятно, не очень многіе. У насъ, при нашихъ порядкахъ и разстояніяхъ и при почти огульной бѣдности студенчества, эти перебѣжки были бы очень затруднительны; да если бы и не было затрудненій, то, по многолѣтнему моему опыту, скажу, едва-ли бы многіе отъ нашихъ студентовъ проявили такое рвеніе къ наукѣ, что поѣхали бы въ другой университетъ послушать какую-либо знаменитость,—потому уже, что большинство поступаетъ въ университеты не для науки, а для полученія правъ, даваемыхъ университетскимъ дипломомъ.

Если у насъ и есть „любители науки", остающіеся въ университетахъ долѣе узаконныхъ (четырехъ) лѣтъ, какъ это бываетъ въ нѣмецкихъ университетахъ, то остаются они не науки ради, а вслѣдствіе лѣности, приводящей къ неудачамъ на экзаменахъ и къ сидѣнію многіе годы.

О казанскихъ профессорахъ моего времени, не моего факультета, могу сказать лишь очень немногое.

Многимъ изъ читающей публики напримѣръ, вѣроятно извѣстна изъ отзывовъ бывшихъ казанцевъ личность профессора Римскаго, а потомъ международнаго права и дипломаціи—Камбека, достаточно осмѣянная въ разныхъ воспоминаніяхъ его учениковъ... Я на его лекціяхъ не бывалъ и потому не могу сказать по личному опыту, такъ ли плохо онъ читалъ, какъ о немъ шла молва, и такъ ли мало зналъ русскій языкъ. Слышалъ отъ товарищей юристовъ, что римское право онъ читалъ по курсу профессора Станиславскаго со всѣми сокращеніями рукописи, напр. краго вм. котораго и пр. По запискамъ Станиславскаго и отвѣчали ему на экзаменѣ [1]).

---

[1]) Отъ старыхъ студентовъ привелось слышать, что еще оригинальнѣе былъ профессоръ Политической Экономіи и Дипломатики—Винтеръ, состоявшій профессоромъ въ 1834—47 годахъ. По-русски онъ вовсе не зналъ, а читалъ на ломаномъ французскомъ языкѣ, при чемъ одному изъ студентовъ поручалъ переводить его рѣчь товарищамъ на русскій языкъ. Первыя его лекціи при началѣ курса обыкновенно настолько смѣшили слушателей, что для удержанія ихъ въ предѣлахъ приличія у аудиторіи Винтера дежурилъ инспекторъ съ помощникомъ. На репетиціяхъ, которыя онъ очень любилъ дѣлать, студенты болтали ему всякій вздоръ по-русски, при чемъ онъ только наблюдалъ, чтобы отвѣчающій не останавливался. Однажды студентъ Н. П. Смирновъ (недавно скончавшійся сенаторъ—пишу съ его словъ) съ товарищемъ приготовили для отвѣта на репетиціи—первый стихотвореніе: «стрекощущу кузнецу, во злакѣ сельномъ сущу» и т. д., а товарищъ—стихи изъ какой-то пьесы и отвѣтили очень бойко, безъ запинки. Винтеръ пришелъ въ восторгъ, сошелъ съ каѳедры и, ударивъ рукой по первой партѣ, сказалъ: „хороши студентъ здѣсь», давая знакъ имъ пересѣсть сюда. Запинавшимся при отвѣтахъ и нежелавшимъ молоть вздоръ онъ рѣшительно ставилъ нули. Подобные же разсказы слышалъ я и отъ другого казанца тѣхъ временъ, А. Н. Лещева (впослѣдствіи долгое время бывшаго губернаторомъ Кѣлецкой губерніи).

О профессорѣ греческой словесности Мистаки (1823—1839 г.) въ мое время разсказывали, какъ о большомъ чудакѣ и очень скупомъ человѣкѣ; что, будто обзаведясь собственнымъ домикомъ, онъ, чтобы не расходоваться на содержаніе собаки, выходилъ по ночамъ на дворъ и лаялъ по-собачьи, чтобы пугать воровъ. Богатства однако онъ не нажилъ, такъ какъ унаслѣдованный послѣ него университетомъ, какъ выморочное имущество, капиталъ оказался всего въ 60 рублей.

Международное право Камбекъ читалъ, кажется, по-французски. Въ числѣ ходившихъ о немъ анекдотовъ не попалъ, кажется, въ печать разсказъ о томъ, какъ онъ, наткнувшись на фонарный столбъ, сказалъ ему „pardon, monsieur“ и продолжалъ путь. Надъ этимъ случаемъ (если онъ дѣйствительно былъ) смѣялись, но напрасно: будучи кривъ на одинъ глазъ, К. могъ и не разглядѣть, что передъ нимъ столбъ, а не человѣкъ.

Къ сожалѣнію, ничего не могу сказать о профессорѣ—совершенно противоположнаго типа—знаменитомъ Д. И. Мейерѣ. Знаю, что товарищи студенты юридическаго отдѣленія имъ восхищались; но побывать на его лекціяхъ мнѣ не привелось: во 1-хъ, потому, что инспекція довольно зорко наблюдала, чтобы ходили на свои лекціи, а во 2-хъ, было опасеніе, что Мейеръ, замѣтивъ на лекціи „чужака“, пожалуй, попросилъ бы къ выходу, какъ строгій законникъ. Подобное случилось разъ на лекціи даже такого благодушнаго профессора, какъ Бабстъ, который прямо предложилъ уйти студенту медику (Хронщевскому, бывшему, кажется, впослѣдствіи профессоромъ въ Кіевѣ), случайно оставшемуся въ его аудиторіи.

Факультетъ историко-филологическій въ мое время могъ указать въ качествѣ выдающихся ученыхъ и профессоровъ въ особенности В. И. Григоровича, затѣмъ Н. А. Иванова; да, пожалуй, Н. Н. Булича, мнѣнія о которомъ у студентовъ были впрочемъ различныя. Изъ математиковъ славились: П. И. Котельниковъ, А. Ѳ. Поповъ, М. В. Ковальскій (астрономъ), А. С. Савельевъ (физикъ). Между восточниками выдавались особенно И. Н. Березинъ и В. П. Васильевъ—вскорѣ переведенные въ Петербургъ вмѣстѣ съ восточными языками.

На медицинскомъ фокультетѣ были извѣстны: Е. Ф. Аристовъ — своей оригинальной фигурой, глубокимъ знаніемъ своего предмета анатоміи и строгостью требованій на экзаменахъ; — профессоръ хирургіи А. Н. Бекетовъ былъ извѣстенъ не только какъ профессоръ и хирургъ-практикъ, но и какъ свѣтскій кавалеръ, къ которому не всѣ дамы казанскаго большого свѣта были равнодушны, по словамъ, конечно, кумушекъ;—далѣе Ф. О. Елачичъ—какъ хирургъ и врачъ-практикъ;—какъ профессора и практическіе врачи пользовались извѣстностью И. И. Зедергшмедтъ, А. И. Козловъ, И. Г. Линдегренъ.

Съ казанскимъ (высшимъ конечно) обществомъ профессора мало, кажется, имѣли соприкосновенія; только нѣкоторые были въ немъ приняты à bras ouverts—какъ А. Н. Бекетовъ, И. К. Бабстъ, М. Я. Киттары. Другіе, кажется, только изрѣдка и случайно попадали въ этотъ кругъ.

Большинство профессоровъ жило своею замкнутою жизнью, мало интересуясь и съ своей стороны мѣстнымъ обществомъ; а тѣ, которые были приняты въ немъ, вѣроятно, не особенно хорошо себя чувствовали. Чтобы вращаться профессору въ обществѣ, надо бы было имѣть болѣе широкія средства, чѣмъ скудное профессорское жалованье. Еще куда ни шло—человѣку холостому; но семейному—ходить въ гости, не имѣя средствъ принимать знакомыхъ у себя—какъ-то уже очень неловко. Такъ что не только по свойственной многимъ ученымъ нѣкоторой застѣнчивости и склонности быть больше съ самими собою или въ своемъ товарищескомъ кругу, но также и по ограниченности содержанія вести сколько-нибудь открытую жизнь не было никакой возможности.

Вотъ, напримѣръ, какіе крупные оклады получали профессора по уставу 1835 г.: ординарный профессоръ 1429 р. 60 к.+142 р. 95 к. квартирныхъ, и того 1572 р. 55 к.; экстраординарный 1000 р. 72 к.+114 р. 80 к. квартирныхъ=1115 р. 52 к.; адъюнктъ—714 р. 80 к.+85 р. 80 к. квартирныхъ=800 р. 60 к.; лекторъ 514 р. 60 к.+85 р. 80 к.=600 р. 40 к. [1]). Все это—не считая еще 2% вычета на составленіе такъ называемаго (въ дѣйствительности однако не существующаго) пенсіоннаго капитала. На такіе капиталы не раскутишься; а если кого Богъ благословилъ порядочной семьей, такъ и ординарному приходилось подъ часъ трудненько жить, несмотря на всю дешевизну тогдашней казанской жизни. Конечно, въ провинціи еще кое-какъ можно было существовать и при этихъ мизерныхъ окладахъ. Но вѣдь, чтобъ достигнуть званія ординарнаго профессора, сопряженнаго съ наивысшимъ содержаніемъ, какое только было доступно ученому мужу, сколько надо было пройти мытарствъ! Предстояло сдать два экзамена—на магистра и на доктора изъ довольно значительнаго по уставу 1835 г. и правиламъ 1846 г. числа предметовъ; написать и защитить двѣ диссертаціи (при чемъ отъ магистерской требовалось „преимущественно историческое знаніе предмета“, а отъ докторской „преимущественно философское“);—затѣмъ быть избраннымъ въ факультетѣ и въ совѣтѣ, если при томъ имѣлась налицо вакантная ординатура; далѣе—быть по душѣ начальству, представляющему избраннаго на утвержденіе министра.

---

[1]) Странныя цифры этихъ окладовъ получились вслѣдствіе слишкомъ точнаго переложенія въ 1843 г. счета ассигнаціями на серебро. Такимъ образомъ 5000 р. ассигнаціями оказались равными 1429 р. 60 к. с., 500 р. асс.=142 р. 95 к. с. и т. д.

Жить въ столицахъ на такія средства, какія давала профессура, было, разумѣется, крайне трудно; просторъ для писательской и публицистической дѣятельности былъ очень невеликъ по ничтожному количеству органовъ періодической печати,—да при томъ, неровенъ часъ, легко было попасть въ подозрѣніе, оказаться неблагонадежнымъ, съ пріятной перспективой удаленія въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя. Неудивительно поэтому, что профессора въ столицахъ старались набирать по нѣсколько должностей, въ погонѣ за необходимыми средствами въ жизни. А нѣкоторые, не могшіе добиться такого совмѣстительства или и помимо его, брали къ себѣ пансіонерами студентовъ со средствами, разныхъ маменькиныхъ сынковъ, и старались, что грѣха таить,—всѣми силами доводить ихъ до благополучнаго окончанія курса. Въ Казани впрочемъ, въ мое время, не практиковалось, кажется, ни то, ни другое: совмѣстительство было невозможно или почти невозможно за отсутствіемъ подходящихъ должностей; а держаніе нахлѣбниковъ, сколько помнится, не было въ ходу. Да, пожалуй, и мало было юношей достаточно богатыхъ, чтобы соблазнять профессоровъ своимъ нахлѣбничествомъ.

В. Лебедевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Прошеніе въ стихахъ на имя Екатерины II.

Въ хранящемся въ Императорской Публичной библіотекѣ рукописномъ сборникѣ подъ названіемъ: „Разныя Сочиненія. Начаты 1793 г.“, въ числѣ разныхъ одъ, писемъ, эпиграммъ, которыя четкой скорописью записывалъ какой-то старинный любитель, находится и курьезное прошеніе въ стихахъ, съ которымъ обратился къ Екатеринѣ II поручикъ В. Анненковъ. Первые четыре стиха прошенія цитированы въ „Отчетѣ Имп. Публичн. библіотеки за 1900 и 1901 г.г.“, СПБ., 1905 г., стр. 171.

Всепресвѣтлѣйшая Монархиня
и Всемилостивѣйшая Государыня!

Мать моя ужъ предварила
И письмомъ тебя просила
Нашу участь облегчить,
Долгъ отцовскій заплатить.
Ея просьбу повторяю,
Подъ покровъ твой прибѣгаю.
Будь намъ матерью несчастныхъ
И намъ бѣднымъ помоги,
Чтобъ въ страданіяхъ ужасныхъ
Не вели мы свои дни.
Безпредѣльну твою благость
Здѣсь надъ нами покажи
И, на нашу сжалясь младость,
Свою милость ниспошли.
Мы остались сиротами,
Мы лишилися отца;
Кредиторы съ векселями
Разоряютъ до конца.

Мать мою я зрю вдовицей
Съ тремя малыми дѣтьми
И четвертою сестрицей;
Еще жъ служимъ тебѣ три.
Мы имѣніе имѣемъ—
Сорокъ только душъ;
Долгу тѣмъ не одолѣемъ,
Есть закладные къ тому жъ
И просрочены два года,
Но по нихъ въ закладѣ много.
Заплатить не знаемъ чѣмъ,
Разоряемся совсѣмъ,
Въ бездну бѣдности впадаемъ,
Хлѣбъ насущный ужъ теряемъ.
Удрученные судьбой
Припадаемъ предъ тобой.
Будь ты намъ премилосердна,
Всеблагая Россовъ мать.
Просимъ мы тебя усердно
Насъ упадшихъ поддержать.
Повели взять въ Банкъ заемный
Все имѣніе отъ насъ
И двѣнадцать тысячъ долгу
Повели отдать за насъ,
А съ имѣнія доходы
На уплату обратить,
Чтобъ въ различные мы годы
Долгъ могли весь заплатить.
Призри щедротой твоею
На страданія сіи
И на нашу семью слезну
О! Монархиня, воззри.

Всемилостивѣйшая Государыня,
Всеподданнѣйшій слуга
Порутчикъ Василій Анненковъ.

Сообщ. Н. Л.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг. [1])

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Многіе изъ генераловъ не могли простить ему такого быстраго возвышенія, прежде совершенно неизвѣстнаго въ Россіи, гдѣ производство въ чины совершалось только по табели [2]) о рангахъ. Фамилія графа Каменскаго не была особенно древней и знаменитой; она произошла отъ польскихъ выходцевъ. Дѣдъ гр. Каменскаго былъ правителемъ всѣхъ имѣній князя Меньшикова; отецъ его былъ сдѣланъ графомъ и фельдмаршаломъ Павломъ I, въ одинъ изъ моментовъ вспышки пристрастія и великодушія. Командующимъ арміей Каменскаго назначилъ военный министръ Барклай, который былъ съ нимъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ и высоко цѣнилъ его.

Объ его братѣ, графѣ Сергѣѣ Каменскомъ, я уже говорилъ въ запискахъ 1806 года; оба они были сыновья фельдмаршала, о которомъ я упоминалъ ранѣе, въ моихъ описаніяхъ русской арміи.

Прибывъ въ Яссы, графъ Каменскій принялъ генераловъ и бояръ очень холодно, не отличивъ отъ другихъ и князя Долгорукова, чего впрочемъ тотъ вполнѣ заслужилъ; болѣе любезно онъ отнесся ко мнѣ. Два дня онъ запирался со мной въ кабинетѣ и я сообщалъ ему нужныя свѣдѣнія какъ о странѣ и арміи, такъ и о характерѣ войны, котораго онъ совершенно не зналъ.

---

[1]) См. „Русск. Стар.“, сентябрь 1908 г.

[2]) Повышеніе по табели о рангахъ можетъ быть причиной многихъ несообразностей, но тѣмъ не менѣе я считаю ихъ менѣе неправильными, чѣмъ эти произвольныя повышенія, въ которыхъ интрига, случай, расположеніе, выгодное впечатлѣніе и прислуживаніе—часто имѣютъ большее значеніе, нежели дѣйствительныя заслуги. Мы слишкомъ много видѣли подобныхъ примѣровъ въ царствованіе Александра I.

Его первыя распоряженія въ Яссахъ не были одобрены, и армія начинала быть недовольна имъ; изъ уваженія къ своему предшественнику, князю Багратіону, онъ долженъ бы былъ объявить о принятіи командованія арміей только по пріѣздѣ въ Бухарестъ, а онъ поспѣшилъ объявить объ этомъ еще въ Яссахъ, при чемъ самъ написалъ приказъ и такимъ тономъ, который совершенно не соотвѣтствовалъ обстоятельствамъ: онъ слишкомъ много говорилъ о себѣ, о своихъ успѣхахъ въ Финляндіи и скорѣе угрожалъ своей арміи, нежели обѣщалъ ей свое расположеніе и снисходительность.

Этотъ первый приказъ новаго главнокомандующаго былъ полнѣйшимъ контрастомъ съ прощальнымъ приказомъ князя Багратіона, который самолично продиктовалъ его Безаку, владѣвшему хорошо перомъ и сумѣвшему передать всѣ мысли своего начальника. Прощальный приказъ кн. Багратіона былъ однимъ изъ самыхъ трогательныхъ и хорошо написанныхъ статей, которыя я когда-нибудь читалъ въ Россіи, и имѣлъ настолько успѣха, насколько приказъ графа Каменскаго возбудилъ неудовольствіе. Графъ Каменскій самъ распредѣлилъ войска и объявилъ новый планъ кампаніи. Меня очень удивило это распредѣленіе, сдѣланное такъ быстро и безъ всякаго знанія полковъ и генераловъ, и я не могъ не видѣть въ немъ ребенка, спѣшившаго позабавиться новой игрушкой.

Пріѣхавъ въ Бухарестъ, онъ принужденъ былъ измѣнить всѣ свои распоряженія, но сдѣланныя имъ новыя также не имѣли успѣха. Между другими странностями, онъ непремѣнно хотѣлъ распредѣлить полки изъ своихъ дивизій въ различные корпуса такимъ образомъ, чтобы всѣ командиры этихъ корпусовъ, прекрасно знавшіе всѣхъ офицеровъ и даже многихъ солдатъ, не имѣли бы подъ своей командой ни одного батальона прежняго состава и не знали бы своихъ подчиненныхъ [1]).

Графъ Каменскій также проявилъ свою безтактность въ очень неосторожной болтовнѣ, которая заставила всѣхъ генераловъ арміи чуждаться его; онъ публично показалъ приказаніе Государя, которымъ предписывалось ему не обращать вниманіе на старшинство въ выборѣ командующихъ корпусами и отрядами [2]). Онъ также легкомысленно объявилъ, что будетъ давать предпочтеніе генераламъ, которыхъ привезъ съ собой (о нихъ я буду говорить ниже),

[1]) Про это распредѣленіе войскъ генер. Марковъ шутя сказалъ, что онъ былъ бы счастливъ, если бы гр. Каменскій разбилъ непріятеля также, какъ онъ разбилъ дивизію.

[2]) Онъ далъ намъ такое же приказаніе относительно нашихъ подчиненныхъ.

и что онъ имѣетъ мало довѣрія къ старымъ генераламъ Молдавской арміи, отзываясь о нихъ довольно безпощадно.

Оскорбленное самолюбіе прощается меньше всего, и можно судить, какое впечатлѣніе произвели въ арміи эти неосторожные поступки новаго главнокомандующаго. Офицеры, привезенные съ собой графомъ Каменскимъ, а также выписанные имъ потомъ, предназначенные для исполненія главнѣйшихъ должностей въ арміи, были: генералы Сабанѣевъ, Кульневъ, Ансельмъ-де-Жибори, князь Михаилъ Вяземскій и полковникъ Фридерице.

Сабанѣевъ былъ очень храбрый, образованный и дѣятельный офицеръ; но слабость его зрѣнія мѣшала всѣмъ его военнымъ талантамъ, онъ былъ почти слѣпой, а для генерала на войнѣ это большое неудобство; по честности это былъ идеальнѣйшій человѣкъ, добродѣтельный и обязательный, но, къ сожалѣнію, у него былъ слишкомъ рѣзкій характеръ, онъ не умѣлъ обуздывать и сдерживать себя, а живость и откровенность его не всегда были умѣстны.

Кульневъ—обладалъ мужественнымъ характеромъ; былъ прекраснымъ командиромъ гусаръ и хорошимъ начальникамъ аванпостовъ; онъ былъ честный, добродушный человѣкъ, пріятнаго обращенія и большой оригиналъ въ манерѣ обращенія и въ разговорѣ (онъ былъ убитъ 1812 г.).

Ансельмъ—былъ, въ полномъ смыслѣ слова, революціонеръ французъ; это выражалось въ его манерѣ, тонѣ и рѣчахъ. Во время первой французской революціи онъ былъ въ числѣ приверженцевъ королевской партіи въ Вандеѣ; затѣмъ, послѣ Прусской войны, во время республики и Бонапарта, онъ оставилъ французскую службу. Участвуя въ Финляндской войнѣ, онъ получилъ много чиновъ и орденовъ. Всю свою жизнь провелъ онъ въ войнахъ, любилъ ихъ и пріобрѣлъ въ нихъ большую опытность; онъ обладалъ храбростью и военными талантами, но совсѣмъ не зналъ русскаго языка, что представляло большое затрудненіе для командованія русскими войсками. Ярый приверженецъ Фронды, этотъ мало деликатный и хвастливый человѣкъ былъ ненавидимъ въ арміи.

Князь Михаилъ Вяземскій,—двоюродный братъ графа Каменскаго, былъ ему обязанъ своимъ возвращеніемъ на службу; его отчисленіе, хотя было и строго, но заслуженно; у него былъ очень суровый характеръ, но какъ офицеръ онъ былъ крайне знающій, дѣятельный и способный командовать отдѣльнымъ отрядомъ.

Полковникъ генеральнаго штаба Фридерице былъ такимъ же довѣреннымъ у графа Каменскаго, какъ Адеркасъ у князя Багратіона; это былъ очень честный и мужественный человѣкъ, не лишенный

военныхъ знаній, но очень медлительный въ своихъ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ. Я не считаю его подходящимъ для должности квартирмейстера арміи, которую онъ занималъ въ эту кампанію.

Прибывъ въ Бухарестъ, графъ Каменскій очень рѣзкимъ приказомъ отрѣшилъ Безака отъ должности, а затѣмъ принудилъ его покинуть Валахію. Онъ объявилъ приказаніе Государя, который, отправляя его изъ Петербурга, сказалъ ему: „Я надѣюсь, что вы меня освободите отъ Безака; до сихъ поръ я не рѣшался отнять его отъ Прозоровскаго и Багратіона“.

Графъ Каменскій привезъ съ собой также одного адъютанта Закревскаго, которому передали должность Безака, такъ какъ его отчисленіе произошло очень скоро. Я еще буду имѣть случай поговорить объ этомъ адъютантѣ [1]).

Графъ Каменскій пріѣхалъ въ Бухарестъ 30 марта; онъ выказалъ большое уваженіе къ князю Багратіону, но, казалось, вѣжливость его была напускная и вынужденная.

Князь Багратіонъ передалъ ему командованіе арміей и черезъ 10 дней уѣхалъ. Рѣшительно всѣ его подчиненные и почти всѣ жители страны выражали ему чувство сожалѣнія, привязанности и искренности, что дѣлало честь и имъ, и тому, къ кому они относились. Подобное вниманіе къ князю Багратіону сильно кололо самолюбіе графа Каменскаго, и, какъ онъ ни старался скрыть, все-таки это было очень замѣтно.

Изъ первыхъ же дѣйствій графа Каменскаго оказалось, что онъ хотѣлъ обращаться съ греками и валахами очень сурово и презрительно. Онъ вздумалъ публично наказать тѣхъ бояръ, которые среди другихъ, отличались своей безнравственностью; вступившійся за нихъ митрополитъ выпросилъ имъ прощеніе, но всѣ бояре послѣ этого происшествія были охвачены ужасомъ, который, впрочемъ, могъ бы въ будущемъ благотворно повліять на нихъ.

За графомъ Каменскимъ изъ Петербурга пріѣзжали цѣлыми толпами въ Бухарестъ такъ называемые волонтеры. Это все молодые люди, лучшихъ семействъ Петербурга, всѣ не приносящіе никакой пользы при дворѣ, камергеры, камеръ-юнкеры, гвардейскіе офи-

[1]) Этотъ Закревскій сдѣлалъ очень быструю и блестящую карьеру: въ короткое время онъ былъ сдѣланъ полковникомъ гвардіи, генералъ-маіоромъ, генералъ-лейтенантомъ, дежурнымъ генераломъ арміи, генералъ-адъютантомъ Государя и генералъ-губернаторомъ Финляндіи, а ему было всего только 40 л. Онъ былъ богатъ, уменъ и дѣятеленъ, но крайне мало свѣдущъ; темное его происхожденіе, казалось, не могло обѣщать ему такой блестящей карьеры; въ молодыхъ годахъ его образованіе не было подготовкой къ настоящему.

церы. Польщенные примѣромъ, что человѣкъ въ 30 лѣтъ уже командуетъ арміей, вообразили, что такая же судьба ожидаетъ и ихъ, если они примутъ участіе въ одной или двухъ кампаніяхъ и сдѣлаютъ видъ, что они находятся въ дѣлахъ.

Часто бывало такъ, что для нихъ отнимали командованіе у храбрыхъ, заслуженныхъ и знающихъ офицеровъ и затѣмъ, совсѣмъ неправильно, награждали этихъ выскочекъ чинами и орденами. Государь не любилъ волонтеровъ и имѣлъ на то причину, но, поддаваясь просьбамъ родителей и покровителей ихъ, все-таки принималъ ихъ и приказалъ графу Каменскому опредѣлять ихъ въ полки по ихъ чинамъ.

Нашъ генералъ-аншефъ этого не исполнилъ и всѣхъ оставилъ у себя въ свитѣ, къ которой прибавилась и масса прислуги и прикомандированныхъ офицеровъ; такимъ образомъ, въ его главной квартирѣ было болѣе 100 человѣкъ, сверхъ огромнаго штаба; однихъ экипажей, вмѣстѣ съ экипажами его свиты, было болѣе 300, а если къ нимъ прибавить еще маркитантовъ-рестораторовъ и купцовъ, то нельзя сказать, чтобы колонна главной квартиры была бы особенно малочисленна и не обременительна для арміи.

Такъ какъ планъ кампаніи графа Каменскаго былъ совершенно противоположенъ плану князя Багратіона, то главнокомандующій вызвалъ генерала Исаева, который уже перешелъ Дунай, и объявилъ ему свое намѣреніе не помогать сербамъ. Со своей стороны, считая такое распоряженіе не согласнымъ ни въ политическомъ, ни въ военномъ отношеніяхъ (позднѣе я перемѣнилъ свое мнѣніе), я словесно и письменно убѣждалъ графа измѣнить свое рѣшеніе, что съ большимъ трудомъ мнѣ и удалось; онъ уменьшилъ назначенный отрядъ и далъ его графу Цукато, что привело послѣдняго на верхъ блаженства. Это назначеніе уже съ давнихъ поръ было предметомъ его желаній и честолюбія; давно уже онъ прибѣгалъ ко всевозможнымъ интригамъ, чтобы достичь подобнаго назначенія и, надо сознаться, никто больше него не заслуживалъ этого мѣста. Графъ Цукато былъ человѣкъ достойный, но недостатокъ его средствъ и протекціи заставлялъ его иногда быть интриганомъ; можно только пожалѣть его, что онъ въ силу необходимости долженъ былъ прибѣгать къ такому средству.

Генералъ Исаевъ былъ очень обиженъ, когда его удалили съ должности, которую онъ занималъ уже три года, и которую онъ исполнялъ съ большимъ усердіемъ. Сдѣланныя имъ или допущенныя злоупотребленія отдалили отъ него графа Каменскаго, который собирался назначить его начальникомъ аванпостовъ.

Исаевъ, казалось, самъ желалъ этого назначенія, во-первыхъ, для того, чтобы служить подъ начальствомъ Цукато, а во-вторыхъ, чтобы не оставаться въ этой странѣ, гдѣ онъ такъ деспотично правилъ; но вскорѣ онъ успокоился и, не желая упускать своихъ интересовъ согласился остаться въ Малой Валахіи и даже самъ просилъ объ этомъ назначеніи, на что и получилъ согласіе.

Въ концѣ марта графъ Каменскій передвинулъ изъ Яссъ 18-ую пѣхотную дивизію и нѣсколько кавалерійскихъ полковъ къ Гирсову для того, чтобы соединиться съ корпусомъ своего брата.

Мы всѣ приготовлялись, чтобы въ началѣ апрѣля подойти къ Дунаю, когда я черезъ курьера получилъ приказаніе собрать всѣ свои войска и приготовиться къ войнѣ съ австрійцами. Другіе генералы получили такое же приказаніе и были удивлены такъ же, какъ и я. Мы не сомнѣвались въ томъ, что графъ Каменскій имѣлъ, вѣроятно, свѣдѣнія о движеніи австрійскихъ войскъ въ Валахію и Молдавію и, какъ ни странны казались эти свѣдѣнія, приказаніе нашего главнокомандующаго было такъ настоятельно, что мы всѣ думали, что онъ имѣетъ основательныя приказанія отъ Государя или, по крайней мѣрѣ, точныя свѣдѣнія отъ нашего посланника въ Вѣнѣ. Но каково же было наше удивленіе, когда мы узнали, что такую тревогу произвели нѣсколько частныхъ писемъ вѣнскихъ купцовъ къ своимъ торговымъ коммерсантамъ въ Бухарестѣ и донесеніе какого-то грека Самуркаше къ каймакану, въ Малой Валахіи, тогда какъ австрійцы, на самомъ дѣлѣ, и не думали нападать на насъ. Вотъ причина всего этого шума и страха графа Каменскаго, который, казалось, совсѣмъ забылъ о туркахъ. Черезъ недѣлю мы получили отмѣну этого приказанія, но это происшествіе набросило нѣкоторую тѣнь легковѣрности на нашего главнокомандующаго и породило непріязненное къ нему отношеніе арміи [1]).

Между тѣмъ, графъ Каменскій перемѣнилъ свое распоряженіе о расположеніи войскъ, сдѣланное имъ нѣсколько легкомысленно въ Яссахъ.

Вотъ то распредѣленіе войскъ, на которомъ онъ остановился послѣ пріѣзда генерала Уварова. Какъ я уже говорилъ выше, это было какое-то странное смѣшеніе полковъ и генераловъ.

---

[1]) По приказанію графа Каменскаго, я послалъ въ Лембергъ одного изъ моихъ адъютантовъ, Русселя, какъ разумнаго офицера. Черезъ десять дней онъ вернулся, и отдавая отчетъ мнѣ о своей поѣздкѣ, сообщилъ, что во всей Галиціи нѣтъ никакого движенія войскъ, и ни о какомъ походѣ нѣтъ и рѣчи.

Новое распредѣленіе войскъ:

Корпусъ генералъ-лейтенанта Засса, расположенный лагерями въ Бухарестѣ.

Полки: Переяславскій драгунскій.
Тверской „
Волынскій уланскій.
Грекова казачій.
Естахова „
Малороссійскій гренадерскій.
Выборгскій пѣхотный
Апшеронскій „
Нижегородскій „
Вятскій „
Украинскій „
Одесскій „
29-ый егерскій „
13-ый „ „

Артиллерійскія роты: Вегетинскаго 30 орудій
Богуславскаго „
полурота Лакса „

Генералъ Зассъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ графа Цукато, корпусъ котораго состоялъ изъ трехъ отрядовъ:

1-й отрядъ: генералъ-маіора Назимова, въ Бухарестѣ.
Житомирскій драгунскій полкъ.

Резервные батальоны: Нижегородскаго полка.
Одесскаго „
Камчатскаго „
Рота конной артиллеріи подполковника Обухова.

2-й отрядъ: генералъ-маіора Ермолова, расположеннаго лагеремъ подъ Журжевымъ.

Чернозубова казачій полкъ.
Власова 2-го „ „
Мелентьева 3-го „ „
Ладожскій пѣхотный полкъ.
Нашебургскій „ „
Резервные батальоны: Апшеронскаго полка.
Олонецкаго „
Сибирскаго „
6 пушекъ, 12-ти фунт., Лакса.

3-й отрядъ: генералъ-маіора Исаева, въ Малой Валахіи:
Исаева 1-го казачій полкъ.
Исаева 2-го „
Уральскій „
Олонецкій пѣхотный полкъ.
Ново-Ингерманландскій „ „
Старооскольскій „ „
Пензенскій „
Резервные батальоны: Ново-Ингерманландскаго полка.
Выборгскаго „
6 егерскаго „
6 пушекъ Донской конной артиллеріи.

Численность корпуса:
40 батальоновъ.
25 эскадроновъ.
8 казачьихъ полковъ.
36 двѣнадцати фунт. пушекъ.
18 конной артиллеріи
72 полковыхъ
Всего 126 пушекъ.

Корпусъ генералъ-лейтенанта графа Ланжерона, въ Обилешти.
Кинбурнскій драгунскій полкъ.
Смоленскій „
Мелентьева 2-го казачій полкъ.
Платова 3-го „ „
Колыванскій пѣхотный полкъ.
Мингрельскій „
Охотскій „
Воронежскій „
14-й пѣхотный егерскій полкъ.
27-й „ „ „
Резервные батальоны: Витебскаго полка.
Новгородскаго „
Охотскаго „
27-го пѣхотнаго егерскаго полка.
13-го „ „ „
14-го „ „ „
12 пушекъ 12-ти фунт. роты Бастіона, 12 пушекъ Салля (Salle).
5 ротъ осадной артиллеріи.

Численность корпуса:
18 баталіоновъ.

10 эскадроновъ.
2 полка казаковъ.
24 двѣнадцати ф. пушки.
22 полковыхъ пушекъ.
Всего 46 пушекъ.

Корпусъ генералъ-лейтенанта графа Каменскаго, въ Гирсовѣ:
Чугуевскій уланскій полкъ.
Серпуховскій драгунскій полкъ.
Денисова 6-го казачій полкъ.
Нисоенова „ „
Андронова 2-го „ „
Сулинова 9-го „ „
Фанагорійскіе гренадеры:
Орловскій пѣхотный полкъ.
Нарвскій „ „
Витебскій „ „
Козловскій „ „
Смоленскій „ „
Тамбовскій „ „
Костромской „ „
Днѣпровскій „ „
6-й пѣхотный егерскій полкъ.
11-й „ „ „
32-й „ „ „

6 двѣнадцати фунт. пушекъ роты Ансіо, 12 пушекъ конной артиллеріи Навака:

Численность корпуса:
24 батальона.
15 эскадроновъ.
4 полка казаковъ.
6 12-ти фунт. пушекъ.
12 пушекъ конной артиллеріи.
36 полковыхъ пушекъ.
Всего 54 орудія.

Главныя силы, подъ непосредственнымъ начальствомъ графа Каменскаго 2-го, состояли: Изъ авангарда и 4-хъ корпусовъ. Сборный пунктъ былъ въ Слободзеѣ.

Авангардъ—подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Уварова.
5 эскадроновъ Бѣлорусскихъ гусаръ.
Полки: Атаманскій въ 1.000 чел. казачій.
Иловайскаго 2-го „

Иловайскаго 5-го казаки.
Иловайскаго 10-го „
Иловайскаго 11-го „
Иловайскаго 12-го „
Кутейникова „
7-й егерскій пѣхотный „

Двѣ роты конной Донской артиллеріи. Къ этому отряду присоединился отрядъ Кульнева:

Полки: Гордѣева казачій.
Барабанщикова „
2-й Уральскій „
28-й егерскій пѣхотный полкъ.
6 пушекъ донской артиллеріи.

Численность авангарда.

4 батальона.
5 эскадроновъ.
11 казачьихъ полковъ.
30 Донскихъ пушекъ.

1-й корпусъ, генералъ-лейтенантъ Марковъ.

Полки: Тираспольскій драгунскій.
Ливонскій „
Московскій гренадерскій.
Сибирскій „
Куринскій пѣхотный.
Новгородскій „
12 пушекъ конной артиллеріи Кривцова.

Численность корпуса:

8 батальоновъ.
10 эскадроновъ.
12 пушекъ конной артиллеріи.
16 пушекъ полковыхъ.
Всего 28 орудій.

2-ой корпусъ, генералъ-лейтенанта Эссена 3-го.

Полки: Сѣверскій драгунскій.
Дерптскій „
Старо-Ингерманландскій пѣхотный.
Шлиссельбургскій „
Архангелогородскій „
Камчатскій „
12 пушекъ 12 фунт. Франкевича.

Численность корпуса.

8 батальоновъ.
10 эскадроновъ.
12 двѣнадцати фунт. пушекъ.
16 полковыхъ.
Всего 28 орудій.

3-й корпусъ, генералъ-лейтенанта Раевскаго.
Полки: Серпуховскій драгунскій.
Арзамаскій „
Якутскій пѣхотный.
Нейшлотскій „
Брянскій „
8-й Егерскій „
12 пушекъ конной артиллеріи Кучуева.

Численность корпуса.

8 батальоновъ.
10 эскадроновъ.
12 пушекъ кон. артил.
12 „ полковыхъ.
Всего 24 орудія.

4-й, корпусъ генералъ-лейтенанта Левиса.
Полки: Александрійскій гусарскій.
С.-Петербургскій драгунскій.
Кіевскій гренадерскій.
Курскій пѣхотный.
Ярославскій „
Крымскій „
12 пушекъ 12-ти фун., роты Кучковскаго.
16 „ конной артиллеріи Игнатьева.

Численность корпуса.

8 батальоновъ.
15 эскадроновъ.
12 12-ти ф. пушекъ.
12 пушекъ конной арт.
16 „ полковыхъ.
Всего 40 орудій.

Резервный корпусъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Олсуфьева состоялъ изъ:

23 резервныхъ батальоновъ.
1-го гренадерскаго полка.
3-хъ казачьихъ полковъ.
34 пушекъ полковыхъ и флотскихъ.

Численность главныхъ силъ.

36 батальоновъ.
50 эскадроновъ.
11 казачьихъ полковъ.
24 двѣнадцати фунт. пушки.
66 пушекъ конной артил.
60 „ полковыхъ.

Всего 150 орудій.

Вся численность силъ арміи,

142 батальона.
90 эскадроновъ.
25 казачьихъ полковъ.
90 двѣнадцати фунт. пушекъ.
96 пушекъ конной артиллеріи.
224 „ полковыхъ.
5 ротъ осадной артиллеріи.
2 роты понтонныхъ.
2 роты піонеровъ.

Всего 410 орудій, что составляло всего около 125 тысячъ человѣкъ.

Никогда еще противъ турокъ не собиралось столь значительныхъ силъ.

Всѣ мы, около 15 апрѣля, собрались въ назначенныхъ мѣстахъ. Сначала я расположился въ Обилешти, затѣмъ перешелъ въ Слободзею, въ 40 верстахъ отъ Калараша и Силистріи. Тамъ я нашелъ корпуса Эссена, Раевскаго и графа Каменскаго, а также и авангардъ.

Къ главнокомандующему была прислана депутація изъ Силистріи: Эмикъ-Оглы посылалъ ему кофе, табакъ и просилъ принять увѣренія въ преданности и дружбѣ. Нѣсколько дней тому назадъ я отправилъ къ нему капитана 14-го Егерскаго полка, Воронцова, говорящаго по-турецки и очень сообразительнаго офицера; онъ до-

несъ мнѣ, что я могу не опасаться особенно сильнаго сопротивленія (я былъ назначенъ начальникомъ осады этого города).

Графъ Каменскій собрался перейти Дунай въ апрѣлѣ, но такъ какъ продовольствіе еще не было готово къ отправленію на сборныя мѣста, а генералъ Бѣлуха объявилъ намъ невозможность собрать все необходимое раньше 25-го марта, то графъ Каменскій, несмотря на свое нетерпѣніе и торопливость, а также выгодность начинать движеніе въ моментъ сосредоточиванія войскъ, все-таки отложилъ это движеніе до тѣхъ поръ, пока не будетъ приготовлено все нужное.

Это рѣшеніе дѣлаетъ ему честь. Онъ приказалъ каждому полку приготовить на 30 дней сухарей и уложить ихъ въ лазаретныя линейки, запряженныя быками, которые были куплены провіантской комиссіей. Эта мѣра была бы превосходной, если бы графъ Каменскій имѣлъ осторожность сдѣлать командировъ полковъ отвѣтственными за потерю этихъ повозокъ и быковъ или, если бы онъ назначилъ особыхъ чиновниковъ провіантской комиссіи, которые бы приняли на себя всѣ эти заботы, но онъ не сдѣлалъ этого и полки для наблюденія за этими повозками, назначали самыхъ дурныхъ солдатъ. Большинство командировъ (особенно кавалерійскихъ) употребляли ихъ для перевозки фуража, вещей и фруктовъ, добытыхъ ими послѣ приступа Базарджика и, щадя своихъ лошадей, они всю тяжесть работы взвалили на комиссіонныхъ быковъ, которые, конечно, не вынесли этого непосильнаго труда и болѣе трехъ четвертей изъ нихъ подохло. Это былъ большой уронъ для казны [1]).

Графъ Каменскій сначала хотѣлъ весь ущербъ взыскать съ командировъ частей, и это было бы вполнѣ правильнымъ съ его стороны, но, вслѣдствіе своей нерѣшительности, онъ не былъ способенъ на такую строгую мѣру, никто изъ командировъ нисколько не пострадалъ.

Когда я узналъ объ этомъ, то далъ понять главнокомандующему, что онъ единственный виновникъ всѣхъ этихъ потерь, и если бы онъ сдѣлалъ заранѣе всѣ нужныя предупрежденія, ничего бы не случилось; онъ согласился со мной, но все-таки потеря легла всецѣло на государство.

Въ теченіе 10 дней, которые мы провели около Слободзеи, нашъ главнокомандующій былъ очень внимательно изучаемъ гене-

[1]) Полагаютъ, что эта потеря стоила казнѣ около милліона рублей.

ралами, большая часть которыхъ были далеко не расположены къ нему и многіе его поступки были очень строго осуждены ими.

Будучи часто больнымъ, онъ пользовался этимъ правомъ, чтобы почти никогда не одѣваться какъ слѣдуетъ, онъ не считалъ нужнымъ стѣсняться съ нами и утромъ выходилъ не иначе какъ въ шелковомъ халатѣ и турецкихъ туфляхъ. Если только ему не было необходимости работать, онъ все время сидѣлъ или лежалъ на диванѣ; здоровался онъ очень небрежно и то только съ нѣкоторыми генералами, а другимъ и вовсе не отвѣчалъ имъ на ихъ привѣтствія. Когда къ нему приходили съ докладами или за какимъ-нибудь приказаніемъ, онъ нѣсколько минутъ молчалъ сначала, а ужъ потомъ, если передъ нимъ былъ генералъ-лейтенантъ, то дѣлалъ ему знакъ садиться; генералъ-маіоры почти никогда не удостоивались этого.

Обѣдалъ онъ обыкновенно одинъ, въ своей комнатѣ; если же онъ и приглашалъ къ себѣ кого-нибудь, то гостямъ подавались отдѣльныя блюда гораздо хуже тѣхъ, которыя приготовлялись для хозяина.

20 лѣтъ назадъ мы видѣли князя Потемкина поступающимъ такъ же, но вѣдь ему уже было 50 лѣтъ; затѣмъ, онъ былъ чуть не императоромъ въ Россіи, которая была въ ту эпоху болѣе Азіатской, нежели Европейской. Съ тѣхъ поръ Россія значительно измѣнилась. Я уже говорилъ, что въ эти 20 лѣтъ она ушла впередъ на 2 столѣтія.

Совершенно въ противоположность холодности и высокомѣрію, съ какимъ графъ Каменскій обращался съ генералами, къ волонтерамъ онъ выказывалъ какую-то необыкновенную, прямо шокирующую его, фамильярность. Эти вертопрахи проводили съ нимъ почти цѣлые дни и ужасно этимъ гордились, такъ какъ ихъ чванство равнялось ихъ ничтожеству. Грустно было видѣть, какъ нашъ главнокомандующій не скрывалъ ни одного секрета, ни одного плана и громко диктовалъ интересные приказы; когда волонтеры совершенно свободно входили въ его кабинетъ и часто бывало такъ, что генералъ черезъ нихъ узнавалъ о предстоящемъ ему назначеніи.

Генералъ-маіоръ Унгернъ-Штернбергъ, человѣкъ дѣйствительно необыкновенный и малоуважаемый; за грабительство и безчестность въ Мингрельскомъ полку, онъ заслужилъ судъ, но графъ Каменскій поступилъ иначе: онъ при всѣхъ оскорбилъ его и отнялъ у него полкъ. Послѣднее онъ имѣлъ право сдѣлать, но вѣдь надо же уважать чины и не оскорблять человѣка, а это именно онъ и сдѣлалъ въ крайне грубой формѣ. Все то, что я описалъ въ этихъ

строкахъ, конечно, не говоритъ въ его пользу; напротивъ, поведеніе его оттолкнуло только отъ него всѣ сердца, которыя Багратіонъ съумѣлъ такъ хорошо расположить и привязать къ себѣ.

Онъ окружилъ себя почти азіатской роскошью: у него было 5 или 6 огромныхъ палатокъ и 3 маленькихъ переносныхъ домика, соединявшихся одинъ съ другимъ такимъ образомъ, что получалось цѣлое помѣщеніе. Внутри палатки были убраны богатыми матеріями, изысканной мебелью, различными украшеніями, бронзой и проч.

Въ 1809 г. въ Гирсовѣ, мы видѣли, какъ кн. Багратіонъ забавлялся шутомъ-калмыкомъ; графъ Каменскій также привелъ съ собой шута; это былъ надворный совѣтникъ Петровъ (чинъ надворнаго совѣтника равенъ военному подполковнику). Во времена войнъ фельдмаршала Румянцева, онъ былъ солдатомъ, затѣмъ пажомъ и сдѣлался турецкимъ плѣннымъ; 3 или 4 раза онъ былъ битъ палками, и несмотря на это позорное прошлое, а также и на пьянство, ставшее его ежедневной привычкой, я не знаю, какимъ образомъ онъ сталъ статскимъ чиновникомъ въ Петербургѣ. Онъ былъ очень дерзкій, нахальный, но совсѣмъ не смѣшной; въ награду за свое гаэрство онъ получилъ въ концѣ кампаніи орденъ Св. Владиміра. Всѣ эти шуты были остатки азіатскихъ нравовъ въ Россіи.

Когда графъ Каменскій собралъ всю свою многочисленную армію, и когда всѣ продовольственные припасы были уже приготовлены, онъ двинулся на Слабодзею для того, чтобы перейти Дунай въ Гирсовѣ. До моста было 45 верстъ, а затѣмъ пять верстъ до Гирсовской равнины, гдѣ мы всѣ и собрались 15 мая. На этомъ одномъ пунктѣ было собрано болѣе 6.000 человѣкъ.

Сначала мнѣ было приказано соединиться съ генераломъ Зассомъ около Ольтеницы, при устьѣ Аржиша, для того, чтобы вмѣстѣ съ нимъ перейти Дунай, взять Туртукай и затѣмъ подойти къ Силистріи, тогда какъ графъ Каменскій прибудетъ туда черезъ Гирсово, но его предупредили, что дорога изъ Туртукая въ Силистрію была очень плоха, и онъ, вслѣдствіе этого, перемѣнилъ мое назначеніе.

Мостъ въ Гирсовѣ, въ продолженіе всей зимы, былъ сохраненъ въ неприкосновенности, но вслѣдствіе разлитія водъ, вся почва, особенно лѣвый берегъ, была сильно затоплена, и мы принуждены были построить черезъ эти болота фашинныя части. Эта работа была довольно скоро окончена, ею завѣдывалъ маіоръ Магденко изъ понтонеровъ и полковникъ Піеспопре, котораго графъ Каменскій выписалъ изъ Финляндіи, и которому онъ приписывалъ боль-

шія заслуги, чѣмъ онъ имѣлъ въ дѣйствительности, и тогда выяснилось, насколько дворъ былъ правъ, оставляя одинъ корпусъ на другомъ берегу Дуная; рѣку можно было бы перейти безъ всякихъ препятствій, но если бы пришлось снова строить мостъ, то навѣрное бы встрѣтили множество затрудненій и сопротивленія. Пегливанъ, конечно, явился бы изъ Базарджика и отрѣзалъ бы намъ путь.

Во время нашего пребыванія въ Гирсовѣ, туда прибылъ генералъ-адъютантъ Уваровъ, одинъ изъ фаворитовъ Государя. Графъ Каменскій, самъ никогда близко не стоявшій ко двору и не любившій тѣхъ, которые имѣютъ тамъ протекцію, думалъ, что всякій, отправленный оттуда въ армію, былъ посланъ, чтобы шпіонить и доносить о его дѣйствіяхъ, поэтому онъ съ неудовольствіемъ ожидалъ пріѣзда Уварова и принялъ его сначала очень холодно. Графъ Строгановъ и князь Трубецкой, всегда пользовавшійся расположеніемъ Багратіона, были также третируемы Каменскимъ. Уваровъ представлялъ изъ себя примѣръ необыкновеннаго счастья, соединеннаго съ богатствомъ. Будучи не особенно высокаго происхожденія, не обладая широкимъ умомъ и мало образованный, онъ не могъ ожидать блестящей карьеры и вѣроятно долго бы просидѣлъ въ чинѣ поручика, если бы не протекція княгини Лопухиной, устроившей его при дворѣ Павла I, когда онъ влюбился въ дочь княгини, которую она потомъ выдала замужъ за князя Гагарина. Уваровъ былъ очень скоро произведенъ въ генералъ-маіоры, генералъ-лейтенанты, назначенъ генералъ-адъютантомъ и украшенъ многими орденами. Онъ съумѣлъ поддерживать расположеніе Павла и Александра. Онъ женился на вдовѣ графа Валеріана Зубова, урожденной княжнѣ Любомірской, разведенной съ графомъ Потоцкимъ; это была очень красивая и кокетливая женщина, но чрезвычайно испорченная нравственно. Женясь на ней, Уваровъ вѣроятно преслѣдовалъ только ея богатства и, въ ущербъ своему счастью и репутаціи, онъ сдѣлался милліонеромъ.

Уваровъ былъ человѣкъ прямой, справедливый и честный, хотя онъ и не былъ воспитанъ при дворѣ, но своею ловкостью онъ съумѣлъ составилъ себѣ тамъ положеніе. Онъ участвовалъ въ войнѣ съ французами и выказалъ много храбрости, но въ настоящей кампаніи онъ былъ менѣе рѣшителенъ [1]).

---

[1]) Уваровъ запятналъ свое имя поступкомъ, который останется вѣчнымъ укоромъ. Онъ участвовалъ въ заговорѣ противъ Павла I—своего благодѣтеля. Уваровъ умеръ въ 1827 году.

Слѣдовало дать ему большой отрядъ или даже корпусъ, для фиктивнаго камандованія, а ему дали Кульневскій авангаръ, увеличенный двумя пѣхотными полками.

Насколько казаки были покровительствуемы Багратіономъ, настолько Каменскій, не чувствовавшій къ нимъ никакого расположенія, отдалилъ ихъ отъ себя.

Я уже довольно много говорилъ о казакахъ, чтобы повторять здѣсь мое мнѣніе о нихъ, я считалъ ихъ очень полезнымъ войскомъ. Каждый отрядъ, каждый корпусъ долженъ имѣть извѣстное число казаковъ, но во время войнъ, особенно во время войны съ турками, было бы очень полезно имѣть цѣлый корпусъ казаковъ, совершенно отдѣленныхъ отъ арміи, который всегда можно быстро направить на фланги и даже въ тылъ непріятеля, и графъ Каменскій сдѣлалъ большую ошибку, не отдѣливъ такого корпуса. Этотъ корпусъ долженъ быть подъ командою одного изъ казачьихъ генераловъ, къ которому слѣдовало бы прикомандировать нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба.

Съ апрѣля мѣсяца графъ Каменскій поручилъ генераламъ: Войнову, Ансельму и князю Долгорукову произвести нѣсколько быстрыхъ набѣговъ на Болгарію; но набѣги эти не представляли ничего интереснаго. Ансельмъ выказалъ большую дѣятельность и проникъ до Каварны, взявъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ [1]).

Планъ кампаніи графа Каменскаго былъ много лучше плана, составленнаго княземъ Багратіономъ, но онъ не съумѣлъ его выполнить. Во всякой кампаніи нужно или захватывать базы или стремиться овладѣть стратегическими пунктами. Первый способъ болѣе вѣрный; второй же болѣе блестящій, и въ войнѣ съ турками—болѣе легкій. Графъ Каменскій былъ правъ, дѣйствуя своимъ лѣвымъ флангомъ для того, чтобы быть ближе къ провіантскимъ магазинамъ и имѣть возможность не опасаться за ту часть Болгаріи, которая омывалась моремъ; но если бы онъ удовлетворился только наблюденіемъ за Силистріей и быстро двинулся бы 5.000 чел. на Базарджикъ и Шумлу, онъ могъ бы дойти туда въ шесть переходовъ и тогда уже дѣйствительно захватить ихъ. Взятіе Шумлы окончательно рѣшило бы эту кампанію въ нашу пользу и можетъ

---

[1]) Не задолго до нашего пріѣзда въ Гирсово, гр. Каменскій отличился однимъ поступкомъ, который напомнилъ Россіи времена Петра I. Найдя однажды одного солдата Витебскаго полка пьянымъ, онъ приказалъ перенести его на кровать генерала Степанова—командира этого полка. Этотъ генералъ по правдѣ сказать, не пользовался особымъ уваженіемъ, но тѣмъ не менѣе это не давало права графу на подобные поступки. Степановъ сказался больнымъ и не служилъ въ продолженіе всей кампаніи.

быть принудило бы турокъ къ заключенію мира, такъ какъ изъ Шумлы можно было тотчасъ же занять Балканы и тѣмъ произвести панику въ Константинополѣ. Эмикъ-Оглы не желалъ ничего другого, какъ только, чтобы мы прекратили наше наступленіе, онъ предлагалъ держаться нейтралитета и не хотѣлъ мѣшать нашимъ операціямъ. Въ городѣ у него было очень мало войскъ, и онъ боялся потерять его, тѣмъ болѣе, что не всѣ жители были одинаково расположены къ нему, а ему нужно было по крайней мѣрѣ 4.000 человѣкъ для охраны города.

Овладѣніе Силистріей было намъ очень полезно, такъ какъ оно давало намъ возможность перенести туда Гирсовскій мостъ и устроить госпиталя, а также сокращало операціонную линію и облегчало подвозъ припасовъ. Графъ Каменскій могъ бы оставить тамъ меня съ 15.000 ч., которыхъ было совершенно достаточно для осады города, а самому, безъ остановокъ, вмѣстѣ съ остальными войсками и корпусомъ своего брата, силою въ 22.000 ч., идти на Базарджикъ и Шумлу. Если онъ хотѣлъ еще болѣе укрѣпить свой лѣвый флангъ, онъ долженъ былъ осадить Варну (этотъ городъ былъ бы портомъ для нашего флота), а изъ Варны можно перейти Балканы, обойдя Шумлу. Всѣ эти операціи могли быть окончены раньше, чѣмъ турки успѣли бы собрать 100.000 человѣкъ.

Во всякомъ случаѣ, графъ Каменскій не долженъ былъ брать съ собой въ Силистрію большую часть своихъ силъ и терять тамъ 15 дней, имѣвшихъ роковое вліяніе на исходъ кампаніи. Онъ ни за что не долженъ былъ предпринимать осаду Рущука и Силистріи; одной тысячи человѣкъ было бы совершенно достаточно, чтобы наблюдать за этими двумя городами, гдѣ было войскъ всего около 4.000 человѣкъ. Но Каменскій не достаточно хорошо еще зналъ турокъ и испугался 15.000 человѣкъ, занимавшихъ эти двѣ крѣпости. Онъ не зналъ, что въ числѣ этихъ 15.000 ч. до 12.000 были жители, которые храбро бьются только въ стѣнахъ своего города, но никогда не выходятъ изъ него, и что войска, которыя турки могли собрать въ остальной части Болгаріи, не занятой нами, и за Балканами, прибыли бы не раньше іюля мѣсяца и, конечно, не двинулись бы на защиту Рущука, а стремились бы соединиться съ великимъ визиремъ, который еще только собирался дѣйствовать противъ нашей арміи.

Изъ этого видно, что въ планѣ нашей кампаніи были сдѣланы упущенія съ самаго начала и что первые шаги графа Каменскаго были ошибочны и имѣли рѣшительное вліяніе на послѣдующія операціи.

Тѣмъ не менѣе, можно сказать, что графъ Каменскій, посылая

своего брата въ Базарджикъ, а оттуда въ Варну, могъ надѣяться взять эти два города. Первый дѣйствительно былъ взятъ, да и второй былъ бы нашимъ, если бы этимъ корпусомъ не командовалъ графъ Сергѣй Каменскій. Главнокомандующій долженъ былъ хорошо знать своего брата, чтобы не пускать его далеко изъ виду и не довѣрять отдѣльную операцію столь важную въ стратегическомъ отношеніи непосильную для него. Эту задачу слѣдовало бы поручить Зассу.

Взятіе Силистріи.

17 мая мы двинулись къ Троянову валу. 19-го графъ Сергѣй Каменскій, которому придали еще корпусъ генерала Маркова, и уже 21 мая былъ около Базарджика. Остальныя войска двинулись на Силистрію.

Графъ Каменскій могъ бы пойти по Черноводской дорогѣ вдоль Дуная, но онъ думалъ, что эта дорога, вслѣдствіе разлитія водъ, стала непроходимой, и хотѣлъ идти по Шумлинской дорогѣ, на Кайнаджи, чтобы съ этой стороны начать осаду Силистріи. Дороги отъ Кузауна въ Кайнаджи были ужасны, и намъ приходилось перенести много трудностей во время этого похода.

21 мая всѣ были собраны въ 4 вер. отъ Силистріи по Гирсовской дорогѣ. 22 мая, графъ Каменскій хотѣлъ произвести рекогносцировку Силистріи, но это было совершенно лишнее, потому что всѣ тѣ, которые были назначены для осады города, знали его до мельчайшихъ подробностей, и если я упоминаю здѣсь объ этой рекогносцировкѣ, которая сама по себѣ не стоитъ труда, чтобы ею занимались, то только для того, чтобы описать удивленіе всѣхъ тѣхъ, которые не достаточно хорошо знали графа Каменскаго и его слабости. Онъ самъ ѣхалъ въ дрожкахъ, а за нимъ слѣдовали два полка егерей, казаки и толпа волонтеровъ и прислуги.

Когда мы подошли къ городу, то я вмѣстѣ съ генераломъ Гамперомъ, Рѣзвымъ и Попандопуло отправились осматривать окрестности города.

На разстояніи 3.000 футовъ отъ него я предполагалъ построить редуты. Мы не встрѣтили ни одного турка кромѣ—какого-то старика, работавшаго въ виноградникѣ, и котораго мы отправили обратно въ городъ. Вдругъ, въ верстѣ отъ насъ, мы увидали большое движеніе среди войскъ и толпы окружавшей гр. Каменскаго. Недоумѣвая, что тамъ могло произойти, я поспѣшилъ къ графу; онъ былъ очень блѣденъ и дрожа отъ страха и злобы, которая была чрезвычайно комична, бранилъ

весь свѣтъ, набрасывался на всякаго, кто только подходилъ къ нему, и говорилъ рѣзкости уважаемому генералу Павлу Иловайскому за то, что его казаки не особенно скоро двигались. Наконецъ, изливъ всю свою злобу, онъ, сидя въ дрожкахъ, въѣхалъ въ каре егерей.

Тогда я подошелъ къ нему и спросилъ о причинѣ всего этого переполоха. „Какъ“—отвѣтилъ онъ мнѣ—„вы не знаете, что турецкая кавалерія уже выступила? я совсѣмъ не хочу, что бы сегодня утромъ произошло сраженіе!“ Оказалось, что одинъ изъ волонтеровъ, я не знаю, кто именно, увидалъ, или можетъ быть это ему такъ показалось, что 4 или 6 турокъ взобрались на возвышенность, и этотъ достойный петербуржецъ принялъ ихъ за цѣлую армію и донесъ графу Каменскому, что турецкая конница выступила противъ насъ.

Я увѣрилъ графа, что изъ города не вышло ни одного человѣка, и что если бы даже 10.000 человѣкъ непріятельской конницы атаковали бы насъ, то мы, со всѣмъ тѣмъ, что у насъ было, непремѣнно побили бы ихъ, а кромѣ того, у насъ въ 4-хъ вер. было болѣе 50.000 человѣкъ. „Все равно“, отвѣчалъ онъ мнѣ—„я не хочу, чтобы сегодня было сраженіе“ и, не докончивъ рекогносцировки, онъ возвратился въ свой лагерь, оставаясь все время въ каре, какъ будто бы онъ уже былъ окруженъ врагами.

Хотя эта сцена и кажется невѣроятной, но тѣмъ не менѣе все это произошло на самомъ дѣлѣ, что могутъ засвидѣтельствовать 20 генераловъ и 4 или 5.000 солдатъ. Невозможно передать то удивленіе, которое вызвало у насъ это происшествіе; всякій смотрѣлъ на своего сосѣда, ища въ его глазахъ объясненія всему происходящему, а приближенные графа краснѣли за него. Этотъ маленькій эпизодъ изъ его военной жизни окончательно лишилъ его всякаго уваженія и убѣдилъ насъ въ томъ, чего одни еще не знали и чему другіе раньше не хотѣли вѣрить.

Графъ Каменскій спросилъ меня, во сколько дней я могу взять Силистрію? я сказалъ, что съ тѣми средствами, которыя онъ мнѣ далъ [1]) и которыхъ было совершенно достаточно, я отвѣчаю ему за взятіе города, какъ только я окружу его. По первымъ же вылазкамъ гарнизона я буду судить объ ихъ силахъ, а по той оборонѣ, которую они намъ окажутъ—объ ихъ рѣшимости. Если гарнизонъ крѣпости, какъ было прежде, составляетъ 12.000 человѣкъ вооруженныхъ, то мнѣ для осады нужно 18 дней; если же у нихъ,

[1]) Онъ присоединилъ къ моему корпусу корпусъ генералъ-лейтенанта Раевскаго; а артиллеріи и продовольственныхъ продуктовъ у меня было больше, чѣмъ нужно.

какъ и предполагали, только 5 или 6.000 чел., я возьму городъ въ 10 дней.—„Я вамъ даю 3 недѣли“ отвѣчалъ мнѣ графъ.

23 мая я окружилъ городъ, это былъ настоящій маневръ, исполненный съ такой точностью и порядкомъ, какихъ можно рѣдко ожидать даже на плацу. 4 колонны, подъ командой генералъ-лейтенанта Раевскаго, съ бывшими подъ его начальствомъ, генералами: Бахметьевымъ, княземъ Михаиломъ Вяземскимъ, Попандопуло и Гампером всѣ одновременно, къ 12 ч. дня прибыли къ назначенному пункту, и городъ былъ взятъ.

Колонна князя Вяземскаго, занимавшаго правый флангъ, была единственной, которая имѣла маленькое дѣло.

Турки вышли къ ней навстрѣчу въ свои сады и виноградники, гдѣ въ прошломъ году у насъ происходили безконечныя стычки; перестрѣлка длилась до вечера и стоила намъ 40 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Съ наступленіемъ темноты, турки возвратились въ городъ.

Поэтому я судилъ, что они не были ни сильны, ни энергичны, и что осада не будетъ очень продолжительной. Графъ Каменскій съ корпусомъ Эссена остался въ 4-хъ верстахъ отъ города на Гирсовской дорогѣ; генералъ Левисъ занялъ позицію на Разградской дорогѣ, а Уваровъ и казаки—на дорогѣ въ Шумлу.

У меня было 20.000 человѣкъ подъ ружьемъ; я раздѣлилъ эту маленькую армію на 2 корпуса и 7 отрядовъ. Подъ моимъ прямымъ начальствомъ были: отрядъ князя Вяземскаго, на правомъ флангѣ, около Дуная, въ центрѣ, на Шумлинской дорогѣ – отряды Гампера и Попандопуло.

Генералъ Раевскій имѣлъ подъ своемъ начальствомъ генераловъ Бахметьева и графа Строганова, расположенныхъ на Разградской и Крушевской дорогахъ, на лѣвомъ флангѣ, на равнинѣ, около Дуная.

Генералъ Шлитеръ командовалъ моимъ 7-мъ отрядомъ на лѣвомъ берегу Дуная, онъ уже давно былъ въ Каларашѣ, около Силистріи, а за мѣсяцъ до осады, онъ занялъ островъ, образованный Дунаемъ и р. Борщемъ. – Нѣсколько ротъ егерей вытѣснили турокъ, которые высадились было тамъ съ цѣлью построить редутъ, крайне вредный для насъ.

Конечно, графъ Каменскій былъ очень расположенъ ко мнѣ, но, такъ какъ онъ совершенно не зналъ генераловъ своей арміи, то выборъ его всѣхъ тѣхъ, кто должны были служить подъ моимъ начальствомъ, можно отнести только къ случайности, которая для меня была очень счастливой, потому что трудно было сдѣлать даже сознательно болѣе удачный выборъ. Шлитеръ, Гампъръ, Попандо-

пуло, Бахметьевъ, гр. Строгановъ и Раевскій были наидостойнѣйшіе офицеры, отличавшіеся большимъ мужествомъ. Крушевъ не былъ ничѣмъ извѣстенъ, но тѣмъ не менѣе я остался имъ очень доволенъ. Князь Вяземскій же выказалъ себя самымъ блестящимъ образомъ. Главнымъ инженеромъ ко мнѣ былъ назначенъ генералъ Гамперъ, котораго я очень уважалъ за его качества и героическую храбрость, но который, къ сожалѣнію, не обладалъ особенными талантами въ своемъ инженерномъ искусствѣ, и я рѣшилъ не давать ему самостоятельнаго дѣла.

Сообщ. Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

шла... Въ Вяткѣ я ничего не писалъ, велъ самую пустую жизнь, даже сильно пьянствовалъ. Но Вятка имѣла на меня и благодѣтельное вліяніе: она меня сблизила съ дѣйствительною жизнью и дала много матеріаловъ для „Губернскихъ Очерковъ“, а ранѣе я писалъ вздоръ“... Прочитавъ ихъ, А. В. Дружининъ сказалъ Салтыкову: „Вотъ вы стали на настоящую дорогу“, а женственно-мягкій Тургеневъ недоумѣвалъ: „Это совсѣмъ не литература, а чортъ знаетъ что такое!“—„Я знаю“, сказалъ однажды Салтыковъ, „двѣ драмы удивительныя какъ по глубинѣ внутренняго содержанія, такъ и по художественному достоинству, это — „Ревизоръ“ и „Свои люди, сочтемся“, конечно, послѣдняя безъ придѣланнаго для цензуры конца. Обѣ какъ бетховенскія симфоніи: ни одного слова нельзя ни прибавить, ни убавить“. Когда въ „Нови“ появились „Слуги“ Гончарова, Салтыковъ нашелъ ихъ неудачными: „Вотъ я ему покажу настоящихъ слугъ прошлаго времени“. Тогда онъ писалъ „Пошехонскую Старину“, и его мучили мрачные образы мрачной среды и эпохи: „Ахъ, поскорѣе бы кончить, не даютъ мнѣ покоя, все стоятъ передо мной, двигаются; только тогда и отстаютъ, когда кто-нибудь совсѣмъ сходитъ со сцены“. Частая писательская жалоба на мученія творчества; такъ Лермонтовъ отъ своего Демона „отдѣлался стихами“... Чернышевскаго г. Пантелѣевъ зналъ еще до его ареста и ссылки и встрѣчался съ нимъ по возвращеніи писателя изъ Сибири. Всѣ многочисленныя воспоминанія о Чернышевскомъ отмѣчаютъ прежде всего остроту и силу его замѣчательнаго ума. Въ Сибири онъ изумлялъ знакомыхъ тонкостью, съ какой предсказывалъ ходъ разыгрывавшейся тогда франко-прусской войны, словно спокойный, искусный игрокъ, сидящій за шахматной доской. Умное, прекрасное онъ схватывалъ и угадывалъ сразу, особымъ чутьемъ. Однажды былъ онъ въ концертѣ; отъ природы немузыкальный, онъ слушалъ невнимательно и разсѣянно. „Вдругъ заиграли что-то совсѣмъ особенное. Да это, должно быть, Бетховенъ, подумалъ я; справился съ афишей и въ самомъ дѣлѣ не ошибся. Что же вы думаете, вѣдь весь номеръ прослушалъ. Тоже разъ такой случай былъ со мной... Какъ-то мнѣ показываютъ рисунки съ нѣсколькихъ Венеръ; спрашиваютъ, которая мнѣ больше нравится. А вотъ эта... оказалось, что я указалъ на Венеру Милосскую“. Забавенъ разсказъ о тобольскомъ архіереѣ, который хотѣлъ заняться очищеніемъ души Чернышевскаго. „Я много слыхалъ“, говорилъ владыка, „что Чернышевскій ужасный безбожникъ, и хочу попытаться обратить его на путь вѣры“. Насилу отговорили преосвященнаго отъ задуманной проповѣди о вѣрѣ. Въ воспоминаніяхъ г. Пантелѣева о самомъ себѣ разсказывается исторія сидѣнья въ виленской тюрьмѣ и ссылки въ Сибирь автора, замѣшаннаго въ дѣлѣ „Земли и Воли“. Они пестрѣютъ памятными съ разныхъ сторонъ именами Гогеля, Потапова, Панютина, Огрызки, кн. А. А. Суворова, В. О. Ковалевскаго, В. Д. Спасовича, принца Сльденбургскаго и друг.

Н. Л.

Матеріалы Военно-Ученаго Архива Генеральнаго Штаба. Отечественная война 1812 года. Томы VII, VIII и IX. Спб. 1907—1908 гг.

Съ легкой руки одного изъ бывшихъ предсѣдателей военно-исторической комиссіи Главнаго Штаба, стали издаваться матеріалы Военно-Ученаго Архива по исторіи войны 1877—1878 гг. Изданія эти дали возможность желающимъ пользоваться массой драгоцѣнныхъ матеріаловъ, собранныхъ по этой войнѣ военно-ученомъ архивомъ въ такомъ количествѣ, какъ никогда до этого времени. Нынѣ, передъ наступающимъ юбилеемъ отечественной войны, начинаютъ выходить въ свѣтъ матеріалы по войнѣ 1812 года, при чёмъ всѣ три тома обнимаютъ переписку русскихъ правительственныхъ лицъ и учрежденій. Томъ VII обнимаетъ подготовку къ войнѣ 1811 года за декабрь мѣсяцъ и документы безъ датъ; томъ VIII помѣщаетъ подготовку къ войнѣ въ 1812 г. за январь мѣсяцъ, а IX томъ печатаетъ тѣ же свѣдѣнія за февраль 1812 года. Въ этихъ сборникахъ помѣщены свѣдѣнія, касающіяся организаціи, расположенія и обученія русскихъ и французскихъ войскъ передъ войной, о рекогносцировкахъ и оборонѣ западныхъ границъ, о планахъ войны, о донесеніяхъ изъ-за границы, Бѣлостокской области и Польши и др. Особымъ интересомъ отличается переписка князя Багратіона съ Барклаемъ де-Толли, донесенія ген. Багговута, Чернышева, графа Ливена и Пренделя, а также письма гр. Огинскаго о польскомъ вопросѣ. Желаемъ полнаго успѣха этому прекрасному, изящно изданному труду, которому можемъ сдѣлать одинъ упрекъ за неправильный текстъ перевода въ двухъ, трехъ мѣстахъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1909 г.

СОРОКОВОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. ***По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ***, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1907 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.** Тип. «Надежда». Почтамтская, 13.